

МЯСОИСТВО

МАСОНСТВО

МОСКВА, СП «ИКПА» 1991 г.

МАСОНСТВО

ВЪ

ЕГО ПРОШЛОМЪ

И

НАСТОЯЩЕМЪ.

МАСОНСТВО

ВЪ ЕГО

ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

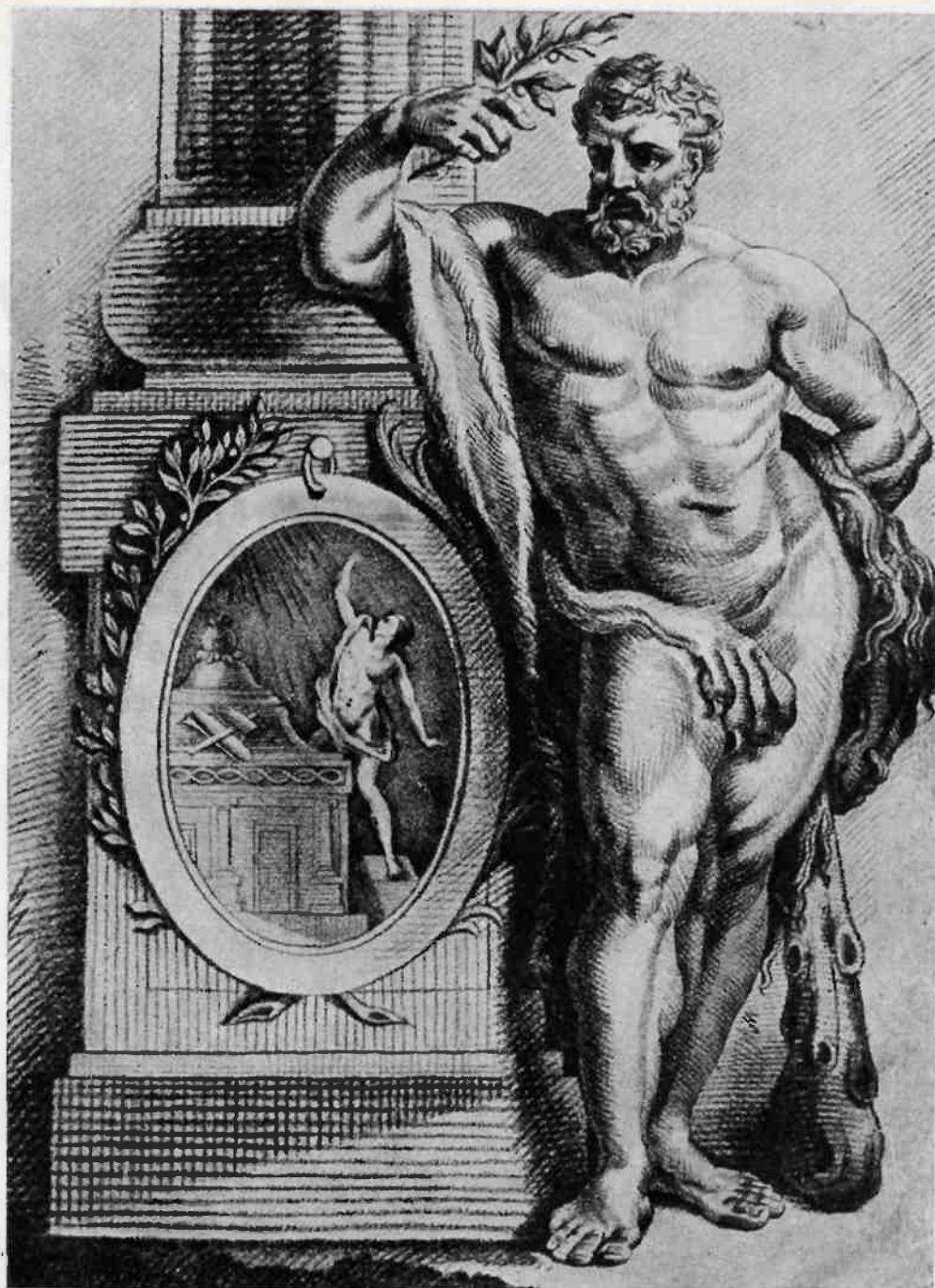
С. П. МЕЛЬГУНОВА и Н. П. СИДОРОВА.

Издание „ЗАДРУГИ“ и К. Ф. НЕКРАСОВА.

ВЪ ИЗДАНИИ УЧАСТВУЮТЪ:

Я. Л. Барсковъ, А. А. Боровой, А. М. Васютинскій, М. О. Гершензонъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, Н. К. Кульманъ, С. П. Мелъгуновъ, В. П. Обнинскій, В. Н. Перцевъ, Н. К. Пиксановъ, И. Н. Розановъ, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, А. В. Семека, Н. П. Сидоровъ, Т. О. Соколовская, Е. И. Тарасовъ, Е. В. Тарле, В. Н. Тукалевскій, Е. С. Шумигорскій, И. М. Херасковъ.

«Мощь Ордена Вольныхъ Каменьщиковъ».

Симв. изобр. XVIII в. изъ собранія И. П. Елагина въ Гос. Арх. М. И. Д.
(Получено отъ Т. О. Соколовской).

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА.

	<i>Стр.</i>
<i>И. М. Херасковъ.</i> Происхождение масонства и его развитие въ Англіи XVIII и XIX в.	1
<i>А. М. Васютинскій.</i> Французское масонство въ XVIII в.	35
<i>В. Н. Перцевъ.</i> Нѣмецкое масонство въ XVIII в.	61
<i>А. М. Васютинскій.</i> Орденъ иллюминатовъ.	112
<i>А. В. Семека.</i> Русское масонство въ XVIII в.	124
<i>В. Н. Тукалевскій.</i> Н. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ.	175
<i>Н. К. Пиксановъ.</i> И. В. Лопухинъ.	227

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Предпринимая изданіе, посвященное преимущественно исторіи русскаго масонства, мы думаемъ, что это изданіе должно удовлетворить давно назрѣвшему интересу къ одному изъ своеобразныхъ и характерныхъ явленій нашего прошлаго, находящаго отклики и въ современной жизни. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ имѣется весьма неопредѣленное представленіе о той группѣ общественныхъ и религіозныхъ явленій, которыя включаетъ въ себѣ прошлое масонства. Что скрывалось въ дѣйствительности за этой таинственной полумистической пеленой? Что представляетъ изъ себя, наконецъ, современное масонство?

Русскому читателю негдѣ найти отвѣта на поставленный вопросъ, несмотря на весь интересъ, который способно возбудить явленіе, подобное масонству. Въ русской литературѣ нельзя указать ни одного сочиненія, которое могло бы служить пособіемъ для всесторонняго болѣе или менѣе ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ масонства. Конечно, чтобы отдать себѣ отчетливое представленіе о современномъ масонствѣ, приходится, прежде всего, обратиться къ исторіи и попытаться тамъ найти объясненіе этому нѣсколько загадочному на первый взглядъ явленію.

Старое масонство дѣйствительно полно таинственной внѣшностью, за которой иногда трудно проникнуть въ самую сущность многограннаго масонскаго ученія съ его далеко неоднородными развѣтвленіями. Задача сборника и будетъ показать, насколько возможно, сущность стараго масонства, переживавшаго въ своемъ историческомъ развитіи и революціонныя эпохи и періоды мистическаго самоуглубленія въ годы наступавшей затѣмъ реакціи.

Въ связи съ указанной задачей и выработана была программа всего изданія.

Въ Россіи масонство было пришлымъ явленіемъ. Мы начнемъ поэтому съ характеристики западно-европейскаго масонства, расцвѣтъ котораго надо отнести на XVIII вѣкъ—вѣкъ просвѣщенія, вольнодумія и вообще новыхъ исканій. Происхожденіе масонства тонетъ въ легендахъ, которыя создавались въ послѣдствіи и тѣмъ самымъ затемняютъ первоначальныя основы. Врядъ ли надо разбираться въ этой фантастикѣ, и мы поэтому начнемъ исторію масонства съ того времени, когда выявляется его сущность и оно становится доступнымъ изслѣдовательскому перу. Такой гранью слѣдуетъ считать XVII столѣтіе.

Охарактеризовавъ возникновеніе и основныя теченія масонства на западѣ, редакція удѣлитъ большее вниманіе русскому масонству XVIII в. и его отдѣльнымъ представителямъ. Редакціи казалось, что представить интересъ, помимо общей характеристики, дать литературные портреты наиболѣе выдающихся вождей русскаго масонства XVIII столѣтія, нарисовать облики такихъ яркихъ представителей эпохи, какъ Елагинъ, Шварцъ, Новиковъ, Гамалѣя, Лопухинъ и другіе ихъ соратники на поприщѣ исканія «масонскаго свѣта». Въ концѣ царствованія Екатерины II гонимое масонство какъ бы сходило со сцены и сохраняется лишь въ отдѣльныхъ интимныхъ кружкахъ немногихъ лицъ. Легально масонство возрождается при Александрѣ I. Оно пышно распускается въ эпоху мистическихъ исканій, послѣдовавшихъ послѣ отечественной войны, получаетъ какъ бы правительственное одобреніе, становится достояніемъ широкихъ болѣе или менѣе массъ, дѣлается моднымъ увлеченіемъ людей александровскаго времени.

Исторія александровскаго масонства тѣсно связана со старыми традиціями XVIII вѣка и современными ей явленіями западно-европейской жизни. Но кончился золотой вѣкъ масонства накануне того водораздѣла русской исторіи, который связанъ съ событіями 14 декабря 1825 года, масонство исчезло въ Россіи, возрождаясь только въ литературныхъ воспоминаніяхъ.

Въ наше уже время западно-европейское масонство продолжаетъ играть значительную роль, эта роль находитъ себѣ отклики и въ Россіи. Очеркомъ этого уже современнаго масонства и закончится изданіе. Мы воздерживаемся пока отъ общей оцѣнки явленій, связанныхъ съ ученіемъ вольныхъ каменщиковъ. Явленія эти слишкомъ разнородны, чтобы взять ихъ въ однѣ общія скобки,—пусть передъ читателемъ пройдетъ прежде фактическая сторона дѣла.

И масонство въ прошломъ, и масонство въ настоящемъ, несмотря на кажущуюся космополитичность, имѣетъ опредѣленные специфическія черты національности. Современное масонство во Франціи, Швеціи, Англіи, Германіи, Италіи, Америкѣ базируется на совершенно различныхъ основахъ и преслѣдуетъ въ сущности различныя задачи. Мы постараемся нѣкоторыя необходимыя общенія сдѣлать въ заключеніе изданія. Въ коллективномъ трудѣ неизбѣжны расхожденія въ точкахъ зрѣнія отдѣльныхъ авторовъ. Они будутъ и въ настоящемъ изданіи, тѣмъ болѣе, что оцѣнка такого явленія, какъ масонство, по преимуществу субъективна. Подведеніе заключительныхъ итоговъ и можетъ содѣйствовать установленію болѣе или менѣе правильнаго взгляда на масонство, какъ на явленіе общественнаго порядка.

Цѣлый рядъ вопросовъ въ исторіи масонства (особенно русскаго) еще недостаточно разработанъ въ наукѣ—изданіе, преслѣдующее популяризаторскія цѣли, можетъ только подвести итоги того, что въ настоящее время сдѣлано по исторіи западно-европейскаго и русскаго масонства.

Въ исторіи масонства есть еще одна сторона, представляющая для бытоописателя большой интересъ. Языкъ вольныхъ каменщиковъ полонъ аллегоріями и символами. Эта символика и таинственность окружала ихъ и въ жизни. Каждое ихъ дѣйствіе сопровождалось сложнымъ обрядомъ. Для приѣма въ различныя масонскія степени существовали свои обычаи, свои ритуалы. Каждая масонская ложа имѣла свое наименованіе, свои отличительные признаки, свои таинственные вещественные знаки. При изученіи масонства приходится удѣлять много вниманія и этому своеобразному явленію, чрезвычайно сложному по своей запутанности. Франкъ-масонская обрядность это цѣлая отдѣльная отрасль, требующая внимательнаго и систематическаго изученія. Въ изданіи будетъ удѣлено значительное вниманіе и этой сторонѣ масонскаго прошлаго. Значеніе масонской обрядности, въ жизни нерѣдко являвшейся для самихъ масоновъ лишь пережиткомъ традицій, утерявшихъ свой смыслъ, будетъ выяснено въ особыхъ статьяхъ Т. О. Соколовской. Но передъ читателями эти своеобразные, полные таинственной занимательности памятники пройдутъ въ многочисленныхъ иллюстраціяхъ, которыми будетъ снабжено изданіе. Вольшинство этихъ вещественныхъ знаковъ масонскаго ритуала, символическихъ картинъ и пр. будутъ воспроизведены съ подлинниковъ, хранящихся въ нашихъ и западно-евро-

пейскихъ общественныхъ хранилищахъ и частныхъ коллекціяхъ. Многіе изъ нихъ будутъ воспроизведены въ краскахъ и дадутъ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о подлинникѣ. Эта иллюстраціонная часть является необходимѣйшимъ элементомъ для пониманія сущности масонства, по крайней мѣрѣ въ его прошломъ. На ряду съ масонскими атрибутами въ изданіи будутъ воспроизведены портреты наиболѣе значительныхъ дѣятелей въ исторіи русскаго и отчасти западно-европейскаго масонства. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ портреты редакціи удалось достать; многихъ же, вѣроятно, и не существуетъ въ дѣйствительности.

Относительно иллюстраціонной части мы должны однако сдѣлать одну оговорку. Она не можетъ претендовать на какую-либо научность. Слишкомъ большія трудности представляло бы точное опредѣленіе и объясненіе значительной части помѣщаемыхъ рисунковъ. Вопросы, связанные съ масонскимъ ритуаломъ и масонской символистикой, совершенно еще не разработаны, да и для самихъ масоновъ, въ огромномъ большинствѣ, всегда представляли въ значительной степени загадку. Мы хотѣли дать лишь образцы различныхъ масонскихъ предметовъ, символовъ и т. п. При помѣщеніи нѣкоторыхъ рисунковъ мы имѣли въ виду исключительно только цѣль иллюстраціи изданія, для чего было использовано довольно большое количество малодоступнаго рукописнаго матеріала. При посредствѣ И. М. Хераскова редакціи удалось получить въ національной бібліотекѣ въ Парижѣ малоизвѣстныя гравюры, представляющія цѣнное дополненіе къ основному тексту изданія. Принося ему благодарность, редакція должна выразить глубочайшую признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, давшимъ возможность помѣстить въ изданіи рядъ интересныхъ иллюстрацій, и въ частности А. В. Орѣшникову (Историческій Музей). Г. П. Георгіевскому (Румянцовскій Музей), В. И. Срезневскому (Академія Наукъ), частнымъ коллекціонерамъ гг. Врублевскому, Патеку, Бурылину, В. С. Дзвонковскому и г-жамъ Петерсенъ и Эрисманъ, при посредствѣ которыхъ удалось сдѣлать важныя пріобрѣтенія у нѣмецкихъ антикваріевъ. Рядъ рисунковъ пріобрѣтенъ у г-жи Соколовской для иллюстраціи ея статьи, специально посвященной масонской обрядности.

Масонскій кодексъ. Code maçonnique.

Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи XVIII и XIX вѣка.

I. Предварительныя свѣдѣнія.

Орденъ франкъ-масоновъ, въ наши дни извѣстный во всѣхъ странахъ европейской культуры, ведетъ родословную отъ очень скромнаго по происхожденію Лондонскаго клуба начала XVIII вѣка. Исторія Ордена съ самаго момента возникновенія его была покрыта однако такимъ густымъ слоемъ легенды и документальныя свѣдѣнія о немъ были такъ скудны, что даже этотъ первоначальный фактъ его исторіи былъ установленъ научной критикой не безъ труда: лабиринтъ фантастическихъ гипотезъ, въ которомъ долго терялись историки масонства, не вполне разрушенъ ими въ сущности и до сихъ поръ. Правда, въ наше время никому не придетъ въ голову рассказывать о масонскихъ ложахъ эпохи Ноева ковчега или искать зародышей масонства въ мистеріяхъ древнихъ грековъ, но не менѣ произвольныя въ сущности, хотя и менѣ фантастическія съ виду до-

гадки вродѣ гипотезы о тождествѣ франкъ-масоновъ съ «братьями Розоваго креста» (о нихъ см. ниже) или о связи первыхъ масонскихъ организацій съ политическими и династическими интригами Стюартовъ находятъ мѣсто въ посвященныхъ исторіи масонства сочиненіяхъ и посейчасъ ¹⁾).

Начало полному и систематическому изученію всѣхъ, относящихся къ прошлому масонства документовъ и къ окончательному освобожденію масонской исторіи отъ неограниченныхъ полетовъ фантазіи было положено нѣмецкимъ историкомъ *Бегеманомъ* и англичаниномъ *Гудомъ*, послѣдніе труды которыхъ— «*Краткая исторія фр.-масонства*» (Gould. A Concise History of Freemasonry, 1903) и «*Доисторическій періодъ и начало франкъ-масонства въ Англіи*» (Bege-mann. Vorgeschichte und Anfänge der Frei-Maurerei in England, 1909)—вышли всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Слово free-mason—*франкъ-масонъ* (свободный каменщикъ) перешло изъ англійскаго въ другіе европейскіе языки уже послѣ того, какъ оно потеряло и въ Англіи свой первоначальный смыслъ, и вопросъ о происхожденіи его сдѣлался темнымъ.

До послѣдней четверти прошлаго вѣка терминъ «франкъ-масонъ» противоплакали обыкновенно краткому термину «масонъ», какъ обозначающій не каменщиковъ-рабочихъ (или *оперативныхъ* масоновъ, какъ говорили въ Англіи), а каменщиковъ-мыслителей (*спекулятивныхъ* масоновъ), по имени только связавшихъ себя съ соотвѣтствующимъ ремесленнымъ цехомъ. Въ частности въ нихъ видѣли то «рыцарей Храма», скрывшихся подъ маскою франкъ-масоновъ послѣ разгрома ихъ ордена Филиппомъ Красивымъ, то группу ученыхъ и философовъ, вступившихъ въ масонскій цехъ, чтобы скрыть отъ враждебно настроеннаго къ нимъ правительства свои гуманитарно-филантропическія цѣли. Знакомство съ документами показало однако всю ошибочность этихъ предположеній. Предками современныхъ франкъ-масоновъ, носившими это же имя, были несомнѣнно настоящіе каменщики, и добавленіе къ названію ихъ ремесла слова *свободный* (free, frank) имѣло первоначально профессионально-ремесленное, а не соціальное значеніе. Слово free-mason встрѣчается въ англійскихъ документахъ начиная съ послѣдней четверти XIV вѣка; по наиболѣе вѣроятной гипотезѣ, выдвинутой въ 1887 году однимъ англійскимъ архитекторомъ и раздѣляемой Бегеманомъ, это были извѣстные въ Англіи въ эпоху готическаго стиля sculptores lapidum liberorum (первое упоминаніе—въ документѣ начала XIII вѣка)—«каменотесы *свободныхъ* камней». «Свободными» камнями (Free-stones) въ отличіе отъ обыкновенныхъ (rough-stones) назывались въ Англіи болѣе мягкія каменные

¹⁾ Ср., нап., Hiram. Précis d'histoire de la Franc-Maçonnerie («Acacia», 1908 г.).

Dr. Hugo Walther. Die Frei-maurerei. Ein Beitrag zur Geschichte der politischen Geheimbunde. 1910.

Gustave Bord. La Franc-Maçonnerie en France des l'origines jusqu'à 1815. Paris. 1908.

породы, вродѣ мрамора и известняка, употреблявшіяся для болѣе тонкой, барельефной работы. Путемъ сокращенія длиннаго термина *freestone's mason* и произошло, по этой гипотезѣ, англійское слово *free-mason*. Въ эпоху готическаго стиля франкъ-масонами называлась, во всякомъ случаѣ, болѣе искусная категорія, квалифицированныхъ какъ сказали бы теперь, строительныхъ рабочихъ. Позднѣе, съ упадкомъ готическаго стиля, различіе двухъ категорій каменщиковъ утратило практическое значеніе, вслѣдствіе чего исчезло представленіе и о точномъ смыслѣ обоихъ терминовъ: уже въ XIV вѣкѣ цехи каменщиковъ называются безразлично то просто масонскими, то франкъ-масонскими. Но воспоминаніе о болѣе почетности длиннаго термина все же сохранилось: когда старинныя братства каменщиковъ выдѣлились въ особую отъ цеха организацію, получившую извѣстную популярность среди высшихъ классовъ общества (XVII в.), она удержала за собой названіе франкъ-масоновъ, предоставивъ цеховой организаціи называться просто масонами (*companies of masons*); длинное названіе принялъ и современный масонскій орденъ, организовавшійся въ началѣ XVIII вѣка по типу старинныхъ ремесленныхъ братствъ.

Масонскій гербъ 1680 г.
Les armes maçonniques.

Гербъ Йоркской ложи 1776 г.
Les armes de la loge de York.

Связь, соединяющая современный масонскій орденъ со старыми братствами носить, въ сущности, внѣшній характеръ, сводясь лишь къ извѣстной преемственности ритуала и терминологіи. Исторія стараго масонства является не столько главой изъ исторіи Ордена, сколько введеніемъ къ ней: по терминологіи Бегемана старое масонство составляетъ его *Vorgeschichte*, т.-е. періодъ «доисторическій».

Къ этому же «доисторическому періоду» можно отнести и идейныхъ предшественниковъ позднѣйшихъ масоновъ—алхимиковъ и утопистовъ XVII вѣка съ ихъ проектами всемірныхъ союзовъ и планами преобразованія человѣчества: если старыя организаціи каменщиковъ были номинальными предками масонства, то истинными, духовными, предками его были именно эти представители дореволюціонной европейской интеллигенціи.

Началомъ историческаго періода масонства слѣдуетъ считать 20-е годы XVIII столѣтія—эпоху возникновенія такъ называемыхъ «великихъ ложъ».

II. Доисторическій періодъ масонства.

А. Организациі каменно-строительныхъ рабочихъ XIV—XVII вв.

Исторія старыхъ организацій каменщиковъ тѣсно связана съ общей исторіей ремесленныхъ гильдій и братствъ.

Долгое время въ ней искали однако какихъ-то особенныхъ этаповъ: въ каменщикахъ видѣли единственную въ своемъ родѣ категорію рабочихъ, выдѣлявшуюся въ средніе вѣка своей культурностью и связью съ цивилизованными странами Востока и античнаго міра.

Поводомъ къ предразсудку послужили старые легенды ремесла и бѣглыя указанія позднѣйшихъ (XVII вѣка) авторовъ, причина же заключалась въ слишкомъ одностороннемъ представленіи о средневѣковомъ «варварствѣ», заставлявшемъ историковъ видѣть въ появленіи готическаго стиля какое-то чудо, и прибѣгать для объясненія его къ различнымъ фантастическимъ гипотезамъ. Одной изъ нихъ явилась гипотеза могущественнаго союза строителей, разъѣзжавшихъ по Европѣ со спеціальными полномочіями отъ папы и воздвигавшихъ дворцы и соборы по принципамъ тайной архитектурной науки, привезенной основателями братства съ Востока. На этой легендѣ основана и одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Германіи чуть не до нашихъ дней ¹⁾ гипотезъ происхожденія франкъ-масонства. Предками современныхъ масоновъ объявляются, по этой гипотезѣ, нѣмецкіе средневѣковые каменотесы (Steinmetzen), съ автономнымъ братствомъ которыхъ, централизованнымъ вокругъ города Страсбурга, было связано будто бы возникновеніе готики: въ XIV вѣкѣ оно распространилось на Шотландію и Англію и здѣсь, усиліями жившихъ въ Англіи нѣмецкихъ философовъ, преобразовалось въ XVII вѣкѣ во всемірный, соціально-филантропическій союзъ.

Бегеманъ съ документами въ рукахъ доказалъ произвольность этой теоріи. Документы не только не подтверждаютъ догадки о тождествѣ англійскихъ франкъ-масоновъ съ нѣмецкими штейнметцами, но до середины XV столѣтія не знаютъ ничего и о самомъ союзѣ этихъ послѣднихъ. Въ 1464 году южно-нѣмецкіе мастера строительнаго цеха дѣйствительно съѣзжались въ городъ Регенсбургъ для выбора изъ своей среды «верховнаго судьи» (имъ выбранъ былъ Страсбургскій мастеръ Дотцигеръ), но по всѣмъ признакамъ это была попытка совершенно новой организаціи, а не возстановленіе старой,—попытка, вызванная необходимостью обороны цехового ремесла отъ конкуренціи новаго искусства и новыхъ пріемовъ строительства. Все, что мы знаемъ о соціальномъ положеніи

¹⁾ Ср. Findel. Schriften über Freimaurerei. (B. III—Geschichte der Freimaurerei). Последнее изданіе—въ 1900 году.

средневекового ремесленника и уровень его образования, противоречит представлению о могучем, культурно-обособленном, союзе каменотесов. Что касается готического стиля, развившагося во 2-й половине средних веков в связи с ростом городов и торгового класса, то его единство вполне удовлетворительно объясняется единством культурных влияний—римской церкви и византийско-арабского востока,—и не нуждается в искусственных гипотезах.

Появление первых ремесленных гильдий (crafts, mysteries, compagnies, guilds) относится в Англии к началу XII века, но документальные указания на гильдии каменщиков встречаются не ранее конца XIV века. Лондонские гильдии делились в это время по своей значительности на три разряда: первый посылал в городской совет по 6 представителей каждой гильдии, второй и третий—по четыре и по два; каменщики (free-masons) принадлежали ко второму разряду. В 1411 году произошла «инкорпорация» (включение в число официальных учреждений) их Лондонского цеха, а в 1472 году он получил свой герб.

В XV веке цехи уже господствовали в английских городах: старые торговые гильдии отодвинулись на задний план. Цехи владели собственными домами и богадельнями; из их среды выдвигались уже будущие фабриканты-капиталисты, богатые предприниматели-мастера. Члены более почетных цехов носили мундиры (ливреи), присвоенные когда-то лишь свитам знатных сеньоров, и составляли городскую аристократию «ливрейников» (liverymen), которые одни участвовали в выборах членов парламента и муниципалитета. Гильдии XV века добивались иногда таких привилегий, что вызывали против себя жалобы городских властей; так случилось, напр., в 1466 году с Экзетерскими портными, об отмене привилегий которых ходатайствовал перед королем сам город; в жалобе указывалось между прочим, что портные *привлекают в свою среду посторонних и даже не живущих в городе лиц*, заставляя их делать взносы в свою кассу. С 1481 года к категории «ливрейников» были причислены в силу королевского указа и Лондонские масоны.

Древнейшие из дошедших до нас документов, рисующих положение английских строительных рабочих, относятся к середине XIV и началу XV столетия. Это уставы артели, работавшей при церкви св. Петра в Йорке, составленные для нея в 1352, 1370 и 1409 году руководившим ее работами церковным капитулом. Из уставов видно, что работы артели производились в крытом помещении, так называемой *ложь* (lodge), служившей для холостых рабочих и спальни; за порядком работы и за поведением каменщиков следили *старший мастер* (magister cementarius, или Maistyr masonn) и *надзиратели* (gardiani, или wardens), высший же надзор оставался в руках

представителя капитула—*супервизора*; вступая въ артель, рабочіе приносили присягу «надъ книгой» (очевидно уставомъ), обязуясь подчиняться во всемъ капитулу и соблюдать изданный имъ уставъ. Въ XV вѣкѣ ложей называли уже не только мастерскую артели, но и саму артель.

Изъ круговъ духовенства, руководившаго церковными стройками, вышла, повидимому, и стихотворная исторія масоновъ (*masonic poem*), два древнѣйшіе списка которой, входящіе въ составъ такъ называемыхъ «*конституцій масоновъ*», относятся, по мнѣнію специалистовъ, къ концу XIV и началу XV вѣка. Поэма рассказываетъ о строителѣ вавилонской башни Немродѣ, объ Авраамѣ, «познавшемъ семь искусствъ» и обучившемъ строительству Эвклида, о переходѣ этихъ познаній отъ Эвклида къ египтянамъ и евреямъ, о двухъ колоннахъ Соломонова храма, запечатлѣвшихъ на себѣ эту древнюю мудрость и о великихъ ученыхъ Пифагорѣ и Гермесѣ, открывшихъ ее для потомства: св. Албанъ, первый христіанскій мученикъ Англіи, былъ въ числѣ немногихъ воспріявшихъ ее; онъ-то и принесть въ Англію искусство строительства и написалъ для каменщиковъ первый уставъ, а первыми могучими покровителями ихъ были король Ательстанъ и сынъ его Эдвинъ: въ цѣляхъ улучшенія ремесла они созывали въ Йоркѣ общія собранія каменщиковъ со всѣми шерифами, сеньорами и лордами королевства... Содержание и форма этой «масонской поэмы» не оставляютъ сомнѣнія, что авторомъ ея былъ человекъ литературно-образованный, быть можетъ представитель того самага духовенства, которое завѣдывало церковными стройками. При помощи нея хотѣли, очевидно, внушить рабочимъ большее уваженіе къ ихъ ремеслу и тѣмъ содѣйствовать духу дисциплины. Въ видѣ устной традиціи такія исторіи ремесла существовали, вѣроятно, и у другихъ цеховъ.

Кромѣ чисто цеховыхъ организацій, ремесленники соединялись въ средніе вѣка и въ болѣе тѣсные союзы, или братства взаимопомощи, носившіе церковно-религіозный характеръ. Культъ Святого, патрона цеха, и заботы о загробной судьбѣ умершихъ братьевъ играли въ ихъ дѣятельности главную роль, но наряду съ этимъ преслѣдовалась и другая цѣль—взаимная помощь при путешествіяхъ: при помощи условныхъ паролей и знаковъ братья всюду узнавали другъ друга и получали другъ отъ друга поддержку. Сообщеніе паролей и присяга вѣрности составляли самую существенную часть церемоніи вступленія въ братство. Въ годовичные цеховые праздники братства устраивали шумныя пирюшки, при чемъ ритуаль ихъ соблюдался не менѣе строго, чѣмъ предписанія общегражданской и профессиональной морали.

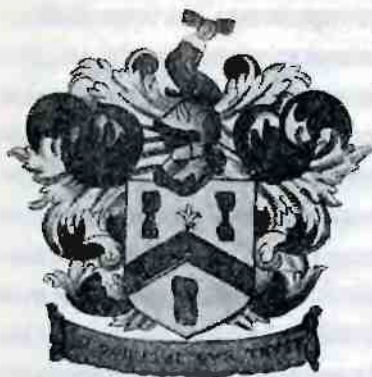
Съ началомъ борьбы ремесленныхъ подмастерій съ мастерами братства становились въ рукахъ рабочихъ орудіемъ самозащиты: эпоха расцвѣта ихъ какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ (2-я половина XIV вѣка) совпадаетъ какъ разъ съ эпохой начала этой борьбы.

О братствахъ англійскихъ каменщиковъ, съ XV вѣка называющихся также ложами, мы принуждены судить по документамъ позднѣйшей эпохи, когда ремесленные организаціи вообще успѣли измѣнить уже первоначальный характеръ, да и изъ этихъ данныхъ древнѣйшія (кон. XVI и нач. XVII вѣка) относятся къ Шотландскимъ ложамъ, жизнь которыхъ протекала въ совершенно своеобразныхъ условіяхъ. Косвенныя данныя масонскихъ конституцій и другихъ старинныхъ источниковъ позволяютъ однако съ большою вѣроятностью судить и о болѣе раннихъ эпохахъ: обязанности гостепріимства и братской помощи при путешествіяхъ, условныя масонскіе пароли и знаки—все это съ полной очевидностью говорить, напр., за то, что между ложами различныхъ городовъ всегда существовала организаціонная связь, и что англійскіе масоны, подобно континентальнымъ, совершали свои рабочія путешествія и, несмотря на свою, сравнительно мѣньшую подвижность, все же не были прикованы къ одному мѣсту. Бѣлая осядлость англійскихъ каменщиковъ, сравнительно съ континентальными и въ связи съ этимъ большая прочность мѣстнаго состава ихъ ложъ составляла, тѣмъ не менѣе, одну изъ существенныхъ ихъ особенностей. Другая состояла въ болѣе сильной зависимости отъ государственной власти, которая въ Англіи всегда была достаточно сильна, чтобы помѣшать мѣстнымъ корпораціямъ развиваться въ совершенно автономныя организмы, какъ это было, напр., въ Германіи.

Со 2-й половины XVI вѣка старыя братства каменщиковъ и самый цехъ ихъ находились уже въ Англіи въ состояніи упадка: новый архитектурный стиль (Ренессансъ), приходившій на смѣну готическаго, мѣнялъ условія труда и требовалъ знанія новыхъ пріемовъ; въ Англію выписывались теперь много иностранныхъ рабочихъ—французовъ, нѣмцевъ, голландцевъ—оттравившихъ мѣстныхъ каменщиковъ на задній планъ. Но въ началѣ столѣтія масонскія братства, повидимому, полны еще жизни: въ 1527 году масоны города Норвича вмѣстѣ съ другими братствами принимали участіе въ церковныхъ мистеріяхъ и разыгрывали библейскую исторію о Каинѣ и Авелѣ.

Тяжелый ударъ нанесла ремесленнымъ братствамъ Реформація, открывшая походъ противъ всѣхъ организацій, носившихъ церковный характеръ. Въ 1547 г. они были форменнымъ образомъ запрещены парламентскимъ актомъ. Многія братства съ этого времени, несомнѣнно, прекратили свое существованіе или растворились въ цеховой организаціи, но масонскія ложи оказались въ числѣ организацій, выдержавшихъ этотъ ударъ: онѣ перестали, правда, быть католическими братствами, церковныя процессіи и мистеріи исчезли изъ ихъ обихода, но церемоніи пріема, годичныя банкеты, и другіе старыя обычаи продолжали храниться въ ихъ средѣ, превратившись въ прочную, не умирающую традицію.

Въ Шотландіи всѣ масонскія ложи были подчинены въ концѣ XVI вѣка завѣдовавшему казенными стройками чиновнику, получившему титулъ «Верховнаго Надзирателя» или «Главнаго мастера масоновъ» (Principal Warden, or

Кирпичники и кровельщики
1671 г.
Les briquetiers et les couvreurs.

Chief Master of masons). Въ 1583 году эту должность занялъ королевскій придворный Уильямъ Шоу (Schaw), а въ началѣ XVII вѣка она перешла къ сэру Уильяму Сэнь-Клэру, лэрду Рослингскому. Кромѣ общаго «надзирателя» въ нѣкоторыхъ округахъ назначались еще мѣстные «надзиратели и судьи масоновъ», обыкновенно изъ представителей мѣстной знати. Такъ, въ 1590 году сэръ Патрикъ Кэпландъ, лэрдъ Юдаутскій былъ назначенъ «надзирателемъ масоновъ» въ графствахъ Абердинъ, Бонфъ и Кинкординъ.

Упомянутый выше Шоу издалъ во время своего надзирательства два масонскихъ устава (1598 и 1599 года) — одинъ для всѣхъ

шотландскихъ ложъ вообще, другой специально для Кильвингской ложи. Изъ уставовъ этихъ видно между прочимъ, что шотландскія ложи располагались въ то время по степени своей значительности въ извѣстномъ порядкѣ: первой ложей считалась Эдинбургская, второй Кильвингская, третьей Стэрлингская и т. д. Годичнымъ праздникомъ шотландскихъ ложъ считали день Іоанна Богослова 27 декабря. Въ этотъ день происходили общія собранія ложъ въ присутствіи всѣхъ братьевъ, одѣтыхъ въ бѣлые фартуки и перчатки. На этихъ же собраніяхъ производились выборы *надзирателей* (wardens), а иногда и приемы новыхъ «*учениковъ*» (apprenties) и «*рабочихъ*» (fellows of craft). Церемонія приема состояла въ чтеніи устава, присягѣ и сообщеніи пароля (mason word). Новые члены ложи оплачивали всѣ расходы по банкету и дѣлали «братьямъ» подарки въ видѣ фартука или перча токъ.

Масонскія ложи — братства лишь постепенно выдѣлились изъ цеховъ (crafts, compans) въ качествѣ особаго организма. Еще въ 2-й половинѣ XV вѣка оба типа организаціи, повидимому, совпадали, и Лондонскій цехъ масоновъ такъ, напр., и назывался въ современныхъ документахъ «*Святой Цехъ и Братство масоновъ*» (Hole Craft and fellowship of masons). Позднѣе между ними проходитъ уже замѣтная грань: цехи вѣдаютъ чисто ремесленная дѣла, братство, болѣе сплоченная и дружная часть цеха, хранить традиціи моральнаго общенія и взаимопомощи; члены цеха могутъ уже и не быть членами братства, а съ другой стороны для поступленія въ братство не требуется быть непременно цеховымъ рабочимъ: принеся въ ложѣ присягу и сдѣлавши

вступительный взносъ, можно получить званіе «каменщика» (франкъ-масона), никогда не бравши въ руки рабочей кирки ¹⁾).

Древнѣйшій документальный случай принятія въ масонскую ложу посторонняго цеху лица относится къ Единбургской ложѣ: 3 іюня 1600 года на собраніи ея присутствовалъ, какъ значится въ протоколѣ, Сэръ Джонъ Бозуэль, лэрдь Очинлекскій (Auchinleck). Присутствіе знати въ шотландскихъ ложахъ становится съ тѣхъ поръ зауряднымъ фактомъ: имена виконтовъ, графовъ и сэровъ, принятыхъ въ ту или иную ложу, обыкновенно прямо въ званіи *цехового мастера* (fellow and master of the craft), попадаютъ въ документахъ XVII вѣка на каждомъ шагу. Правда, еще въ концѣ столѣтія въ Шотландіи встрѣчались ложи, состоящія сплошь изъ ремесленниковъ (напр., ложа въ Глазго), но рядомъ съ ними были ложи вродѣ Абердинской, гдѣ въ 1670 году изъ 49 членовъ всего 12 были профессиональными каменщиками, а остальные были—дворяне, пасторы, коммерсанты и представители интеллигентныхъ профессій.

Ліонъ, историкъ Единбургской ложи (Lyop. History of the loge of Edinburg. 1873) ставилъ это проникновеніе посторонняго элемента въ шотландскія ложи въ связь съ церковной реформаціей XVI вѣка—гипотеза сама по себѣ очень правдоподобная: Реформація носила въ Шотландіи народный характеръ и не могла не отразиться на судьбѣ дожившихъ до этой эпохи ремесленныхъ братствъ, каковыми были прежде всего масонскія ложи. Въ XVI вѣкѣ онѣ находились уже въ состояніи упадка: реформація влила въ нихъ новую жизнь и привлекла къ нимъ вниманіе высшихъ классовъ, которые въ лицѣ шотландскаго дворянства и сами играли въ реформаціонномъ движеніи видную роль, а съ каменщиками соприкасались отчасти и по служебному положенію (ср. выше стр. 17). Есть указанія на широкое участіе въ масонствѣ шотландскаго пресвитеріанскаго духовенства, а въ 1641 году, когда возставшіе въ защиту протестантизма шотландцы занимаютъ сѣверную часть Англіи, въ ихъ арміи въ Ньюкэстлѣ было очевидно немало членовъ масонскихъ ложъ: по крайней мѣрѣ члены Единбургской ложи устроили здѣсь свое собраніе и приняли въ званіи «цехового мастера» главнаго квартирмейстера арміи Роберта Морэя.

О собственно англійскихъ ложахъ XVII вѣка дошедшія до насъ свѣдѣнія крайне скудны. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что въ это время онѣ не слива-

Серебряная печать
въ Іоркѣ 1761 г.
Sceau d'argent à York.

¹⁾ Ср. выше (стр. 11) указаніе на существованіе такого же обычая у ремесленниковъ портновскаго цеха.

лись уже съ цеховой организаціей, а образовали отдѣльное цѣлое, связанное съ ней лишь общностью ремесленныхъ традицій и тождественнымъ еще отчасти составомъ членовъ. По старымъ счетоводнымъ книгамъ лондонскихъ масоновъ видно, что такая отдѣльная отъ цеха организація существовала въ Лондонѣ уже около 1620 года, и въ одной рукописи 1686 года именно она названа, вѣроятно, «Почтеннымъ обществомъ франкъ-масоновъ города Лондона» (The worshipful society of the free-masons of London). Въ серединѣ XVII вѣка подобныя организаціи существовали несомнѣнно въ Уоррингтонѣ и Честерѣ, а по всей вѣроятности и въ другихъ городахъ. Въ «Описаніи Стаффордшайра», около 1680 года, составленномъ докторомъ Робертомъ Плотомъ (R. Plot. The Natural History of Staffordshire. 1686) рассказывается между прочимъ объ очень популярномъ «въ болотахъ этого графства» Обществѣ Франкъ-Масоновъ: въ него не отказывались вступать «самыя высокопоставленныя лица, которыя, въ силу ихъ собственной знатности, казалось, могли бы и не гоняться за той древностью и почетностью ремесла, о которыхъ рассказываетъ написанная на пергаментѣ книга масонскихъ уставовъ». Очевидно были однако мотивы, побуждавшіе знатныхъ особъ брататься съ простыми каменщиками—быть можетъ обаяніе старины и легенды или веселыя традиціонныя пирушки, а можетъ быть, и самое удовольствіе видѣть себя покровителями меньшей братіи. Въ льготной грамотѣ 1671 года, выданной Дюргэмскимъ епископомъ «Обществу, братству и кампаніи франкъ-масоновъ, кровельщиковъ, плотниковъ и другихъ ремеслъ города Гейтсхеда (всего 18 наименованій) среди списка лицъ, ходатайствовавшихъ передъ епископомъ о ея выдачѣ и вѣроятно принимавшихъ такое участіе и въ связанныхъ съ нею расходахъ, значились виднѣйшіе представители мѣстныхъ помѣщиковъ, бароновъ и богатаго духовенства; для нихъ мотивомъ участія въ дѣлахъ простыхъ рабочихъ, очевидно, было именно честолюбіе.

Кромѣ знати къ каменщикамъ примыкали въ отдѣльныхъ случаяхъ представители интеллигенціи и ученаго міра, привлекаемые, какъ думаетъ Бегеманъ, фантастической исторіей масонства, возбуждавшей ихъ научную любознательность. (Ср. ниже стр. 41.)

По описанію Плота для пріема въ общество новыхъ членовъ требовалось собраніе, по крайней мѣрѣ 5 или 6 франкъ-масоновъ. «Эти собранія, замѣчаетъ Плотъ, называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ложами». Вступительные обряды заключались и здѣсь въ сообщеніи тайныхъ знаковъ, «посредствомъ которыхъ члены общества узнаютъ другъ друга гдѣ бы они ни находились», и сопровождались банкетами по установленному ритуалу. Новички, какъ и въ Шотландіи, въ день пріема дарили «братьямъ» перчатки, а взаимныя обязанности членовъ заключались въ помощи на случай старости, безработицы и болѣзни.

Документальныя данныя объ англійскихъ ложахъ относятся уже къ XVIII вѣку. «Въ древнемъ и почтенномъ обществѣ франкъ-масоновъ города

Йорка» преобладаютъ въ это время (1705—1706 гг.) постороннія цеху лица: предсѣдателями его выступаютъ богатые негоціанты, лорды, баронеты и сквайры, хотя на засѣданіяхъ отводятся еще обязательные часы «для бесѣдъ о каменномъ строительномъ дѣлѣ». Ложа въ *Ольнуикъ* (въ Нортумберландѣ), напротивъ, и въ XVIII вѣкѣ сохранила свой чисто рабочій характеръ, и еще въ 1757 году въ ней ассигнуются суммы на профессиональныя путешествія братьевъ.

Присутствіе въ масонскихъ ложахъ XVIII вѣка постороннихъ ремеслу лицъ дало историкамъ поводъ говорить о существованіи въ это время, и раньше, на ряду съ обыкновеннымъ, или *оперативнымъ*, какъ говорили въ Англіи, масонствомъ, особой категоріи такъ называемыхъ *спекулятивныхъ* масоновъ, или масоновъ-теоретиковъ, носителей спеціальнаго знанія и моральной теоріи о духовномъ строительствѣ среди людей. Документы не знаютъ никакихъ «спекулятивныхъ масоновъ»; дворяне и коммерсанты, принятые въ масонство такъ же мало, повидимому, занимались «умозрѣніемъ», какъ и ихъ товарищи изъ рабочаго класса: истинной основой ихъ единенія продолжаютъ оставаться традиціонныя банкеты и полныя обаянія старины обычая и легенды ремесла. Франкъ-масонская организація XVII вѣка не преслѣдовала никакихъ тайныхъ задачъ и не была тайнымъ обществомъ, какъ думаютъ многіе историки. Ихъ жизнь и дѣятельность протекала у всѣхъ на виду: не будучи масономъ, докторъ Плоть безо всякаго труда узналъ, повидимому, тѣ подробности, которыя онъ сообщаетъ о масонахъ въ своей книгѣ. Что же касается употребленія тайныхъ паролей и знаковъ, то, поскольку этотъ обычай не имѣлъ уже въ XVII вѣкѣ практическаго значенія, онъ являлся, очевидно, простымъ пережиткомъ тѣхъ временъ, когда ремесленники дѣйствительно нуждались въ этихъ знакахъ во время своихъ путешествій.

Подобно стариннымъ братствамъ франкъ-масонскія общества XVII вѣка поддерживали между собою живую связь и составляли фактически единую организацію: принятый въ 1646 году въ Йоррингтонскую ложу археологъ *Ашмоль* въ 1682 году безо всякихъ добавочныхъ церемоній допускается на засѣданіе Лондонской ложи и даже предсѣдательствуетъ на немъ въ качествѣ старѣйшаго масона.

В. Утопическая интеллигенція XVII вѣка.

Только что описанныя общества франкъ-масоновъ, всецѣло пропитанныя еще духомъ старыхъ ремесленныхъ братствъ, въ идейномъ отношеніи мало соприкасаются съ позднѣйшимъ масонствомъ. Болѣе тѣсной была его идейная связь съ философскимъ и соціально-реформаторскимъ движеніемъ XVII вѣка—съ тѣми тайными и полутайными кружками ученыхъ и утопистовъ, которые были такъ типичны для этой эпохи.

Когда-то, во время безраздѣльнаго господства надъ умами католической догмы, наука была въ Европѣ достояніемъ маленькой кучки людей, почти глухой стѣнной стѣленной отъ остальнаго міра. Природа считалась началомъ грѣха; попытки проникнуть въ ея тайны отождествлялись съ колдовствомъ. Да ученые и сами вѣрили въ магію, каббалистику и гадали по планетамъ о судьбахъ людей. Феодално-католическая реакція XVI и XVII вѣка возродила эти старыя формы и разрушила тотъ мостикъ, который въ «эпоху гуманизма» соединилъ было передовую интеллигенцію съ народомъ: она опять изолированная стояла теперь передъ готовою поглотить и ее народной стихіей. Наука, какъ въ средніе вѣка, одѣлась покровомъ тайны, спряталась въ замкнутые кружки; пробудила вновь вѣру къ таинственному и символическому; воскресила умершія были идеи и вѣрованія ¹⁾).

Въ отношеніи къ интеллигенціи это сходство между новымъ и старымъ было все же неполнымъ—большею частію внѣшнимъ. Средневѣковые ученые оставались вѣрными католической церкви; новые порывали постепенно съ самимъ христіанствомъ; старинные алхимики и оккультисты сами вѣрили въ діавола и въ силу магическихъ формулъ, новые часто мистифицировали себя и другихъ, чтобы скрыть подъ маской оккультизма свои «опасныя» съ охранительной точки зрѣнія идеи. Успѣхи религіозной и политической реакціи не остановили прогресса научнаго знанія и лишь углубили ту пропасть, которая лежала между идейнымъ авангардомъ новаго общества и отставшей массой народа. Перейти ее удавалось пока лишь въ мечтахъ, къ которымъ и прибѣгали очень охотно передовые люди кануна первой буржуазной революціи: въ мечтахъ забывалась дѣйствительность—гоненія на свободу, невѣжество массъ, деспотизмъ государства и церкви—и облекались въ дѣйствительность созданія фантазіи—руководимый философами народъ и служащее наукѣ государство; иногда идеаль казался уже осуществленнымъ—гдѣ-нибудь на островѣ, случайно открытомъ путешественниками ²⁾),—иногда только осуществляющимся усиліями тайнаго общества, работающаго надъ реформаціей человѣчества.

Въ началѣ XVII вѣка въ Германіи появилась анонимная сатира на современныхъ алхимиковъ и теософовъ—«Химическій бракъ Христіана Розенкрейца», авторомъ которой былъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи, членъ нѣмецкаго «Плодоноснаго Общества» (Die fruchtbringende Gesellschaft) ³⁾, протестантскій богословъ и проповѣдникъ Іоганнъ Валентинъ *Андрээ* (Andreae). Почти одно-

¹⁾ Въ Англіи еще въ 1712 году вѣшали вѣдьмъ, а законъ о нихъ былъ отмѣненъ лишь въ 1736 году.

²⁾ Эта форма утопическаго романа извѣстна съ начала XVI вѣка—со времени «Утопіи» Томаса Мора.

³⁾ Ученое общество улучшенія нѣмецкаго языка, основанное въ Германіи въ 1617 году. Вопреки религіозной нетерпимости того времени оно объявило себя нейтральнымъ по отношенію ко всѣмъ христіанскимъ религіямъ.

временно вышли и еще два посвященные тому же Розенкрейцу сочинения и авторство которых приписывалось также Андрэе—«*Fama Fraternitatis славнаго Ордена Розенкрейца*» (Всеобъемлющая и всемирная реформація человечества) и «*Confessio fraternitatis*» этого же ордена. Въ нихъ рассказывалось объ Орденѣ или Братствѣ Розенкрейца (Розоваго Креста), еще въ XIV вѣкѣ, основанномъ будто бы дворяниномъ Христіаномъ Розенкрейцемъ: во время путешествій по Востоку онъ позналъ всѣ тайны персидскихъ и египетскихъ маговъ и возвратившись въ Европу передалъ ихъ своимъ ученикамъ, вмѣстѣ съ которыми и основалъ тайное братство; оно существуетъ и до сихъ поръ: братія работаютъ каждый въ своей странѣ, служа человечеству бесплатнымъ леченіемъ больныхъ, и сносятся между собою при помощи условныхъ знаковъ и языка; только разъ въ годъ устраивается ихъ общій съѣздъ въ братскомъ домѣ.

Сатирическая сторона исторіи ускользнула отъ вниманія современниковъ: рассказы о Розенкрейцѣ были поняты всерьезъ, и слава *Ордена Розоваго Креста* быстро распространилась по Европѣ. Виднѣйшіе ученые домогались доступа въ Орденъ и искали, гдѣ только могли, его слѣдовъ, а болѣе упорные съ документами въ рукахъ брались доказывать его реальность и для пущей убѣдительности присоединяли даже къ своему имени инициалы R. C. Время-отъ-времени въ разныхъ городахъ появлялись таинственные манифесты, возвѣщавшіе отъ имени Розоваго Креста уничтоженіе папской власти, обращеніе въ христіанство магометанъ и евреевъ и пр. Трудно сказать была ли тутъ сплошная мистификація или же подъ загадочными именами скрывалась нѣкоторое время и дѣйствительная организація, умѣвшая искусно прятать концы въ воду; несомнѣнно одно—тенденціи, проникающія «розенкрейцерство», существовали и были въ то время въ европейскомъ обществѣ очень сильны. Не все въ нихъ было пустой фантастикой, пережиткомъ далекихъ эпохъ: въ туманной мистикѣ и загадочныхъ символахъ, бывшихъ данью культурнымъ особенностямъ момента, скрывалось здоровое зерно свободной мысли, прокладывавшей себѣ путь черезъ лѣсъ церковной схоластики и фанатизма; обезсиленная десятилѣтіями конфессіональныхъ войнъ, она была еще слишкомъ слаба, чтобы доверху открыть передъ врагомъ свое забрало, и глубокими корнями слишкомъ тѣсно соприкасалась съ вѣковыми воззрѣніями народа, чтобы сразу облечь себя въ современное платье; характерной для розенкрейцерства и родственныхъ ему теченій XVII вѣка была во всякомъ случаѣ не столько уже связь съ алхиміей и магіей, сколько вѣра въ преобразовательную силу знанія и стремленіе служить человечеству посредствомъ науки.

Этимъ стремленіемъ были проникнуты и всѣ утопическіе романы XVII вѣка, однимъ изъ которыхъ явилась, въ сущности, и розенкрейцерская легенда. Уже въ самомъ раннемъ изъ нихъ—въ «*Описаніи христіанской республики*» (1619 г.) автора «Химическаго брака» Андрэе—видную роль играетъ «Академія естествен-

ныхъ наукъ», а въ планахъ ученика его *Коменіуса*¹⁾ «универсальная коллегія» ученыхъ занимаетъ уже центральное мѣсто: дорога «свѣта» (*Via Lucis*) идетъ къ нашему сознанию черезъ 7 ступеней—отказъ отъ брака, общеніе друзей, публичныя празднества, школы, печать, мореплаваніе и седьмую ступень, возвышающую «всеобщее возрожденіе»; она осуществляется работой «универсальной коллегіи благочестивыхъ и даровитыхъ людей всѣхъ странъ»; орудія ея—«универсальное знаніе» (пансофія, панисторія и пандогматика) и «универсальный языкъ»; разъ въ годъ она устраиваетъ въ предѣлахъ Англіи общіе сѣзды; «Храмъ Мудрости», воздвигаемый ею, строится по принципамъ самого Верховнаго Строителя (Бога) и открываетъ свои двери для «всѣхъ, рожденныхъ людьми».

Идеи Коменіуса были подхвачены жившимъ въ Англіи (1628—1662 гг.) нѣмецкимъ археологомъ *Гартлибомъ*, который и самъ сочинилъ описаніе идеальнаго государства «Макаріи», отдающаго всѣ свои силы прогрессу науки. Опираясь на кружокъ англійскихъ друзей, Гартлибъ и Коменіусъ принялись и за практическое осуществленіе своего идеала, первымъ шагомъ къ которому должно было явиться созданіе въ Англіи международнаго ученаго общества.

Близкими Коменіусу идеями было проникнуто и посмертное произведеніе Бэкона «*Новая Атлантида*» (изд. въ 1638 году): На далекомъ островѣ Бензалеи живеть неизвѣстный доселѣ европейцамъ христіанскій народъ; онъ обращенъ изъ язычества, путемъ чудеснаго откровенія, черезъ 20 лѣтъ послѣ вознесенія Христа. Самымъ замѣчательнымъ учрежденіемъ острова является «*Орденъ Соломонова Храма*», или «*Коллегія дней творенія*», стремящаяся къ духовному обогащенію человѣчества и къ усиленію его власти надъ природой; тайные эмиссары коллегіи—такъ называемые «коммерсанты свѣта»—разъѣзжаютъ въ поискахъ знанія по всей землѣ; ихъ товарищи—«плагиаторы» и «коллекторы»—собираютъ знанія въ книгахъ и въ технической практикѣ; «піонеры» занимаются научными экспериментами, «компиляторы» и «эвергеты» систематизируютъ и классифицируютъ добытый матеріалъ и т. д.—законченная система научной работы, планъ универсальной академіи наукъ.

Скромное начало практическому осуществленію всѣхъ этихъ плановъ было положено въ 1645 году основаніемъ кружка Лондонскихъ и Оксфордскихъ профессоровъ, или «*невидимой философской коллегіи*», какъ называетъ кружокъ въ своихъ письмахъ одинъ изъ главныхъ основателей его Робертъ Бойль. Во время революціи кружокъ пришелъ въ упадокъ и возродился лишь въ 1662 году въ видѣ «*Королевскаго Общества Естественныхъ Наукъ*».

¹⁾ Амосъ Коменіусъ (1592—1671)—извѣстный моравскій педагогъ и вождь современнаго ему гуманитарнаго движенія. Въ 1641 году онъ, по приглашенію Долгаго Парламента, пріѣзжалъ для организаціи протестантскихъ школъ и въ Англію.

«Актъ о вѣротерпимости», изданный Парламентомъ послѣ изгнанія Стюартовъ (1688 г.), кромѣ католиковъ исключалъ изъ числа полноправныхъ гражданъ и «атеистовъ», которыми назывались тогда всѣ сомнѣвающіеся въ истинности традиціонныхъ религій, хотя бы и признающіе существованіе Бога; къ числу такихъ вольнодумцевъ принадлежали и сторонники «разумной религіи»—*деисты*. Поколѣнія, выросшія въ Англіи послѣ революціи 1688 года, вообще болѣе рѣшительно, чѣмъ предыдущія, порывали со стариной, и въ области религіозной критики шли гораздо дальше протестантскихъ филантроповъ первой половины столѣтія: молодые философы вродѣ *Шефтсбэри* (1671—1713) и *Толанда* (1670—1722) не останавливались передъ критикой самыхъ основъ христіанства, и на мѣсто библіи выдвигали отвлеченный человѣческій разумъ.

Ихъ было немного: господствующіе классы опасались ихъ «разрушительныхъ» идей, народныя массы ихъ не понимали. Вождь деистовъ Джонъ Толандъ на горькомъ опытѣ убѣдился въ невозможности открытой пропаганды своихъ идей: его «*Христіанство безъ тайнъ*» было уничтожено рукой палача, а самъ онъ бѣгствомъ спасался отъ неминуемаго ареста. Создавалась почва для новыхъ эзотерическихъ ученій и новаго поворота къ символизму. Послѣднее, анонимно изданное въ 1720 году, сочиненіе Толанда—«*Пантеизмъ*» (*Pantheistikon*) написано уже туманнымъ символическимъ языкомъ, и опять выдвигаетъ, извѣстную со временъ розенкрейцерства, фикцію тайнаго общества: «*Сократовское общество*» пантеистовъ процвѣтаетъ въ Амстердамѣ, Парижѣ, Римѣ, Венеціи, Лондонѣ, поддерживая культъ «трехъ величайшихъ благъ мудреца—Здоровья, Свободы и Истины»; особый ритуаль—«сократовская литургія»—служитъ прославленію великихъ мыслителей съ Сократомъ во главѣ, но и изъ ихъ памяти уже не дѣлаютъ кумира: идейный прогрессъ достигается усиліями свободнаго отъ всякихъ оковъ и авторитетовъ ума...

III. Англійское масонство XVIII вѣка (1718—1813 гг.).

А. Великія ложи.

Филантропическія и реформаторскія тенденціи XVII вѣка, вмѣстѣ со вкусомъ къ тайнымъ обществамъ и символическому ритуалу, перешли къ позднѣйшимъ поколѣніямъ и несомнѣнно отразились на характерѣ и судьбахъ современнаго масонства. Было бы однако ошибочно, какъ это дѣлали многіе историки масонства, отождествлять орденъ франкъ-масоновъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ только что описанныхъ утопическихъ и фантастическихъ обществъ. Научная критика установила, какъ несомнѣнный фактъ, что франкъ-масонскій орденъ—потомокъ стараго масонскаго братства—возникъ не раньше втораго десятилѣ-

тія XVIII вѣка, и что основателями его были люди, вовсе не задававшіеся тѣми широкими реформаторскими и философскими цѣлями, которыя занимали ученыхъ гражданъ острова Бензалема или членовъ какаго-нибудь «Сократовскаго Общества». Первыя *Великія ложи* возникли въ Англіи въ болѣе мирную эпоху, когда огромное большинство людей высшаго и средняго класса не помышляло уже ни о чемъ, кромѣ отдыха отъ безконечныхъ смутъ и борьбы предшествующихъ десятилѣтій. Съ водвореніемъ новой династіи жизнь страны входила въ мирное русло: все нужное для ея спокойствія казалось достигнутымъ. Отъ былого увлеченія политикой теперь осталась простая склонность къ общественности, привычка находиться среди людей: развилась страсть къ кружкамъ и клубамъ. Сатирической листокъ «Зритель» (*Spectator*), выходившій въ Лондонѣ въ началѣ десятихъ годовъ, высмѣвая эту страсть, приводилъ длинный списокъ существовавшихъ будто бы въ Лондонѣ обществъ, среди которыхъ фигурируютъ и клубы красавцевъ и уродовъ, и орденъ лгуновъ, и «вѣчно существующее общество», и «метафорическіе мертвецы», и какіе-то «Виши—ваши» и «Могачи»—названія, быть можетъ, и придуманныя газетой, но очевидно схваченныя, въ общемъ, изъ жизни. Большинство этихъ типичныхъ «англійскихъ клубовъ» не преслѣдовали, конечно, широкихъ общественныхъ цѣлей, но своими оригинальными уставами и ритуаломъ они отвлекали людей отъ обыденности домашняго очага, создавали иллюзію серьезнаго дѣла, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать ихъ популярными. Одной изъ такихъ великосвѣтскихъ и просто свѣтскихъ организацій явился, повидимому, и орденъ свободныхъ каменщиковъ.

Остатки «почтеннаго франкъ-масонскаго общества» въ началѣ XVIII столѣтія сохранились еще и въ Лондонѣ, и въ другихъ англійскихъ городахъ. Ореолъ старины, окружавшій ихъ и легендарная исторія масонства привлекли къ нимъ вниманіе, соблазнили на попытку использовать ихъ для организаціи интереснаго клуба. *Андерсенъ*, авторъ «Новой Книги масонскихъ конституцій» (о ней см. ниже, стр. 45) во второмъ изданіи ея, вышедшемъ въ 1738 году, слѣдующимъ образомъ рассказываетъ объ основаніи «*Великой Лондонской Ложи*»: «послѣ торжественнаго въѣзда въ Лондонъ короля Георга I и усмиренія въ 1716 году возстанія ¹⁾ нѣсколько Лондонскихъ ложъ рѣшили сплотиться вокругъ одного Великаго Мастера (Гросмейстера), какъ центра единенія и гармоніи. Это были— ложа «Гуся и Противня», ложа «Короны», ложа «Яблони» и ложа «Виноградной Кисти» (названіе тавернъ, въ которыхъ онѣ собирались)... Было рѣшено устраивать ежегодныя собранія всѣхъ четырехъ ложъ и каждые три мѣсяца—собранія Великой Ложи, т.-е. всѣхъ должностныхъ лицъ каждой ложи во главѣ съ *великимъ мастеромъ* и *великими надзирателями*...» «Въ ожиданіи чести увидѣть

---

¹⁾ Возстаніе 1715 года, произведенное «якобитами», или сторонниками династіи Стюартовъ (отъ имени Якова II и его сына «Якова III»).

во главѣ всего общества представителя благороднаго сословія» Гросмейстера выбрали пока изъ своей среды. «Въ день Св. Іоанна Крестителя» (въ 1717 году) въ тавернѣ «Гуся и Противня» состоялся первый общій банкетъ франкъ-масоновъ: «Старѣйшій мастеръ, занимавшій предсѣдательское кресло, предложилъ собранію листъ кандидатовъ и большинствомъ голосовъ были выбраны—дворянинъ Антонъ Сойзъръ великимъ мастеромъ, а капитанъ Джорджъ Эліотъ и столяръ Яковъ Ламболь—великими надзирателями (Grand wardens)...

Изъ этого разсказа, написаннаго черезъ 20 лѣтъ послѣ событій и авторомъ, какъ увидимъ ниже, очень ненадежнымъ, за вполнѣ достовѣрное приходится принять лишь самый фактъ собранія четырехъ ложъ и организаціи ими «Великой Ложи». Событіе носило, во всякомъ случаѣ, очень скромный характеръ и прошло, на первыхъ порахъ, незамѣченнымъ.

Раньше другихъ обратили вниманіе на вновь ожившую масонскую организацію члены Королевскаго Общества, вѣроятно, заинтересовавшіеся ею и съ археологической, и съ соціальной точки зрѣнія. Первымъ изъ нихъ примкнулъ къ масонству докторъ правъ и придворный проповѣдникъ принца Уэльскаго—Теофилъ *Дезагюльз*, въ 1719 году, выбранный третьимъ по счету Гросмейстеромъ Великой ложи; въ 1721 году его примѣру послѣдовалъ докторъ *Стэкли* (Stuckeley),—соблазненный, по его собственному признанію, надеждой открыть въ масонствѣ пережитки античныхъ мистерій,—а вскорѣ послѣ него еще одинъ членъ Королевскаго Общества (F. R. S.—Fellow Royal Society), скрывшійся подъ псевдонимомъ *Филалетъ*.

«Филалетъ» извѣстенъ, какъ авторъ предисловія къ вышедшему въ 1722 году англійскому переводу одного алхимическаго трактата (*Long Iivers—О долговѣчныхъ людяхъ*), предисловія очень характернаго какъ для тогдашняго масонства, такъ и для успѣвшихъ создаться вокругъ него толковъ. Въ масонахъ видѣли уже носителей великихъ тайнъ—новый видъ «розенкрейцерскихъ братьевъ», а съ другой стороны подозрѣвали—атеистовъ и политически опасныхъ людей. Посвящая книгу «гросмейстеру, мастерамъ, надзирателямъ и братьямъ *древнѣйшаго и почтеннѣйшаго* братства франкъ-масоновъ Великобританіи и Ирландіи», Филалетъ косвенно поддерживаетъ первые слухи и рѣшительно возстаеъ противъ вторыхъ; онъ называетъ масоновъ «солью земли, свѣтомъ міра, огнемъ вселенной» и говоритъ съ «достигшимъ званія мастера» не иначе какъ языкомъ алхиміи и мистическихъ символовъ, но называетъ «нелѣпой клеветой» обвиненія ихъ въ безбожіи: «что бы ни говорили о насъ язычники и атеисты,—воскликаетъ онъ,—мы останемся голосомъ всѣхъ вѣрующихъ христіанъ; въ основу нашей религіи положенъ законъ природы, который есть въ то же время и Божій законъ—именно заповѣдь «возлюби Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго твоего, какъ самого себя», извѣстная людямъ во всѣ времена и подтвержденная для насъ Господомъ Іисусомъ Христомъ». То же и въ политикѣ: «наша политика

есть лучшая изъ политикъ—лойяльность передъ закономъ и подражаніе Христу, Который не разрушалъ никакого правительства и признавалъ за Кесаремъ законную власть...»

Несмотря на нѣкоторый шумъ, успѣвшій уже создаться вокругъ масонства, въ моментъ вступленія въ него Стэкли, оно представляло собою еще очень скромную величину—было численно невелико и не привлекало новыхъ членовъ: по словамъ Стэкли, въ его дневникѣ, пріемъ его въ Лондонскую ложу былъ первымъ за нѣсколько лѣтъ случаемъ принятія въ масонство новаго члена, и для выполненія вступительныхъ обрядовъ въ Лондонѣ не сразу нашлось даже нужное количество посвященныхъ. Печать обходила масонство полнымъ молчаніемъ. Но именно въ это время намѣчалась уже перемѣна: въ масонство начали вступать представители знати и весь социальный составъ его постоянно мѣнялся. Дезагюльэ и его преемникъ и предшественникъ *Пэнъ* (Раупе) были послѣдними нетитулованными гросмейстерами Великой Ложы: за ними слѣдовали уже герцогъ Монтагю, герцогъ Уартонъ, графъ Долькесъ и другіе герцоги, графы и лорды, непрерывно слѣдующіе другъ за другомъ вплоть до нашихъ дней. Послѣ 1723 года и въ составѣ «великихъ надзирателей» не встрѣчается уже лицъ, не носящихъ по крайней мѣрѣ званія сквайра (сельскаго дворянина). Въ декабрѣ 1721 года въ газетахъ распространился слухъ о предстоящемъ принятіи въ масонство самого наслѣдника престола (принца Уэльскаго). Извѣстія о масонахъ вообще все чаще заполняли теперь страницы Лондонскихъ газетъ: то такой-то герцогъ вступилъ въ масонскую ложу и «возвращался съ собранія въ бѣломъ кожаномъ фартукѣ», то масоны праздновали въ такой-то день закладку новой церкви и «щедро угощали рабочихъ». Масонство рѣшительно входило въ моду. По выраженію упомянутой выше книги Андерсена (1723 г.) «свободорожденные британскія націи, вкушая послѣ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ сладкіе плоды мира и свободы, проявили счастливую склонность къ масонству во всѣхъ его видахъ, и запустѣвшія было Лондонскія ложи наполнились новою жизнью».

Однимъ изъ проявленій этой «новой жизни» было изданіе кодекса масонскихъ уставовъ, обычаевъ и традицій—такъ называемой «Новой Книги Конституцій». Она была составлена въ 1721 году пресвитеріанскимъ пасторомъ и докторомъ богословія *Андерсеномъ* и посвящалась первому титулованному гросмейстеру франкъ-масоновъ герцогу Монтагю. Въ 1723 году съ одобренія Великой Ложы ее издали какъ официальное «руководство для Лондонскихъ ложъ и братьевъ, живущихъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ».

Самой важной и интересной частью Книги является для насъ глава объ «Обязанностяхъ франкъ-масона» (*Charges of a free-mason*), отразившая въ себѣ современную, культурную и политическую фizioномію англійскаго масонства. «Масонъ по самому положенію своему (*by his tenure*), гласитъ первый § «Обязан-

Коронованіе Георга I въ 1714 г. Гравюра нач. XVIII в. Къ основанію «Великой Лондонской ложи», см. стр. 16.
Le couronnement de Georges I.

ностей» подчиняется законамъ морали, и не можетъ стать ни безсмысленнымъ атеистомъ (stupid Atheist), ни лишеннымъ нравственности нечестивцемъ (irreligious libertine). Въ старыя времена масоны поневолѣ держались въ каждой странѣ ея мѣстной религіи *какова бы она ни была*, но въ наше время человѣкъ свободно выбираетъ себѣ вѣру, и лишь одна религія дѣйствительно обязательна для всѣхъ, это—та *всеобщая* (catholick), всѣхъ людей объединяющая религія, которая состоитъ въ обязанности каждаго изъ насъ быть добрымъ и вѣрнымъ долгу (loyal), быть человѣкомъ чести и совѣсти, какимъ бы именемъ ни называлось наше вѣроисповѣданіе и какіе бы религіозные догматы ни отличали насъ отъ другихъ людей. Вѣрность этимъ началамъ превратитъ масонство въ объединяющій центръ, поможетъ ему связать узами искренней дружбы людей доселѣ бывшихъ другъ другу чужими». Что такое всеобщая, «каволическая» религія, о которой говоритъ здѣсь Андерсенъ? Есть ли это «естественная религія» деистовъ или, какъ думаетъ Бегеманъ, простая «совокупность христіанскихъ испо-

вѣданій Англіи»—то общее, что принималось всѣми узаконенными въ странѣ церквами (churches by law established)? Последнее кажется болѣе вѣроятнымъ, и не только потому, что деизмъ считался тогда лишь видомъ атеизма, и какъ таковой отменялся, слѣдовательно, Андерсеномъ, но и потому, что толкованіе Бегемана лучше согласуется съ той исторической средой, которая породила и Великую Ложу и ея первый офиціальный уставъ. И основатели Ложы, и примкнувшая къ нимъ великосвѣтская молодежь не занимались отвлеченными вопросами вѣротерпимости, не стремились провозглашать философскіе принципы: они просто «вкушали плоды мира», отдыхали отъ войнъ и внутренней смуты, организовывали «центръ дружескаго общенія между враждебными другъ другу доселѣ людьми». Послѣ актовъ о вѣротерпимости, билля о правахъ (1689 г.) съ Утрехтскаго мира (1713 г.), обезпечившаго Англіи блестящее экономическое будущее, для людей господствующаго класса все казалось въ Англіи достигнутымъ—дальнѣйшія распри принимали въ ихъ глазахъ характеръ досадной, ненужной склоки; конечно подъ режимъ свободы не подходилъ еще «безсмысленный атеизмъ», грозившій основамъ «цивилизованнаго христіанскаго общества», подъ подозрѣніе брался и римскій католицизмъ съ его реакціонно-монархическими симпатіями, но во всемъ остальномъ между «лживыми и честными людьми» не могло уже быть большихъ разногласій, о мелкихъ же не стоило спорить. Къ этимъ мелкимъ разногласіямъ относились теперь и богословскіе споры между представителями различныхъ сектъ. Умиротвореннымъ настроеніемъ побѣдителей было продиктовано и разсужденіе Андерсена о единственно обязательной «каѳолической» религіи и вышеприведенныя разсужденія о религіи Филалета (ср. выше стр. 42); по выраженію Бегемана «господствующимъ направлениемъ Великой Ложы былъ не космополитизмъ, а *христіанскій націонализмъ*».

Тѣмъ же настроеніемъ проникнуты и параграфы о гражданскихъ обязанностяхъ масона: «Масонъ является мирнымъ подданнымъ гражданской власти гдѣ бы ни приходилось ему жить и работать. Онъ не приметъ участія ни въ какихъ замыслахъ противъ мира и блага народа» (§ 2-й). Въ ложахъ запрещались всякіе религіозные, національные и политическіе споры: «какъ масоны мы принадлежимъ лишь къ упомянутой выше всеобщей религіи и, заключая въ своей средѣ людей всѣхъ языковъ, племенъ и нарѣчій, объявляемъ себя врагами всякой политической распри (all politicks)» (§ 6-й). Подъ «всѣми племенами» тутъ разумѣлись, какъ полагаетъ Бегеманъ, націи британской имперіи: никакого иного смысла это выраженіе въ то время имѣть, конечно, и не могло...

Фраза о «какой бы то ни было религіи», вставленная Андерсеномъ въ характеристику прежняго отношенія масоновъ къ религіознымъ разногласіямъ¹⁾, несмотря на свой невинный по замыслу характеръ, тѣмъ не менѣе

¹⁾ Въ дѣйствительности въ старыхъ масонскихъ уставахъ говорилось лишь о вѣрности «святой католической церкви».

вызвала въ масонской средѣ извѣстныя сомнѣнія и толки, и во второмъ изданіи «Книги Конституцій» (1738 г.) выраженіе «мѣстная религія *какова бы она ни была*» было замѣнено выраженіемъ «мѣстная *христіанская* религія». Съ этой поправкой первый параграфъ «Обязанностей» только точнѣе сталъ выражать первоначальную мысль Андерсена.

Двѣ другія части «Книги Конституцій»—*Исторія Масонства* и *Масонскіи регламентъ*—большого интереса для характеристики масонства не представляютъ: практическое значеніе Регламента—составленіе котораго на основаніи старинныхъ документовъ было начато еще гросмейстеромъ Пэномъ (1718 и 1720 г.)—сводилось къ подробностямъ внѣшней обрядности, а «Исторія масонства» интересна развѣ лишь для характеристики писательскихъ пріемовъ самого Андерсена: въ ней ничего историческаго, въ сущности, нѣтъ; это—копія различныхъ варьяцій старой «масонской поэмы (ср. выше стр. 12), расцвѣченная плодами собственныхъ измышленій «историка»; Андерсенъ заботится здѣсь не о правдивости, а о внушительности разсказа, ему нужно поразить своихъ романтически настроенныхъ читателей, и онъ не колеблясь подноситъ имъ разсказъ объ Адамѣ, обучающемъ своихъ сыновей прикладной и теоретической геометріи, о первомъ масонскомъ гросмейстерѣ Немвродѣ, о его преемникахъ—Соломонѣ, Кирѣ, Навуходоносорѣ, императорѣ Августѣ и Альфредѣ Великомъ. Свободный полетъ фантазіи во славу могущества и древности масонскаго ордена на долгое время остался съ этихъ поръ особенностью и привилегіей историковъ масонства.

Въ іюнѣ 1722 года къ государственному секретарю лорду Таунсенду явилась депутація лондонскихъ масоновъ, чтобы увѣдомить его о предстоящемъ годичномъ собраніи Великой Ложы и по этому поводу лишній разъ засвидѣтельствовать передъ правительствомъ о своей безусловной лойяльности и преданности престолу. «Его Сіятельство, разсказывала объ этомъ событіи газета (*London Journal* 16 іюня 1722 г.), отнесся къ депутаціи благосклонно и заявилъ, что франкъ-масоны могутъ спокойно продолжать свою дѣятельность, пока въ ней нѣтъ ничего болѣе опаснаго, чѣмъ старыя масонскія тайны, носящія, очевидно, самый невинный характеръ».

Эта газетная замѣтка какъ нельзя лучше характеризуетъ политическое настроеніе тогдашняго масонства. Судя по протоколамъ Великой Ложы, сохранившимся до насъ за періодъ отъ середины 1723 до середины 1771 года, въ ея дѣятельности, дѣйствительно, не было ничего не только «опаснаго», но и просто выходящаго за предѣлы свѣтскаго времяпрепровожденія. Символическій ритуаль и театральность церемоній были общимъ достояніемъ тогдашнихъ англійскихъ клубовъ, отвѣчая современной модѣ и вкусамъ общества, но не ко всѣмъ изъ нихъ правительство относилось столь благодушно, какъ къ масонамъ: менѣе безобидные подвергались и тогда полицейскимъ преслѣдованіямъ

какъ это случилось, напр., въ 1721 году съ «Клубомъ адскаго огня», закрытымъ по распоряженію властей «за безнравственность и за кощунственныя покушенія на основы религіи».

Единственной отраслью дѣятельности англійскаго масонства, носившей общественный характеръ, была благотворительность, завѣщанная новому масонству еще старыми ремесленными гильдіями, въ дѣятельность которыхъ всегда входила забота о нуждающихся въ поддержкѣ «братьяхъ».

Въ одномъ сочиненіи о масонахъ, вышедшемъ въ 1724 году (*The Grand Mystery of Free-masons discovered*) основные принципы масонства излагались въ слѣдующемъ видѣ:

Вопросъ. Сколько существуетъ правилъ, имѣющихъ отношеніе къ франкъ-масонству?

Отвѣтъ. Три—Братство, Вѣрность, Молчаніе.

В. Что означаютъ они?

О. Братскую любовь, помощь и вѣрность (*Brotherly Love, Relief, and Truth*) въ средѣ всѣхъ истинныхъ масоновъ, ибо предписанія эти даны были всѣмъ масонамъ при постройкѣ Вавилонской башни и Іерусалимскаго Храма»...

Эта «масонская троица» неоднократно выступаетъ и въ другихъ мѣстахъ—въ разсказахъ современниковъ о масонахъ, и въ публичныхъ рѣчахъ и деклараціяхъ самихъ масоновъ.

Постановленіе объ организаціи благотворительной дѣятельности было сдѣлано Великой Ложей еще въ 1724 году, а въ 1729, при участіи 29 ложъ, былъ основанъ общій фондъ для поддержки обѣднѣвшихъ «братьевъ».

Открытый въ 1776 году собственный домъ Масонскаго Ордена былъ посвященъ «Добродѣтели, Любви къ ближнимъ и Благотворительности».

Несмотря на столь мирный въ общемъ и чуждый политикѣ характеръ дѣятельности, въ англійскомъ масонствѣ проявились было и другія тенденціи: какъ разъ вмѣстѣ съ титулованной знатію въ Лондонскія ложи проникла «крамола». Филалетъ, въ цитированномъ выше предисловіи къ «Долговѣчнымъ», уже предупреждалъ масоновъ противъ *ложныхъ братьевъ* и «сѣятелей раздора, живущихъ въ домѣ», а Андерсенъ со свойственной ему осторожностью, пытался разрѣшить затрудненіе при помощи компромисса: «Если кто-либо изъ членовъ ложи окажется въ числѣ мятежниковъ противъ государства, гласить параграфъ «о гражданскихъ обязанностяхъ», онъ не можетъ, конечно, разсчитывать въ своей политической дѣятельности на поддержку со стороны братьевъ, которые могутъ лишь пожалѣть его, какъ человѣка постигнутаго несчастіемъ. Но, если онъ не уличенъ ни въ какомъ иномъ преступленіи, то, хотя въ силу своей преданности государству и для избѣжанія непріятностей со стороны правительства, братство обязано заявить о своей несолидарности съ нимъ, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ быть исключенъ изъ ложи, такъ какъ связь его съ нею нерасторжима».

Чтобы вполне оцѣнить предусмотрительность этой оговорки, надо принять во вниманіе, что въ числѣ первыхъ «мятежниковъ противъ государства» оказался вскорѣ не кто иной, какъ самъ герцогъ Уартонъ—тотъ самый гросмейстеръ Великой Ложи, съ одобренія котораго печаталась Андерсеновская книга. Это былъ честолюбивый и горячій молодой человѣкъ, успѣвшій скомпрометировать себя участіемъ въ «Клубѣ Адскаго Огня», представителемъ котораго онъ состоялъ въ моментъ закрытія его въ 1721 году. Избраніе его гросмейстеромъ масоновъ произошло при не совсѣмъ нормальныхъ условіяхъ. Андерсенъ во 2-мъ изданіи Книги Конституцій (1738 г.) рассказываетъ о немъ такъ: «Когда приблизился конецъ полномочій герцога Монтагу, вліятельнѣйшіе масоны подняли вопросъ о продленіи ихъ еще на одинъ годъ; герцогъ Уартонъ самовольно созвалъ тогда общее собраніе подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго мастера, которое безъ соблюденія установленныхъ церемоній объявило его гросмейстеромъ; не желавшіе нарушенія устава отказались признать дѣйствительность этихъ выборовъ, и только послѣ того какъ самъ герцогъ Монтагу созвалъ Великую Ложу, и выборы, уже по правиламъ устава, были произведены вторично, авторитетъ новаго гросмейстера былъ признанъ всѣми». Въ іюнѣ 1723 г. герцогъ Уартонъ сталъ издавать оппозиціонный листокъ «Истинный британецъ» (*The true Briton*), направленный противъ Ганноверской династіи и вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ заграничными якобитами; черезъ 2 года онъ эмигрировалъ изъ Англіи, принявъ за границей католичество и сталъ открытымъ сторонникомъ Стюартовъ; въ 1731 году онъ окончилъ свою жизнь монахомъ одного испанскаго монастыря. О томъ, каковы были за это время его отношенія съ масонствомъ, мы можемъ судить лишь по темнымъ намекамъ современныхъ памфлетовъ и оппозиціонныхъ газетъ—по рассказамъ ихъ о конфликтѣ масонскаго ордена съ какимъ-то «древнимъ и благороднымъ орденомъ Гормогоновъ». Первые извѣстія о немъ появились въ 1724 году: орденъ основанъ еще первымъ императоромъ Китая, а въ Англіи введенъ недавно однимъ мандариномъ; многія лица изъ знати допущены къ его мистеріямъ, при чемъ для масоновъ, какъ предварительное условіе, ставится отказъ отъ масонскаго званія и уничтоженіе знаковъ принадлежности къ масонству; одинъ изъ видныхъ пэровъ Англіи торжественно сжегъ недавно свои перчатки и фартукъ, послѣ чего былъ принятъ въ общество Гормогоновъ... Одновременно высмѣивалась «безсодержательная книга такъ называемая Конституцій франкъ-масоновъ» и разночинный составъ масонскихъ ложъ: «два опасныхъ сумасброда», пресвитеріанецъ-учитель и математикъ-богословъ правовѣрнаго толка (Андерсенъ и Дезагюльэ) навязали масонамъ разныя выдумки объ Адамѣ, Соломонѣ и Хирамѣ ¹⁾, якобы членахъ ихъ Ордена, и исказили старинные масонскіе уставы, чтобы основать Хирамитское

¹⁾ Хирамъ—одинъ изъ строителей Соломонова храма.

европейское общество... Слабые мозги разныхъ *трактирициковъ, рисовальщиковъ, парикмахеровъ, ткачей*, допущенныхъ въ масонство, не только вызвали къ нему презрѣніе, но и подвергли Орденъ опасности...

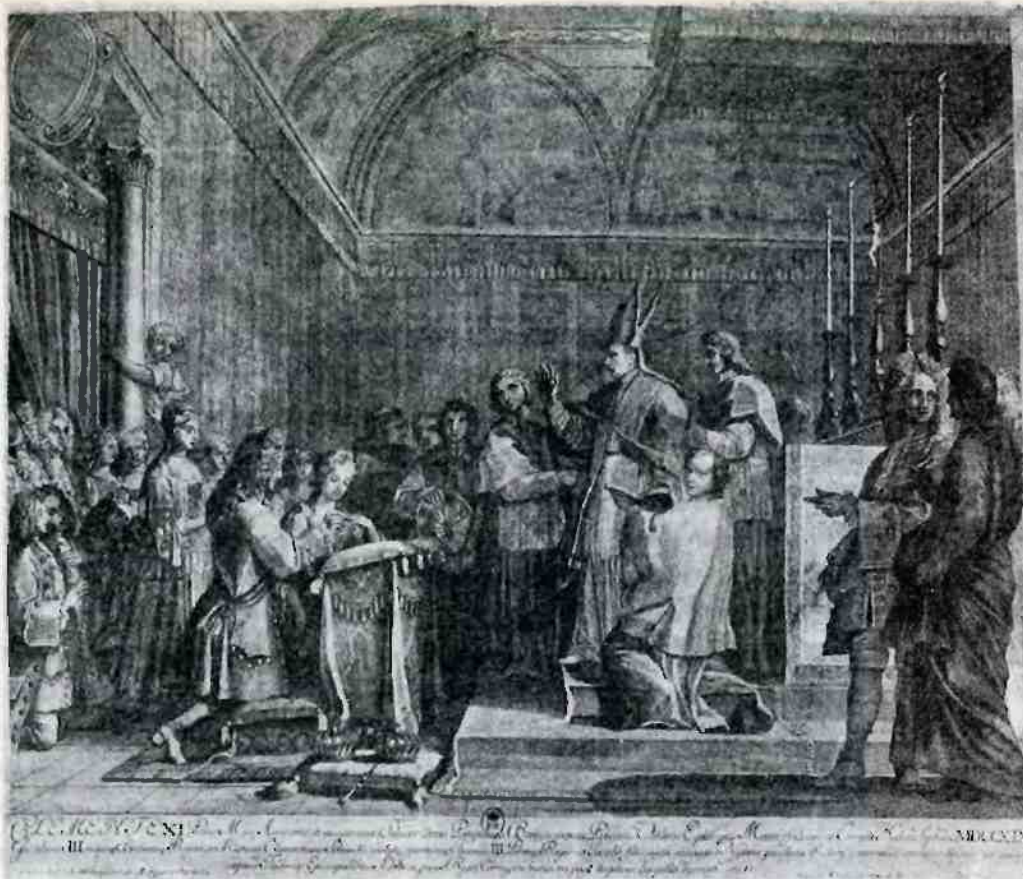
Никакихъ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ «Орденѣ Гормогоновъ» мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. По предположенію Гуда онъ былъ созданіемъ фантазіи самого Уартона—аллегоріей, придуманной имъ для осмѣянія масонства.

Несомнѣнно, что въ періодъ 1723—24 гг. въ масонство проникли политическія разногласія, при чемъ большинство его сохраняло однако вѣрность династии и провозглашеннымъ ею принципамъ либерализма. Вѣроятно на этой почвѣ и создавалась вражда къ масонскому ордену со стороны іезуитовъ и находившагося подъ ихъ вліяніемъ римскаго престола. Въ 1738 г. появилась папская булла (*In Eminenti*), осуждавшая масоновъ, какъ вредную для апостольской церкви секту. Дѣлались попытки и всю Гормогонскую исторію поставить въ связь съ интригами іезуитовъ.

Въ связи съ агитаціей католиковъ и якобитовъ находились, вѣроятно, почти всѣ проявленія антимасонскаго настроенія и въ печати, и въ обществѣ, которыя стали особенно часты съ начала 40-хъ годовъ—въ періодъ подготовки послѣдняго покушенія на реставрацію Стюартовъ (1745 г.). Именно въ это время на Лондонскихъ улицахъ появились такъ называемые «*масоны наизнанку*» (*mock-masons*) съ ихъ шутовскими шествіями, подражавшими шествіямъ масоновъ. Чтобы спасти свое достоинство отъ насмѣшекъ толпы, масоны принуждены были не только прекратить всякія уличныя процессіи, но и отказаться отъ ношенія масонскаго костюма внѣ закрытыхъ засѣданій ложъ. Масонскія «тайны» сдѣлались также достояніемъ всѣхъ: онѣ разоблачались открыто въ различныхъ памфлетахъ и брошюрахъ, вродѣ появившагося въ 1730 году «Анатомированнаго масонства» (*The masonry dissected*). Съ этихъ поръ масоны съ большей осторожностью стали допускать въ свою среду новичковъ и даже измѣнили пароли (*mason words*). Эта перемѣна, какъ мы увидимъ ниже, послужила однимъ изъ поводовъ къ «великому расколу» англійскаго масонства.

«Книга Конституцій» 1723 года предназначалась «для руководства Лондонскихъ ложъ и братьевъ, живущихъ въ городѣ Лондонѣ, Вестминстерѣ и окрестностяхъ»: за предѣлы этого маленькаго района компетенція Великой Ложы пока не распространялась. Но уже въ слѣдующемъ году на ряду съ Лондонскими ложами, число которыхъ возросло уже до 20, въ организаціи появились и провинціальныя; въ 1729 году изъ 54 ложъ, примыкавшихъ къ Великой Лондонской Ложѣ, 12 находилось въ провинціи.

За провинціальными ложами появились и заграничныя, возникшія большею частью совершенно самостоятельно—безо всякаго участія Великой Ложы,—просто въ силу потребности англичанъ повсюду создавать себѣ привычную обстановку и среду.

Вѣнчаніе Якова III съ Маріей Сабесской въ Римѣ. (Грав. XVIII в. см. стр. 28.)
 Les noces de Jaques III avec Marie de Sabesse.

Въ 1728 году появилась англійская ложа въ Мадридѣ; основателемъ ея былъ тотъ же герцогъ Уартонъ, который, находясь въ Англіи, такъ плохо уживался съ масонствомъ: за границей онъ не только забылъ о своемъ отреченіи отъ масонства, но и присвоилъ себѣ титулъ «второго депутата Великой Ложи». Въ 1729 году возникла ложа въ Гибралтарѣ, въ 1732—въ Парижѣ, за ними—въ Гамбургѣ, Лиссабонѣ, Лозаннѣ и другихъ городахъ: въ 1749 году общее число примыкавшихъ къ Великой Ложѣ заграничныхъ ложъ достигло уже тринадцати. Появились англійскія ложи и внѣ Европы—въ азіатскихъ и американскихъ колоніяхъ—въ Филадельфіи (1730), въ Индіи (1762), на о. Ямаикѣ (1742), въ Канадѣ (1760) и т. д. По примѣру англичанъ къ ложамъ стали примыкать мѣстные англomаны, а за ними и другіе искатели моды: кромѣ англійскихъ, въ европейскихъ городахъ возникли такимъ образомъ и чисто мѣстныя уже масонскія ложи.

Не всѣ англійскія ложи признавали авторитетъ первой Великой Ложи: среди нихъ было немало вновь возникшихъ и старыхъ ложъ, сохранявшихъ

полную независимость или создавшихъ себѣ новые центры—новыя Великія Ложи. Прежде всего возникли великія ложи Ирландіи и Шотландіи—первая въ Дублинѣ (въ 1725 г.), вторая въ Эдинбургѣ (въ 1736 г.). Около трети шотландскихъ ложъ немедленно примкнуло къ Эдинбургской Великой Ложѣ, но это не помѣшало и Кильвигской Ложѣ объявить себя Великой (въ 1743 г.). Гросмейстеромъ Великой Ложи Шотландіи былъ выбранъ представитель рода Сэнтъ-Клэровъ и претендовавшихъ на наслѣдственное званіе «надзирателей и судей масоновъ» (ср. стр. 19); принимая гросмейстерское званіе, сэръ Уильямъ Сэнтъ-Клэръ торжественно отказался отъ этихъ притязаній.

Въ 1726 году право на званіе Великой Ложи предъявила устами «великаго надзирателя» доктора Дракэ и Йоркская Ложа. На годичномъ собраніи въ день апостола Іоанна 27 декабря Дракэ произнесъ большую рѣчь, въ которой указалъ на славное прошлое Йоркской ложи и на роль, которую она играла, по масонскимъ преданіямъ, во времена короля Эдвина. Ссылаясь на нее Дракэ считалъ справедливымъ называть Йоркскую ложу «Великой Ложей Всей Англіи» (*totius Angliae*), не оспаривая, впрочемъ, фактическихъ правъ и Лондонской Ложи.

Какъ выраженіе масонскаго *credo* рѣчь Дракэ является для историка масонства не менѣе цѣннымъ документомъ, чѣмъ «Книга Конституцій» и предисловіе «Филалета», и еще ярче чѣмъ они подчеркиваетъ основныя черты англійскаго масонства—духъ умѣренности и почтительнаго отношенія къ установившейся общественной іерархіи. «Вы, принятые въ масонство изъ чуждыхъ строительству классовъ,—говорилъ Дракэ,—думайте прежде всего о томъ, что связано съ прямымъ вашимъ дѣломъ (*first mind the business of your calling*): не доводите любовь къ масонству до того, чтобы забывать о насущномъ хлѣбѣ и своей семьѣ. Вы отлично понимаете сами, что если въ масонство принять, напримѣръ, портной, то это не значить еще, что онъ способенъ быть строителемъ храмовъ. Ваше собственное призваніе всегда должно стоять на первомъ планѣ, *ложные братья* умѣютъ, правда, строить воздушные замки, но добрый масонъ не станетъ трудиться надъ столь непрочной постройкой, и предпочтетъ остаться на твердой почвѣ дѣйствительности (*to live within Compass*)»...

Къ представителямъ высшаго класса, къ «масонамъ изъ дворянъ» (*gentlemen masons*), Дракэ обращается особо, прося у нихъ извиненія за такую «дерзость» (*Boldness*), продиктованную ему обязанностями надзирателя. «Дворянамъ» Дракэ не только не препятствуетъ заниматься строительствомъ, но и усиленно рекомендуетъ имъ изученіе геометріи и Архитектуры, видя въ этомъ ихъ прямое призваніе: «Дворянинъ безъ знанія наукъ и искусствъ подобенъ остову прекраснаго дома безъ внутренней законченности и убранства. Образование большинства изъ васъ благородно, но не могу выразить вамъ, насколько бы выиграло оно, если бы вы присоединили къ нему изученіе Геометріи и Архи-

тектуры. Во многих ложахъ Лондона и другихъ частей Королевства чтеніе трактатовъ по геометріи и архитектурѣ производится, какъ я слышалъ, на каждомъ собраніи, такъ почему же *ложя*—*мать* должна забыть о своихъ старыхъ обычаяхъ и остаться старшей лишь по праву фактической древности. Пусть дворянину, принявшему франкъ-масонское званіе, не страшна будетъ ни геометрическая задача, ни теорема Эвклида, пусть онъ знаетъ хотя бы исторію Архитектуры и различіе ея пяти частей»...

Въ концѣ рѣчи Дракъ формулировалъ основныя добродѣтели масона въ видѣ краткаго девиза—«*добрый христіанинъ, вѣрноподанный и истинный британецъ*» (good Christian, loyal subject, true Briton)...

Вліяніе на масонскія ложи великосвѣтскаго элемента проявилось между прочимъ въ усложненіи первоначальнаго ритуала—въ появленіи парадныхъ костюмовъ, пышныхъ церемоній, театральныхъ процессій. Создалась особая должность *церемоніймейстеровъ* (stewards) и даже специальная *церемоніймейстерская ложя* (съ 1735 г.). Но главное измѣненіе ритуала состояло въ появленіи новыхъ масонскихъ степеней, или званій. Отъ стараго масонства были унаслѣдованы степени *ученика* (apprentice) и *рабочаго, или мастера* (fellow and master of the craft). Эти двѣ степени были приняты и въ первомъ изданіи «Книги Конституцій». Однако званіе *мастера* стали вскорѣ отдѣлять отъ званія *рабочаго*, и такимъ образомъ создавалась система трехъ степеней со специальнымъ для каждой изъ нихъ обрядомъ посвященія; во второмъ изданіи «Книги Конституцій» она считается уже общепризнанной. Переходъ къ системѣ трехъ степеней тѣмъ болѣе противорѣчилъ первоначальной демократичности масонской организаціи, что посвященіе въ званіе мастера сдѣлалось привилегіей лишь нѣсколькихъ, такъ называемыхъ «*мастерскихъ ложъ*» (master lodges). Процессъ не остановился и на этомъ: за званіемъ мастера, появились другія—«*утвержденный мастеръ*» (installed master), «*выдающійся мастеръ*» и пр. и прежде всего званіе «*Мастера Королевской Арки*» (Master of Royal Arch). Возникла эта степень, какъ утверждаютъ нѣкоторые современные авторы, въ Іоркѣ, и первое документальное упоминаніе о ней относится къ 1740 году. Въ 1765 году при Лондонской Великой Ложѣ былъ организованъ особый «*Капитуль мастеровъ Королевской Арки*» (The Chapter of R. A. masons), превратившійся впослѣдствіи въ «*Верховный Великій Капитуль масоновъ Королевской Арки*», предсѣдатель котораго получилъ титулъ «*Великаго Зароавеля*». Появилась наконецъ и еще цѣлая система масонскихъ званій, связанная съ такъ наз. «шотландствомъ» (о немъ см. ниже), но въ Англіи они официальнаго признанія не получили.

Стремились создать для масонства и болѣе «благородную» генеалогію—сблизить масонскій Орденъ то съ пресловутымъ братствомъ Розоваго Креста, то со средневѣковыми орденами рыцарей-крестоносцевъ: «Стыдись за свое дѣйствительное происхожденіе,—писала въ 1730 г. «Ежедневная Газета» (Daily

Journal)—франкъ-масоны заимствовали у иностраннаго общества Розоваго Креста церемоніи и обряды и стараются увѣрить всѣхъ будто отъ этого общества происходитъ и ихъ собственный орденъ». Андерсенъ, въ поискахъ за «благородной» генеалогіей масонства шелъ еще дальше: «Духовные и свѣтскіе рыцари, писалъ онъ въ 1-мъ изданіи «Книги Конституцій», много обычаевъ заимствовали у франкъ-масоновъ, орденъ которыхъ является самымъ древнимъ изъ существующихъ на землѣ; быть можетъ они были даже его членами». Во 2-мъ изданіи Книги Андерсенъ безо всякаго колебанія приводилъ уже и доказательства въ пользу своего предположенія: и у масоновъ и у палестинскихъ рыцарей есть должность гросмейстера, и тѣ и другіе имѣютъ обрядъ посвященія и «тайны», скрытыя отъ взоровъ непосвященныхъ...

Мысль случайно, повидимому, брошенная Андерсеномъ, не только не заглохла, но получила неожиданное развитіе въ такъ называемомъ «Шотландскомъ масонствѣ» (которое не слѣдуетъ смѣшивать съ масонствомъ Шотландіи). Въ началѣ статьи мы упомянули о теоріи династическаго происхожденія масонства: сторонники этой теоріи не только приписывали раннему масонству активную роль въ борьбѣ политическихъ партій при Стюартахъ, но говорили даже о двухъ враждебныхъ масонствахъ—старомъ «якобитскомъ» и новомъ «оранжистскомъ». Гипотеза эта, основанная на полномъ искаженіи историческихъ фактовъ, возникла все-таки не случайно—поводомъ къ ней послужили дѣйствительныя событія: «Шотландская система масонства», возникшая въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія, была дѣйствительно «якобитскимъ масонствомъ», родилась изъ попытки использовать масонское знамя для якобитскихъ цѣлей, хотя это и не давало историкамъ права ни говорить о якобитствѣ масоновъ XVII вѣка, ни приписывать масонству въ цѣломъ какихъ бы то ни было политическихъ платформъ.

Средой, въ которой мысль о связи масонства съ крестоносцами нашла себѣ благопріятную почву, было шотландское, ирландское и англійское дворянство, окружавшее дворъ Іакова II въ Парижѣ, и, позднѣе, дворъ «Іакова III» въ Римѣ. Здѣсь подъ лозунгомъ возстановленія въ Англіи «законной королевской власти» и правъ католической церкви созрѣвали планы «новаго крестоваго похода»: сказанія о старыхъ крестоносцахъ получили тутъ совершенно особенный, практический, смыслъ. Многіе члены якобитской эмиграціи принадлежали къ масонству; они охотно превращали теперь свой орденъ въ благородный орденъ крестоносцевъ и обогащали идейный багажъ якобитства завѣтами строителей Соломонова Храма и «древними тайнами восточныхъ народовъ».

Еще въ 1731 году въ Дублинѣ вышла анонимная брошюра—A letter from the Grand Mistress of the Franc-masons («Письмо Гросмейстерши франкъ-масоновъ»), въ которой намѣчалась уже въ общихъ чертахъ теорія христіанско-рыцарскаго масонства: «преобразователями языческаго и еврейскаго масонства

Герцогъ Монтагу передаетъ герцогу Уортоу свитокъ масонскихъ конституцій и знакъ гротмейстерскаго достоинства—циркуль. По бокамъ пять паръ колоннъ различныхъ степеней. (Изъ The new book of Constitutions. By James Anderson. London. 1738). Le duc de Montagu passe les constitutions maçonniques au duc de Wharton.

въ современное, христiанское, были Мальтiйскiе рыцари и рыцари Иоанна Иерусалимскаго; всѣ шотландскiе короли, начиная съ Фергуса (VIII вѣкъ) были послѣ этого преемственными гротмейстерами фр.-масоновъ». Въ 1737 году въ публичной рѣчи передъ собранiемъ Парижскихъ якобитовъ шотландскаго дворянина Михаила Рамзэ (Ramsay) теорiя получила уже вполнѣ законченный видъ: «Масонскiй Орденъ,—говорилъ Рамзэ,—возникъ въ Палестинѣ въ эпоху Крестовыхъ походовъ, когда подъ сводами Иерусалимскаго храма были найдены тайныя символы древней священнои науки; рыцари Иоанна Иерусалимскаго вступили въ масонскiя ложи и передали имъ свое имя («Ложи св. Иоанна»): *такъ и евреи, строители 2-го Храма въ одной рукѣ держали лопатку и известъ, а въ другой рукѣ—мечъ и щитъ*»; изъ Палестины масонство перешло въ эпоху

крестовыхъ походовъ въ Германію, Италію, Испанію, Францію, а изъ *Франціи въ Шотландію*, гдѣ первая, Кильвингская, ложа была основана въ 1286 году подъ управленіемъ лорда—правителя Шотландіи Джемса...

Въ дальнѣйшемъ развитіи легенды мѣсто рыцарей Іоанна Іерусалимскаго заняли уже *рыцари Храма*, самое названіе которыхъ какъ бы наталкивало на догадку о близости ихъ къ физическимъ строителямъ храмовъ: послѣ уничтоженія во Франціи Ордена Тамплиеровъ тайный преемникъ ихъ послѣдняго Гросмейстера, Жака-де-Малэ, *Пьеръ д'Омонтъ* укрывся съ нѣсколькими *рыцарями въ Шотландію*, гдѣ они примкнули для безопасности къ масонскому цеху и приняли названіе *франкъ-масоновъ*; такъ сохранили они для потомства свои великія тайны и свой старинный символическій ритуаль.

Въ 1745 году походъ новыхъ крестоносцевъ осуществился. Послѣдній Стюартъ, воспитанный въ Римѣ, внукъ Іакова II—Карлъ Эдуардъ («Карлъ III»), высадился на сѣверѣ Великобританіи и овладѣлъ Шотландскимъ Престоломъ; немедленно онъ объявилъ себя и гросмейстеромъ шотландскаго масонства, но черезъ годъ его сторонники были разбиты войсками Георга II и онъ принужденъ былъ бѣжать обратно на материкъ. Трудно сказать, дѣйствительно ли этотъ послѣдній Стюартъ былъ активнымъ масономъ, но молва сдѣлала его «Верховнымъ Гросмейстеромъ всѣхъ Шотландскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ Ложъ» и отважнымъ заговорщикомъ, посѣщавшимъ тайныя масонскія собранія въ самой столицѣ короля Георга; въ разсказахъ барона фонъ-Хунда (о немъ см. въ другихъ статьяхъ) онъ фигурируетъ въ качествѣ таинственнаго «рыцаря съ краснымъ плюмажемъ», посвящавшаго его въ Парижѣ въ «рыцари Храма».

Якобитская попытка 1745—46 года была послѣдней. Франція охотно поддерживавшая доселѣ якобитскія интриги, послѣ Ахенскаго мира (1748 г.) не только признала Ганноверскую династію, но и обязалась изгнать изъ Франціи Стюартовъ; подъ давленіемъ Людовика XIV отказался отъ нихъ и Римъ. Это было фактическимъ концомъ какъ якобитства, такъ и католическаго масонства. Но, потерявши свой политическій *raison d'être*, «Шотландство» продолжало и въ качествѣ простого придатка къ масонству находить себѣ приверженцевъ среди континентальнаго, а отчасти и англійскаго дворянства. Въ добавленіе къ собственно масонскимъ распространились рыцарскія или «шотландскія» степени, а въ 50-хъ годахъ возникъ, параллельно масонству, «*Королевскій Орденъ Шотландіи*», или «*Орденъ Строгаго Чина*» (*Stricte Observance*) съ различными капитулами—«Рыцарей Востока», «Императоровъ Востока и Запада» и т. п. Въ 1774 году членами «Строгого Чина» состояло, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать королевскихъ принцевъ и царствующихъ особъ. Смертельный ударъ «Строгому Чину» былъ нанесенъ въ 1782 году Конгрессомъ нѣмецкихъ франкъ-масоновъ въ Вильгельмсбадѣ, объявившихъ утвержденіе о связи масоновъ съ тамплиерами не соотвѣтствующимъ исторической правдѣ.

В. «Расколъ» и объединеніе англійскаго масонства (1750—1813 г.).

Мы видѣли уже (стр. 61—62), что Великая Лондонская Ложка не объединяла всего англійскаго масонства, что кромѣ ложъ, признававшихъ ее авторитетъ существовали ложи, совершенно отъ нея независѣвшія, не говоря уже объ ирландскихъ и шотландскихъ ложахъ, создавшихъ себѣ свои собственные центры; нѣкоторыя изъ провинціальныхъ ложъ,—особенно старыя, не вполне утратившія еще цеховыя традиціи ложи (такія ложи встрѣчались въ Англіи до середины XVIII вѣка)—быть можетъ не слышали толкомъ и о существованіи великихъ ложъ. Какъ бы то ни было, процессъ объединенія масонства совершался въ Англіи довольно медленно и не безъ труда, тѣмъ болѣе, что и серьезныхъ стимуловъ для объединенія пока не существовало.

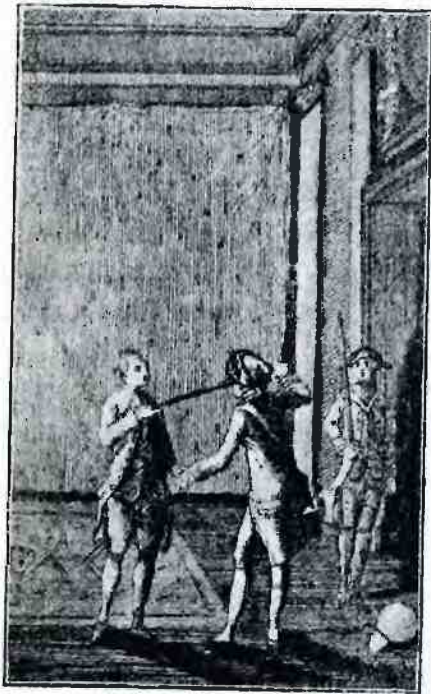
Въ началѣ 50-хъ годовъ процессъ усложнился благодаря появленію новаго масонскаго центра—«*Великой Англійской Ложы Старыхъ Уставовъ*» (according to ancient institutions). Попытки организаціи новыхъ «великихъ ложъ» дѣлались въ Англіи и раньше (мы упоминали, напр., о притязаніи Іоркской ложи), но всѣ онѣ кончались неудачей: дѣйствительно опасный конкуррентъ явился у Великой Лондонской Ложы только теперь. Основанная въ іюнѣ 1751 года въ составѣ пяти лондонскихъ ложъ «Великая Ложка старинныхъ уставовъ» уже черезъ три года имѣла въ своемъ вѣдѣніи 28 ложъ, въ 1760 году—83, въ 1800—167.

Періодъ послѣ ея основанія извѣстенъ въ исторіи масонства подъ именемъ періода «великаго раскола». Въ дѣйствительности раскола тутъ не было, такъ какъ большинство примкнувшихъ къ новому центру ложъ авторитета стараго центра не признавали и раньше: это было такимъ образомъ лишь независимое и параллельное развитіе двухъ организацій.

О причинахъ раздвоенія этого объединительнаго процесса до сихъ поръ можно только догадываться. Сторонники гипотезы двухъ масонствъ выводили его изъ стараго различія яacobитскаго и оранжистскаго масонства; другіе, ссылаясь на косвенные указанія современниковъ, искали корней расхожденія то въ оппозиціонномъ настроеніи іоркскихъ масоновъ, то въ недовольствѣ консерваторовъ «радикализмомъ» Книги Конституцій въ религіозномъ вопросѣ; по мнѣнію Гуда большинство сторонниковъ «старинныхъ уставовъ» составилось изъ ложъ, въ большомъ количествѣ вычеркнутыхъ Великой Ложей изъ списка за невзносъ отчисленій въ благотворительный фондъ. Въ одномъ отношеніи «старые масоны» были дѣйствительно старыми—они не признавали измѣненныхъ въ 40-хъ годахъ масонскихъ паролей: быть можетъ въ этомъ чисто ритуальномъ разногласіи и слѣдуетъ искать главную причину «раскола».

Въ началѣ отношенія между «старымъ» и «новымъ» масонствомъ носили мирный характеръ: не было ни разныхъ столкновеній, ни взаимныхъ нападокъ. Но когда быстрые успѣхи новой организаціи слишкомъ затронули и самолюбіе,

и интересы Великой Ложы, ея сторонники обрушились на «старыхъ» съ обвиненіями въ расколѣ и самозванствѣ, на что тѣ отвѣчали не менѣе рѣзкими нападками на «новыхъ». На нѣсколько лѣтъ загорѣлся ожесточеннѣйшій споръ, руководимый двумя «великими секретарями»—Уильямомъ *Престономъ* со стороны «новыхъ масоновъ» и Лорентомъ *Дермотомъ* со стороны «старыхъ».

Вступленіе новаго члена въ ложу.
(Изъ филадельф. издан. 1787 г.)
Entrée du Recipiendaire en loge de Maître.

Въ 1756 году Дермотъ выпустилъ собственную Книгу Конституцій подъ страннымъ заглавіемъ «*Ахиманъ Резонъ*» (Ahiman Reson)¹⁾. Въ основу ея были положены уставы и обычаи ирландскихъ ложъ, но въ общемъ она мало отличалась отъ «Книги Конституцій» Андерсена. Историческая часть, впрочемъ, отсутствуетъ въ ней совершенно: Дермотъ тонко иронизируетъ надъ историческими приѣмами Андерсена (не называя, впрочемъ, его имени) и, по внушенію яко бы самого Ахимана, отказывается отъ всякой попытки ему подражать.

Разногласія между «старымъ» и «новымъ» масонствомъ носили почти исключительно ритуальный характеръ. Что касается болѣе глубокихъ различій, то если они и существовали, ихъ можно было замѣтить, лишь при началѣ «раскола», когда социальный и національный составъ двухъ масонствъ не успѣлъ еще стать однороднымъ. Въ «старомъ» масонствѣ преобладалъ первоначально ирландскій, и отчасти шотландскій элементъ, въ социальномъ же отношеніи оно было представлено болѣе демократическими классами до ремесленниковъ и мелкихъ буржуа включительно; самъ Дермотъ, ирландецъ по происхожденію, вышелъ изъ простой рабочей семьи и самъ былъ вначалѣ рабочимъ. Въ 1758 году «Великая Ложа старыхъ масоновъ» заключила тѣсный союзъ съ «Великой Ложей Ирландіи», а позднѣе своего рода личная унія соединила ее и съ «Великой Ложей Шотландіи»; въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1771 до 1781 г.) ея гросмейстерами были гросмейстеры шотландскаго масонства *герцоги Атольскіе* (dukes of Athol); организо-

¹⁾ *Ахиманъ* было имя одного изъ четырехъ привратниковъ Соломонова храма, явившихся Дермоту во снѣ, а древне-еврейское слово *rezon*, или *razon* значитъ—милость, благоволеніе.

ная въ концѣ 30-хъ годовъ военныя ложи «старыхъ» масоновъ получили названіе «Атольскихъ» и «походныхъ Ирландскихъ» ложъ.

Именно вліяніе ирландскаго элемента содѣйствовало, быть можетъ, большей консервативности «старыхъ масоновъ» въ области религіи, а также и склонности ихъ къ «добавочнымъ» степенямъ масонства до званія «рыцаря Храма» включительно: только въ этомъ и проявилась, быть можетъ, извѣстная близость ихъ къ «якобитству».

Съ теченіемъ времени составъ обоихъ англійскихъ масонствъ становился все болѣе и болѣе однороднымъ—въ обоихъ рѣшительно преобладалъ великосвѣтскій и титулованный элементъ. Старые споры забывались, ритуальныя различія сглаживались. Въ концѣ XVIII вѣка очень многіе масоны были одновременно членами и «новыхъ», и «старыхъ» ложъ. Объединеніе организацій стало вопросомъ времени.

Первое предложеніе объ объединеніи было сдѣлано въ 1797 году «старыми» масонами, но переговоры протянулись цѣлыхъ 16 лѣтъ, и только въ 1813 году, когда гросмейстерами «старого» и «новаго» масонства стали два брата короля, герцоги Кентскій и Суссекскій, оно наконецъ осуществилось. На общемъ собраніи обѣихъ великихъ ложъ по предложенію гросмейстера «старыхъ масоновъ» герцога Кентскаго герцогъ Суссекскій былъ выбранъ единогласно *«Гросмейстеромъ Великой Соединенной Ложи старыхъ масоновъ Англіи»* (United grand Lodge of Ancient Free-masons of England). Какъ видно изъ этого титула, объединеніе явилось фактически побѣдой «старыхъ». Въ объединительномъ актѣ 1813 г. было объявлено, что *«чистое старое масонство»* состоитъ лишь изъ трехъ степеней—ученика, рабочаго и мастера, но и «высокій Орденъ священной Королевской Арки» признавался на ряду съ ними, какъ добавочный и не для всѣхъ обязательный институтъ. На такихъ же основаніяхъ допускался въ масонствѣ ритуаль и рыцарскихъ степеней.

Въ 1815 году появилось новое изданіе «Книги Конституцій». Боевой пунктъ о религіи и Богѣ былъ формулированъ въ ней такъ: «Та или иная религія и способъ поклоненій божеству не можетъ быть поводомъ къ исключенію кого бы то ни было изъ Общества франкъ-масоновъ, лишь бы онъ вѣровалъ въ славнаго

Клятва испытываемаго.
(Изъ филадельф. изданія 1787 г.).
Serment de l'Apprentif.

Архитектора неба и земли и практиковалъ священныя обязанности морали». Формулировка эта представляла компромиссъ между сторонниками полной свободы совѣсти и масонами, желавшими видѣть въ своей средѣ однихъ христіанъ.

Ив. Херасковъ.

Страсбургскихъ масоновъ
1725 г.
Maçons de Strasbourg.

Масоновъ
Кельна.
Maçons de Cologne.

Масоновъ Нюрнберга
1725 г.
Maçons de Nuremberg.

Великой ложи
всей Англіи 1725 г.
De la grande Loge
de toute l'Angle-
terre.

**Масонскіе
гербы
XVIII в.

Les armes
maçonniques
du XVIII siècle.**

Кельнскихъ масо-
новъ (съ печати
1396 г.).
Maçons de Cologne.

Уже въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка въ Парижѣ числилось 5 ложъ. Первая ложа, извѣстная подъ разными наименованіями, основана была будто бы въ 1725 году, но лишь въ 1732 году получила свою конституцію отъ великой ложи Англіи. Въ основаніи этой ложи среди другихъ англичанъ принималъ дѣятельное участіе Чарльзъ Рэдклиффъ, графъ Дервентуотеръ, убѣжденный якобитъ, сложившій впослѣдствіи свою голову на плахѣ въ Англіи. Смутныя свѣдѣнія масонскихъ лѣтописцевъ и историковъ ставятъ его на почетное мѣсто предполагаемаго 1-го великаго мастера (гроссмейстера) Франціи съ 1736 года. Послѣ него будто бы былъ выбранъ 4 или 6 ложами, въ качествѣ великаго мастера, графъ Гарнуестеръ, предполагаемый 2-ой гроссмейстеръ Франціи.

Таковъ легендарный періодъ французскаго франкъ-масонства, признаваемый официальной масонской традиціей.

Рядомъ съ якобитскимъ дворянствомъ организуютъ ложи во Франціи и представители англійской знати, сохранившей вѣрность новому Ганноверскому дому. Англійскія газеты рассказываютъ неоднократно о засѣданіяхъ парижскихъ ложъ, учрежденныхъ родовитыми англійскими аристократами, на которыхъ присутствуетъ, между прочимъ, и знаменитый Монтескье. Въ 1737 году одна изъ лондонскихъ газетъ сообщаетъ даже, что орденъ франкъ-масоновъ, давно уже существующій въ Англіи, пользуется въ Парижѣ большимъ расположеніемъ, и недавно въ него вступило 18—20 членовъ аристократіи.

Общественный и политическій строй Англіи этого времени представлялся идеальнымъ какъ французской знати, согнувшейся подъ игомъ королевскаго абсолютизма, такъ и буржуазіи, жаждавшей сравняться съ высшими классами. Въ самомъ дѣлѣ абсолютная власть короля лишила политической самостоятельности могущественное прежде дворянство. Всякія собранія, преслѣдовавшія серьезныя цѣли, воспрещались: и 20 дворянъ не имѣли права собраться безъ нарочитаго разрѣшенія короля. Отъ прежнихъ провинціальныхъ собраній (по сословіямъ) осталась одна тѣнь. Собранія частныхъ лицъ были терпимы лишь тогда, когда устраивались ради развлеченій, да и то подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи.

Между тѣмъ разореніе и позоръ, навлеченные на Францію себялюбивою политикой Людовика XIV, не могли не вызвать протеста, робкаго среди знати, бурнаго, стихійнаго среди народа, утѣсняемаго и духовно и экономически.

Королевское могущество было слишкомъ велико, чтобы какъ отдѣльные голоса знатныхъ критиковъ, такъ и отчаянная борьба отдѣльныхъ кучекъ плохо организованнаго крестьянства могли пошатнуть престолъ Людовика XIV.

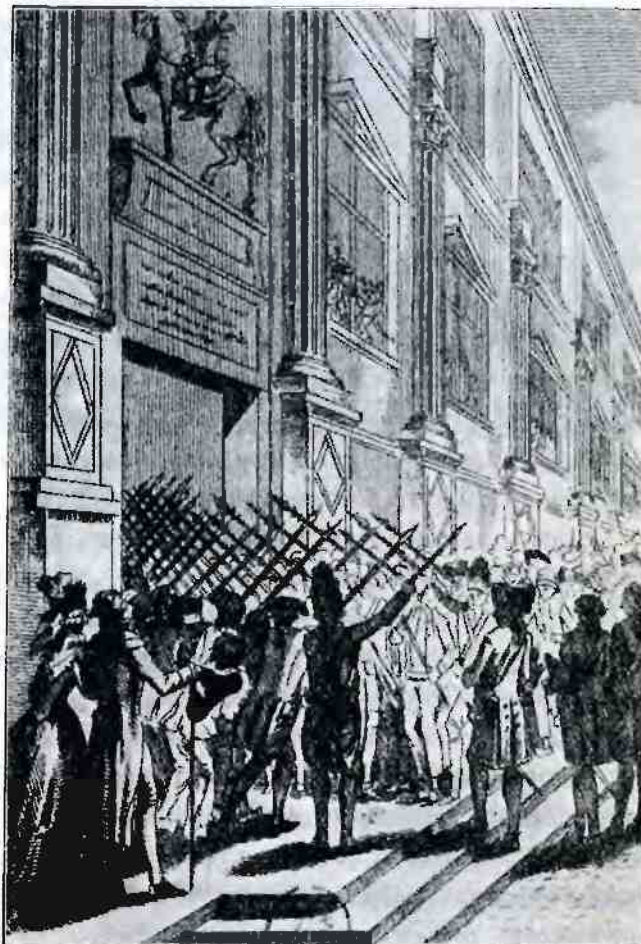
Но едва онъ закрылъ глаза, какъ регентъ малолѣтняго Людовика XV герцогъ Филиппъ Орлеанскій принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, смягчившія рѣзкій характеръ абсолютной власти. Проснулись и бывшая политическія притязанія знати, которая устами графа Буленвилье производила себя отъ

франковъ-завоевателей и требовала себѣ почетнаго мѣста у другихъ сословій, происходившихъ будто бы отъ поработенныхъ галловъ. Пробуждалось къ жизни политической и третье сословіе. Проповѣди Массилона, сочиненія аббата Сень-Пьера вызвали образованіе такъ называемаго клуба «антресоля», гдѣ ученые, государственные сановники и нѣкоторые буржуа обсуждали политическіе вопросы дня. Клубъ сумѣлъ повліять даже на внѣшнюю политику правительства.

Тѣмъ съ большей силой искало выхода и религіозное чувство буржуазіи, оскорбляемой сухой обрядностью господствующей церкви и суровыми полицейскими преслѣдованіями научной и религіозной мысли. Иногда эти религіозныя томленія выливались въ уродливыхъ формахъ почитанія подозрительныхъ праведниковъ и сомнительныхъ подвижниковъ несмотря на всѣ гоненія и запрещенія духовныхъ властей. Въ то же время цвѣтъ буржуазіи, достигшій вліятельнаго положенія въ рядахъ судебной магистратуры, вель нескончаемую упорную борьбу съ ультрамонтанствомъ, отстаивая отъ честолюбивыхъ притязаній римской куріи права національной галликанской церкви.

При такихъ условіяхъ туманный и неопредѣленный идеаль братства съ религіозно-нравственной окраской, воплощенный въ англійскомъ масонствѣ, нашель сочувствіе и у французскаго аристократа и у буржуа.

Если дворянамъ, мечтавшимъ о былой власти, представлялось выгодное положеніе руководителей новыхъ обществъ, то взоры всѣхъ худородныхъ, жа-

Людовикъ XVI, проходящій подъ скрещенными пиками масоновъ (см. стр. 62).

Le Roi passant sous les piques.

ждавшихъ перемѣны своего общественнаго положенія и недовольныхъ сухой обрядностью господствующей церкви, устремились назадъ къ любезному сердцу «естественному состоянію». И идеологи третьяго сословія съ особымъ тщаніемъ должны были искать средства для того, чтобы вытѣснить уклоненія отъ природы, вернуть природѣ прежнюю власть и возстановить первобытное состояніе всеобщей свободы и равенства. Лучше всего передаетъ эти ожиданія и упованія очень популярное анонимное произведеніе «Франкъ-масонъ (Сновидѣніе)». Оно неоднократно переиздавалось въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка. Сама природа заявляетъ, что «счастливыя времена должны вернуться. Законы мои будутъ управлять Франціей. Настоящее ручается мнѣ за счастливое будущее»... Она приглашаетъ спящаго слѣдовать за ней и показываетъ ему умилительную картину смиренія гордыхъ. «Это моя самая лучшая побѣда надъ человѣчествомъ», говорить природа. «Она напоминаетъ великимъ законъ равенства и повергаетъ къ ногамъ кумиръ славы, жертву почтенной и благородной свободы, которая ничего не заимствуетъ отъ неправедныхъ преимуществъ и учитъ чтить право государей и боговъ. Царство мое освятило справедливую зависимость, которой требуетъ власть государей и боговъ. Не удивляйся поэтому счастливой гармоніи, порождаемой общностью сего блестящаго согласія»...

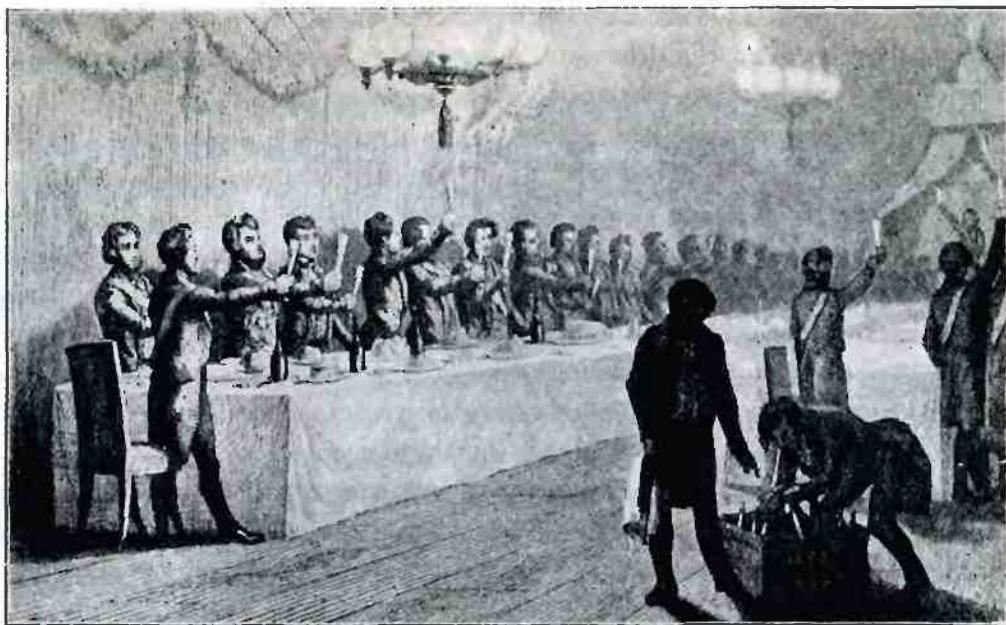
Итакъ, пылкія мечты о возвращеніи къ природѣ сочетаются съ вѣрноподданническими чувствами, и стремленія къ равенству и братству, облеченныя въ высокопарныя фразы, отвергаютъ какой-либо политическій протестъ.

Принципы франкмасонства вполне соответствовали этимъ скромнымъ стремленіямъ почтительнаго вѣрноподданнаго буржуа къ нравственному совершенствованію и соціальному равенству.

Поэтому памфлетъ *Sceau Rompi* энергично заявляетъ: «каково бы ни было происхожденіе франкмасонства, каковъ бы ни былъ духъ его учрежденія, нынѣ вся его цѣль—возвратить человѣчество къ первоначальному равенству и установить между масонами союзъ общности, отменяя различія, порождаемыя среди насъ рожденіемъ, сословіемъ и должностями»...

Третье сословіе особенно должно было желать этого вождельннаго равенства—и картина засѣданія масонской ложи вызываетъ умиленіе у мягкодушныхъ братьевъ: «Какой иной примѣръ можетъ намъ до сихъ поръ представить счастливыя времена Астреи? Всякій дворянинъ позволяетъ своему дворянству фамиллярничать; буржуа возвышается до нѣкотораго великодушія, словомъ, кто только имѣетъ въ чемъ преимущество, охотно отказывается отъ него; все уравнивается. Титуль «брата» не пустое словообращеніе: всѣ сообща наслаждаются пріятностями братства. Заслуги и таланты выдѣляются, но тѣ, кто имѣетъ счастье обладать ими, проявляютъ ихъ безъ страха и гордости, потому что тотъ, кто лишень этихъ преимуществъ, не чувствуетъ отъ этого ни униженія ни зависти. Никто не хочетъ тамъ блистать, каждый старается нравиться».

Масонскій банкетъ (изъ книги Clavel. «Histoire pittoresque de Franc-maçonnerie»).
Banquet maçonnique.

Стремленіе къ равенству настолько сильно сказывается, что ложі французскія объявляютъ всѣхъ братьевъ благородными—«рыцарями».

Понятно, что масонство быстро начинаетъ распространяться, и уже въ 1732 г. находимъ мы «англійскую» ложу въ Бордо. Вскорѣ затѣмъ появляются ложі въ другихъ большихъ городахъ Франціи: Ліонѣ, Руанѣ, Канѣ, Монпелье, Авиньонѣ, Нантѣ, Тулузѣ. Наконецъ, молодой герцогъ д'Антэнъ, становится во главѣ парижскихъ ложъ: это 3-й, если слѣдовать масонской традиціи, но на самомъ дѣлѣ первый французскій великій мастеръ.

Но слабое развитіе общественнаго самосознанія привело къ усвоенію лишь одной внѣшней формы англійскаго масонства.

Времяпровожденіе братьевъ-масоновъ, собиравшихся въ ресторанахъ и кабачкахъ, не отличалось строгостью нравовъ: роскошные обѣды и карточная игра, повидимому, ихъ главное занятіе. Между тѣмъ таинственность, съ одной стороны, и шумность собраній—съ другой, скоро привлекли къ масонамъ особенное вниманіе полиціи, не прекращавшей за масонами зоркаго наблюденія съ тѣхъ поръ, какъ движеніе это вышло за предѣлы англійской колоніи. 10 сентября 1737 года полицейскій обходъ застигъ въ полномъ разгарѣ собраніе масоновъ у виноторговца Шапло. Уже на улицѣ было замѣтно громадное скопленіе кабріолетовъ, лакеевъ знатныхъ господъ и любопытныхъ. Несмотря на энергичный протестъ случившагося здѣсь великаго мастера—герцога д'Антэнъ, полицейскій комиссаръ настоялъ на закрытіи собранія, при чемъ содержатель

гостиницы поплатился большим штрафом. Но полицейскія гоненія не помѣшали дальнѣйшему распространенію масонства въ самомъ Парижѣ и засѣданіямъ у популярныхъ гостинщиковъ:

«Какъ они, иди работать у Гюлена, у Рюэлля,
У Шаппо, у Вальяна и у Ланделя»

совѣтуетъ враждебный масонамъ памфлетистъ. Особенно же свободно развивались ложи за предѣлами Парижа, въ провинціяхъ, куда не досягаль зоркій глазъ парижской полиціи. Такъ въ Люневиллѣ масоны устроили 17 февраля 1738 года большой пиръ, на которомъ присутствовали лица обоихъ половъ и братья-масоны, притомъ во всѣхъ своихъ отличіяхъ. Торжество началось концертомъ. Въ полночь открылся балъ подъ звуки великолѣпнаго оркестра. Въ двухъ смежныхъ комнатахъ шла оживленная игра въ карты. Собравшіеся были такъ увѣрены въ своей безнаказанности, что ожидали даже прибытія высокопоставленнаго гостя, короля Станислава Лещинскаго (намѣстника Лотарингіи и тестя Людовика XV).

Очевидно такое времяпровожденіе не было исключеніемъ въ практикѣ масонскихъ ложъ. Такъ, въ одной изъ французскихъ газетъ 1736 года находимъ извѣстіе такого рода: «Столь старое какъ и знаменитое въ Англіи общество дѣлается моднымъ. Кто хочетъ вступить въ него, долженъ внести 10 луидоровъ и въ придачу сказать много добрыхъ словъ. Недавно было принято 10 новыхъ сочленовъ и церемонія закончилась обѣдомъ, при которомъ присутствовали люди первыхъ чиновъ, при чемъ нѣкій герцогъ, прежде чѣмъ садиться за столъ, выигралъ у одного англійскаго лорда 700 луидоровъ въ пикетъ». При такихъ условіяхъ старанія полиціи разузнать масонскія тайны увѣнчались успѣхомъ: при помощи подкупленной пѣвички удалось получить масонскій ритуаль, который тотчасъ и былъ преданъ на посмѣяніе публики. Танцовщицы исполняли въ театрѣ «масонскій танецъ». Ученики іезуитской collegіи высмѣивали въ пантомимѣ принятіе въ масоны. Даже въ театрѣ маріонетокъ выступалъ франкъ-масонъ—петрушка. Посыпалась масса ядовитыхъ памфлетовъ, но масонство вмѣстѣ съ тѣмъ стало вопросомъ дня,—оно сдѣлалось моднымъ и ему открылся широкій путь въ ряды третьяго сословія.

Правда, гоненія обрушились на масоновъ во всѣхъ углахъ Европы и достигли своего апогея въ выступленіи римской куріи. Папа Климентъ XII особой буллой отъ 7 апр. 1738 года обвинялъ свободныхъ каменщиковъ (*liberi muratori*) въ лицемѣріи, притворствѣ, ереси и извращеніяхъ. Въ особую вину имъ ставилась таинственность и скрытность. Виновымъ въ принадлежности къ масонству грозило отлученіе.

Набѣги полиціи, злостныя нападенія официальныхъ газетъ вызвали попытку самозащиты. Мишель Прокопъ, докторъ и видный членъ масонскихъ ложъ,

попытался защитить масонство и нарисовалъ въ стихахъ любопытный портретъ франкъ-масона 40-хъ годовъ.

«Позвольте мнѣ вамъ сообщить, кто настоящій франкъ-масонъ. Люди нашего ордена всегда выигрываютъ отъ близкаго знакомства съ ними, и я надѣюсь своей рѣчью внушить желаніе вступить въ орденъ. Что же такое представляетъ настоящій франкъ-масонъ? Вотъ его портретъ. Это добрый гражданинъ, усердный подданный, вѣрный своему государю и государству, и кромѣ того,—совершенный другъ. У насъ царитъ свобода, но всегда приличная. Мы вкушаемъ наслажденіе, не оскорбляя небесъ. Цѣль нашихъ стремленій—возродить Астрею и возсоздать людей такими, какими они были во времена Реи. Мы идемъ не проторенной стезею. Стараемся созидать, и наши зданія—темницы для пороковъ, или храмы для добродѣтелей»... Таково общее направленіе французскаго масона: смиренный вѣрноподданный и благочестивый человекъ, онъ живетъ въ мирѣ съ установленной властью и господствующей церковью, усиленно подчеркивая это какъ на засѣданіяхъ, такъ и внѣ ихъ, и довольствуясь своимъ туманно и обще выраженнымъ міросозерцаніемъ.

Но булла Климента напугала вѣрующихъ католиковъ, несмотря на то, что парижскій парламентъ отказался признать ее и воспротивился официальному ея опубликованію въ Франціи. Тотчасъ послѣ нея основывается странный и малоизвѣстный «орденъ мопсовъ», въ который впервые допускаются и женщины въ качествѣ членовъ, при чемъ условіемъ ставилась принадлежность къ римско-католической церкви.

Являются и другія общества, преслѣдовавшія исключительно цѣли веселыя и ничего не имѣвшія общаго съ нравственностью: таковы «орденъ благополучія», «орденъ якоря» (1742—1745 гг.).

Гораздо раньше удумала полиція при помощи придворнаго духовенства создать противовѣсъ масонству, но удалось осуществить этотъ хитроумный проектъ при посредствѣ королевскаго духовника отца Вуазена лишь въ 1742 г. Это былъ «безсмертный и почтенный орденъ благого отца и патріарха Ноя». Новоявленный орденъ долженъ былъ удовлетворять страсти къ пышнымъ титуламъ и церемоніямъ, и ритуаль его былъ скроенъ по образцу масонскаго. «Ордену Ноя» не удалось задержать развитіе масонства во Франціи несмотря на то, что въ эти годы преслѣдованіе полиціи, угрозы главы церкви и хаотическое образованіе новыхъ ложъ внесли въ ряды французскаго масонства сильное разложеніе. Хотя де ла Тьерсъ уже въ 1733 году перевелъ книгу конституцій съ англійскаго, она лишь въ 1742 году могла появиться въ свѣтъ, да и то за границей во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. И свѣдѣнія о характерѣ и цѣли масонскаго труда о ритуалѣ, наконецъ, историческія данныя о происхожденіи масонства приходилось почерпать изъ памфлетовъ разнаго типа: одни изъ нихъ сожалѣютъ о печальномъ положеніи масонства, другіе (какъ, напр., произведеніе опернаго

музыканта Travenol'я) злорадно высмѣиваютъ и издѣваются. Доброжелательные памфлеты сороковыхъ годовъ съ грустью констатируютъ торговлю степенями, пышность торжественныхъ обѣдовъ, разобщеніе провинціальныхъ и столичныхъ ложъ и умноженіе поддѣльныхъ, мнимыхъ масонскихъ ложъ. Нѣкоторые изъ авторовъ предлагаютъ и цѣлый рядъ мѣръ для исправленія недостатковъ и возрожденія гибнущаго масонства: прежде всего необходимо широкое освѣдомленіе о цѣляхъ и задачахъ масонства на основаніи англійскихъ конституцій, потомъ ограниченіе числа членовъ ложи и строгая отчетность въ расходованіи денежныхъ суммъ. Упрекая мастеровъ ложъ въ невѣжество и незнаніи основоположеній масонства, нѣкоторые памфлеты указываютъ на существованіе семи степеней, на такъ называемыхъ «шотландскихъ мастеровъ». Въ то же время рѣзко подчеркивается особенное разложеніе столичныхъ масонскихъ ложъ, которое дошло до того, что въ провинціи называются «парижскими мастерами» всѣ тѣ, кто вовсе не исполняетъ или лѣнитъ исполнять предписанія ордена.

Среди этихъ обвиненій, соболѣзующихъ совѣтовъ и нареканій скончался герцогъ д'Антэнъ, оставляя французское масонство безъ опредѣленнаго центра, безъ внутренней связи.

Черезъ два дня послѣ его смерти 11 декабря 1743 года собраніе 16 парижскихъ мастеровъ выбрало пожизненнымъ великимъ мастеромъ принца королевской крови Людовика Бурбона, графа Клермонъ. Съ этихъ выборовъ ведетъ свое начало и «великая англійская ложа Франціи».

Собраніе парижскихъ мастеровъ, избравшее новаго гроссмейстера, приняло затѣмъ и новый уставъ, представлявшій переработку англійскихъ Андерсоновскихъ конституцій примѣнительно къ французскимъ порядкамъ.

Слѣдуя англійскому образцу, уставъ признаетъ лишь 3 символическихъ степени и сурово отклоняетъ всякія притязанія на особые преимущества и привилегіи такъ называемыхъ «шотландскихъ мастеровъ».

Такимъ образомъ, избиратели новаго гроссмейстера принуждены были почитаться съ любопытнымъ учрежденіемъ, выросшимъ на почвѣ своеобразныхъ условій развитія французскаго масонства.

«Шотландцы», «шотландскіе мастера» формируются въ потокѣ того же самаго реформистскаго движенія, которое выдвинуло и избирателей 1743 года.

Хаотическое распространеніе франкмасонства въ провинціяхъ, стремленіе мало освѣдомленныхъ братьевъ познать основы масонской легенды, кривотолкованія доморощенныхъ мастеровъ привело къ оригинальной эволюціи самой легенды. Рядомъ съ Хирамомъ становится Адонирамъ, завѣдывающій работами въ Соломоновомъ храмѣ. О бокъ съ хирамической легендой, такимъ образомъ, развивается адонирамическая. Цѣлью работы въ ложѣ является построеніе храма человѣческаго счастья. Мало того, проскальзываютъ и пантеистическіе и даже матеріалистическіе элементы

Къ этому присоединились интриги якобитовъ, подготовлявшихъ экспедицію въ Шотландію отчаяннаго авантюриста королевской крови Карла - Эдуарда Стюарта, иначе «Молодого претендента». Экспедиція кончилась полнымъ пораженіемъ якобитовъ и бѣгствомъ претендента во Францію. Но ловкіе памфлетисты сумѣли связать этотъ новый крестовый походъ съ ветхимъ средневѣковьемъ и найти параллели между цѣлями крестоносныхъ орденовъ и франкмасонскихъ ложъ. Послѣ этого, нетрудно для нихъ оказалось открыть хронологическія звенья и даже родство масоновъ съ рыцарями Св. Іоанна Іерусалимскаго, а послѣ протеста мальтійскихъ рыцарей установить близость масонства къ тамплиерамъ—рыцарямъ храма и отыскать въ Шотландіи мнимую прародину масонства. Такъ подготовлена была почва для появленія таинственной степени «шотландскаго мастера». Постройка храма Соломонова, наименованіе рыцарей храмовниковъ, походъ въ Шотландію—все это сплелось въ полную неразбериху, дающую полный просторъ для любителей филологическихъ толкованій и корнесловій. Немудрено, что на этотъ благодарный матеріалъ накинулись съ жадностью всякаго

Герцогъ д'Антэнъ (см. стр. 42).
Le duc d'Antin.

рода авантюристы, иные задававшіеся благими цѣлями вывести масонство на торную дорогу, другіе не имѣвшіе ничего въ виду, кромѣ честолюбивыхъ эгоистическихъ цѣлей, третьи, мечтавшіе сдѣлать свои помыслы орудіемъ политическихъ интригъ.

Типическимъ представителемъ такихъ людей является первый, кто попытался установить связь между масонствомъ и крестоносными орденами, Михаилъ Андрей Рамзэ, — личность темная и загадочная, связанная явно съ якобитами, но въ то же время получающая свободный пропускъ въ Англію; гувернеръ въ знатномъ герцогскомъ домѣ Бульоновъ, онъ мечтаетъ о масонской космополитической республикѣ и въ то же время отрекается предъ французскимъ

министромъ-кардиналомъ Флери отъ всякаго участія въ масонскихъ ложахъ. Шпіонъ Стюартовъ, а быть можетъ и Ганноверской династіи—человѣкъ съ двойнымъ лицомъ, онъ въ своей знаменитой рѣчи ловко формулировалъ связь масонства съ орденами крестоносцевъ и далъ толчокъ пышному расцвѣту разныхъ системъ и высшихъ степеней. По слѣдамъ его пошли и другіе—и особенно много сдѣлалъ для обработки степени «шотландскаго мастера» болѣе поздній дѣятель 60-хъ годовъ баронъ Генрихъ Чуди, такая же перелетная птица, какъ и Рамзэ. Потомокъ извѣстной швейцарской фамиліи, заброшенной въ Метцъ, сынъ совѣтника парламента, рьяный памфлетистъ, актеръ французской труппы при дворѣ Елизаветы Петровны, частный секретарь И. И. Шувалова, онъ въ то же время и лучший идеологъ шотландской системы, связанной съ легендами о храмовникахъ и борьбой Стюартовъ за утраченный престолъ.

Такимъ образомъ, уже съ 40-хъ годовъ памфлеты знакомятъ насъ съ различными новыми степенями—«архитектора»—«избранника», «Кадошъ»,—которые выросли на почвѣ развившейся легенды о мести за убитаго Адонирама, о мести за гибель тамплиеровъ. Но чаще всего встрѣчается окруженное особымъ ореоломъ званіе «шотландскаго мастера»: отъ него ждутъ реформы и наставленія.

Уставъ 1743 года съ его запретомъ не могъ положить преграду появленію высшихъ степеней и новыхъ системъ. Уже въ 1747 году кавалеръ Бошэнъ основалъ «орденъ дровосѣковъ», который, уступая настойчивому стремленію знатныхъ дамъ, вводилъ ихъ въ ложу, какъ равноправныхъ членовъ. Въ 1754 году кавалеръ Бонневиль основалъ капитулъ высшихъ степеней въ Парижѣ и въ честь гроссмейстера далъ ему имя Клермонскаго. Но скоро этотъ капитулъ былъ поглощенъ новыми системами. Погоня за усложненіемъ степеней и пышный расцвѣтъ многостепенныхъ системъ, очевидно, основывались на крупномъ социальномъ фактѣ. Таковымъ и была борьба между дворянствомъ и буржуазіей, а въ средѣ самого дворянства—между старымъ судейскимъ и пожалованнымъ. Если буржуа жаждалъ отличій, то не менѣе его жаждалъ ихъ и дворянинъ, ревниво слѣдившій за сохраненіемъ чести своихъ предковъ: онъ привыкъ къ феодальной іерархіи и старался использовать въ этомъ смыслѣ масонскую легенду. Добивались мѣста въ ложѣ и знатная дама, и жена богатаго боржуа, которыя завоевали уже себѣ долю политическаго и общественнаго вліянія: создали салоны.

Такимъ образомъ, всѣ стремленія къ «естественному порядку» разбивались о классовыя и групповыя перегородки.

Понятно тогда, почему Великая англійская ложа Франціи, издавая новый статутъ, въ концѣ-концовъ уступила общему теченію и предоставила въ 1755 году шотландскимъ мастерамъ особыя привилегіи въ ложахъ, поручила имъ наблюденіе и увѣщаніе.

Если раньше уставъ считался съ англійскими конституціями, то теперь онъ рѣзко расходился съ ними, признавая необходимымъ условіемъ вступленія

въ ложу исповѣданіе христіанской религіи и даже римско-католической. Самое названіе Великій ложы эмансипируется: она называется Великой ложей Франціи. Масонство рѣшительно становилось на путь полного приспособленія къ французскимъ порядкамъ. Послѣ этого открылась широкая дорога для новыхъ туземныхъ масонскихъ системъ. Въ 1756 году является новый капитулъ «кавалеровъ Востока», а въ 1758 выступаетъ еще болѣе пышная система «Императоры Востока и Запада», члены которой именovali себя «Верховными князьями-масонами, главными намѣстниками королевскаго искусства, великими наблюдателями и офицерами великой и верховной ложы Св. Іоанна Іерусалимскаго». Послѣдняя система состояла изъ 25 степеней, раздѣленныхъ на 7 классовъ: 1-й ученикъ, подмастерье, мастеръ; 2-й: тайный мастеръ, совершенный мастеръ, интимный секретарь, прево и судья, интендантъ; 3-й: мастеръ избранникъ 9-ти, мастеръ избранникъ 15-ти, верховный избранный рыцарь; 4-й: Великій мастеръ—зодчій, рыцарь королевскаго ковчега, великій избранникъ; 5-й: рыцарь Востока, князь Іерусалима, рыцарь Востока и Запада, верховный князь—Розенкрейцеръ, великій жрецъ пожизненный мастеръ; 6-й: Великій патріархъ Ноя, Великій мастеръ масонскаго ключа, князь Ливанскій или князь королевской сѣкиры; 7-й: Верховный князь ученикъ, Великій командоръ Чернаго орла, Верховный князь королевскаго молчанія.

Большинство «рыцарей» принадлежало къ буржуазіи, «императоровъ» же къ знати,—слѣдствіемъ этого была борьба между обѣими системами, которая привела къ основанію «императорами» новой Великой ложы.

Въ концѣ-концовъ «императорамъ» удалось окончательно вытѣснить «кавалеровъ» изъ Великой ложы.

Такъ не оправдались надежды на реорганизацію масонства. Великій мастеръ былъ занятъ своей военной карьерой, а потомъ обычными развлеченіями знатнаго барина той эпохи. Но близость его къ высшему духовенству не спасла масонство отъ новыхъ громовъ церкви: папа Бенедиктъ XIV возобновилъ осужденіе, высказанное Климентомъ XII.

Масонство являлось какъ бы особымъ феодаломъ, которымъ распоряжались подручные великаго мастера высокороднаго аристократа, принца крови; все вершили замѣстители графа Клермонтскаго: незначительный банкиръ Боръ и учитель танцевъ, связанный съ графомъ Клермономъ различными щекотливыми услугами, Лакорнь. Они, разумѣется, не обладали достаточнымъ авторитетомъ, чтобы упорядочить расшатавшееся масонство. И снова возобновилось старое: засѣданія ложъ превращались въ шумныя оргіи, масонскія тайны выдавались людямъ весьма двусмысленной нравственности.

Между тѣмъ число ложъ непрерывно возрастало—и патентами на открытіе, печатями, удостовѣреніями, знаками отличія открыто торговали, запрашивая дорого и уступая по своей цѣнѣ.

Среди этой неурядицы умеръ графъ Клермонтскій (1771 г.), и кучка энергическихъ парижскихъ масоновъ задумала провести вновь реформу. Враждовавшія въ Великой ложѣ группы примирились, и въ особомъ собраніи, въ которомъ участвовали вмѣстѣ съ парижскими мастерами и делегаты отъ провинціальныхъ ложъ, былъ выбранъ новый гроссмейстеръ, герцогъ Шартрскій, впоследствии Орлеанскій, будущій Филиппъ-Эгалитэ, и его замѣститель, герцогъ Монморанси-Люксембургъ.

Это знаменитое собраніе делегатовъ отъ ложъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ въ 1772—73 г. и получило названіе «Національнаго». Въ трудахъ его, помимо депутатовъ отъ Парижа, участвовало болѣе 90 провинціальныхъ; очень, много принадлежало къ высшему титулованному дворянству (до 40). Но принципъ непосредственнаго представительства не былъ осуществленъ: большинство жило въ Парижѣ и представляло по нѣскольку провинціальныхъ ложъ. Такъ Баконъ де ла-Шевальери—5; маркизь де ла-Клермонъ-Тоннеръ—7; Лабади даже 27, Тюркгеймъ—всѣ Страсбургскія, Виллермо—Ліонскія, графъ Александръ Строгановъ—всѣ ложи Франшконте. Всѣмъ вершилъ небольшой кружокъ знатныхъ масоновъ, имѣвшій во главѣ Монморанси-Люксембурга. Великая ложа была подраздѣлена на три палаты: администраціи, Парижа и провинцій. Работа въ ложахъ была подчинена надзору особыхъ 22 провинціальныхъ инспекторовъ, обязанныхъ представлять отчеты о своихъ наблюденіяхъ. Когда затѣмъ тѣсный аристократическій кружокъ герцога Монморанси-Люксембурга сталъ энергично выяснять отчетность прежнихъ дѣятелей Великой ложи и, набирая высшихъ сановниковъ ложи изъ своихъ, удалилъ Лабади, завѣдывавшаго сношеніями съ провинціальными ложами, произошелъ расколъ. Лабади, энергичный и честолюбивый буржуа, сумѣлъ привлечь на свою сторону парижскихъ мастеровъ, выяснивъ имъ, насколько проводимыя новыми заправилами централистическія тенденціи грозятъ ихъ несмѣняемости и авторитету. Часть парижскихъ мастеровъ поэтому протестовала и сохранила старую ложу.

Обѣ Великихъ ложи—новаго состава и стараго—вступили другъ съ другомъ въ ожесточенную борьбу, хотя обѣ признавали одного и того же гроссмейстера и его замѣстителя. Монморанси не побрезговалъ даже воспользоваться своими связями, чтобы натравить полицію на вождей старой ложи.

22 октября 1773 года состоялось торжественное вступленіе въ должность новаго гроссмейстера, въ признаніи котораго объединились всѣ капитулы, совѣты и шотландскія ложи Франціи. Съ этого времени новая Великая національная ложа именуется себя Великимъ Востокомъ Франціи. Старая ложа, не уступая соперницѣ, принимаетъ тоже титулъ «Одного и Единственнаго Великаго Востока Франціи».

Лабади удержалъ въ своихъ рукахъ всѣ документы, касавшіеся провинціаль-

ныхъ ложъ, и поэтому, чтобы оторвать отъ старой логи провинціальныя и привлечь ихъ къ себѣ, Великій Востокъ, замыслилъ раздѣлить Францію на 32 генералитета и создать въ главныхъ городахъ мѣстные центры—Великія провинціальныя логи. Но проектъ не принесъ реальныхъ плодовъ: образовалось всего 4—5 провинціальныхъ ложъ.

Продолжая дѣло внутренней организаціи масонства, Великій Востокъ высказывается за сохраненіе 3 символическихъ степеней, учреждаетъ комиссію для редактированія высшихъ степеней изъ трехъ лицъ (Бакон де ла Шевальри, барона Туссэна и графа А. Строганова) и санкціонируетъ допущеніе дамъ наравнѣ съ братьями-масонами, для чего учреждаются такъ называемыя «адоптивныя» логи.

Во главѣ Великаго Востока становятся зажиточные титулованные дворяне, что и отражается на высокихъ взносахъ, которыми облагаются главные сановники Великаго Востока, не только на содержаніе своей логи, но и на содержаніе центрального органа—не менѣе 150 ливровъ въ годъ.

Аристократическія тенденціи заправилъ Великаго Востока сказываются и въ образованіи особыхъ ложъ, членами

которыхъ была исключительно знать. Такъ герцогъ Шартрскій основалъ въ 1775 г. ложу «Чистоты», въ которую вошли отборные представители знати: герцогъ Шуазель, маркизь Лафайетъ, маркизь Сень-Жермень, принцъ Гессе, принцъ Нассау, маркизь Спинола и другіе. Особая ложа составляла даже фамиліное достояніе знатнаго рода герцоговъ Бульоновъ—Великій Востокъ Бульоновъ. Положенъ былъ предѣлъ и притоку членовъ изъ мелкой буржуазіи: въ логи принимались лишь мастера въ искусствахъ и ремеслахъ и вовсе закрытъ былъ доступъ для актеровъ. Логі окончательно приспособились къ существовавшему общественному и политическому строю и дѣятельность ихъ свелась почти исключительно къ дѣламъ благотворительности: помощи бѣднымъ, воспитанію сиротъ и подкидышей, поддержкѣ инвалидовъ. Оставалось объединиться и организовать.

Эпизодъ изъ жизни масоновъ (Clavel).
Episode maçonnique.

Хотя Великій Востокъ и уклонился отъ разработки высшихъ степеней, но онъ не могъ подавить стремленія къ нимъ въ своей собственной средѣ.

Въ это время Орденъ Строгаго Послушанія отправилъ эмиссаровъ, которые основали три новыхъ провинціи во Франціи: въ Ліонѣ, Бордо и Страсбургѣ. Тогда Баконъ де ла-Шевальери внесъ предложеніе Великому Востоку соединиться съ директоріями новыхъ провинцій Строгаго Послушанія. Въ 1776 году былъ заключенъ договоръ, по которому ложи Строгаго Послушанія получали представительство въ Великомъ Востокѣ и сохраняли въ то же время полную свободу дѣйствій.

Тщетны были протесты нѣкоторыхъ провинціальныхъ ложъ, возставшихъ противъ привилегій иноземной системы.

Уладившіе договоръ съ Орденомъ Строгаго Послушанія Строгановъ, Баконъ де ла-Шевальери, баронъ Туссэнь сами принадлежали къ этому ордену и воспользовались случаемъ ликвидировать возложенную на нихъ задачу разсмотрѣнія высшихъ степеней.

Параллельно германской системѣ, развивается національная шотландская система.

Еще въ 1766 году Лазарь Брюнето основалъ ложу св. Лазаря, которая успѣла получить санкцію отъ самостоятельной Великой шотландской ложи въ Авиньонѣ и еще до заключенія договора съ Орденомъ Строгаго Послушанія объявила себя Матерью-ложей—Шотландскаго Философскаго ритуала, иначе ложеи С. Іоанна Шотландскаго Общественнаго Договора. Ложа эта не была признана Великимъ Востокомъ и стала къ нему явно во враждебныя отношенія, хотя и продолжала признавать гроттмейстеромъ герцога Орлеанскаго. Эта соперница Великаго Востока развивала энергичную дѣятельность, устраивая особыя собранія—такъ называемые философскіе конвенты, на которые допускались масоны всѣхъ системъ.

Итакъ, исканіе тайнаго смысла системъ, направленное на разработку масонской легенды, истощалось. Между тѣмъ европейское общество было охвачено могучимъ стремленіемъ познать тайны духа и физическаго міра. Преклоненіе предъ ищущимъ разумомъ достигло высшаго напряженія и разрѣшилось мистическимъ порывомъ, который захватилъ съ страшной силой даже ученыхъ. Эммануиль Сведенборгъ—знаменитый шведскій математикъ и естествоиспытатель, попытавшійся въ своихъ громадныхъ фоліантахъ подвести итогъ, объединить все добытое наукой его времени, превращается въ духовидца, разговаривающаго съ духами умершихъ; по ихъ разсказамъ и собственнымъ наблюденіямъ описываетъ тайны неба и земли съ точностью и грубой реальностью раціоналиста-естествоиспытателя. Ученіе его, представляющее странную смѣсь элементовъ раціонализма, пережитковъ мистицизма и бредовыхъ фантазій, переводится на французскій языкъ врачомъ Шастанье. Ищущіе премудрости обращаются къ теосо-

фіи. Изучается каббала, изощряется аллегорическое толкованіе символовъ. Хотѣли теперь передѣлывать людей; воспитать новое нравственное чувство; отыскать точную форму непостижимаго Божества. Въ пылкомъ энтузіазмѣ задавались мыслью приподнять завѣсу, скрывающую міровыя загадки, уловить тайну жизни, творчества, смерти.

Наступила благодатная пора для самозванныхъ мудрецовъ и цѣлителей, которыхъ считали обладателями алхимической мудрости—философскаго камня и жизненнаго эликсира.

Одно изъ видныхъ мѣстъ среди этихъ авантюристовъ занимаетъ графъ Сень-Жермень. Онъ послѣдовательно является почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ во второй половинѣ XVIII вѣка подъ самыми разнообразными именами: графа Зароги, князя Ракочи, генерала Салтыкова, маркиза Монферать, графа Беллами, графа Вельдона, графа Сень-Жермена. Все въ немъ таинственно и необычайно для глазъ легковѣрнаго общества: и происхожденіе, и самая жизнь, и смерть. Португалець ли онъ, испанецъ, еврей, французъ или русскій—никто не могъ сказать съ увѣренностью. Ему даютъ нѣсколько отцовъ и одну мать: вдову

Масонская печать.
Sceau des Sublimes Princes du Royal Secret.

Карла II испанскаго, королеву Марію. Самъ онъ увѣрялъ принца Карла Гессенскаго, что родился отъ первой жены венгерскаго принца Ракочи. Всегда изысканно одѣтый, ни въ чемъ не нуждавшійся, съ благородной осанкой онъ былъ хорошо принятъ при французскомъ дворѣ, пользовался благоволеніемъ Людовика XV, считался большимъ вольнодумцемъ и чародѣемъ. Знатокъ исторіи, онъ хорошо умѣлъ использовать страшное впечатлѣніе, которое создавалось у его знакомыхъ, слушавшихъ его точныя описанія жизни и мыслей давно умершихъ историческихъ дѣятелей. Немудрено, что легковѣрные считали его пятисотолѣтнимъ старикомъ, въ то время, какъ ему не было и восьмидесяти лѣтъ. Нѣсколько удачныхъ совѣтовъ медицинскаго характера создали ему славу великаго лѣкаря, которую онъ искусно

поддерживалъ, продавая особый цѣлебный чай Сень-Жермена. Прекрасный знатокъ драгоцѣнныхъ камней онъ однажды предложилъ Людовику XV улучшить качество одного изъ принадлежавшихъ королю брилліантовъ, вернулъ обратно камень большей цѣнности и тѣмъ снискалъ себѣ славу обладателя философскаго камня. Ловкій шарлатанъ подсмѣивался надъ легковѣрными, но не мѣшалъ сплетнямъ, создавшимъ ему ореолъ чудотворца. Принятый въ члены ордена Строгаго Послушанія, онъ былъ убѣжденнымъ атеистомъ. Вѣчный скиталецъ по Европѣ, едва ли не тайный шпіонъ французскаго двора, онъ скончался на рукахъ принца Гессенскаго, сумѣвши до самой смерти поддерживать въ своемъ сіятельномъ гостепріимномъ хозяинѣ чувство почтительной довѣрчивости и благоговѣйнаго поклоненія.

Не менѣе его обращалъ на себя вниманіе выступившій позже въ Парижѣ чудодѣй, называвшій себя графомъ Калиостро. Непостижимая смѣсь обмана и самоувѣренности, образованности и невѣжества, краснорѣчивый авантюристъ и шарлатанъ-мистикъ неутомимо мѣнялъ арену своихъ дѣйствій и свое имя. Здѣсь графъ Фениксъ, тамъ графъ Пеллегрини, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на довѣрчивыхъ простаковъ. Въ его Парижскомъ салонѣ, убранномъ съ восточной пышностью, стоялъ бюстъ Гиппократата и висѣла въ особой рамкѣ странная кошунственная молитва: «Отче вселенной, Ты, которому всѣ народы поклоняются подъ именемъ Іеговы, Юпитера и Господа, Верховная и первая причина, скрывающая Твою сущность отъ моихъ глазъ и показывающая мнѣ только мое невѣдѣніе и Твою благодать, дай мнѣ въ этомъ состояніи слѣпоты различать добро отъ зла и оставлять человѣческой свободѣ ея права, не посягая на Твои святыя заповѣди. Научи меня бояться пуще ада того, что мнѣ запрещаетъ моя совѣсть и предпочитать самому небу то, что оно мнѣ велитъ»... Во Франціи онъ положилъ основаніе ложамаъ египетскаго ритуала, имѣвшаго цѣлью физическое и духовное возрожденіе. Самъ онъ, подъ именемъ Великаго Кофты, стоялъ во главѣ своей системы, которая была доступна для обоихъ половъ. Высокопоставленные люди въ родѣ герцога Монморанси-Люксембурга и кардинала де-Рогана покровительствовали ему, даже ученые поддались его шарлатанству. Духовидецъ и вызыватель умершихъ, возродитель юности,— онъ долго дурачилъ легковѣрное парижское общество, пока не былъ запутанъ вмѣстѣ со своимъ ученикомъ кардиналомъ де-Роганомъ въ процессъ по поводу похищенія ожерелья. Освобожденный отъ суда, онъ, однако, принужденъ былъ оставить Францію, вскорѣ попалъ проѣздомъ чрезъ Италію въ руки святѣйшей инквизиціи и умеръ, осужденный на пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ.

Совпаденіе произношенія двухъ англійскихъ словъ «mistry»—«работа» и mystery «тайнство» словно толкало масона въ ряды тѣхъ, кто отдался всей душой этому горячечно-мистическому настроенію 1770—1790 годовъ.

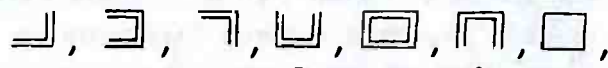

Въ рѣчахъ видныхъ масоновъ постоянно встрѣчаются ссылки на древнія мистеріи. Естественно, что возродившая алхимія, изысканія розенкрейцеровъ встрѣчаютъ горячій откликъ во французскомъ масонствѣ, и такъ называемая наука «Гермеса трижды Великаго» — «герметическая мудрость» — находитъ рьяныхъ послѣдователей. Въ 1770 г. аббатъ Пернетти основалъ въ Авиньонѣ «герметическое» общество, преобразовавшееся скоро въ Великую шотландскую ложу. Притягивало ищущихъ премудрости и ученіе о духовномъ возрожденіи, облеченное въ самыя разнообразныя формы. Еще въ 1754 году Мартинецъ Паскали, человѣкъ очень темнаго происхожденія, постоянно скитавшійся по свѣту, создалъ систему «из-

бранныхъ Козновъ» (священнослужителей). Въ своемъ трактатѣ о возрожденіи онъ проповѣдывалъ своеобразный мистическій пантеизмъ съ примѣсью гностицизма. Вначалѣ всѣ существа заключались въ лонѣ Божіемъ. Созданный Богомъ человѣкъ палъ, но стремится вернуть свое прежнее состояніе и для этого долженъ отождествить свою волю съ волей Бога и слѣдовательно слиться съ Богомъ. Но для этого необходимо вмѣшательство промежуточныхъ духовъ, при

помощи которыхъ человѣкъ постепенно восходитъ къ Богу посредствомъ таинственныхъ обрядовъ. Паскали установилъ 9 степеней, раздѣленныхъ на три класса: ученикъ, подмастерье, мастеръ, великій избранникъ и ученикъ Кознѣ; 2) подмастерье Кознѣ, мастеръ Кознѣ, великій архитекторъ и рыцарь командоръ. Наконецъ 3-й, классъ: рыцарь золотого и розоваго креста (Réaux-Croix) — несомнѣнная анаграмматическая передѣлка розенкрейцера (Réaux-Croix—R (osae) et Au (ri) Crucis). Возрождающійся вдохновляется дыханіемъ Божіимъ и можетъ познать всѣ сокровенныя тайны природы и всѣ науки, въ томъ числѣ и каббалу.

Въ 1765 году Великая ложа Франціи отвергла ученіе Паскали и отказалась признать его ложи, но онъ нашелъ откликъ и въ сердцахъ свѣтскихъ людей, и

a , b , c , d , e , f , g ,

h , i , j , k , l , m , n ,

o , p , q , r , s ,

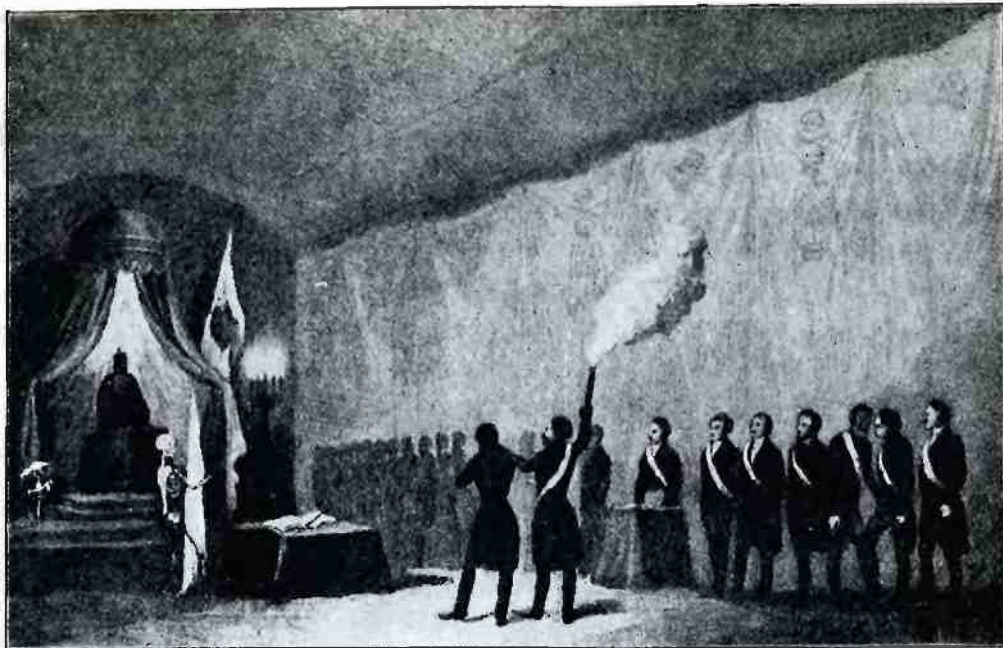

t , u , v , x , y , z . m

Масонскіе іероглифы.
Hiéroglyphes de Sublimes Princes du Royal Secret.

ученыхъ, и философовъ (Гольбахъ), и священниковъ (убѣжденный визионеръ аббатъ Фурнье), но особенно прославился «мартинезизмъ», превратившись въ «мартинизмъ» въ обработкѣ ученика Мартинецъ Паскали, маркиза Сень-Мартэна. Отставной военный, съ мягкой и кроткой душой, онъ дѣлилъ свое время между размышленіемъ, филантропіей, музыкой, открывая свою душу въ интимныхъ бесѣдахъ съ друзьями. Въ 1773 году выходитъ его книга «О заблужденіяхъ и истинѣ. Сочиненіе неизвѣстнаго философа». Подъ маской таинственности авторъ дѣлалъ нападеніе на религіи и на самую власть. Религіи осуждены уже самымъ ихъ разнообразіемъ. Правительство ложно въ своей основѣ вслѣдствіе того же различія и неразумныхъ столкновеній. Гражданскій и уголовный кодексы блуждаютъ въ тьмѣ и, пропуская виновнаго, обрушиваются на главу невинныхъ. Мрачной картинѣ упадка противопоставляется живое изображеніе естественнаго состоянія всеобщаго равенства, которое продолжалось до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не употребилъ во зло своей свободной воли. Единственное спасеніе для павшаго человѣка—подчиненіе принципу любви—дѣятельной и разумной причинѣ. Только тому, кто возвышается своимъ желаніемъ сдѣлать людей счастливыми и способностью любить, и должна принадлежать власть и даже диктатура, пока не вернется естественное равенство.

Сень-Мартэнъ имѣлъ не мало вѣрныхъ послѣдователей, но мартинисты не вышли за предѣлы внутренняго самоусовершенствованія. Погружаясь въ переживанія своего «я» —учитель не даромъ говорилъ «тѣнь и молчаніе—любимая убѣжища истины».

Если Сень-Мартэнъ нашелъ свою «дѣятельную и разумную причину» для того, чтобы внести единство въ міръ нравственный, то магнетизеръ Месмеръ предлагалъ обществу единый принципъ міра физическаго—всемирную жидкость, чрезъ посредство которой существа оказываютъ другъ на друга вліяніе, которое онъ называлъ животнымъ магнетизмомъ и которому приписывалъ цѣлебную силу для всѣхъ болѣзней. Въ залы для магнетическихъ сеансовъ стекалось многочисленное и разнообразное общество. Пациенты толпились вокругъ большого чана съ сѣрнистой водой. Длинные веревки выходили изъ деревянной крышки. Больные обвивали ее вокругъ себя и, чтобы легче циркулировала магнетическая сила, прикасались другъ къ другу; кромѣ того, они держались за желѣзные прутья, выходившіе изъ той же крышки. Въ воздухѣ слышалась таинственная музыка. Со многими пациентами, особенно женщинами, дѣлались нервныя припадки и ихъ уносили въ «залъ кризисовъ». Среди этой стонущей, дремлющей, кричащей массы пациентовъ прогуливался съ важностью самъ чудодѣй, прикасаясь къ больнымъ своимъ жезломъ или рукой. Напрасны были усилія Академіи разоблачить шарлатанскіе приемы Месмера. Популярность его возрастала. Образовалось Общество Гармоніи для матеріальной поддержки животнаго магнетизма. За Месмеромъ по-

Принятіе въ 33 степень шотландскаго масонства (Clavel).
Réception au 33-me degré du rite écossais.

слѣдовали его ученики, демонстрируя и эксплуатируя сомнамбулизмъ и ясно-видѣніе. Общество жаждало вѣры и вѣрило. Не даромъ ученикъ Месмера Пюисегюръ говорилъ скептикамъ: «вѣрьте—хотите».

Алхимическія и мистическія тенденціи снова подогрѣли стремленія къ высшимъ степенямъ: родилась въ ложѣ «Соединенныхъ Друзей» въ Парижѣ система «друзей истины»—Филалетовъ. Подвергнувъ рѣзкой критикѣ разнообразныя многостепенныя системы, Филалеты избрали особую комиссію для установленія 11 нормальныхъ степеней, не претендуя на ихъ древнее происхожденіе. Почти одновременно въ Нарбоннѣ явился «Первичный ритуаль», устанавливавшій 12 степеней: онѣ дѣлились на 4 капитула розенкрейцеровъ, при чемъ члены первыхъ трехъ готовились постепенно къ послѣднему и четвертому капитулу—Великаго Розарія, гдѣ пріобрѣтали, по мнѣнію основателей, особенныя знанія въ области онтологіи, психологіи, пнейматологіи—словомъ всѣхъ тайныхъ или оккультныхъ наукъ. Главная цѣль работы: возрожденіе человѣка.

Великій Востокъ долженъ былъ итти вслѣдъ за теченіемъ: онъ уже въ 1781 году заключилъ договоръ съ признавшей его первенство Матерью-ложей Философскаго ритуала.

Наконецъ, по предложенію Реттѣ де Монтало въ 1785 году соединились семь капитуловъ, состоявшіе при парижскихъ ложахъ, и образовали Генеральный Великій капитулъ для выработки и окончательнаго объединенія степеней.

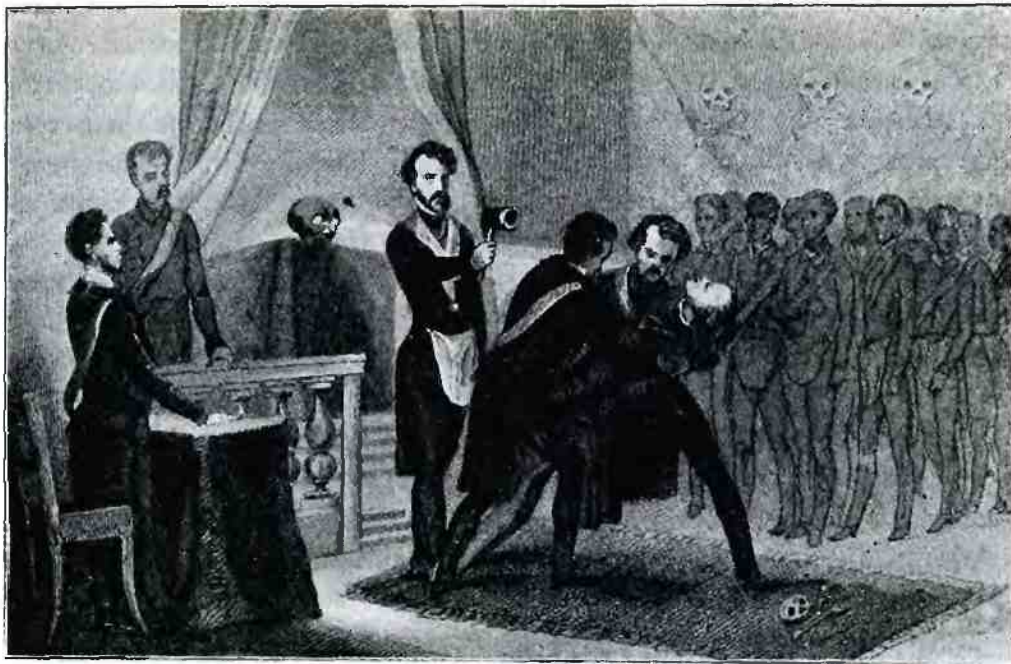

Врачъ Эмберъ Жербье заявилъ, что является главой стариннаго капитула Франціи, при чемъ представилъ въ доказательство древніе документы англійскаго происхожденія, относившіеся, будто бы, къ 1721 и 1757 году. Великій капитулъ поспѣшилъ признать подлинность документовъ (нынѣ признаваемыхъ поддѣльными) и соединиться съ Жербье. Вслѣдъ за тѣмъ, Великій Востокъ санкціонировалъ работы Великаго капитула, который получилъ названіе Столичнаго. Такъ сложился «французскій ритуаль», который впервые былъ обнародованъ офиціально Великимъ Востокомъ въ 1787 году. Онъ состоялъ изъ 3 старыхъ символическихъ и 4 высшихъ степеней: Избранника, Шотландца, Рыцаря Востока и Рыцаря Розенкрейцера. Конституированіе степеней было закончено.

Къ этому времени число ложъ, подчинявшихся и старой Великой ложѣ и Великому Востоку, превысило значительно 600. Въ разныхъ ложахъ было неодинаковое число членовъ, но ни въ одной ложѣ не доходило до 200. Въ большинствѣ числилось не болѣе 15—30. Самая многочисленная ложа Дружбы въ Бордо имѣла 178 членовъ, такъ что общее число французскихъ масоновъ, по мнѣнію Клосса, не превышаетъ 10000 человекъ.

Преслѣдованія со стороны свѣтскихъ властей давно уже улеглись. Великій Востокъ открыто снималъ помѣщеніе въ Парижѣ, равно какъ и маленькія ложи въ провинціальныхъ городахъ. Отношенія съ духовенствомъ не оставляли желать ничего лучшаго. Обыкновенно ложи заказывали обѣдню въ день своего годового праздника, заупокойныя службы по случаю кончины какого-нибудь сочлена, и время засѣданій старались распредѣлять такъ, чтобы не помѣшать братьямъ посѣщать богослуженія. Масса духовныхъ лицъ вступала въ ложи и достигала тамъ нерѣдко высокаго положенія. Столь же теплыя отношенія установились и съ королевской властью. Заболѣваетъ ли Людовикъ XV, ложи молятся объ его выздоровленіи, заказываютъ молебень по поводу благополучнаго окончанія семилѣтней войны. Рождается у Людовика XVI наслѣдникъ престола, ложи спѣшатъ ознаменовать это событіе и торжественными молебнами и дѣлами благотворительности. Большинство членовъ ложъ къ 1789 году рекрутируется изъ рядовъ 3-го сословія: многіе изъ нихъ съ особымъ усердіемъ выполняли свои масонскія обязанности, не жалѣя средствъ на благолѣпіе ложи. Такъ, въ Тулузѣ скромный слесарь Пюжо предоставилъ въ распоряженіе своей ложи «Французской» до 100.000 ливровъ.

Вообще жизнь маленькой ложи довольно безцвѣтна: нѣсколько засѣданій въ годъ, два-три банкета. Рѣдкая могла похвастаться литературными трудами какого-нибудь сочлена. Такимъ образомъ большинство ложъ походило на современные клубы съ той лишь разницей, что собранія происходили гораздо рѣже: главная забота членовъ ложи—соблюсти весь кодексъ установленныхъ масонскихъ обрядностей, не нарушить правилъ нравственности и благоповеденія. Крупнымъ событіемъ является нетрезвое поведеніе члена, его опозданіе

Посвященіе въ мастера (Clavel). Réception de Maître.

на засѣданія—таковы главные животрепещущіе вопросы въ провинціальной глуши.

Но рядомъ съ такими ложами мы видимъ и другія, которыя приближаются къ типу ученаго общества, собирають въ своихъ нѣдрахъ выдающихся представителей наукъ и искусствъ.

Такова ложа наукъ, основанная Лаландомъ въ 1769 году и переименованная въ ложу 9-ти сестеръ. Лаландъ имѣлъ въ виду сгруппировать масоновъ, спеціально занятыхъ научными изслѣдованіями. Въ спискахъ этой ложи значились Вольтеръ, Франклинъ, Кондорсэ, Лаландъ, Дюпати, Эли де Бомонъ, Куртъ де Гебелинъ, Дантонъ, Бриссо, Камилль Демуленъ, Сіейсъ, Бальи, Роммъ, Гара, Пасторэ, Форстеръ, Кабанисъ, Парни, Ласепедъ, Шамфоръ, Франсуа де Нешато, Делиль, Флоріанъ, Грѣзь, Верне, Гудонъ, Монгольфьеры и другіе: здѣсь и будущіе крупные политическіе дѣятели, и литераторы, и художники, и ученые.

Такова же была ложа «Энциклопедическая» въ Тулузѣ, открытая почти наканунѣ революціи въ 1789 году. Едва открывшись, ложа уже подписывается на рядъ научныхъ изданій, покупаетъ энциклопедію. Не прошло еще и году, какъ въ ней не менѣе 120 членовъ, большинство ремесленниковъ. Члены ложи распредѣляются по 7 комитетамъ: сельскаго хозяйства, филантропіи, гражданскій (гражданскій), искусствъ техническихъ и изящныхъ, наукъ, масонскій и философскій. Эти комитеты послѣдовательно разсматриваютъ проектъ

благотворительнаго бюро для уничтоженія нищенства; вопросъ о найденышахъ, вопросъ объ эпидемической болѣзни скота, освѣщеніи города, вопросъ объ его водоснабженіи; дѣлаются опытыя псадки виноградныхъ лозъ и злаковыхъ растений. Наконецъ, разсматривается рядъ проектовъ изобрѣтателей, открывается серія популярныхъ лекцій по наукамъ и литературѣ. Словомъ, это скорѣе ученая провинціальная академія. Но главные труды свои члены ложъ посвящали филантропіи. Ей всецѣло отдавались дамы,—члены адоптивныхъ ложъ.

Въ 1782 году торговка фруктами, Ментъ, имѣла небольшую лавочку близъ Лувра. Корыстолюбивая сестра оттягала у нея наслѣдство въ 4000 ливровъ. Въ отвѣтъ бѣдная торговка усыновила внѣбрачнаго сына своей сестры несмотря на то, что сама уже имѣла десять. Вскорѣ она благополучно родила одиннадцатое дитя; крестной матерью вызвалась быть баронесса Шампло. Спустя двѣ недѣли послѣ этихъ крестинъ, ложа «Чистоты» задала роскошный банкетъ, на которомъ присутствовало до 140 знатныхъ лицъ обоего пола. Послѣ обычнаго церемоніала взвился занавѣсъ и всѣ увидѣли на тронѣ добрую Ментъ, окруженную десятию ея дѣтьми съ усыновленнымъ мальчикомъ у ногъ: вся семья была одѣта въ чистое платье на счетъ ложи. Маркизь***, предсѣдатель, произнесъ красно-рѣчивую рѣчь о добродѣтеляхъ бѣдной женщины. Въ самый патетическій моментъ одна графиня возложила гражданскій вѣнокъ на голову Ментъ; одна маркиза вручила ей кошелекъ съ значительной суммой денегъ, а другая графиня поднесла корзиночку съ бѣльемъ для новорожденнаго. Усыновленный мальчикъ былъ объявленъ стипендіатомъ ложи.

Въ томъ же году, та же ложа на празднествѣ въ честь братьевъ Монгольфьеровъ увѣнчала за выдающуюся храбрость молодого солдата Клавдія Тіона.

Послѣ блестящей рѣчи предсѣдателя маркиза*** о великолѣпномъ открытіи братьевъ Монгольфьеровъ, одинъ изъ нихъ былъ тутъ же на эстрадѣ увѣнчанъ одной изъ графинь.

Въ этотъ моментъ слышится барабанный бой: открываются ворота и среди своихъ товарищей и развивающихся знаменъ, показывается храбрый Тіонъ, который и былъ увѣнчанъ граціями ложи при звукахъ барабановъ. Графиня П. преподнесла герою великолѣпную медаль, и военная музыка въ сосѣднемъ помѣщеніи исполнила извѣстную арію «Ничто такъ не пріятно прекраснымъ очамъ, какъ доблесть воителей»... Затѣмъ послѣдовалъ блестящій банкетъ на 100 кувертовъ. Здоровье храбреца пили подъ звуки военного оркестра. Бѣднякъ Тіонъ не выдержалъ и залился слезами. Одинъ изъ членовъ ложи отъ имени чествуемаго произнесъ нарочито сочиненное стихотвореніе.

Близится революція. Какую роль сыграло масонство въ этомъ движеніи? Когда революціонная буря пронеслась, не одинъ писатель приписывалъ ея происхожденіе масонамъ. Въ 1797 году Джонъ Робинсонъ доказывалъ существованіе заговора франкъ-масоновъ и иллюминатовъ противъ всѣхъ религій и пра-

вительство Европы, при чемъ утверждалъ, что во французскихъ ложахъ развился зародышъ пагубныхъ началъ, разрушившихъ религію и нравы. Въ томъ же году іезуитъ Августинъ Баррюэль издалъ знаменитые «Мемуары къ исторіи якобинизма». Онъ доказываетъ, что ложи распространились по городамъ, селамъ и мѣстечкамъ Франціи и по приказу Центрального комитета готовы были начать возстанія, превращаясь въ якобинскіе клубы. До сихъ поръ реакціонная французская исторіографія остается вѣрна завѣтамъ отца іезуита Баррюэля: ученый архивистъ Бордъ написалъ 2 тома и общаетъ еще нѣсколько, чтобы доказать, что масоны были главными виновниками Великой революціи.

Баррюэль увѣряетъ, что парижскія предмѣстья были масонизированы и мало того: онъ исчисляетъ французскихъ масоновъ въ эпоху революціи въ 600.000. Изъ нихъ полмилліона, по его словамъ, были готовы по первому знаку къ возстанію. Добросовѣстные изслѣдователи исторіи масонства съ цифрами въ рукахъ опровергли эти злостныя измышленія. Несомнѣнно, возможно указать принадлежность многихъ крупныхъ революціонныхъ дѣятелей къ масонскимъ лохамъ—и Робеспьера, и Дантона, и Мирабо, и Бриссо и другихъ. Но самый характеръ дѣятельности масона, какъ указано выше, исключалъ возможность политической оппозиціи.

Какъ рѣзко преломляется личность во время Великой революціи, доказываетъ недавно открытая рѣчь Шометта, который произнесъ ее въ восьмидесятихъ годахъ въ одной масонской ложѣ. Будущій прокуроръ революціонной коммуны, адептъ культа разума, атеистъ и террористъ, является елейнымъ проповѣдникомъ, противникомъ атеизма и матеріализма; онъ проявляетъ большую эрудицію въ богословіи, ссылается на пророка Даніила, цитируетъ съ умѣньемъ опытнаго проповѣдника подходящія мѣста изъ Евангелія, развиваетъ довольно своеобразную философію математики: это довольно скучный благона-

Крещеніе (Clavel).
Baptême d'un louveteau.

мѣренный педантъ, но во всякомъ случаѣ ничто не предрекаетъ въ немъ будущаго яраго революціонера.

Общій взглядъ на списки ложъ и регистры ихъ засѣданій, опубликованные даже такимъ пристрастнымъ историкомъ, какъ Бордъ, доказываетъ, что дѣятельность ложъ постепенно прекращается къ 91 году. Жизнь уходитъ изъ ложъ: онѣ погружаются въ оцѣпенѣніе, засыпаютъ. Нѣкоторые обращаются съ привѣтственными адресами къ національному собранію, но большинство безмолствуетъ. Политическая и соціальная борьба ворвалась въ тихій пріютъ безмятежнаго житія масоновъ. Многіе эмигрировали, другіе ушли въ политическіе клубы. Немногія логи нашли силы продолжать свои прежнія занятія въ это бурное время и реагировать на событія дня.

Такъ, ложа Шотландскаго Общественнаго Договора въ Парижѣ послѣ бѣгства короля въ Вареннъ нашла достаточно силы, чтобы 16 іюля 1791 года послать циркуляръ къ капитуламъ, признававшимъ ея власть, совѣтуя уважать конституцію и соблюдать полнѣйшую преданность къ законному государю Людовику XVI. Но уже 31-го іюля ея главный ораторъ, аббатъ Бертольо, потребовалъ прекращенія работъ, которыя и закрылись съ сентября, чтобы возобновиться лишь въ 1801 году.

Иначе вела себя старая Англійская ложа въ Бордо: она выказала себя ревностной сторонницей революціи. 13 ноября 1792 года она постановляетъ сжечь атрибуты брата Муши, «изгнаннаго святыми законами республики». 28 ноября 1794 года принимаетъ титулъ ложи Равенства, устанавливаетъ обращеніе на «ты» и удостоивается посѣщенія народнаго представителя Изабо. Но и эта революціонизированная ложа принуждена была съ 9 термидора II года по брюмеръ III года (приблизительно 9 мѣсяцевъ 1794—1795 гг.) прекратить свои засѣданія и лишь послѣ этого промежутка вернулась къ своему прежнему имени. При всемъ этомъ, несмотря на всѣ старанія Баррюэля, Борда и другихъ, не представляется возможности отмѣтить выступленіе революціонеровъ, какъ членовъ масонскихъ ложъ. Случайнымъ единственнымъ фактомъ является церемонія при приѣмѣ Людовика XVI въ Парижской Думѣ 17 іюля 1789 года. Когда иностранецъ-масонъ посѣщалъ ложу, то, если онъ обладалъ высшей степенью, члены ложи, выстроившись въ двѣ шеренги, пропускали его, скрещивая надъ головой гостя «стальной сводъ» изъ шпагъ. Такой «сводъ» образовали надъ головой Людовика XVI, когда онъ сталъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы, входя въ Думу. Но и въ этомъ случаѣ масоны демонстрировали свое глубокое уваженіе къ королю и отнюдь не революціонныя тенденціи.

По мѣрѣ того, какъ замирала жизнь въ отдѣльныхъ ложахъ, засыпали и центральные органы. Если еще въ 1791 году Великій Востокъ открывалъ новыя ложи, то уже въ декабрѣ 1792 года герцогъ Орлеанскій, принявшій имя Луи-Филиппа-Жозефа Эгалитэ, сложилъ съ себя званіе гроссмейстера,

доведя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія путемъ печати. «Я вступилъ въ масонство»,—гласило его заявленіе,—«которое является нѣкоторымъ подобіемъ равенства, въ ту эпоху, когда еще никто не могъ предвидѣть нашей революціи, точно такъ же, какъ примкнулъ къ парламентамъ, которые являлись подобіемъ свободы. Но я покинулъ затѣмъ призракъ ради дѣйствительности. Не зная, какимъ образомъ составленъ Великій Востокъ, и полагая, что республика, особенно въ началѣ своего учрежденія, не должна допускать никакой тайны, никакого тайнаго общества, я не желаю болѣе вмѣшиваться ни во что, касающееся какъ Великаго Востока, такъ и собраній франкъ-масоновъ».

Немногія ложи нашли силу жить въ это тяжелое время: и тѣ ушли цѣликомъ въ свои мелкія дѣла. Такъ, во время борьбы Жиронды съ Горой важнѣйшій вопросъ, интересующій Французскую ложу въ Тулузѣ—перемѣна часовъ собраній. Ложи такъ напуганы, что та же ложа послѣ смерти Робеспьера рѣшаетъ воспретить всякія бесѣды по вопросамъ политическимъ и заниматься лишь масонскими дѣлами.

Одно лишь вливаетъ на время нѣкоторое оживленіе въ тусклое прозябаніе уцѣлѣвшихъ ложъ: сборы пожертвованій на обмундированіе волонтеровъ.

Долгое время уцѣлѣвшимъ ложамя удастся сохранять свою вѣрность католической церкви, но имъ приходится принять новый календарь, замѣнить прежніе праздники Ивана Лѣтняго и Ивана Зимняго торжествами 31 мая, 22 сентября и «перваго дня масоническаго года»; кромѣ того приходится выбросить изъ своихъ названій имена святыхъ или переименоваться въ ложи «Горы»—въ честь господствующей политической фракціи, принять названіе «республиканскихъ ложъ Франціи», но и въ такомъ видѣ онѣ возбуждаютъ подозрѣніе у ревностныхъ монтаньяровъ. Комиссары Конвента, энергично поддерживая народныя общества, вооружаются противъ «всѣхъ памятниковъ фанатизма, равно всѣхъ союзовъ и собраній, не разрѣшенныхъ закономъ, а именно масонскихъ обществъ». 7 флореаля II года комиссаръ Конвента Лекарпантье закрылъ въ Дижонѣ ложу «Нѣжнаго братства», «какъ возбуждающую подозрѣніе и нетерпимую при республиканскомъ режимѣ, когда свобода сдѣлалась общимъ достояніемъ, пользованіе коимъ не нуждается во мракѣ таинственности». Послѣднія, цѣпко державшіяся за свой ритуаль ложи принуждены были закрыться.

Мѣсто ихъ заняли народныя общества, демократическія по составу, открытыя для всѣхъ и связанныя съ активнымъ центромъ—Якобинскимъ клубомъ въ Парижѣ.

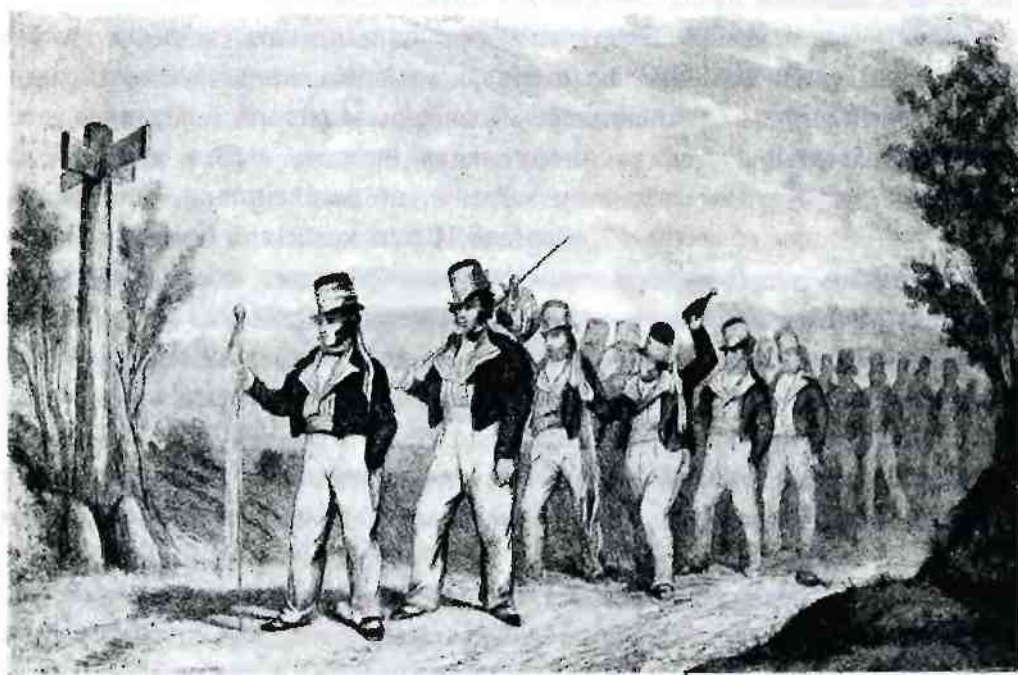
Быть можетъ единственнымъ опытомъ сліянія франкъ-масонскихъ идеаловъ съ революціонной практикой явился Соціальный Кругокъ, основанный аббатомъ Фоще. Онъ задался цѣлью учредить всеобщее братство человѣческое во имя правды и любви къ ближнему. Въ евангельскомъ ученіи Христа старался ука-

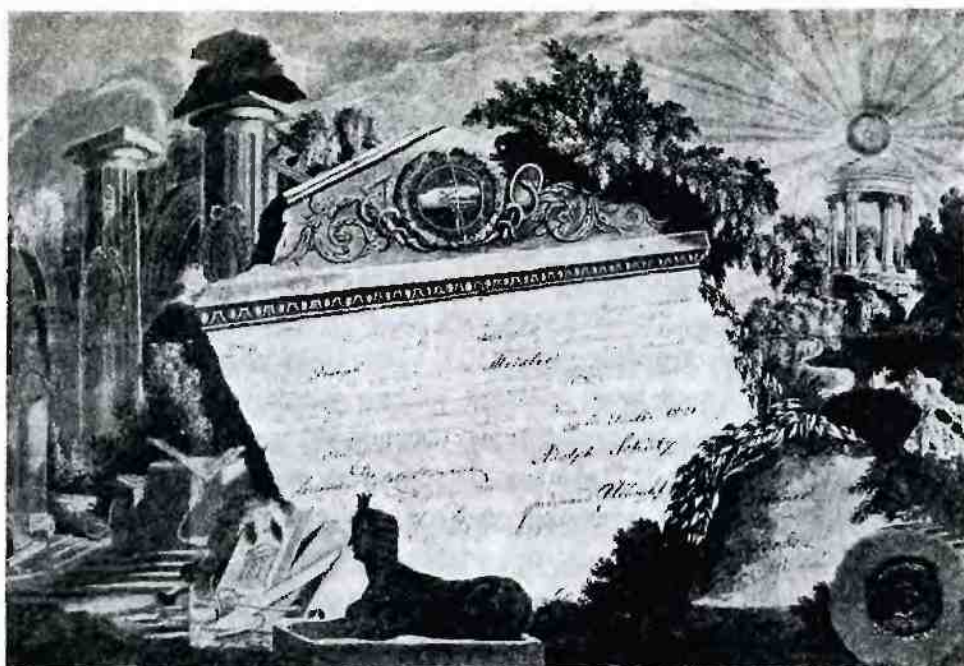
затъ пламенный аббатъ начала равенства и братства. Ему удалось при содѣйствіи Николая Бонневиля, Кондорсэ собрать до 10.000 сочленовъ на всѣхъ собраніяхъ-лекціяхъ. Но скоро основатели клуба разошлись, самъ Фоме занялъ мѣсто конституціоннаго епископа и «соціальный кружокъ» распался. Основатель его погибъ въ октябрѣ 1793 года на гильотинѣ. Сумрачный покровъ террора окутываетъ французское общество. Гибнетъ на эшафотѣ бывший гротесмейстеръ, Филиппъ Орлеанскій, гибнетъ часть членовъ Великаго Востока. Лишь три ложи въ Парижѣ поддерживали свою дѣятельность: Центръ Друзей, Друзья Свободы и Святого Людовика Мартиники. Кончается терроръ, просыпаются ложи: въ 1795 году энергичный Реттье де Монтало вызываетъ къ жизни новый Великій Востокъ и способствуетъ его примиренію съ остатками старой ложи (1799 г.). Но прежній духъ дѣятелей филантропіи отлетѣлъ отъ масонства. Религіозное теченіе, одушевлявшее его, обособляется въ офиціально признанную и покровительствуемую правительствомъ Директоріи секту теофилантроповъ. Ложи покорно живутъ старыми традиціонными формами. Умножается число банкетовъ патріотическаго содержанія и прокладывается путь для того параднаго сервизизма, который охватилъ ложи во время первой имперіи.

«И обновишь лице земли»... гласилъ гордый девизъ Великаго Востока!.. Но само масонство было лишь струйкой въ томъ могучемъ идейномъ потокѣ XVIII в., который закончился Великой французской революціей.

А. Васютинскій.

Товарищи долга (Clavel). Conduite de compagnons de deuil.

Масонская грамота. Diplôme maçonnique.

Нѣмецкое масонство въ XVIII вѣкѣ.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи германской умственной жизни является вѣкомъ глубокихъ противорѣчій. Съ одной стороны раціоналистическое просвѣщеніе праздновало въ то время золотой вѣкъ своего существованія, и принципы здраваго смысла, полезности и практической годности выставялись въ качествѣ высшихъ критеріевъ для оцѣнки всѣхъ явленій—и въ области жизни, и въ области мысли. Это было время, когда знаменитый ученикъ Лейбница—Христіанъ Вольфъ дѣятельность чувства считалъ лишь низшей способностью познанія и съ сухимъ педантизмомъ ученаго хотѣлъ весь міръ уложить въ нѣсколькихъ ясныхъ и стройныхъ логическихъ формулахъ. Это было время, когда популярные философы предостерегали отъ опасностей религіознаго чувства (Шпальдингъ), считали ученыхя экскурсіи въ «Новой Элоизѣ» за лучшую часть книги (Мендельсонъ) и изобрѣтателя прялки ставили выше Гомера (Кампе); отъ этой мелкой разсудочности не ушли и очень крупные люди того времени, и даже въ глазахъ Лессинга гётевскій Вертеръ былъ лишь «чувствительнымъ глупцомъ». Въ рамкахъ такого міровоззрѣнія, конечно, не могло быть мѣста не только

для релігійної екзальтації і мистицизму, но часто даже и для простой фантазії і поетического творчества.

Но на ряду съ этими крайностями раціоналізму въ XVIII вѣкѣ не было недостатка и въ самыхъ крайнихъ эксцессахъ чувствительности и въ самой причудливой фантастикѣ. Поиски мистическаго общенія съ Богомъ, стремленіе поднять сразу, однимъ творческимъ наитіемъ всѣ завѣсы природы и проникнуть въ сверхчувственный міръ сущностей, культъ бурныхъ страстей и вѣры, соединенный съ рѣзкимъ осужденіемъ «мертваго» и «бездѣятельнаго» разума, наконецъ прямое суевѣріе никогда не находили себѣ такого широкаго распространенія, какъ именно въ «раціоналистическомъ» XVIII вѣкѣ. Какъ на наиболѣе извѣстныхъ явленія такого рода достаточно указать на сентиментальную, изливающуюся неужданными потоками чувства поэзію Клопштока, на «философію вѣры и чувства» Гаммана, Якоби и Лафатера, на бурную, прорывающую всѣ рамки обыденнаго и естественнаго, поэзію «бури и натиска», на раннихъ романтиковъ, объявившихъ сознательную жизнь прегрѣшеніемъ противъ Святого Духа, интересъ къ реальному міру—за болѣзнь души, а дисциплину ума и воли—за мертвяція, губительныя начала человѣческой души (Тикъ, Фр. Шлегель, Новалисъ и др.) Разумъ, наука, точное знаніе разсматривалось тогда въ извѣстныхъ кругахъ нѣмецкаго общества какъ злая сила, убивающія все живое въ природѣ. Люди съ большой популярностью и съ несомнѣннымъ талантомъ стремились проникнуть во внутреннюю сущность жизни путемъ какого-то мистическаго наитія (Лафатеръ) или въ странныхъ, загадочныхъ выраженіяхъ изрекали какія-то оракульскія пророчества съ совершенно непонятнымъ смысломъ (Гамманъ). Мистицизмъ становился своего рода общественной заразой, и отъ его вліянія не могли уйти даже и люди съ привычками къ трезвому мышленію. Въ этомъ отношеніи замѣчательно сознаніе извѣстнаго историка Іог. Мюллера (изъ его письма къ брату отъ 1790 г.): «во мнѣ есть что-то, что обыкновенно не уживается въ душѣ одного и того же человѣка: въ дѣлахъ свѣтскаго характера я—за умѣренность, за порядокъ, за покой, за господство разума; но моя вѣра сама собой безъ книгъ, безъ обязательствъ, становится все болѣе мистической... Я считаю на дѣлѣ мистицизмъ за истинную универсальную религію...» Какъ будто какая-то трещина прошла не только черезъ всю культуру этого вѣка, но даже и сквозь души отдѣльныхъ людей и расколола ихъ міровоззрѣніе на двѣ части, находящіяся на совершенно противоположныхъ идейныхъ полюсахъ... Склонность людей XVIII вѣка къ крайностямъ замѣчали и современники,—даже и такіе, которые сами стояли на одной изъ крайнихъ точекъ зрѣнія. Графъ Фрид.-Леоп. фонъ-Штольбергъ, называвшій просвѣтителъ «убійцами души» и считавшій ихъ недостойными быть христіанами, писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Якоби (отъ 28 апр. 1788 г.): «Рѣшительный скептицизмъ и практическій атеизмъ на одной сторонѣ, слѣпое суевѣріе—на другой могутъ

жить въ такомъ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, что для религіи не остается больше мѣста, и она снова загнана въ пустыню». А вотъ наблюденіе одной газеты (Regensburger Zeitung, отъ 1785 г.), которой также бросилась въ глаза та легкость, съ которой люди XVIII вѣка переходили отъ раціонализма къ мистицизму и суевѣрію: «Никогда», пишетъ эта газета, «сектантскій духъ не былъ дѣятельнѣе, чѣмъ въ наши дни, которые зовутъ просвѣщенными. Мы съ трудомъ достигли вершины разума, и убѣдились, что не всѣ предметы доступны нашему познанію... Недовольные положеніемъ, которое оставляетъ неудовлетворенными такъ много желаній, мы бросились въ глубочайшую пучину суевѣрій и ищемъ новыхъ открытій въ мракѣ средневѣковья и схоластической философіи».

Значительную долю отвѣтственности за распространеніе въ Германіи мистическихъ настроеній надо приписать піэтизму. Піэтизмъ въ Германіи существовалъ еще и въ XVII в., но расцвѣлъ онъ лишь въ XVIII столѣтіи. Піэтисты были недовольны господствовавшимъ тогда направленіемъ протестантской религіи, слишкомъ много отдававшимъ на долю обрядности и схоластическаго толкованія догматовъ. Живое религіозное чувство, по ихъ мнѣнію, потонуло въ догматическихъ тонкостяхъ протестантскихъ схоластиковъ, и изъ сферы внѣшнихъ обрядностей и схоластическихъ формулъ они хотѣли снова вернуть религію въ область интимныхъ чувствъ. Внѣшнему откровенію, заключенному въ Евангеліи, піэтисты противопоставляли откровеніе внутреннее, т.-е. субъективную область своихъ собственныхъ религіозныхъ переживаній, и объявляли, что спасется не самый терпѣливый въ выстаиваніи церковныхъ службъ и не самый ученый въ знаніи богословскихъ книгъ, а тотъ, кто всѣ свои мысли и всю свою волю направитъ на Бога ¹⁾. Нужно замѣтить, однако, что это знамя религіознаго субъективизма піэтисты держали въ чистомъ и незапятнанномъ видѣ только на первыхъ порахъ. Очень скоро они испугались всѣхъ возникающихъ изъ него послѣдствій; особенно ихъ стало пугать нѣмецкое просвѣщеніе. Они стали бояться, что разсудочность просвѣтителей захватитъ все нѣмецкое общество, и что въ ней потонетъ всякая потребность въ религіозномъ чувствѣ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи они воздвигли на просвѣтителей настоящее гоненіе; такъ, знаменитый философъ Вольфъ по ихъ проискамъ былъ изгнанъ изъ Галльскаго университета.

Но, несмотря на всѣ симпатіи просвѣтителей къ религіозному чувству и непосредственнымъ настроеніямъ, далеко не всѣ изъ нихъ обнаруживали наклонность къ мистицизму. У піэтистовъ лютеранской церкви ихъ религіозное чувство оставалось спокойнымъ и уравновѣшеннымъ, чуждымъ всякой экзальтациі и фантастикѣ. Въ XVIII вѣкѣ піэтизмъ пользовался большой популярностью въ бюргерской средѣ, и та непосредственная, нѣсколько грубоватая

---

¹⁾ Слова піэтиста Диппеля.

простота чувства, которую онъ культивировалъ, въ высшей степени подходила къ простой и здоровой психологіи тогдашнихъ бюргеровъ. Можно сказать даже болѣе: лютеранскій піэтизмъ XVIII вѣка стоялъ довольно близко къ общему раціоналистическому характеру своего времени, потому что многіе піэтисты, несмотря на поднятое ими гоненіе противъ Вольфа, въ своихъ полемическихъ выступленіяхъ любили опираться на разсудочные приемы вольфовской философіи, и ссылки на здравый смыслъ и доказательства отъ разума играли въ ихъ аргументаціи далеко не послѣднюю роль.

Но совершенно инымъ былъ піэтизмъ реформатской церкви. Главными признаками его было съ одной стороны монашеское отвращеніе къ свѣту, а съ другой—желаніе растворить свою личность въ Божественной волѣ и въ тихомъ, созерцательномъ благочестіи найти успокоеніе отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поэтому-то піэтисты этого рода считали полную бездѣятельность и отказъ отъ всякихъ радостей за высшее состояніе человѣчества. За предѣлами Германіи у нихъ была своя пророчица, жившая въ XVII вѣкѣ во Франціи, но оказавшая очень значительное вліяніе на духовную жизнь Германіи въ XVIII вѣкѣ. Это была нѣкая Жанна-Марія де ля Мотъ-Гюйонъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ она проповѣдывала мистическій квіэтизмъ, полный отказъ отъ всякихъ желаній и успокоеніе въ Богѣ—безъ словъ и воли. Слава этой женщины въ Германіи въ XVIII вѣкѣ была необычайна. Объ ней писались многотомныя сочиненія, и у ней появились настоящіе апостолы. Извѣстный піэтистъ реформатской церкви Terstlepen называлъ ее «просвѣщеннымъ сосудомъ чистой божеской любви, зеркаломъ чистой вѣры и избраннымъ орудіемъ святого духа»; а другой почитатель (de Marsay) прославлялъ ее, какъ «апостолическую и совершенную въ Богѣ святую душу». На мистическихъ сочиненіяхъ этой странной женщины въ Германіи воспиталось чуть не цѣлое поколѣніе, и отголоски ея вліянія замѣтны и въ романтической литературѣ того времени¹⁾.

Евангелическая религія скоро перестала удовлетворять многихъ изъ этихъ піэтистовъ-мистиковъ; они считали ее слишкомъ разсудочной и простой и обращались къ католицизму, пышная обрядность котораго болѣе увлекала ихъ и давала имъ мистическое чувство тѣснаго единенія съ Богомъ. Поэтому среди нѣмецкихъ піэтистовъ было много людей или сочувствовавшихъ католицизму или же прямо переходившихъ въ него; такъ въ концѣ вѣка перешелъ въ католицизмъ уже упоминавшійся нами гр. Фр. Штольбергъ; сочувствовалъ католицизму и защищалъ его отъ нападокъ протестантизма и Лафатеръ.

Мистицизмъ, безудержный культъ чувства и нападки на разумъ были далеко еще не самыми яркими проявленіями «антипросвѣтительнаго» духа въ Германіи

---

¹⁾ См. романы К. Phil. Moritz'a—«Anton Reiser», Jacobi—«Woldemar».

XVIII вѣка. Во многихъ случаяхъ мистическія исканія единенія съ Богомъ переходили въ прямое чародѣйство, а стремленіе къ сверхчувственному знанію и вѣра въ таинственное наитіе приводили къ настоящему чернокнижію, колдовству и духовидѣнію. Въ XVIII вѣкѣ мы видимъ необычайно большое количество алхимиковъ, ищущихъ философскаго камня, астрологовъ и провидцевъ, предсказывающихъ будущую судьбу людей, а иногда и всего человѣчества, маговъ, изобрѣтающихъ жизненный эликсиръ и другія таинственныя лѣчебныя средства, духовидцевъ въ родѣ Сведенберга, вступающихъ въ самыя дѣятельныя сношенія съ загробнымъ міромъ. Въ довольно широкихъ кругахъ нѣмецкаго общества слова «тайна» и «таинственность» были настоящими лозунгами, принципами міровоззрѣнія. Конечно, изъ всѣхъ этихъ волшебниковъ и духовидцевъ большинство было простыми шарлатанами, рассчитывавшими только на легковѣріе общества, среди котораго они дѣйствовали; но уже одно то, что они находили для себя и читателей, и почитателей, показываетъ, что стремленіе къ таинственному и сверхчувственному знанію было очень распространено въ столѣтіе «просвѣщенія» и что несмотря на всѣ успѣхи естественныхъ наукъ и точнаго знанія въ XVI, XVII и XVIII вв., едва ли не большинство нѣмецкаго общества еще совершенно не было ими затронуто и предпочитало имъ оккультныя знанія и мистическія грезы.

Въ кругу этихъ мистическихъ настроеній и поисковъ за таинственнымъ знаніемъ возникло и нѣмецкое масонство. Его исторія даетъ намъ самыя яркія страницы изъ исторіи нѣмецкаго оккультизма, чародѣйства, а иногда и прямого шарлатанства; и въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ много чисто средневѣковыхъ представленій, сданныхъ уже давно въ архивъ научной мыслию не только XVIII, но даже и XVI столѣтія, оно снова оживило и выставило въ качествѣ высшей мудрости, доступной только для посвященныхъ; мы увидимъ, какъ быстро потонули въ этихъ средневѣковыхъ бредняхъ и шарлатанскихъ продѣлкахъ тѣ принципы терпимости, гуманности, всеобщаго братства и свободы, которые выставили масоны сначала на своемъ знамени; масонство только слегка коснулось этихъ гуманистическихъ понятій, но для ихъ осуществленія оно не только ничего не сдѣлало, но даже въ цѣломъ рядѣ случаевъ стало имъ на пути.

Медаль на вступленіе Фридриха II въ масонство 14 авг. 1738 г.

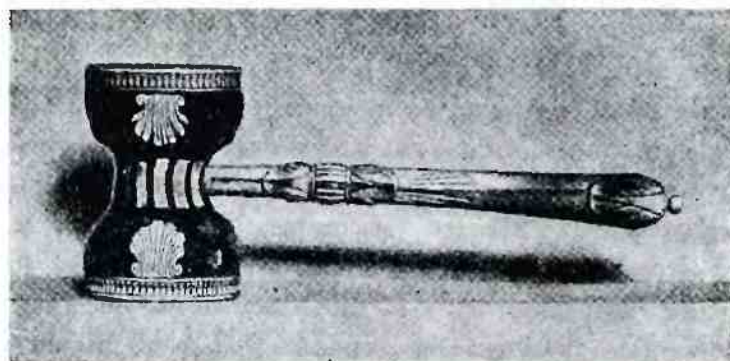
Médaille en souvenir de l'entrée de Frédéric II dans les rangs des maçons.

Первоначальное масонство пришло въ Германію изъ Англіи. Въ то время вообще вліяніе Англіи на Германію было довольно сильно. Умственная жизнь

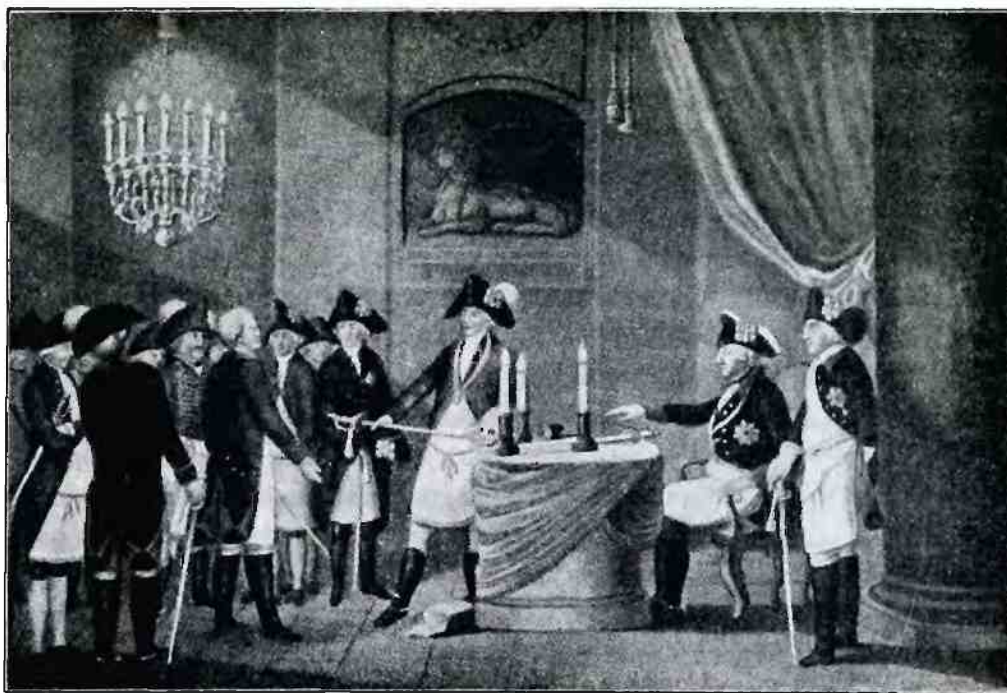
въ Германіи почти совсѣмъ изсякла послѣ 30-ти лѣтней войны; вся страна находилась въ состояніи почти полного одичанія; общественная жизнь совершенно замерла, и лучшіе люди могли прилагать свои силы только въ частной жизни, не получая извнѣ никакихъ стимуловъ къ общественной или умственной дѣятельности. Въ противоположность этому въ Англіи подѣ вліяніемъ великихъ потрясеній XVII вѣка расцвѣла богатая литература, выдвинулись такіе крупныя имена, какъ Мильтонъ, Свифтъ, Дефо, Попъ, Томсонъ, такіе энергичные журналисты, какъ Аддисонъ. Это могучее развитіе англійской литературы вызвало и въ Германіи цѣлый рядъ отголосковъ. Въ подражаніе аддисоновскимъ журналамъ тамъ сталъ издаваться цѣлый рядъ «Нравоучительныхъ еженедѣльниковъ», въ подражаніе Свифту появились сатирическія сочиненія Лискова, Рабенера и Цахаріэ; ученые критики Бодмеръ и Брейтингеръ грезилъ о Мильтонѣ и ставили всѣмъ нѣмецкимъ писателямъ въ примѣръ его безыскусственную поэзію; любовью Томсона къ природѣ восхищались такіе поэты какъ Галлеръ, Клопштокъ и Клейстъ; надъ романами Ричардсона проливали слезы чуть не всѣ образованные люди въ Германіи. Все англійское было тогда въ большой модѣ въ Германіи и находило для себя почти всюду множество почитателей.

Особенно легко проникало англійское вліяніе въ сѣверную Германію благодаря интенсивнымъ торговымъ сношеніямъ Лондона съ Гамбургомъ, съ одной

Масонскій молотокъ Фридриха Великаго (Изъ «Hohenzollern-Jahrbuch» 1899 г.).
Le marteau maçonnique de Frédéric le Grand.

стороны и благодаря династическимъ связямъ Ганновера съ Англіей—съ другой. Нѣмцамъ изъ нижней Германіи часто приходилось бывать въ Англіи, а англичанамъ—подолгу по торговымъ дѣламъ жить въ Гамбургѣ; и благодаря этимъ связямъ масонство стало проникать въ Германію уже очень скоро послѣ его возникновенія въ Англіи. Первымъ нѣмецкимъ масономъ былъ владѣтельный графъ Шаумбургъ-Липпе (Альбрехтъ-Вольфгангъ), который въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ XVIII вѣка былъ принятъ въ одну масонскую ложу въ Лондонѣ.

Фридрихъ II въ масонской ложѣ. Frédéric II dans la loge maçonnique.

Съ тѣхъ поръ число масоновъ въ Германіи стало довольно быстро расти, но до 30-хъ гг. въ Германіи еще не было своихъ ложъ, и нѣмецкіе масоны должны были ѣздить на засѣданія англійскихъ ложъ черезъ Ламаншъ. Только въ 1733 г. англійское высшее начальство масоновъ разрѣшило открыть въ Гамбургѣ «одинадцати нѣмецкимъ господамъ и добрымъ братьямъ» постоянную ложу; о дѣятельности этой логи мы, однако, ничего не знаемъ и нельзя съ достовѣрностью сказать, было ли использовано это разрѣшеніе. Только уже въ 1737 г. масонская ложа въ Гамбургѣ проявляетъ свою дѣятельность; сначала эта ложа не носитъ никакого имени, а въ 1741 г. принимаетъ названіе «Absalom» (Авесаломъ). Самымъ крупнымъ успѣхомъ этой логи на первыхъ порахъ было пріобрѣтеніе въ члены прусскаго кронпринца, позднѣе короля Фридриха II. Это произошло въ 1738 г. когда кронпринцъ сопровождалъ своего отца, короля Фридриха-Вильгельма I въ его поѣздкѣ по Голландіи. Во время этого путешествія въ одномъ замкѣ (Loo) за столомъ зашла рѣчь и о масонствѣ. Прусскій король, который не терпѣлъ никакихъ тайныхъ обществъ, рѣзко отозвался объ этомъ орденѣ; но присутствовавшій здѣсь графъ Шаумбургъ-Липпе сталъ горячо и краснорѣчиво защищать масоновъ, и эта смѣлая защита произвела на кронпринца настолько сильное впечатлѣніе, что онъ тутъ же рѣшилъ вступить въ число масоновъ, и меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого (14 августа 1738 г.) былъ дѣйствительно принятъ въ орденъ. Первое время Фридрихъ показаль себя очень

дѣятельнымъ масономъ, и немедленно по возвращеніи на родину основалъ при своемъ замкѣ въ Рейнсбергѣ масонскую ложу. Когда вскорѣ послѣ этого Фридрихъ вступилъ на королевскій тронъ, онъ продолжалъ покровительствовать масонамъ, и принялъ даже званіе гросмейстера незадолго до того основанной берлинской ложи «Aux trois Globes», которая съ 1744 г. приняла титулъ Великой ложи. Позднѣе Фридрихъ охладѣлъ къ масонству, но въ сороковыхъ годахъ его принадлежность къ ордену имѣла для нѣмецкаго масонства огромное значеніе. Его примѣру одинъ за другимъ стали слѣдовать и другіе нѣмецкіе государи и знатные люди.

Нѣмецкое масонство уже тогда получило вполне опредѣленный аристократическій отпечатокъ. Можно сказать даже болѣе: во многихъ нѣмецкихъ государствахъ оно благодаря своимъ связямъ съ княжескими домами пріобрѣтало даже придворный характеръ, и его члены надѣвали на себя придворную ливрею. Изъ вліятельныхъ нѣмецкихъ государей, ставшихъ въ то время масонами, надо прежде всего отмѣтить Франца I, сначала герцога Лотарингскаго, а позднѣе германскаго императора. Еще въ 1731 г., до появленія въ Германіи масонскихъ ложъ, онъ былъ посвященъ въ Гаагѣ въ ученики и товарищи, а нѣсколько позднѣе въ Лондонѣ былъ принятъ и въ мастера. Дѣятельнымъ членомъ масонскаго ордена сталъ и владѣтельный маркграфъ Байрейтскій основавшій въ 1741 г. тоже масонскую ложу; не менѣе дѣятельное участіе принималъ въ масонствѣ и герцогъ Гольштейнъ-Бекскій, который имѣлъ званіе вице-гросмейстера Великой берлинской ложи «Aux trois Globes» и руководилъ ею съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ II сталъ охладѣвать къ масонству. Слѣдомъ за этими владѣтельными князьями Германіи въ масонство потянулись и другіе нѣмецкіе государи,—и крупные, и мелкіе,—а также и принадлежавшіе къ ихъ дворамъ камергеры, бароны и генералы. Со времени Семилѣтней войны въ высшихъ кругахъ нѣмецкаго общества принадлежность къ масонству считалась даже признакомъ хорошаго тона. Масонство становилось забавой придворныхъ круговъ и титулованной знати того времени. Если иногда въ масонскія ложи и принимались бюргеры, то они принадлежали по большей части къ богатымъ семьямъ и почти никогда не задавали тона въ масонствѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Германіи было основано довольно много ложъ—въ Ганноверѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Брауншвейгѣ, Магдебургѣ, Геттингенѣ, нѣсколько позднѣе въ Вѣнѣ, Марбургѣ, Нюрнбергѣ и др. болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ Германіи; въ короткое время вся Германія была покрыта сѣтью такихъ масонскихъ ложъ, и къ нимъ стали тянуться въ Германію всѣ тѣ, кто имѣлъ претензію на знатность и родовитость; просматривая имена основателей и руководителей масонскихъ ложъ, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ вы встрѣтите среди нихъ фамиліи, не имѣющія впереди приставки «фонъ». Принадлежность къ масонскимъ ложа

съ самаго начала требовала довольно большихъ денежныхъ средствъ; безъ нихъ нельзя было принимать участія въ дорого стоившихъ братскихъ трапезахъ и щедрой раздачѣ милостыни, которыя были въ ходу среди масоновъ; но однихъ денегъ не было достаточно тогда, чтобы съ честью носить званіе масона. Нужно было уметь быть щедрымъ по-барски, съ тѣмъ размахомъ, который воспитывался многовѣковой, наслѣдственно передававшейся привычкой не знать счета деньгамъ; нуженъ былъ свѣтскій лоскъ, безъ котораго легко было растеряться среди торжественной обрядности ордена, среди напыщенныхъ привѣтствій и рѣчей, съ которыми обращались члены ордена другъ къ другу. Не нужно забывать, что масонство было *орденомъ*, и какъ орденъ оно усвоило себѣ многія специфически дворянскія и католическо-христіанскія понятія средневѣковыхъ *рыцарскихъ* орденовъ; позднѣе мы будемъ еще имѣть случай много разъ убѣдиться, какъ много было въ масонствѣ дворянской исключительности, католическихъ привычекъ къ чинопочитанью и монашескому послушанію и чисто средневѣковой потребности въ мистическихъ откровеніяхъ, несмотря на всѣ провозглашенія масонами идеаловъ братства, свободы и терпимости, несмотря на ихъ огромную распространенность въ *протестантскихъ* земляхъ.

Фридрихъ II—гросмейстеръ
ложи (медаль).
Frédéric II—Grossmeister de
la loge (Medaille).

Интересно сопоставить благожелательность нѣмецкихъ князей къ масонству съ тѣмъ явно враждебнымъ отношеніемъ, которое оно встрѣтило со стороны буржуазнаго правительства Швейцарской республики. Здоровому чувству швейцарскихъ бюргеровъ съ самаго начала была непріятна таинственность, которой окружили себя масоны, и ихъ стремленіе обособиться отъ остального общества въ замкнутую организацію, и какъ только бернское правительство узнало о существованіи въ Швейцаріи масонскихъ ложъ, оно поспѣшило ихъ запретить. Первая масонская ложа въ Швейцаріи возникла въ 1739 г. въ Лозаннѣ подъ названіемъ «La parfaite Union des Etrangers» и вслѣдъ за тѣмъ въ странѣ возникло еще нѣсколько ложъ, которыя скоро объединились въ общій союзъ подъ названіемъ «Directoire national Helvetique Roman». Но уже въ 1745 г. правительство распустило этотъ союзъ и масонство вообще было запрещено въ Швейцаріи. Интересна та мотивація, всецѣло построенная на бюргерски грубоватомъ принципѣ здраваго смысла, съ которой швейцарскій чиновникъ Ригинеръ попытался было заступиться за этотъ, съ его точки зрѣнія, пустой, но совершенно безобидный орденъ: «Конечно, было бы лучше», писалъ онъ въ своемъ донесеніи бернскому правительству, «если бы о масонствѣ не было ничего из-

вѣсно, но разъ оно сдѣлалось моднымъ во всей Европѣ, то не нужно удивляться, что оно возникло и въ этомъ городѣ (Лозаннѣ), гдѣ такъ много *досужихъ людей, не имѣющихъ никакихъ занятій*. Но бернское правительство не послушалось своего чиновника и настояло на закрытіи масонскихъ ложъ въ Швейцаріи. По поводу этого распоряженія швейцарскихъ властей возникла цѣлая полемика, и характерны тѣ мотивы, съ которыми выступали въ печати и защитники, и противники бернского правительства. Въ одномъ сочиненіи¹⁾, появившемся въ 1847 г. въ защиту бернскихъ властей, въ качествѣ главнаго упрека противъ масонства выставилась та именно таинственность и замкнутость масонскихъ собраний, когорая, какъ мы только что указывали, вообще плохо мирилась съ грубоватой, чуждой какихъ-либо высшихъ запросовъ, но открытой и простой жизнью привыкшихъ къ трезвому мышленію бюргеровъ. «Истина», говорилось въ этомъ сочиненіи, «не боится свѣта и честность въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не нуждается въ укрывательствѣ за закрытыми дверями, подъ таинственными образами». Государство должно покровительствовать всякаго рода союзамъ, если они преслѣдуютъ полезныя цѣли, но «тѣ, которые боятся свѣта, должны быть представлены предъ лицо свѣта или устранены изъ общественной жизни». Противъ этихъ упрековъ въ замкнутости защитники масонства въ качествѣ главнаго возраженія выдвигали то, что масоны—послушные подданные, что въ ихъ орденѣ нѣтъ ничего опаснаго для религіи и государства и что многіе «достоцимые князья» принадлежатъ къ ордену. Одинъ изъ довольно вліятельныхъ масоновъ первой половины XVIII вѣка Іоганнъ Швабе, который издавалъ въ Лейпцигѣ журналъ «Der Freymauser», писалъ въ этомъ журналѣ: «... грубые и невоспитанные люди пользуются нашимъ именемъ и злоупотребляютъ имъ для своихъ пороковъ; но изъ-за этого не слѣдовало бы позорить истинныхъ масоновъ, какъ отрицателей Бога, какъ вольнодумцевъ (Freigeister), какъ порочныхъ и опасныхъ людей». Особенно рѣзко возстаетъ Швабе противъ упрековъ, предъявляемыхъ масонамъ, въ презрѣніи къ религіи и въ вольнодумствѣ, и обстоятельно доказываетъ, что религія не выдумка хитрыхъ людей, какъ то утверждаютъ нѣкоторые (читай: просвѣтители), а врожденная потребность чело-вѣчества, врожденная въ той же мѣрѣ, какъ врождена намъ самая идея Бога. Въ другомъ масонскомъ сочиненіи, написанномъ въ защиту швейцарскихъ масоновъ²⁾, доказывалось, что масонство—только «сладкій союзъ братства», соединяющій людей для духовнаго совершенствованія и что масоны никогда не позволяли себѣ сопротивляться ни свѣтскимъ властямъ, ни церкви. Все это показываетъ

¹⁾ Оно имѣетъ длинное заглавіе: *Lettre à l'auteur d'un ouvrage intitulé: Le F. M. dans la république, dans lequel on examine, si l'auteur est fondé à se plaindre de l'ordonnance de la république de Berne contre le dit ordre.*

²⁾ «*La F. M. dans la République*»; эта книга была, вѣроятно, написана Steinheil'емъ, основателемъ ложи L'Union во Франкфуртѣ.

какъ безобидно и далеко отъ какихъ-либо поползновеній къ политическому и церковному реформаторству было тогдашнее нѣмецкое масонство; но это же въ достаточной степени и объясняетъ, почему трезвая и незатѣйливая мысль тогдашнихъ бюргеровъ, не привыкшихъ къ рафинированной утонченности аристократическихъ круговъ, въ общемъ довольно рѣшительно отвернулась отъ масонства. Замѣчательно, что эта реакція нетерпимаго мѣщанскаго здравогомыслія коснулась даже и такого города, какъ Гамбургъ, бывшаго колыбелью нѣмецкаго масонства и подвергавшагося перекрестнымъ масонскимъ вліяніямъ, и бюргерскій сенатъ этого города уже въ 1738 г. издалъ декретъ объ уничтоженіи «общества масоновъ». Но здѣсь масонскія вліянія уже успѣли пустить довольно глубокіе корни, и этотъ декретъ былъ въ скоромъ времени взятъ обратно.

Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей первоначальнаго нѣмецкаго масонства было то, что первыя ложи въ Германіи носили французскія названія и работы ихъ производились на французскомъ языкѣ. Этого нельзя также не поставить въ связь съ аристократическимъ характеромъ масонства того времени. Писатели, удовлетворявшіе *среднимъ* кругамъ нѣмецкаго общества, создатели сентиментальной и бюргерской поэзіи XVIII вѣка отъ Галлера до Клопштока, писали на родномъ нѣмецкомъ языкѣ; ученая литература, творцами которой были по большей части тоже люди изъ бюргерской среды, писалась тогда по преимуществу на латинскомъ языкѣ. Но высшіе слои нѣмецкаго общества, дворянская аристократія, предпочитали говорить по-французски. И нѣмецкое масонство также довольно быстро подверглось французскому вліянію,—и притомъ не только внѣшнему вліянію въ отношеніи языка и терминологіи, но и вліянію внутреннему, усвоивъ себѣ въ очень короткій срокъ главнѣйшія особенности и своеобразныя черты французскихъ масонскихъ ложъ. Англія дала въ сущности только внѣшній толчокъ нѣмецкому масонству и хотя въ основу первыхъ нѣмецкихъ ложъ была положена англійская «Книга конституцій», составленная Андерсономъ, и ритуаль Прихарда¹⁾, но простота этой конституціи, ясность поставленныхъ цѣлей, отсутствіе сложной іерархіи (признаніе только 3 ступеней), дворянской исключительности и фантастическихъ обѣщаній открытъ на высшихъ ступеняхъ сверхчеловѣческую мудрость, уже рано перестали удовлетворять нѣмецкихъ масоновъ. Въ дальнѣйшемъ же они, какъ мы увидимъ ниже, быстро прониклись духомъ французскаго масонства, его аристократическими притязаніями, его исканіямъ высшей мудрости, недоступной для простыхъ смертныхъ, его дворянскимъ тщеславіемъ; и только въ немногихъ мѣстахъ и среди не пользовавшихся большимъ вліяніемъ нѣмецкихъ масоновъ сохранялся первоначально простой и чуждый какихъ-либо особыхъ притязаній англійскій типъ масонскихъ ложъ. Но, ко-

---

¹⁾ См. статью И. М. Хараскова «Происхожденіе масонства».

нечно, главную роль въ этомъ быстромъ измѣненіи и вырожденіи нѣмецкаго масонства сыграли не чужеземныя французскія вліянія, а внутреннія предрасположенія къ нимъ въ самомъ нѣмецкомъ обществѣ,—тѣ мистическія настроенія, тѣ поиски за таинственнымъ знаніемъ, которыми такъ обильна была умственная жизнь въ Германіи въ XVIII вѣкѣ и тотъ духъ сословной исключительности, который доминировалъ въ общественной жизни того времени; мы говорили о нихъ уже выше и въ дальнѣйшемъ намъ придется еще не разъ коснуться ихъ.

Первоначальное масонство—такое, какимъ оно зародилось въ Англіи,—не было тайнымъ обществомъ; это былъ въ сущности открытый для всѣхъ союзъ людей, связанныхъ стремленіемъ къ внутреннему самосовершенствованію, къ жизни въ духѣ братской любви и внутренней свободы; доступъ въ него былъ открытъ всѣмъ желающимъ, и его уставы и цѣли не были окружены покровомъ тайны: они были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе путемъ печати, и только обрядность ордена, его интимный ритуаль до нѣкоторой степени былъ закрытъ для непосвященныхъ. Внутри ордена господствовало равенство между его членами, и всякій могъ быть выбранъ на любую орденскую должность—вплоть до гросмейстера; члены ордена подчинялись только тѣмъ уставамъ и правиламъ, которые они себѣ сами дали. Іерархія внутри ордена была крайне несложна и въ ложахъ существовало только 3 степени (ученика, товарища и мастера), при чемъ переходъ изъ одной степени въ другую былъ всѣмъ доступенъ и не сопряженъ ни съ какими особыми трудностями.

Эта простота въ организаціи ордена и ясность его цѣлей съ самаго начала перестали удовлетворять тѣмъ кругамъ нѣмецкаго общества, въ которыхъ масонство получило наибольшее распространеніе и популярность. Среди молодежи половины XVIII столѣтія было очень много маленькихъ Фаустовъ, стремившихся подняться выше чувствъ и мыслей обыкновенныхъ людей, прорвать всѣ традиціонныя способы познанія, сразу проникнуть въ сущность мірозданія и познать всѣ тайны бытія. Это были своего рода «сверхчеловѣки», считавшіе себя избранною ратью и съ аристократическимъ презрѣніемъ смотрѣвшіе на прочее человѣчество.

Въ литературѣ XVIII вѣка былъ въ модѣ типъ такого «сверхчеловѣка» съ печатью никогда не исчезающей серьезности на челѣ, со скрытымъ огнемъ въ очахъ. Эта демоническая фигура, окруженная постоянной атмосферой чудесъ, надѣленная какимъ-то высшимъ знаніемъ и вызывающая къ себѣ величайшее почтеніе и страхъ во всѣхъ окружающихъ, была особенно предметомъ культа со стороны образованной аристократической молодежи, въ которой далеко еще не заглохло чисто дворянское стремленіе чѣмъ-нибудь выдѣлится изъ толпы обыкновенныхъ людей. Образованіе и воспитаніе уже мѣшали

представителямъ этой молодежи кичиться происхожденіемъ, какъ это дѣлали ихъ предки, но они еще не могли отдѣлаться отъ привычки сверху внизъ смотрѣть на остальное общество, и стремились обособиться отъ него въ замкнутыхъ кружкахъ, въ таинственныхъ обществахъ. И мы увидимъ ниже, какъ гармонировала съ этими стремленіями организація позднѣйшихъ нѣмецкихъ масонскихъ ложъ съ ихъ замкнутостью и таинственностью, съ ихъ претензіями на высшую, доступную только немногимъ мудрость, какъ льстила дворянскому тщеславію та сложная іерархическая лѣстница масонскихъ чиновъ и званій, которую завели у себя нѣмецкіе масоны по образцу французскихъ.

Но маленькимъ Фаустамъ XVIII вѣка не хватало очень многого для того, чтобы стать подлинными Фаустами,—и прежде всего способности къ самостоятельной мысли и энергіи въ работѣ. Вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма наложилъ на нихъ вполнѣ опредѣленную печать и привилъ имъ прочныя привычки къ пассивному подчиненію и къ опеѣ сверху. Поэтому-то въ поискахъ за высшей мудростью они больше полагались на откровенія, которыя имъ будутъ сообщены другими, по большей частью неизвѣстными, таинственными лицами, хранящими съ незапамятныхъ временъ сокровища всеобъемлющаго знанія и передающими ихъ подъ покровомъ величайшей тайны немногимъ избраннымъ, чѣмъ на собственныя усилія. Отсюда обиліе среди масоновъ XVIII вѣка всякаго рода самозванныхъ начальствъ, объявлявшихъ именно себя обладателями кладезей масонской премудрости и, несмотря на вполнѣ очевидное шарлатанство, добивавшихся къ себѣ полного довѣрія. Никогда ни раньше, ни позже въ Германіи не появлялось столько шарлатановъ и обманщиковъ, никогда самая вздорная похвальба своей чудодѣйственной силой и чудеснымъ знаніемъ не встрѣчала къ себѣ такого легкаго довѣрія, какъ именно въ этотъ вѣкъ причудливо перевившихся мистическихъ исканій и раціоналистическаго просвѣщенія. И эта вѣра въ существованіе гдѣ-то скрывающихся въ тиши и отъ времени до времени объявляющихся чудесниковъ знанія, высшихъ жрецовъ масонства должна была съ самаго начала разрушить простую организацію первоначальнаго масонства, при которой всякій членъ ордена зналъ и другихъ членовъ, и свое начальство; появились многочисленныя легенды о существованіи «неизвѣстныхъ начальниковъ», которые стоятъ по своимъ знаніямъ выше избранныхъ мастеровъ и гросмейстеровъ; имъ охотнѣе подчинялись, чѣмъ выборнымъ властямъ, за ними признали право назначенія на масонскія должности, и уже благодаря этому принципъ братства и равенства былъ совершенно извращенъ даже во внутренней организаціи самыхъ масонскихъ ложъ.

Обратимся теперь къ фактической исторіи нѣмецкаго масонства,—исторіи, наглядно демонстрирующей быстрое разрушеніе первоначальныхъ принциповъ масонства.

Стремленіе нѣмецкихъ масоновъ выдѣлить себя изъ среды простыхъ смертныхъ и подняться на недосягаемую ступень «откровенныхъ» знаній выразилось прежде всего въ желаніи окутать прошлое масонства покровомъ непроницаемой тайны и отодвинуть его возникновеніе къ возможно далекимъ временамъ, къ средневѣковью или еще дальше—вглубь вѣковъ. Конституція Андерсона и вся первоначальная литература масонства, зародившаяся въ Англіи, не давала ни высшаго знанія, ни особенно высокаго положенія для масоновъ; слѣдовательно, разсуждали нѣмецкіе мистики, англійское масонство—не истинное, и подлинныхъ масонскихъ источниковъ надо искать въ другихъ мѣстахъ. На этой почвѣ началось настоящее миѳотворчество, созданіе самыхъ причудливыхъ легендъ и фантазій какъ о возникновеніи масонства, такъ и о существованіи его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ подлинномъ видѣ. Удобная почва для этихъ легендъ и фантазій создавалась тѣмъ, что уже творцы масонства въ Англіи постарались окутать его таинственнымъ туманомъ, а французскіе его послѣдователи пошли въ этомъ отношеніи еще дальше; но нѣмецкіе масоны далеко превзошли въ созданіи масонской легенды даже и французовъ, и самыя неудержимыя фантазіи на этотъ счетъ родились именно на нѣмецкой почвѣ. Указаній на настоящее, подлинное масонство искали и въ трудахъ средневѣковыхъ алхимиковъ, и въ еврейской каббалистикѣ, и въ мистическихъ вдохновеніяхъ Парацельса, Якова Бема и Ам. Коменскаго, и даже у неоплатониковъ и мистиковъ первыхъ вѣковъ христіанской вѣры; нѣкоторые не останавливались и на этомъ и относили масонство еще дальше—ко временамъ античнаго міра или древнихъ монархій Востока. Не было въ сущности ни одного мистическаго или просто непонятнаго движенія въ самыхъ далекихъ временахъ, котораго нѣмецкіе масоны не попытались бы связать со своимъ орденомъ.

Эти поиски масоновъ за таинственной, скрывающейся въ глубинѣ вѣковъ мудростью повлекли за собой прежде всего появленіе такъ называемыхъ «шотландскихъ ложъ» въ Германіи. Въ предыдущихъ статьяхъ уже выяснено, что эти «шотландскія ложи» не имѣли никакого отношенія къ Шотландіи, и возникли во Франціи; ихъ самой характерной особенностью было то, что, помимо трехъ обычныхъ масонскихъ ступеней, они признавали еще другія, высшія ступени, при чемъ считалось, что масоны, стоящіе на этихъ высшихъ ступеняхъ, обладаютъ и высшимъ знаніемъ, которое сохранилось въ шотландскихъ ложахъ со временъ незапамятной древности путемъ передачи отъ разныхъ таинственныхъ учреждений¹⁾ и лицъ. Мысль о созданіи такихъ высшихъ ступеней появилась въ Германіи очевидно подъ французскимъ вліяніемъ, но «шотландское» масонство здѣсь получило другую организацію, чѣмъ во Франціи. Во Франціи

---

¹⁾ См. статью А. М. Васютинскаго о французскомъ масонствѣ.

шотландскія ложи представляли изъ себя только высшую надстройку надъ обыкновенными масонскими ложами; они стояли съ ними въ тѣсной связи и были по отношенію къ нимъ только высшей ступеню. Въ Германіи же шотландскія ложи съ самаго начала образовали особый, совершенно независимый отъ другихъ ложъ орденъ; члены его назывались «шотландскими мастерами» (Schottische Meister). Первая такая шотландская ложа возникла въ 1741 г. въ Берлинѣ изъ членовъ ложи «Au trois Globes»¹⁾ подъ названіемъ l'Union. Вторая шотландская ложа возникла въ 1744 г. въ Гамбургѣ подъ названіемъ Judica; ея основателемъ былъ графъ фонъ-Шметтау. Вслѣдъ за тѣмъ такія же ложи возникли и въ другихъ мѣстахъ Германіи: въ Лейпцигѣ (1747) и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (1753). Всѣ эти ложи выражали вполне опредѣленное притязаніе на высшее начальствованіе надъ всѣми нѣмецкими масонами, но ихъ вліяніе, очевидно, было первое время ничтожно и подкрѣпить свои права на особенное, высшее положеніе среди нѣмецкихъ масоновъ имъ не удавалось. Они пустили въ ходъ легенду, изобрѣтенную въ началѣ XVIII в. англичаниномъ Рамеемъ о томъ, что масонскій орденъ возникъ еще во время крестовыхъ походовъ, когда нѣкоторые благородные князья, рыцари и горожане дали священный обѣтъ возстановить христіанскія церкви въ святой землѣ и соединились для этой цѣли съ рыцарскимъ орденомъ Іоаннитовъ; себя они выдавали за прямыхъ преемниковъ этихъ средневѣковыхъ масоновъ. Но и это, повидимому, не особенно подняло ихъ вѣсъ среди остальныхъ нѣмецкихъ масоновъ, не имѣвшихъ претензій на такое древнее происхожденіе. Искателямъ исключительныхъ почестей и таинственныхъ правъ пришлось обратиться къ другимъ средствамъ.

Во время Семилѣтней войны въ прусскій плѣнъ попалъ французскій офицеръ маркизь де-Лерней. Это былъ масонъ, хорошо знакомый съ той системой высшихъ ступеней, которая развилась во Франціи при гротмейстерѣ французской великой ложи графѣ Клермонтѣ и которая была насквозь пропитана духомъ дворянской исключительности. Онъ вступилъ въ дружбу съ барономъ фонъ-Принценомъ, мастеромъ берлинской великой ложи Zu den 3 Weltkugeln (прежняя ложа Au trois Globes), который пользовался въ это время большимъ вліяніемъ среди нѣмецкихъ масоновъ, и они вмѣстѣ, съ согласія самого графа Клермонта, основали новую масонскую организацію въ Германіи «Капитулъ избранныхъ братьевъ Іерусалимскаго рыцарскаго ордена»²⁾. По уставу этого капитула въ немъ надъ тремя обыкновенными степенями поднимались еще 4 высшихъ степени, носившія разныя претенціозныя названія³⁾. Французская ле-

¹⁾ Эта ложа довольно рано получила переведенное на нѣмецкій языкъ названіе «Zu den 3 Weltkugeln».

²⁾ Проще его звали клермонтскимъ капитуломъ.

³⁾ 4-ая степень звалась просто шотландской степеню (Schottengrad), пятая—Chevalier de l'aigle élu, шестая—Chevalier illustre or Templier, седьмая—Sublime chevalier illustre.

генда о происхожденіи истиннаго масонства отъ средневѣковыхъ тамплиеровъ была усвоена и этимъ капитуломъ, и его члены выставляли себя въ противобѣсъ всѣмъ другимъ масонамъ настоящими наслѣдниками таинственнаго знанія среднихъ вѣковъ, которымъ якобы обладали тамплиеры. У іерусалимскаго капитула оказался въ распоряженіи очень дѣятельный членъ; это былъ ангальтъ-готскій совѣтникъ консисторіи Самуиль Роза, лишенный своей должности за развратный образъ жизни. Онъ объѣздилъ половину Германіи и всюду основывалъ филиальныя отдѣленія капитула, всюду разглашая слухъ о таинственныхъ волшебныхъ силахъ, которыя заключены въ немъ; при этомъ, какъ только его начинали разглагольствовать, онъ быстро мѣнялъ мѣсто своей пропаганды и обнаружилъ въ этомъ отношеніи большую ловкость.

Дѣятельность Розы была сигналомъ къ цѣлому ряду подобныхъ же шарлатанскихъ выступленій. Въ послѣдній годъ Семилѣтней войны въ Іенѣ появился неизвѣстный человѣкъ, называвшій себя фальшивымъ именемъ Джонсона; онъ выдавалъ себя за какого-то Великаго Пріора, посланнаго начальствомъ шотландскаго масонства въ Германію затѣмъ, чтобы реформировать нѣмецкое масонство. «Онъ утверждалъ», рассказываетъ объ немъ Findel¹⁾, «что масонскій орденъ есть ничто иное какъ продолженіе втайнѣ скрытаго ордена тамплиеровъ». Однимъ этимъ, однако, было еще трудно привлечь къ себѣ вниманіе. Поэтому Джонсонъ пустился на самыя фантастическія выдумки. Онъ рассказывалъ про себя, что онъ—величайшій человѣкъ подъ солнцемъ; «величайшій государь не обладаетъ такимъ могуществомъ, какъ онъ; ангелъ Гавріилъ не можетъ похвалиться обладаніемъ такой прозорливостью и такими знаніями, какими владѣетъ онъ»²⁾; онъ обѣщалъ, что истинный масонъ умретъ не прежде, чѣмъ утомится отъ жизни и самъ захочетъ смерти; онъ распускалъ слухи о неслѣтныхъ богатствахъ ордена, кассы котораго находятся въ трехъ мѣстахъ міра, и утверждалъ, что весь англійскій флотъ находится подъ управленіемъ ордена; къ тому же онъ намекалъ, что умѣетъ превращать неблагородные металлы въ золото. Стремленіе къ таинственному знанію было такъ велико среди масоновъ, что эта фантастическая реторика нашла себѣ довѣріе даже среди серьезныхъ масоновъ. По всѣмъ нѣмецкимъ ложа́мъ было дано знать о появленіи Джонсона и чтобы выслушать его на 15 мая 1764 г. былъ назначенъ всеобщій съѣздъ нѣмецкихъ масоновъ въ Альтенбергъ (у Іены). Явились депутаты почти отъ всѣхъ масонскихъ ложъ. Джонсонъ къ этому времени сумѣлъ собрать отъ своихъ приверженцевъ очень значительныя денежныя суммы и устроилъ для пріѣзжихъ очень богатый и пышный пріемъ. На съѣздѣ онъ держалъ себя

¹⁾ Findel. Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis auf die Gegenwart.

²⁾ См. сочиненія современника Джонсона проф. Woog'a въ «Journal für Freimaurer». Wien, 1786.

Масонскій знакъ. (Истор. Музей). Une croix maçonnique.

необычайно заносчиво, потребовалъ, чтобы ему представили патенты и акты всѣхъ масонскихъ ложъ, и объявилъ ихъ всѣ недѣйствительными и ложными. Отъ явившихся на сѣздъ масоновъ онъ требовалъ безусловной покорности и повиновенія. Чтобы поддержать свой авторитетъ онъ устраивалъ собранія своихъ приверженцевъ въ глубокую полночь и требовалъ, чтобы они являлись на нихъ въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, въ панцыряхъ, высокихъ сапогахъ и шпорахъ; средневѣковый характеръ этихъ собраній поддерживался пышными церемоніями и барабаннымъ боемъ, которыми сопровождались всѣ выходы Джонсона. Этотъ шарлатанъ оказался довольно тонкимъ психологомъ и умѣлъ удовлетворить двумъ главнымъ стремленіямъ тогдашнихъ масоновъ—ихъ мистическому чувству таинственнаго и воспитанной на феодальныхъ воспоминаніяхъ любви къ рыцарской романтикѣ. Чтобы увеличить этотъ рыцарско-романтический характеръ всего, связаннаго со своей особой, Джонсонъ окружилъ себя

чисто средневековой стражей и заставлял собравшихся на съезд почтенных баронов, камергеров и профессоров теологии разъезжать верхами с пиками и алебардами по ночам кругом Альтенберга.

Вся эта средневековая бутафория устраивалась на средства многочисленных приверженцев Джонсона, которых он не стеснялся грабить под разными благовидными предлогами. В самое короткое время он прожил 15 тысяч талеров; но планы его шли еще дальше: он хотел обязать всякого нового приверженца обещать пожертвовать все свое состояние после смерти ордену, т.е. фактически самому Джонсону. Это неумеренное корыстолюбие и погубило Джонсона: против него возникли подозрения, питавшиеся еще и тем, что он медлил сообщить свои таинственные знания и проявить свое сверхъестественное могущество. От него потребовали доказательств его права на власть. Джонсон растерялся, попросил суточного срока для оправдания и воспользовался им, чтобы убежать. Позднее его арестовали и посадили в замок Вартбург, где он провел целых десять лет—до самой смерти (1775 г.).

В разоблачении Джонсона очень деятельное участие принимал барон Гундъ. Но, несмотря на это, на развитие немецкого масонства он повлиял в том же направлении, как и Джонсон, хотя лично был на него совершенно не похож. Это был совершенно средневековой человек по характеру и по привычкам. Придворный аристократ, обладавший большим состоянием, он чувствовал непреодолимое влечение к рыцарской жизни средневековых дворян и к феодальной обстановке; его любимыми развлечениями были конная езда и охота, его главной слабостью—любовь к торжественным церемониям. Романтически настроенный, он не выносил никакого правильного труда и часто целыми месяцами не мог заставить себя взяться за перо, чтобы написать самое простое письмо. Такой человек и в масонстве должен был искать прежде всего возрождения феодально-рыцарских идеалов. Он стал масоном уже 20 лет отроду; побывав в 40 гг. в Париже, он увлекся ходившей там в то время легендой, что на шотландских островах уцелел тамплиерский орден. Вернувшись на родину, он основал при своем родовом замке ложу «Zu den 3 Saulen», ввел в ней «шотландскую» систему высших ступеней, принял титул «военного мастера» (Heermeister) и носился с мыслью создать кругом себя особое воинство, наподобие средневековых крестоносцев. Но за отсутствием объекта для крестового похода, он стал пока думать об устройстве благотворительных учреждений, сиротских домов и т. п. Чтобы добыть денег на это он погрузился в изучение алхимии и каббалистики. Он мечтал подчинить себе все другие масонские организации, и от всех примыкавших к нему требовал безусловного повиновения.

Повидимому это требование безусловной покорности находило живой от-

кликъ въ тогдашней полуфеодальной Германіи. Намъ уже приходилось говорить по поводу де-ля-Мотъ-Гюйонъ, какимъ успѣхомъ пользовалась въ XVIII вѣкѣ проповѣдь квѣтизма. Въ то время, когда произволъ маленькихъ мѣстныхъ князьковъ доходилъ до самодурства и когда общественная жизнь была совершенно подавлена, нельзя было и ожидать ничего другого, и не одно масонство, но и значительная часть литературы XVIII в. культивировала идеалы самоотреченія и пассивности. Идею судьбы, полного отказа отъ личной дѣятельности, пассивнаго подчиненія высшимъ силамъ, господствующимъ надъ человеческой жизнью мы найдемъ въ очень многихъ романахъ XVIII вѣка¹⁾, но масоны пошли въ этомъ отношеніи дальше другихъ, выставивъ отказъ отъ личной дѣятельности и служеніе высшимъ орденовымъ цѣлямъ этическимъ постулатомъ, непререкаемымъ условіемъ праведной жизни. Въ этомъ отношеніи требованіе Гундомъ безусловной покорности отъ всѣхъ его приверженцевъ вполне гармонизировало какъ съ преобладающимъ направленіемъ умовъ въ тогдашней Германіи, такъ и съ общимъ духовнымъ обликомъ этого полуфеодала. Но совершенно неожиданно на его пути ему встрѣтилось препятствіе въ лицѣ появившагося тогда въ Іенѣ Джонсона, и оказалось, что ничѣмъ не стѣсняющійся шарлатанъ больше успѣлъ среди тогдашнихъ масоновъ, чѣмъ идеологъ средневековыхъ идеаловъ. Успѣхъ Джонсона былъ, однако, какъ мы видѣли, очень непродолжителенъ, и баронъ Гундъ былъ однимъ изъ ближайшихъ виновниковъ его паденія: сначала онъ увѣровалъ было въ него, но потомъ, убѣдившись въ его шарлатанствѣ, рѣшительно отвернулся отъ него. Тогда же онъ сталъ утверждать, что въ бытность его въ Парижѣ, начальники шотландскихъ тамплиеровъ назначили его главою всѣхъ нѣмецкихъ масоновъ нижней Германіи (т. н. VII-ой провинціи) и что никто, кромѣ него, не уполномоченъ шотландскими тамплиерами посвящать въ высшія масонскія ложи. Въ этомъ онъ встрѣтилъ къ себѣ всеобщее довѣріе, и всѣ тѣ, которые только что группировались кругомъ Джонсона, теперь признали своимъ начальникомъ Гунда. Введенная имъ система получила названіе «Строгаго Чина» (*Stricke Observanz*), такъ какъ она требовала безусловной покорности отъ всѣхъ принявшихъ ее (ей противопоставалась «Late Observanz», обнимавшая всѣ ложи, не принявшія «Строгаго Чина»).

Въ новой организаціи была введена еще болѣе сложная градація степеней, чѣмъ въ Клермонтскомъ Капитулѣ. Надъ первыми тремя степенями обыкновенныхъ ложъ были учреждены степени шотландскихъ мастеровъ, новиціевъ, тамплиеровъ, въ свою очередь разбивающихся на 3 класса (всадники, оруженосцы и союзники); надъ всѣми этими степенями поднималась учрежденная въ 1770 г. высшая степень, такъ называемая «*Eques professus*». Усложненъ былъ также и

---

¹⁾ См. Schneider, *Die Freimaurerei und ihr Einfluss auf die geistige Kultur in Deutschland*, стр. 167 и сл., 176 и сл., Paris, 1909.

ритуаль ордена и приближенъ къ обычаямъ средневѣковыхъ рыцарскихъ орденовъ. Эта игра въ средневѣковыя имѣла необычайный успѣхъ. Въ короткое время орденъ «Строгаго Чина» приобрѣлъ господствующее положеніе во всей Германіи, и другія масонскія ложи стали переходить въ этотъ орденъ, подписывая «акты повиновенія» (Obedienz-akte) неизвѣстнымъ орденскимъ властямъ. Таинственность ордена была настолько велика, что отъ членовъ ордена скрывались даже и его цѣли, которыя были будто бы извѣстны только втайнѣ пребывающему начальству.

Особенно дѣятельную пропаганду въ пользу «Строгаго Чина» велъ нѣкій Шубартъ, который заявлялъ, что дѣйствуетъ по уполномоченію высшихъ шотландскихъ властей ордена, и считалъ себя по положенію въ орденѣ выше самого Гунда. Онъ ѣздилъ по Германіи, вербовалъ себѣ сторонниковъ, а тѣ ложи, которыя не хотѣли признать «Строгаго Чина», онъ просто объявлялъ недѣйствительными. Масонъ Боде, сопровождавшій Шубарта во время его путешествій, рассказываетъ, что Шубартъ въ таинственныхъ, аллегорическихъ выраженіяхъ вѣщалъ о силѣ и могуществѣ ордена и о томъ блаженствѣ, которое ожидаетъ всѣхъ вступившихъ въ него членовъ. Самъ Шубартъ усердно занимался алхиміей, и по собственному признанію истратилъ болѣе тысячи дукатовъ на свою лабораторію, въ которой занимался отысканіемъ философскаго камня. Но, отчаявшись обогатиться такимъ образомъ, онъ развилъ планъ обложенія всѣхъ членовъ ордена необыкновенно высокими налогами, съ тѣмъ, чтобы образовавшійся такимъ образомъ фондъ употребить на разнаго рода торговля предпріятія; такимъ путемъ онъ обѣщалъ увеличить капиталъ общества въ тысячи разъ. Но большинство ложъ хотѣло удержать свои деньги при себѣ, и планъ Шубарта вызвалъ поэтому большое неудовольствіе. Съ другой стороны Шубартомъ были недовольны и изъ-за его автократическихъ замашекъ. Франкфуртская ложа «Zur Einigkeit» не захотѣла вступать въ сношенія съ Шубартомъ, а подчиненная ей ложа въ Нюрнбергѣ объяснила, что нѣмецкіе масоны не хотятъ ни отъ кого зависѣть, кромѣ какъ отъ великой ложи въ Лондонѣ; она заявила при этомъ, что не слѣдуетъ принимать таинственныхъ новостей, которыя не могутъ быть объяснены,—особенно тѣхъ дѣтскихъ розказней, за которыя жадно хватаются французы; нѣмецкое масонство, по словамъ этой ложи, не нуждается ни въ какой реформаціи.

Подъ вліяніемъ этихъ неудачъ Шубартъ упалъ духомъ и скоро послѣ этого отказался отъ роли пропагандиста, уединившись въ своемъ родовомъ помѣстьѣ. «Строгій Чинъ» лишился очень дѣятельнаго агитатора, а между тѣмъ энергичные члены для него были очень нужны, потому что у него появилось какъ разъ въ это время очень много соперниковъ. Примѣръ Джонсона и Гунда, приобрѣвшихъ въ очень короткій срокъ необычайную популярность, не могъ не возбуждать подражанія, и въ Германіи стали, какъ грибы, расти различныя масон-

скія организаціи, окуtywавшія свое происхожденіе покровомъ таинственности, претендовавшія на высшее знаніе, которое они будто бы почерпнули изъ какихъ-то древнихъ манускриптовъ, и объявлявшія себя верховнымъ начальствомъ надъ всѣми масонами. Таковы были общества «африканскихъ строителей», ссылавшихся на знанія, переданныя имъ преемственно отъ египетскихъ жрецовъ, «азіатскихъ братьевъ» и т. п., быстро возникавшія и такъ же быстро сходящія со сцены. Даже общества, возникшія и раньше, теперь заражались духомъ «Строгого Чина». Таково было «Arcadische Gesellschaft zu Phylandria»¹⁾, основанное въ 1759 г. изенбургскимъ совѣтникомъ фонъ-Бури. Познакомившись съ системой «Строгого Чина», фонъ-Бури, провозгласившій себя «архонтомъ» этого общества, ввелъ въ немъ высшія степени и потребовалъ отъ его членовъ, чтобы они жертвовали для него всѣмъ вплоть до послѣдней капли крови. Съ этими авторитарными замашками главы общества какъ нельзя болѣе гармонировалъ тотъ дворянскій кастовый духъ, и та вѣроисповѣдная нетерпимость, которая была вообще характерна для масонскихъ организацій, претендовавшихъ на связь со средневѣковыми рыцарскими орденами. Въ обществѣ была проведена рѣзкая граница между «простыми членами» (Gemeine Glieder) и «благороднорожденными» (Edelfreien), при чемъ въ оправданіе приводилось такое соображеніе: «должно же дѣлать въ этомъ отношеніи различіе. Было бы въ высшей степени неудобно, если бы мы захотѣли наполнить общество евреями и турками, а также крестьянами и нищими». Даже и старыя масонскія ложи въ это время стали подъ вліяніемъ «Строгого Чина» совершенно открыто выражать свою вѣроисповѣдную исключительность; такъ въ 1766 г. вновь избранный мастеръ берлинской ложи «Zu den drei Weltkugeln»²⁾ Крюгеръ провелъ измѣненія ритуала этой ложи, по которому въ масонство «можетъ быть принятъ только христіанинъ, но не еврей, магометанинъ или язычникъ»; ибо, говорилось тамъ, «только христіанская религія имѣетъ исключительную власть дѣлать злое сердце добрымъ».

Изъ всѣхъ этихъ соперниковъ «Строгого Чина», претендовавшихъ подобно ему на высшую мудрость, одно время едва ли не самымъ серьезнымъ былъ основанный Штаркомъ въ 1767 г. «тамплиерскій клерикатъ». Цѣлью Штарка было приблизить масонство къ католицизму и самъ Штаркъ, какъ можно думать, позднѣе перешелъ въ католицизмъ. Въ противоположность Гунду Штаркъ проповѣдывалъ, что высокія тайны тамплиерскаго ордена были унаслѣдованы не свѣтскими рыцарями, а духовными людьми. Если въ дѣятельности Гунда до нѣкоторой степени можно видѣть попытку возродить идеалы феодальнаго рыцарства,

¹⁾ «Аркадское общество челоуѣколюбія».

²⁾ Эта ложа въ 1766 г. подобно другимъ вступила въ «Строгій Чинъ» (благодаря стараніямъ Циннендорфа) и находилась въ подчиненіи отъ него до 1783 г. Въ этотъ періодъ въ ней была принята система высшихъ степеней.

то Штаркъ возрождаѣ притязанія католическаго духовенства на господство надъ мірянами. Его упрекали даже въ скрытомъ іезуитизмѣ и этотъ упрекъ остался неопровергнутымъ. Образъ дѣйствій Штарка дѣйствительно сильно напоминаѣ іезуитскіе приемы: онъ всегда стремился втереться въ довѣріе владѣтельныхъ домовъ Германіи, былъ учителемъ у нѣсколькихъ принцевъ и умеръ на придворной должности дармштадскаго оберъ-проповѣдника. Одно время онъ вступилъ было въ формальный союзъ съ орденомъ «Строгаго Чина». Гундъ надѣялся услышать отъ него про какія-нибудь тайны масонскаго ордена; но вмѣсто этого Штаркъ сталъ просить у него денегъ, и они разошлись; позднѣе Штаркъ даже далъ насмѣшливое описаніе «Строгаго Чина» въ написанномъ имъ сатирическомъ романѣ ¹⁾.

Недостатка въ соперникахъ, такимъ образомъ, у «Строгаго Чина» не было. Авторитетъ Гунда оказался недостаточно великъ для того, чтобы соединить подъ его властью всѣ масонскія организаціи, связывавшія себя съ средневѣковымъ орденомъ тамплиеровъ. Среди самихъ членовъ «Строгаго Чина» возникло сомнѣніе въ законности его полномочій и отъ него стали требовать, чтобы онъ назвалъ тѣхъ неизвѣстныхъ шотландскихъ начальниковъ, на которыхъ онъ ссыался. Чтобы подкрѣпить авторитетъ «Строгаго Чина» было собрано нѣсколько конгрессовъ изъ представителей отъ отдѣльныхъ ложъ, примыкавшихъ къ этому ордену. На конгрессѣ въ Коло (замкъ графа фонъ-Брюль) члены ордена потребовали для себя выборныхъ властей, и гросмейстеромъ всѣхъ шотландскихъ ложъ былъ избранъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій съ титуломъ *Magmus Superior Ordinis* ²⁾; за Гундомъ была оставлена только часть его бывшей власти ³⁾. Въ 1775 г. былъ устроенъ новый конгрессъ въ Брауншвейгѣ; онъ состоялся въ необычайно торжественной обстановкѣ, и въ немъ участвовали представители отъ 23 ложъ, въ составъ которыхъ входили тогда 26 князей. На этомъ конгрессѣ уже сказалось нерасположеніе къ тайнымъ властямъ. Отъ Гунда потребовали, чтобы онъ представилъ доказательства своей связи съ шотландскими неизвѣстными властями, но объясненія, которыя онъ представилъ, уже не могли удовлетворить членовъ ордена, и Гундъ, глубоко огорченный этимъ недоувѣріемъ, скоро послѣ этого умеръ (8 ноября 1776 г.).

На Брауншвейгскомъ конгрессѣ орденъ попробовалъ организоваться до нѣкоторой степени демократически. Во главѣ всего ордена была поставлена Великая Ложа, которая въ большинствѣ своихъ членовъ должна была состоять изъ выборныхъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ ложъ. Чтобы рѣзче подчер-

---

¹⁾ Saint-Nicaise.

²⁾ «Великій начальникъ ордена».

³⁾ Онъ остался *Heermeister*'омъ (провинціальнымъ гросмейстеромъ Саксоніи, Даніи и Курляндіи).

кнутъ разрывъ ордена съ его прошлымъ, самое названіе «Строгаго Чина» было измѣнено, и онъ сталъ зваться «Соединенными нѣмецкими ложами». Но отказаться отъ своихъ прежнихъ исканій таинственнаго начальства орденъ уже не могъ; развѣнчавъ своего вождя-романтика, орденъ остался вѣренъ заложеннымъ имъ традиціямъ и съ необычайнымъ легковѣріемъ встрѣчалъ всякія, даже очевидно шарлатанскія претензіи на высшую власть и высшую мудрость. Въ 1776 г. членъ одной изъ высшихъ степеней ордена камеръ-юнкеръ фонъ-Гугомось разослалъ окружное посланіе къ властямъ ордена съ приглашеніемъ пріѣхать на конвентъ въ Висбаденъ и выслушать тамъ переданныя черезъ него приказанія высшихъ, неизвѣстныхъ начальниковъ, при чемъ обѣщаль сообщить никому еще невѣдомыя таинственныя знанія. Эта заново возрожденная легенда о неизвѣстныхъ властяхъ и таинственныхъ знаніяхъ, нашла себѣ, какъ и всегда, сначала почти полное довѣріе среди масоновъ, и къ Гугомосу съѣхалось довольно много братьевъ (между ними принцъ Гессенскій и герцогъ

Карль-Августъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій.
Charles-Auguste duc de Saxe-Weimar.

Готскій). Вся исторія, однако, довольно скоро закончилась такъ же, какъ кончались и другія, ей подобныя: отъ Гугомоса потребовали доказательствъ его особенныхъ правъ; онъ сначала оттягивалъ отвѣтъ, а затѣмъ, когда требованія стали особенно настойчивыми, бѣжалъ изъ Висбадена. Позднѣе свое шарлатанство онъ объяснилъ тѣмъ, что его подучили іезуиты, которымъ хотѣлось погубить масонскій орденъ. Но это едва ли было такъ: въ то время было вообще въ ходу обвинять іезуитовъ въ тайныхъ проискахъ и возлагать на нихъ отвѣтственность за то, въ чемъ они не были повинны.

Послѣ этого «Строгий Чинъ» быстрыми шагами пошелъ къ упадку. Все болѣе и болѣе выяснялся невысокій составъ его членовъ. Еще въ 1772 г. братья франкфуртской ложи довольно точно опредѣлили, что привлекало къ «Строгому Чину» его приверженцевъ; «слишкомъ извѣстно», писали они въ одномъ посланіи къ принцу Гессенъ-Дармштадскому, «что побудительными причинами къ вступленію въ нашъ достопочтенный орденъ такъ часто служитъ простое любопытство, иска-

ніе выгодъ, преувеличенное представленіе о тайнахъ, въ дѣйствительности не находящихся въ нашемъ ордентѣ, ожиданіе всякаго рода удовольствій и забавъ и т. п... Общество свободорожденныхъ людей, состоящее изъ всѣхъ націй, распространившихся по всѣмъ частямъ свѣта, не можетъ долго существовать согласно съ правилами «Строгаго Чина», точно такъ же, какъ поименованное общество, въ которомъ господствуютъ безпорядокъ, распутство, ссоры, расточительность и своекорыстныя цѣли, не можетъ надѣяться, чтобы въ немъ долго оставались разумные люди». Для всѣхъ тѣхъ, кто не ждалъ отъ «Строгаго Чина» сверхъестественныхъ откровеній, пребываніе въ немъ не могло представлять ничего привлекательнаго. Засѣданія ложъ происходили рѣдко, никакихъ серьезныхъ работъ въ нихъ не было, доклады читались только въ торжественныхъ случаяхъ, новыхъ членовъ принимали больше за знатность и деньги, чѣмъ за дѣйствительныя заслуги. Масонъ Книгге (иллюминатъ) писалъ въ 1779 г. о «Строгомъ Чинѣ»: «надъ моральнымъ развитіемъ больше уже не работаютъ, и такъ какъ насъ не оживляетъ внутренняя теплота и общій духъ, такъ какъ рѣдко собираются..., членовъ не знаютъ и нѣтъ никакой власти надъ ихъ сердцами. Всякій въ низшихъ степеняхъ чувствуетъ, что онъ играетъ небольшую роль, стремится дальше и вѣчно недоволенъ,—пока не продвинется выше, а тамъ приходятъ новыя желанія къ почету и высшимъ мѣстамъ».

Орденъ падалъ и, чтобы поправить свои дѣла, онъ сталъ искать опоры уже не внутри самого себя, а извнѣ. Въ 1777 г. «Строгій Чинъ» вступилъ въ переговоры о союзѣ со шведскими братьями ¹⁾, которые тоже хвалились, что стоятъ въ сношеніяхъ съ высшими властями и обладаютъ тайными знаніями. Формально 2 года спустя этотъ союзъ былъ заключенъ, а шведскій принцъ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій (позднѣе король Швеціи Карлъ XIII) былъ избранъ провинціальнымъ гросмейстеромъ (Heermeister'омъ) тѣхъ же провинцій, въ которыхъ раньше Heermeister'омъ былъ Гундъ. Но союзъ оказался очень непрочнымъ. Шведскіе братья не открыли нѣмецкимъ масонамъ ничего новаго, не показали имъ никакихъ документовъ, удостоверяющихъ ихъ исключительныя знанія и притязанія. Члены «Строгаго Чина» быстро разобрали, что кромѣ новыхъ церемоній и частныхъ варіацій орденской исторіи, они ничего другого въ шведской системѣ не найдутъ. Союзъ распался и, «Строгій Чинъ», лишившись этой послѣдней опоры, скоро совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Самый серьезный ударъ онъ получилъ въ 1782 г. на конгрессѣ въ Вильгельмсбадѣ (Кургессенѣ). Его созвалъ герцогъ Фердинадъ Брауншвейгскій, и по его мысли это долженъ былъ быть обще-масонскій конгрессъ, который бы выяснилъ сущность масонства въ его отношеніи къ тампліерамъ и къ неизвѣстнымъ шотландскимъ начальникамъ.

---

¹⁾ См. ниже.

На конгрессъ однако съѣхались представители далеко не ото всѣхъ масонскихъ ложъ; между прочимъ не было представителей отъ шведскихъ ложъ; но все-таки съѣхались депутаты отъ Германіи, Франціи, Италіи и Россіи. На этомъ конгрессѣ поднялись очень сильныя возраженія противъ попытокъ связать масонство со средневѣковыми духовно-рыцарскими орденами. Членъ конгресса Диттфуртъ (изъ Вецлара) заявилъ, что «цѣлью ордена не должно быть возрожденіе системы тамплиеровъ, что было бы смѣшно и ребячески въ то время, когда просвѣщенный монархъ занять уничтоженіемъ еще существующихъ орденовъ ¹⁾; точно такъ же было бы пустой мечтой надѣяться достигнуть черезъ тамплиерство обладанія сверхъестественными силами. Въ концѣ-концовъ, однако, рѣшено было сохранить связь съ орденомъ тамплиеровъ, но только на высшей ступени масонской іерархіи, въ послѣднемъ «классѣ» масонства, которому было передано управленіе низшими орденскими степенями и который получилъ названіе «рыцарей благотворительности» (Ritter der Wohltätigkeit), но при этомъ «всѣмъ префектурамъ и провинціямъ было предоставлено не дѣлать изъ этой степени никакого употребленія, насколько не вредя этимъ своимъ связямъ съ цѣлымъ».

Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій.
Le duc Ferdinand de Brunswick.

Система высшихъ степеней была такимъ образомъ сохранена на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ, и во главѣ преобразованнаго ордена былъ поставленъ прежній начальникъ— герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, но связь съ тамплиерами уже не навязывалась такъ энергично, какъ это дѣлалось прежде; трезвые голоса нѣкоторыхъ членовъ Вильгельмсбадскаго конгресса (главнымъ образомъ Диттфурта) возымѣли свое дѣйствіе. Во всякомъ случаѣ этотъ конгрессъ былъ первымъ шагомъ къ очищенію ордена отъ погони за высшими степенями и тайными знаніями. «Строгій Чинъ» послѣ этого былъ распущенъ (его замѣнили «рыцари благотворительности»), и только жалкіе остатки его

¹⁾ Здѣсь имѣлась въ виду борьба Іосифа II противъ іезуитовъ.

продолжали кое-гдѣ прозябать до смерти герцога Фердинанда (1792 г.) Послѣ его смерти и они исчезли.

«Строгій Чинъ» былъ далеко не единственной масонской организаціей, въ которой получили полное извращеніе масонскіе принципы равенства и свободы. Ему въ этомъ отношеніи не уступала т. н. шведская система. Въ Швеціи система высшихъ степеней зародилась въ срединѣ XVIII вѣка подѣ французскимъ вліяніемъ¹⁾, но шведскому масонству первоначально была совершенно чужда мысль о связи масоновъ съ тамплиерами; здѣсь первоначально получила распространеніе идея Рамзея о происхожденіи масонства отъ другого средневѣкового ордена, именно іоаннитскаго, и только позднѣе (около 1760 г.) въ качествѣ надстройки надъ 7 степенями появились и тамплиерскія степени. Въ сущности въ этомъ шведскомъ масонствѣ не было ничего оригинальнаго, и оно само нѣсколько позднѣе подверглось очень сильному вліянію нѣмецкаго «Строгаго Чина»; но въ Германіи тогда было въ большой модѣ искать «истиннаго» и «подлиннаго» масонства за границей; по привычкѣ всѣхъ мистиковъ нѣмецкіе масоны думали, что настоящее знаніе можетъ прійти къ нимъ только издалека и что хранителями истинной мудрости могутъ быть только иностранцы. Не удивительно поэтому, что «шведская система» въ скоромъ времени легла въ Германіи въ основу одной изъ наиболѣе распространенныхъ масонскихъ организацій, хотя, конечно, на германской почвѣ эта «шведская система» заключала въ себѣ очень много чисто нѣмецкой примѣси.

Зарожденіе и развитіе этой «шведской системы» въ Германіи связано съ именемъ Іоганна-Вильгельма Элленбергера, который позднѣе принялъ имя фонъ-Циннендорфа и извѣстенъ въ исторіи масонства именно подѣ этимъ именемъ. По образованію онъ былъ медикомъ и обнаружилъ въ этой области такіе успѣхи, что въ 1765 году 34-хъ лѣтъ отроду былъ поставленъ во главѣ всего медицинскаго дѣла въ Пруссіи. Еще въ очень молодыхъ годахъ онъ обнаружилъ влеченіе къ масонству, причемъ его особенно привлекали такія системы, какъ Клермонтскій Капитулъ, шотландскія ложи и «Строгій Чинъ». Онъ примыкалъ къ этимъ системамъ поочередно, но быстро изъ нихъ уходилъ, потому что не получалъ отъ нихъ тѣхъ высшихъ, таинственныхъ знаній, которыя ожидалъ получить. Прочнѣе оказались его связи со шведскимъ масонствомъ. Онъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ шведскихъ масоновъ Эклефомъ, и послѣдній прислалъ въ Германію черезъ масона Баумана разрѣшительный патентъ и инструкцію для открытія тамъ новой масонской организаціи по образцу

¹⁾ Раньше творцомъ шведской системы считали шведа Эклефа, но теперь доказано, что это было ошибкой, потому что еще до появленія Эклефа въ 1750 г. въ шведскихъ ложахъ было извѣстно уже 7 степеней.

шведской. Впослѣдствіи великая ложа Швеціи въ лицѣ своего главы герцога Зюдерманландскаго признала, что патентъ Эклефа былъ выданъ имъ безъ ея разрѣшенія и согласія, и отказалась признать за нимъ законную силу. Но Циннендорфъ былъ глубоко убѣжденъ (по крайней мѣрѣ сначала) въ правомочіяхъ Эклефа равно, какъ и въ томъ, что въ Швеціи сохранилась самая древняя и самая истинная форма масонства; поэтому онъ не пожалѣлъ издержекъ, чтобы получить въ свои руки переданные Эклефомъ Бауману бумаги. Когда онъ, наконецъ, пспали въ его руки (послѣ цѣлаго ряда трудностей), онъ энергично принялся за основаніе въ Германіи масонскихъ ложъ по шведскому образцу; благодаря его стараніямъ въ Германіи уже къ 1770 г. было около 12 такихъ ложъ; въ томъ же году Циннендорфъ основалъ для объединенія всѣхъ этихъ ложъ «Великую Земскую ложу всѣхъ каменщиковъ Германіи» (*Grosse Landesloge aller Freimaurer von Deutschland*). Циннендорфъ обладалъ большою энергіей и настойчивостью, но былъ крайне властолюбивъ и неразборчивъ въ средствахъ: онъ не терпѣлъ соперниковъ и ему хотѣлось, чтобы подъ его властью объединились всѣ масонскія организаціи Германіи. «Строгій Чинъ» былъ однимъ изъ его самыхъ серьезныхъ конкурентовъ во вліяніи на нѣмецкихъ масоновъ, и поэтому Циннендорфъ, который одно время дружилъ съ Гундомъ, теперь обрушился на него съ величайшимъ ожесточеніемъ и объявилъ «Строгій Чинъ» за «пустой обманъ» и за «безсмысленное фантазерство, не имѣющее ничего общаго съ масонствомъ». Циннендорфъ добивался того, чтобы Великая Ложа Англіи признала «Великую Земскую ложу» единственной великой ложей въ Германіи, благодаря чему всѣ масонскія организаціи Германіи должны бы были подчиниться ей; на короткое время ему дѣйствительно удалось добиться этого признанія отъ англійскихъ властей масонства, но уже въ скоромъ времени Великая Ложа Англіи, убѣдившись, что далеко не всѣ германскія ложи признаютъ надъ собою главенство «Великой Земской ложи», взяла свой патентъ обратно (1786 г.). Властолюбіе Циннендорфа какъ нельзя лучше характеризуется возбужденнымъ имъ передъ прусскимъ правительствомъ ходатайствомъ, чтобы «Великой Земской ложѣ» было предоставлено право цензурировать всѣ масонскія сочиненія и даже газетныя статьи, появляющіяся въ Пруссіи. Но на это не пошло даже правительство Фридриха II, который вообще относился къ «Великой Земской ложѣ» очень сочувственно и даже принялъ званіе покровителя этой ложи. Въ управленіи подчиненными ей ложами «Великая Земская ложа» обнаруживала еще болѣе авторитарныя тенденціи, требовала къ себѣ еще болѣе слѣпого подчиненія, чѣмъ «Строгій Чинъ». Обязанность учениковъ, напр., заключалась только въ томъ, чтобы «повиноваться и молчать». Но Циннендорфъ умѣлъ возбудить къ себѣ довѣріе и убѣдить другихъ, что основанная имъ система дѣйствительно обладаетъ высшими знаніями, которыя открываются на высшихъ орденскихъ степеняхъ. Та система, которая была заимствована Циннендорфомъ отъ Эклефа изъ Швеціи, была какъ нельзя

болѣе рассчитана на поддержаніе такихъ честолюбивыхъ иллюзій. По количеству орденскихъ степеней, каждая изъ которыхъ должна была открывать ея обладателямъ все новыя и высшія знанія, она далеко превышала другія нѣмецкія степени. За обыкновенными ложами (St. Iohannisloge) съ 3-мя степенями (ученика, товарища и мастера) слѣдовали шотландскія ложи съ 2-мя степенями (ученика-товарища св. Андрея и мастера св. Андрея) и капитулъ съ 4-мя степенями (рыцарей Востока, рыцарей Запада, довѣренныхъ св. Іоанна и довѣренныхъ св. Андрея). Надъ этими девятью степенями поднимались еще 3 степени «архитекторовъ» или «рыцарей и командоровъ краснаго креста», которымъ было ввѣрено управленіе орденомъ. Во главѣ же всего ордена стоялъ Ordensmeister съ титуломъ Викарія Соломона, который былъ высшей инстанціей въ дѣлахъ вѣры и ритуала и обладалъ рѣшающимъ голосомъ по этимъ дѣламъ, и гротмейстеръ, который вѣдалъ дѣла внѣшняго управленія орденомъ.

Въ основѣ орденскаго ученія лежала своего рода христіанская мистерія, которая являлась тайной не только для лицъ постороннихъ масонству, но и для низшихъ степеней ордена и открывалась только тѣмъ, кто вступилъ уже въ члены шотландскихъ ложъ. Мистерія эта заключалась въ томъ, что Христосъ, помимо извѣстнаго всѣмъ ученія, изложеннаго въ евангеліяхъ, сообщилъ избраннымъ изъ своихъ апостоловъ нѣкоторыя тайныя знанія, которыя затѣмъ, передаваясь преемственно, перешли къ клирикамъ тамплиерскаго ордена, а отъ нихъ и къ современнымъ масонамъ шведской системы. Начатки этихъ таинственныхъ знаній идутъ еще изъ до-христіанскаго времени; ими обладала іудейская секта ессеевъ, въ кругу которыхъ воспитывался и провелъ большую часть своей жизни Христосъ. Онъ заимствовалъ отчасти свою мудрость отъ этой секты, но, конечно, значительно углубилъ и расширилъ ее своею божественной мыслью. Придавая такое огромное значеніе самой личности Христа въ выработкѣ масонской мудрости, Циннендорфъ и его послѣдователи считали возможнымъ сообщать ее только христіанамъ; только христіане, думали они, достойны воспріять тайныя завѣты великаго Учителя, и только христіанскій духъ способенъ развить ихъ во всей ихъ сокровенной силѣ.

Одно время было въ большой модѣ возлагать отвѣтственность на всѣ извращенія масонства на іезуитовъ; этотъ орденъ считали всемогущимъ и думали, что іезуиты, втираясь въ среду масоновъ, заражали этотъ орденъ своимъ духомъ честолюбія и нетерпимости, своими авторитарными замашками, своею неразборчивостью въ средствахъ. Теперь можно считать доказаннымъ, что роль іезуитовъ въ этомъ отношеніи была болѣе чѣмъ преувеличена, потому что всѣ эти отличительныя черты нѣмецкаго масонства развелись безъ участія іезуитовъ въ силу тѣхъ внутреннихъ условій возникновенія и развитія нѣмецкаго масонства, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Но тѣмъ не менѣе невольнo напрашиваются нѣкоторыя черты сходства въ организации и духѣ нѣмецкаго, про-

Масонскій банкетъ въ монастырь (Clavel). Banquet maçonnique dans un couvent.

тестантскаго масонства и католической церкви, а особенно іезуитскаго ордена. Въ отношеніи къ шведской системѣ на это сходство указалъ даже и такой защитникъ просвѣтительнаго и филантропическаго значенія масонства, какъ Findel. «Эта система, пишетъ Findel ¹⁾, по духу, привычкамъ, пріемамъ языка, учрежденіямъ, исторіи и преданію представляетъ изъ себя совершенное отраженіе католической церкви. Общимъ съ послѣдней у нея является духъ исключительности (она хочетъ быть единственной обладательницей истиннаго масонства) и духъ властолюбія... Съ іезуитскимъ орденомъ ее сближаетъ дѣленіе всего земного шара на орденскія провинціи; съ католической церковью—іерархія ранговъ и достоинствъ (низшее духовенство—ложи св. Іоанна, деканатъ—шотландскія ложи, епископы—капитуль, папа—Ordensmeister) и духовная титулатура... Съ католической церковью у нея общи слѣпая вѣра въ авторитетъ и цензурныя предписанія, отвращеніе отъ прессы и отъ свободнаго изслѣдованія, духовное рабство и отупленіе ея членовъ... Подобно католической церкви и іезуитскому ордену шведская система желаетъ добиться повсюду политическаго вліянія и стремится къ тому, чтобы подчинить себѣ высшую государственную власть».

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, однако нужно внести очень существенную поправку: послѣдователи шведской системы, какъ и другіе масоны,

¹⁾ Findel, Geschichte der Freimaurerei, 1878 г., стр. 438 и сл.

стремились проникнуть ко дворам владѣтельныхъ особъ, но при нихъ они играли не господствующую и направляющую роль, а служебную и подчиненную. Руководителями государственной политики имъ никогда и нигдѣ не удавалось быть. Ихъ успѣхъ всегда былъ связанъ съ расширеніемъ и покровительствомъ какой-нибудь владѣтельной особы. Такъ дѣятельность Циннендорфа только тогда стала на твердую почву, когда ему удалось пріобрѣсти расположеніе принца Людвигъ Георга Карла Гессенъ-Дармштадскаго, принявшаго въ началѣ 70 гг. выборъ въ гротмейстеры «Великой Земской ложи». Въ самой Швеціи эта масонская система получила особенное распространеніе только съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ Великой шведской ложи сталъ герцогъ Зюдерманландскій (съ 1774 года); когда же этотъ герцогъ усумнился въ законности полномочій Циннендорфа, то для послѣдняго это оказалось чрезвычайно опаснымъ ударомъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться до самой своей смерти. Такъ вліяніе «Великой Земской ложи» колебалось въ зависимости отъ милости и расположенія сильныхъ міра сего, не оказывая въ то же время хоть сколько-нибудь замѣтнаго воздѣйствія на практическую политику и на государственную власть того времени.

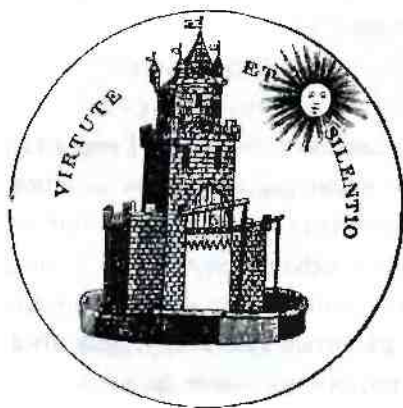
Съ католической церковью шведскую систему сближаетъ и сложная символика, соединенная съ торжественнымъ ритуаломъ, которая была въ ней принята. Въ качествѣ символовъ въ «Великой Земской ложѣ» и въ ея отдѣленіяхъ были приняты корона, которая указывала на высшую мудрость ея членовъ («корона является украшеніемъ мудрости»), мечъ, который символизировалъ высшую власть руководителей ложи въ сравненіи съ другими масонами, крестъ св. Андрея, потому что Христосъ призвалъ Андрея первымъ въ свои ученики, шпоры, знамя и т. п. Эти символическіе знаки вручались членамъ ордена съ необычайно торжественными и напыщенными церемоніями, которыя, въ концѣ-концовъ, стали противны имъ самимъ. «Во мнѣ возбуждаютъ досаду всѣ эти бесполезныя и отчасти смѣшныя церемоніи, которыя запутываютъ разумъ, губятъ время и приводятъ къ ошибкамъ», писалъ въ 1802 г. Як. Мумсенъ, занимавшій въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка очень видное положеніе среди масоновъ шведской системы. Къ тому же въ очень скоромъ времени для многихъ изъ членовъ стало ясно, что никакими особенными знаніями шведская система не располагаетъ и что всѣ ея обѣщанія открыть какія-то высшія тайны—лишь недостойная игра. «Меня обманули», писалъ къ Мумсену другой масонъ, тоже примыкавшій къ шведской системѣ: «за одиннадцать лѣтъ я могъ бы получить ближайшія знанія о томъ мѣстѣ, гдѣ должна находиться тайна, и узнать объ его неизвѣстныхъ стражахъ; но и теперь я знаю только то, что (наши) акты... были ничѣмъ инымъ, какъ шутовской игрою. Да и какъ можетъ оказаться добрая тайна въ рукахъ стражей, которые прячутся сами, скрываютъ свое происхожденіе, а еще больше свое ученіе?..»

Несмотря на все это, исканія мистическихъ знаній въ тогдашней Германіи были настолько распространены, что кругъ вліянія «Великой Земской ложи» до самой смерти Циннендорфа, послѣдовавшей въ 1782 г., все болѣе расширялся. Подчиненныя ей ложи возникали въ Австріи, Силезіи, Помераніи, Саксоніи, даже Россіи. Въ 1778 г. подъ ея управленіемъ находилось уже 34 ложи. Но ея притязанія шли далеко дальше ея дѣйствительнаго вліянія. Въ согласіи со своимъ громкимъ титуломъ «Великой Земской ложи всѣхъ каменщиковъ Германіи», она хотѣла быть единственной великой ложей въ нѣмецкихъ земляхъ; но на ея пути стояли двѣ другихъ ложи, которыя также носили названіе великихъ; это были, во-первыхъ, уже извѣстная намъ берлинская ложа «Zu den drei Weltkugeln» и «Великая земская ложа Пруссіи», сначала находившаяся въ подчиненіи у ложи «Zu den drei Weltkugeln», но потомъ отдѣлившаяся отъ нея; въ честь своего гротмейстера герцога Эдуарда Августа Йоркскаго (брата англійскаго короля Георга III) она звалась иначе «Royal York». «Royal York» одно время (правда, очень короткое 1774—76) признавала надъ собой власть «Великой Земской ложи», но потомъ отдѣлилась отъ нея, подобно тому, какъ раньше она сдѣлала это по отношенію къ ложѣ «Zu den drei Weltkugeln». Эти двѣ ложи стояли на пути къ могуществу для «Великой Земской ложи», и она повела съ ними рѣшительную войну. Она отказалась признать «Royal York» за великую ложу, потому что «было бы несогласно съ конституціей древняго и достопочтеннаго ордена въ странѣ, гдѣ уже существуетъ «Великая Земская ложа»,—учреждать другую». Несмотря на то, что берлинская ложа «Zu den drei Weltkugeln» была старѣе ея, она объявляла себя самой древней изъ масонскихъ ложъ въ Германіи и требовала безусловнаго повиновенія себѣ со стороны другихъ ложъ. Послѣ смерти Циннендорфа исторія шведской системы въ Германіи представляетъ изъ себя недостойный споръ изъ-за первенства съ другими ложами, полный скандальными взаимными разоблаченіями. Когда послѣ Вильгельмсбадскаго конгресса въ нѣмецкомъ масонствѣ появились реформаторскія стремленія, и оно обнаружило стремленіе хоть отчасти освободиться отъ прежняго духа властолюбія и погони за мистическимъ знаніемъ, то эти реформаторскія попытки совершенно не коснулись «Великой Земской ложи», и она даже обрушилась съ жестокимъ осужденіемъ на тѣ ложи, которыя заразились «реформаціоннымъ духомъ новаго столѣтія». Только уже въ XIX вѣкѣ, когда во главѣ «Великой Земской ложи» сталъ фонъ Кастильонъ, она отказалась отъ своихъ исключительныхъ притязаній на главенство и въ 1810 г. заключила съ двумя другими великими ложами фереинъ «для поддержанія законности въ нѣмецкомъ масонствѣ». Этотъ фереинъ заключалъ въ себѣ гротмейстеровъ всѣхъ трехъ великихъ ложъ и носилъ названіе «Freimaurer Verein der drei Grosslogen zu Berlin».

Ни въ одномъ изъ вышеизложенныхъ масонскихъ направленій мистицизмъ не доходилъ, однако, до такихъ крайностей и до столь рѣзко выраженного об-

скурантизма, какъ въ розенкрейцёрствѣ. Создателемъ ордена розенкрейцеровъ считается (въ настоящее время трудно сказать—справедливо или нѣтъ) Юг. Вал. Андресъ, авторъ основной легенды розенкрейцёрства, появившейся въ 1614 г. подъ названіемъ *Fama Fraternitatis*¹⁾. Въ этой красиво составленной легендѣ рассказывается про жившаго въ XIV и XV в. рыцаря Христіана Розенкрейца; онъ много путешествовалъ по Востоку, побывалъ въ Дамаскѣ, и въ Египтѣ, и въ Испаніи и по возвращеніи въ Германію основалъ тамъ «братство Розенкрейца» (но не «Розоваго Креста», какъ позднѣе говорили²⁾). Братство это, состоявшее

Розенкрейцеровская медаль.
Sceau des Rose-Croix.

изъ немногихъ членовъ, стремилось къ церковной реформѣ и члены его должны были жить по заветамъ Библіи; они являлись хранителями тайныхъ знаній, переданныхъ Адаму послѣ его паденія и примѣнявшихъ Моисеемъ и Соломономъ; къ дѣланію золога они относились съ пренебреженіемъ, потому что знали «тысячи лучшихъ вещей».

Въ XVII вѣкѣ, въ сущности, ордена розенкрейцеровъ еще не образовалось. Желающихъ вступить въ него, правда, было довольно много, и они объявляли о своемъ желаніи, но не получали никакого отвѣта. Тѣхъ, кто считалъ себя членами братства, было очень немного; одинъ изъ нихъ (Julianus

a Campis) сознается (1615 г.), что ему удалось во время его путешествія найти только трехъ розенкрейцеровъ. Это показываетъ, что ордена въ то время еще не было, а были только отдѣльные лица, признававшія себя розенкрейцерами, жившія въ разныхъ мѣстахъ Европы, и никогда не сходявшіяся вмѣстѣ. Лейбницъ, которому хотѣлось напасть на слѣдъ розенкрейцёрства, въ концѣ-концовъ, сталъ прямо отрицать его существованіе. Изъ-за своей неуловимости розенкрейцеры даже получили въ XVII вѣкѣ насмѣшливое прозвище «невидимыхъ». Это, конечно, создавало большой просторъ для шарлатанскихъ продѣлокъ разнаго рода авантюристовъ, которые называли себя розенкрейцерами и пользовались таинственной репутаціей этого ордена для того, чтобы морочить публику (напр., Иреней Агностъ³⁾). Это не мѣшало, однако, тому, что въ теченіе всего XVII вѣка братство розенкрейцеровъ по существу оставалось фикціей.

¹⁾ См. статью И. М. Хераскова «Происхожденіе масонства».

²⁾ «Brüderschaft des Rosenkreutz», а не «Rosenkreutzes».

³⁾ F. Katsch. Die Entstehung und der wahre Endzweck der Freimaurerei, Berlin, 1897, стр. 271 и сл.

Розенкрейцеры оживаютъ только въ XVIII вѣкѣ. Въ 1710 г. ¹⁾ появляется сочиненіе силезскаго пастора Самуила Рихтера: «Теоретико-практическая тео-философія—истинное и совершенное приготовленіе философскаго камня братства изъ ордена Злато-Розоваго Креста». Въ этомъ сочиненіи уже дается довольно детально разработанный (въ 52 пунктахъ) статутъ братства, причемъ, какъ позднѣе въ масонскомъ орденѣ, отъ членовъ братства требуется безусловное послушаніе. Тѣмъ не менѣе до самыхъ 50-хъ годовъ XVIII вѣка о розенкрейцерствѣ, какъ о дѣйствительно существующемъ орденѣ, еще ничего не слышно, и впервые оно даетъ себя знать замѣтнымъ образомъ только въ началѣ второй половины этого вѣка, когда общества розенкрейцеровъ возникаютъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (1757 г.) и въ Прагѣ (1761 г.). Повидимому интересъ къ розенкрейцерству увеличился въ это время въ Германіи подъ вліяніемъ незадолго появившагося тамъ масонства. По крайней мѣрѣ оно распространяется параллельно съ успѣхами масонства и въ скоромъ времени сливается съ ними, превращаясь въ одно изъ его подраздѣленій. Во второй половинѣ XVIII вѣка розенкрейцеровскіе кружки быстро распространяются по всей Германіи: они появляются въ Силезіи, Обер-лаузицѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Потсдамѣ, Лейпцигѣ, Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ, Аугсбургѣ, Штуттгартѣ и др. мѣстахъ. Особенно большое значеніе, какъ центръ розенкрейцерства, получила съ 1775 г. Вѣна: она стала средоточіемъ для розенкрейцеровъ Австріи, Венгріи, Баваріи, Виттенберга и Польши. Интересъ къ розенкрейцерству былъ настолько великъ, и оно распространялось настолько быстро, что одно время можно было опасаться поглощенія имъ другихъ масонскихъ организацій. Этотъ исключительный успѣхъ объяснялся не однимъ только покровомъ тайны, который окутывалъ происхожденіе и управленіе этого ордена (его вожди, конечно, скрывались въ неизвѣстности и не объявлялись даже для самихъ членовъ ордена); игрою въ таинственность въ XVIII вѣкѣ было уже трудно кого-либо удивить, и на таинственной древности происхожденія уже въ достаточной степени сыграли такія системы, какъ шведская и «Строгій Чинъ». Розенкрейцеры больше всего привлекали къ себѣ тѣми обѣщаніями чудесъ, той алхимической и каббалистической фантазмагоріей, на которыя были такъ падки люди XVIII вѣка. Большинство розенкрейцерскихъ сочиненій XVIII вѣка наполнены алхимическими бреднями о философскомъ камнѣ и о жизненномъ эликсирѣ, который поддерживалъ бы вѣчную молодость, оккультистскими мечтами объ искусствѣ вызывать души умершихъ и вступать въ сношенія съ чертями и духами и даже практическими наставленіями по части чудесъ,—въ родѣ того, какъ можно дѣлать крабовъ изъ падающей дождевой воды и какъ готовить цыплятъ изъ вареныхъ яицъ. Розенкрейцеры съ величайшимъ усердіемъ рылись

---

¹⁾ У Findel'я ошибочно въ 1714 г.

въ сочиненіяхъ Парацельса, Як. Бема, въ еврейской каббалѣ, въ философіи гностиковъ и неоплатониковъ, въ пифагорействѣ и со скрупулезной тщательностью выискивали во всемъ этомъ частицы оккультныхъ знаній. Получалась безсмысленная теософическая смѣсь, которую сами они выдавали за величайшую мудрость, но которая возбуждала насмѣшки даже со стороны самихъ розенкрейцеровъ. Одинъ изъ нихъ, Гиппель, говорилъ насмѣшливо: «гностика, каббала, восточная философія, іудейство и христіанство намъ сродни и использованы нами на всѣ лады». Перегрузивъ свои мозги оккультной мудростью, розенкрейцеры подняли протестъ противъ всѣхъ точныхъ наукъ во имя высшаго, сверхчувственного знанія и заняли прямо враждебное положеніе по отношенію къ тогдашнему просвѣщенію. Коперникъ, Ньютонъ, Лавуазье, Пристли—были въ ихъ глазахъ жалкими наблюдателями надъ ничего не стоящими мелочами жизни, низменными кропателями, отвращавшими свои взоры отъ тѣхъ великихъ лучей истины, въ которыхъ Божество ниспосылаетъ людямъ свое откровеніе. Съ этимъ презрѣніемъ къ точному знанію соединялось отвращеніе и къ свободной мысли. Когда саксонскій министръ Вурмбъ, недавно вступившій въ орденъ, выразилъ сомнѣніе въ полезности розенкрейцерскихъ знаній, то онъ получилъ такой отвѣтъ: «отъ младшаго брата ждутъ не сомнѣній и разсужденій, но отверженія свѣтскихъ наукъ и почтенія къ изреченіямъ мудрыхъ мастеровъ». При такомъ настроеніи просвѣтительная философія XVIII вѣка не могла вызвать у розенкрейцеровъ ничего другого, кромѣ самаго горячаго осужденія. Розенкрейцеръ Плюменокъ, напр., писалъ: «Кто внимательно изучаетъ сочиненія Бейля, Вольтера и многихъ другихъ такого же рода, тотъ вполне убѣдится, что ихъ цѣль—ничто иное, какъ ниспроверженіе всякой религіи, являющейся сильнѣйшей опорой троновъ государей и, безспорно, важнѣйшимъ элементомъ нравственного состоянія подданныхъ... Чего полезнаго можетъ ожидать отъ нихъ государство, если они когда-нибудь займутъ мѣста на военной или гражданской службѣ?..»

Нетерпимость розенкрейцеровъ заслужила имъ репутацію не только открытыхъ обскурантовъ, но даже скрытыхъ папистовъ. Вождь тогдашнихъ берлинскихъ просвѣтителей, извѣстный издатель журналовъ Николаи прямо упрекалъ ихъ въ близости къ католической церкви и даже къ іезуитамъ. И хотя сама папская курія всегда отрекивалась отъ всякой близости къ масонству въ какой бы то ни было его формѣ, сами розенкрейцеры, повидимому, были не прочь протянуть нѣкоторыя связующія нити между собой и іезуитскимъ орденомъ. Въ одномъ розенкрейцерскомъ сочиненіи, пользовавшемся большимъ распространеніемъ въ концѣ XVIII вѣка,—именно «Пасторскомъ посланіи къ истиннымъ и подлиннымъ каменщикамъ старой системы» (1785 г.), розенкрейцерство называется «истиннымъ орденомъ Исуса» (Iesusorden), а его вожди—духовными отцами. Ниже, при характеристикѣ Бишоффсвердера и Велльнера, мы еще бу-

демъ имѣть случай указать, какимъ чисто-католическимъ мракобѣсіемъ и нетерпимостью отличалась практическая дѣятельность розенкрейцеровъ, когда имъ представлялась возможность развить ее въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ.

Помимо мистическихъ системъ, розенкрейцеры всегда искали сближенія и съ современными имъ мистико-теософскими направленіями. Среди нихъ большимъ уваженіемъ пользовался Сведенборгъ (1688—1772), который утверждалъ, что Богъ и его ангелы находятся съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и дали ему даръ предсказанія. Этотъ прорицатель и духовидецъ никогда самъ не былъ ни розенкрейцеромъ, ни масономъ вообще, но розенкрейцеры и другіе масоны мистическаго пошиба считали его роднымъ имъ по духу, а себя—его послѣдователями. Также большое вниманіе удѣляли они и ученію о животномъ магнетизмѣ Месмера (1733—1815), который исцѣлялъ всѣ болѣзни—и физическія, и психическія—магнетическими токами, соединяемыми особыми проводами съ заболѣвшими частями тѣла, и похвалѣбъ знаменитаго проповѣдника Іоганна Гасснера (1727—1779), увѣрявшаго, что онъ имѣетъ силу изгонять демоновъ изъ людей, и шарлатанскимъ продѣлкамъ не менѣе знаменитаго «графа» Калиостро.

На дѣятельности этого послѣдняго, столь характерной для мистическихъ направленій въ нѣмецкомъ масонствѣ, стоитъ остановиться болѣе подробно. Этотъ «графъ» родился въ бѣдной итальянской семьѣ (1743 г.), и его настоящее имя было Джузеппе Бальзамо. Въ молодыхъ годахъ онъ много путешествовалъ, побывалъ въ Египтѣ, Сиріи, Греціи и Италіи, объѣздилъ Испанію, Португалію, Англію и Францію. Это дало ему поводъ хвалиться, что ему теперь стали доступны всѣ тайны восточной и европейской мудрости. Вернувшись на родину, онъ сталъ продавать воду красоты, превращать серебро въ золото, увеличивать брилліанты и указывать счастливые номера въ лотереяхъ. Но скоро

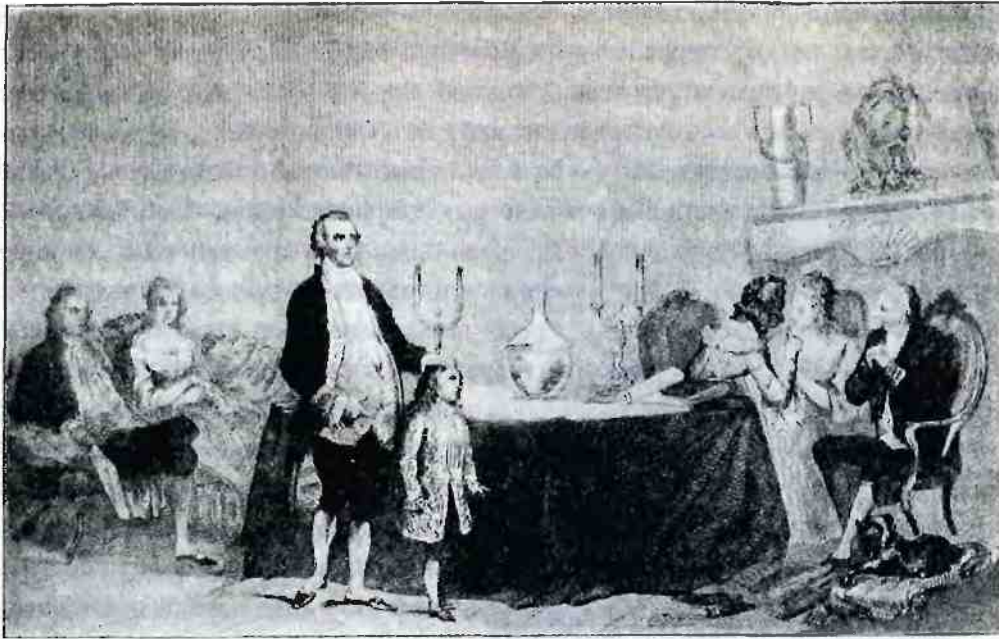

Николай. Nicolai.

онъ убѣдился, что все это шарлатанство не принесетъ ему особенно большой выгоды и не введетъ въ кругъ высшаго общества, если онъ будетъ дѣйствовать подъ своимъ прежнимъ демократическимъ именемъ. Поэтому уже въ 1776 г. онъ принимаетъ аристократическое имя графа (иногда маркиза) Калиостро, а въ слѣдующемъ году, понявъ, какую удобную почву для разнаго рода продѣлокъ представляютъ собой мистическія настроенія масоновъ, вступилъ въ одну масонскую ложу, примыкавшую къ системѣ «Строгаго Чина». Изучивъ эту систему и начитавшись розенкрейцерскихъ сочиненій, онъ въ скоромъ времени сталъ выдавать себя за основателя новой масонской системы,—именно египетской. Онъ называлъ себя посланникомъ пророковъ Іліи и Еноха, которые будто бы изучили тайны египетскихъ жрецовъ, и даже приписывалъ себѣ божественное происхожденіе. Принявъ титулъ Великаго Копта, онъ ввелъ въ своей системѣ цѣлыхъ 90 ступеней, за посвященіе въ которыя требовалъ денегъ и возбуждалъ въ падкихъ на чудеса масонскихъ кругахъ величайшее ожиданіе и любопытство. Дѣйствительно, обѣщанія, которыя онъ давалъ своимъ послѣдователямъ, были конгломератомъ всѣхъ тѣхъ чудесныхъ знаній и силъ, которыми хвалились всѣ объявлявшіеся до сихъ поръ шарлатаны и мистики. Въ нихъ не было ничего оригинальнаго, и Калиостро бралъ свое оружіе изъ накопившагося уже до него мистико-теософскаго арсенала, но онъ умѣлъ импонировать и ему вѣрили очень многіе. Онъ обѣщалъ продленіе жизни, господство надъ духами, физическое и моральное возрожденіе; конечно, онъ обладалъ философскимъ камнемъ и волшебнымъ зеркаломъ; онъ могъ перевоплощаться и жилъ на свѣтѣ уже не одну сотню лѣтъ...

Калиостро побывалъ и въ Голландіи, и въ Германіи, и въ Россіи; но особенный успѣхъ онъ имѣлъ во Франціи. По княжески расточительный, появлявшійся на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ не иначе, какъ въ сопровожденіи многихъ слугъ, въ великолѣпной одеждѣ, украшенной брилліантами и орденами, онъ всюду возбуждалъ удивленіе къ себѣ и обращалъ на себя вниманіе. Даже Гете признавалъ, что «Калиостро во всякомъ случаѣ замѣчательный человѣкъ» и что «подобные ему люди позволяютъ видать тѣ стороны человѣчества, которыя въ обычномъ ходѣ остаются незамѣченными», а Клиггеръ и Шиллеръ изобразили Калиостро въ своихъ романахъ: первый въ «Дервишѣ», а второй въ «Духовидцахъ» (подъ видомъ армянина). По внѣшнему виду это былъ настоящій «сверхчеловѣкъ», во вкусѣ тѣхъ демоническихъ героевъ, которыхъ такъ любила изображать романтическая литература второй половины XVIII в. «Онъ былъ», пишетъ въ своихъ мемуарахъ баронесса Оберкирхъ, «не то, чтобы красивъ, но я никогда не видала болѣе выразительной фізіономіи. Онъ обладалъ взглядомъ почти сверхъестественной глубины. Выраженіе его глазъ было то какъ пламя, то какъ ледъ; онъ привлекалъ къ себѣ и отталкивалъ; онъ то внушалъ боязнь, то казался непреодолимо привлекательнымъ». На время Калиостро сталъ героемъ;

Сеансъ Каліостро (Clavel). Séance magique de Cagliostro.

его называли божественнымъ, его бюсты ставились въ домахъ знати, его изображенія выбивались на кольцахъ и браслетахъ. Кругомъ основанной имъ въ Ліонѣ «Ложі-матери египетскаго обряда» (*Mutterloge des agyptischen Ritus*) въ скоромъ времени возникло очень значительное количество подчиненныхъ ей ложъ-дочерей. Но Каліостро не удовлетворялся этимъ: онъ требовалъ, чтобы его признали верховнымъ жрецомъ всего масонства и чтобы его система считалась единственно истинной. Скоро, однако, всѣмъ этимъ триумфамъ пришелъ конецъ. На Каліостро пало подозрѣніе въ кражѣ ожерелья Маріи Антуанетты. Хотя судъ его и оправдалъ, но ему было предложено покинуть Францію. Онъ переехалъ въ Лондонъ, оттуда въ Швейцарію и, наконецъ, въ Римъ. Но тамъ онъ попалъ прямо въ пасть льву: инквизиція уже давно смотрѣла съ величайшимъ неудовольствіемъ на все развивавшіеся успѣхи масонства; въ Каліостро она видѣла одного изъ его вождей, и противъ знаменитаго авантюриста былъ начатъ процессъ. Его арестовали и вскорѣ приговорили къ смерти, которая была замѣнена ему пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Послѣднія 6 лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ темницахъ итальянской инквизиціи, въ одной изъ которыхъ и умеръ въ 1795 г.

Каліостро былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы вступить въ орденъ, который развивался и пріобрѣталъ вліяніе помимо него. Но его погоня за бьющими въ глаза эффектами, за чудесами и за прочей блестящей бутафоріей оккультизма была очень родственна розенкрейцерству; самъ Каліостро въ первые годы своей дѣятельности усердно изучалъ литературу розенкрейцеровъ, и многое изъ нея

заимствовалъ. Въ Германіи среди близкихъ къ розенкрейцерству людей можно указать одно лицо, которое очень напоминало собою Калиостро по приемамъ дѣятельности, но далеко уступавшее ему по широтѣ размаха, по энергіи и по способностямъ. Это былъ содержатель кафе въ Лейпцигѣ Шрепферъ, человѣкъ безъ всякаго образованія, но съ большой практической сметкой, понимавшій, что въ мутной водѣ мистицизма можно выудить много рыбы. Ему былъ очень хорошо извѣстенъ ритуаль розенкрейцеровъ и онъ умѣлъ пустить пыль въ глаза легковѣрнымъ людямъ. Онъ утверждалъ, что обладаетъ такими тайнами и знаніями, которыя невѣдомы никому, кромѣ него; въ короткое сравнительно время у него образовалась довольно значительная кучка приверженцевъ. Въ бильярдной комнатѣ своего кафе онъ устроилъ по розенкрейцерскому образцу ложу, ни отъ кого не зависившую и претендовавшую на званіе единственной истинно-масонской организаціи; занятія въ ней заключались по преимуществу въ вызваніи духовъ и вообще въ общеніи съ загробнымъ міромъ. По отношенію къ существовавшей до него въ Лейпцигѣ масонской ложѣ «Минерва» онъ велъ себя грубо, позволяя себѣ насилія надъ ея членами и разъ даже ворвался со шпагой и пистолетомъ въ засѣданіе ложи. Члены ложи принуждены были обратиться за защитой къ властямъ, и по распоряженію протектора всѣхъ саксонскихъ ложъ, герцога курляндскаго Карла, Шрепфера, даже наказали розгами. Послѣ этого Шрепферъ принужденъ былъ покинуть Лейпцигъ, побывалъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и въ Брауншвейгѣ. Онъ сумѣлъ тамъ найти себѣ поклонниковъ и защитниковъ, примирился съ ложей «Минерва» и, вернувшись въ 1774 г. въ Лейпцигъ, принялся за свою прежнюю дѣятельность, присоединивъ къ вызванію духовъ еще и приготовленіе элексира молодости и жизненной силы. Его вліяніе поднялось еще больше, и приключеніе съ розгами было быстро забыто. Самъ герцогъ курляндскій теперь готовъ былъ увѣровать въ него и послалъ къ нему своего шталмейстера Бишоффсвердера, чтобы узнать отъ него высшія орденскія тайны, и вызывалъ его къ себѣ. Теперь Шрепферъ сталъ называть себя барономъ Штейнбахомъ, незаконнорожденнымъ сыномъ одного принца, и надѣлъ на себя форму французскаго офицера. Но скоро онъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ и, привлеченный сверхъ того къ отвѣтственности французскимъ посланникомъ за незаконное ношеніе формы, покончилъ съ собой во время одной утренней прогулки, всего 35 лѣтъ отъ роду (1774 г.).

Этотъ человѣкъ съ неуравновѣшеннымъ характеромъ и явно шарлатанскими замашками умѣлъ, однако, настолько сильно импонировать, что послѣ него осталась чуть не цѣлая школа учениковъ. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ нихъ былъ уже извѣстный намъ Бишоффсвердеръ (1741—1803), объявившій себя наслѣдникомъ всѣхъ таинственныхъ знаній Шрепфера. Въ противоположность Шрепферу, который только хотѣлъ втереться въ высшіе круги, Бишоффсвердеръ по рожденію принадлежалъ къ нѣмецкой аристократіи; по характеру это былъ не мистикъ,

а искатель удовольствій и наслажденій; къ Шрепферу его привлекала больше всего надежда научиться готовить золото и тинктуру молодости; характерно, что Шрепферъ по завѣщанію оставилъ ему въ наслѣдство какой-то аппаратъ для вызыванія духовъ. Довольно рано онъ вступилъ въ орденъ розенкрейцеровъ и благодаря своимъ талантамъ кавалера и придворнаго человѣка получилъ тамъ довольно большое значеніе. Но особенное вліяніе Бишоффсвердеръ приобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ въ близкія отношенія къ прусскому кронпринцу Фридриху Вильгельму (съ 1778 г.). вмѣстѣ съ другимъ розенкрейцеромъ, Велльнеромъ, ему удалось совершенно запутать этого недалекаго принца въ сѣти самаго необузданнаго мистицизма. Велльнеръ (1732—1800), сынъ пастора, былъ человѣкъ на всѣ руки. Сначала ярый просвѣтитель, сотрудникъ «Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки» Николаи, затѣмъ членъ «Строгаго Чина», потомъ розенкрейцеръ— онъ бросался изъ стороны въ сторону— и, не разбирая средствъ, искалъ связей въ самыхъ противоположныхъ по духу кругахъ, чтобы съ помощью ихъ выдвинуться на видъ. Въ 1782 г. Велльнеръ выпустилъ книгу подъ заглавіемъ «Обязанности членовъ Злато-розоваго Креста старой системы», гдѣ въ тонѣ величайшей нетерпимости по отношенію ко всѣмъ другимъ развѣтвленіямъ масонства онъ объявлялъ розенкрейцерство за высшую его ступень, по отношенію къ которой тампліерство и обыкновенное масонство являются только «преддверьемъ» и «воспитательной школой»; на другія системы, не признававшія розенкрейцерства, онъ обрушивался здѣсь съ проклятіями совершенно въ стилѣ католическихъ анаематствованій: «горе, горе, восклицалъ онъ, всѣмъ ложнымъ свѣтильникамъ, всѣмъ посланникамъ Сатаны, которые губятъ васъ временно и вѣчно!» Предвидя, что это шарлатанство должно вызвать сомнѣнія, Велльнеръ ко всѣмъ сомнѣвающимся обращается съ такими словами: «только молитвы вышихъ властей (розенкрейцерства) склонили Вѣчнаго Милостивца

Велльнеръ. Wöllner.

ниспослать намъ этотъ орденъ; но свѣтъ можетъ внезапно снова потухнуть и погрузить насъ въ кромѣшную тьму, если мы хоть на одинъ моментъ позволимъ себя убѣдить, что высокій орденъ не то, за что онъ выдается, и что мы можемъ быть такимъ образомъ обмануты».

Обѣщаніями высшихъ знаній и угрозами лишиться ихъ при малѣйшемъ сомнѣніи Бишоффсвердеру и Велльнеру удалось соединить вокругъ себя высшее общество, и въ розенкрейцерство широкой волной потекли князья, графы, министры и генералы. Кронпринцъ совершенно подчинился ихъ вліянію, тѣмъ болѣе, что Велльнеръ умѣлъ потакать его амурнымъ склонностямъ, не отступая даже передъ ролью обыкновеннаго сводника. Когда въ 1786 г. Фридрихъ Вильгельмъ сталъ прусскимъ королемъ, они постарались развить до послѣднихъ предѣловъ возможнаго его природныя склонности къ мистицизму. Цѣлая банда шарлатановъ, духовидцевъ и алхимиковъ устремилась теперь ко двору короля. Его потсдамская библіотека была составлена изъ книгъ исключительно мистическаго содержанія. Въ домѣ Велльнера, который часто посѣщалъ король, была даже устроена арена для духовъ, между которыми появлялись всѣ великіе люди прошлаго. Въ скоромъ времени Бишоффсвердеръ и Велльнеръ были назначены на высшія должности въ государствѣ: первый—генераль-адъютантомъ, а второй—министромъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Началась эпоха самаго крайняго обскурантизма и гоненія на просвѣтителей. Въ особенности прославился въ это время своею обскурантною дѣятельностью Велльнеръ.

19 декабря 1788 г. онъ издалъ указъ о цензурѣ, которымъ всѣ политическія и религіозныя сочиненія подвергались самому мелочному надзору; другой указъ того же года (9 іюня) ставилъ религіозное преподаваніе подъ строгій надзоръ бюрократіи. Народное образованіе при немъ прониклось духомъ ханжества и обскурантизма. Мирабо, который посѣтилъ въ то время Берлинъ и написалъ «Исторію берлинскаго двора», почти съ отчаяніемъ восклицалъ, имѣя въ виду Бишоффсвердера и Велльнера: «чѣмъ станетъ судьба страны, которой будутъ руководить жрецы и визионеры?!» Онъ сразу понялъ, что эти попавшіе въ случай дѣльцы, при всѣхъ своихъ розенкрейцерскихъ претензіяхъ, только «безсовѣстные интриганы, жалкія посредственности и пустые искатели наслажденій» и пророчески предсказывалъ, что Пруссіи въ недалекомъ будущемъ придется пережить критическую эпоху. «Заблужденіе пошло такъ далеко», говоритъ объ этомъ времени историкъ масонства Boos¹⁾, «что масонство, которое первоначально совершенно изгоняло изъ своего храма политику и религію, теперь стало основаніемъ политической и церковной системы».

Розенкрейцерство, не заключающее въ себѣ ничего оригинальнаго по сравненію съ другими системами, не могло рассчитывать на длительный успѣхъ.

---

¹⁾ Geschichte der Freimaurerei.

Его расцвѣтъ былъ связанъ съ царствованіемъ Фридриха Вильгельма II. Когда же послѣдній умеръ (1797), оно умерло вмѣстѣ съ нимъ, и только жалкіе остатки его еще продолжали кое-гдѣ существовать.

Такимъ образомъ нѣмецкое масонство къ концу перваго пятидесятилѣтія своего существованія подверглось полному извращенію. Въ немъ все болѣе погасали провозглашенные англійскими основателями масонства принципы гуманности, терпимости, свободы, всеобщаго братства. По духу, по организаціи, по приѣмамъ своихъ дѣятелей оно все болѣе превращалось въ чисто средневѣковую организацію; средніе вѣка оживали во всѣхъ проявленіяхъ мысли и дѣятельности тогдашнихъ масоновъ, во всѣхъ ихъ скрытыхъ и открытыхъ симпатіяхъ: какъ средневѣковые мистики, они погружались въ каббалистическія и алхимическія премудрости, занимались чародѣйствомъ и вѣрили въ возможность непосредственнаго общенія съ загробнымъ міромъ; какъ католическіе монахи, они съ проклятіями и угрозами набрасывались на всѣхъ инакомыслящихъ, мечтали объ исключительномъ предоставленіи имъ цензуры по религіознымъ вопросамъ и съ чисто средневѣковымъ изувѣрствомъ предавали анаѣмъ не только тѣхъ, кто отрицалъ ихъ тайныя знанія и высшую силу, но и членовъ масонскихъ же системъ, въ чемъ-либо несогласныхъ съ ними; представленіе о еретикахъ, появляющихся въ лонѣ масонской же церкви, обладало въ ихъ душахъ очень большою жизненностью; какъ настоящіе паписты, они разработали очень сложную іерархію духовныхъ степеней и всѣми мѣрами поддерживали чисто-католическое представленіе о дѣленіи всѣхъ вѣрующихъ на стадо пасомыхъ овецъ, лучшею добродѣтелью которыхъ является слѣпое послушаніе, и избранныхъ, облеченныхъ божественной благодатью пастырей съ непогрѣшными властями во главѣ; какъ ученые схоластики, они стремились познать Бога и его тайныя свойства съ помощью разума; наконецъ, какъ феодальные рыцари, они хотѣли замкнуться въ чисто-аристократическую касту и усвоили себѣ всѣ феодальныя предрасудки, всю сословную исключительность средневѣковаго дворянства.

Такое положеніе дѣлъ не могло не вызвать протеста. Къ масонскимъ ложамя Германіи принадлежали многіе великіе люди XVIII вѣка,—между ними Гете, Лессингъ, Гердеръ. Они, конечно, держались въ сторонѣ отъ той мистико-шарлатанской шумихи, которую подняло большинство нѣмецкихъ ложъ; они стояли далеко и отъ ихъ работъ и, кромѣ Гете, рѣдко посѣщали даже ихъ засѣданія. Къ масонству ихъ привлекали тѣ просвѣтительные и гуманитарные идеалы, которые въ принципѣ признавались основателями масонства, и защищая эти идеалы въ своихъ произведеніяхъ, они видѣли въ нихъ чисто масонскія понятія, на что прямо и указывали. Лессингъ, напр., въ своихъ «Масонскихъ бесѣдахъ» доказы-

ваетъ, что сущность масонства заключается не въ «обрядѣхъ, знакахъ, рисункахъ и словахъ», даже не въ дѣлахъ благотворенія, а въ воспитаніи людей согласно съ идеалами гуманности. Масонство, въ глазахъ Лессинга, это—не историческое, а отвлеченно-идеальное понятіе; оно существовало всюду, гдѣ люди были проникнуты чувствомъ любви другъ къ другу и уваженія къ великимъ началамъ свободы и общественности. Въ этомъ смыслѣ Лессингъ утверждаетъ, что «можно исполнять высокія обязанности масонства, не называясь масономъ». При этомъ Лессингъ совсѣмъ не закрывалъ глазъ на недостатки современнаго, ему нѣмецкаго масонства. «Я ничего не вижу иного, ни о чемъ больше не слышу, какъ только о дѣтскихъ забавахъ», говоритъ въ «Масонскихъ бесѣдахъ» Эрнстъ своему собесѣднику Фальку, который наставляетъ его въ высокомъ значеніи масонства, «и никто не хочетъ знать ничего о томъ, ожиданіе чего ты во мнѣ возбуждаешь». Въ колкихъ, полныхъ язвительной насмѣшки словахъ Эрнстъ характеризуетъ нетерпимость масоновъ: «Пусть», говоритъ онъ, «придетъ просвѣщенный еврей и пусть онъ назоветъ себя! Да, говорятъ, еврей? Масонъ, конечно, долженъ быть по крайней мѣрѣ христіаниномъ. Какой христіанинъ—все равно, безъ различія религіи, т.-е. только безъ различія трехъ исповѣданій, публично дозволенныхъ въ Священной Римской Имперіи. Пусть честный сапожникъ, который при своей колодкѣ находитъ досугъ имѣть много хорошихъ мыслей, хоть бы это былъ Яковъ Бемъ или Гансъ Саксъ,—пусть онъ придетъ и назоветъ себя! Да, говорятъ, сапожникъ?.. А у насъ въ своей компаніи такое хорошее общество!» И Фалькъ признаетъ справедливость словъ Эрнста и самъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ объ извращенности масонскихъ ложъ, отличая, однако, отъ нихъ настоящее масонство.

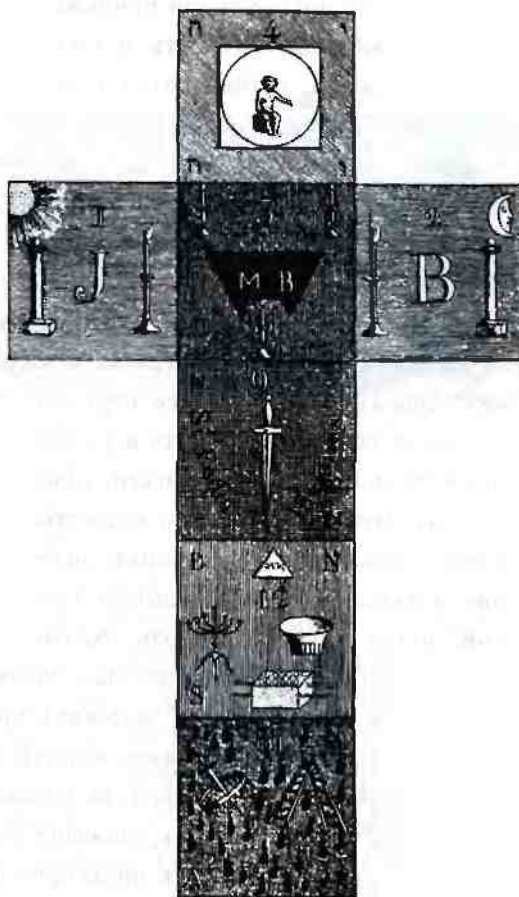
Также и Гердера, когда онъ юношей вступалъ въ 1766 г. въ Ригѣ въ масонскую ложу (Zum Schwerte), привлекалъ туда тотъ идеалъ «гуманности», подъ которымъ онъ разумѣлъ «чистую любовь къ людямъ и великодушіе» (reine Menschengüte und Grossmut) и который онъ надѣялся найти въ масонствѣ. И въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ познакомился уже съ тѣмъ, во что превратилось нѣмецкое масонство въ концѣ XVIII вѣка, онъ все-таки держался мнѣнія, что истинное масонство есть то, «къ чему во всѣ времена стремились всѣ добрые, безъ отношенія къ религіи и государственному устройству,—око и сердце человѣчности; оно возвращаетъ свободнымъ душамъ, принадлежащимъ къ нему, золотое время, живущее во всѣхъ нашихъ сердцахъ,—поднимаясь надъ всѣми сословными различіями, надъ всякимъ сектантскимъ духомъ»¹⁾. Это высокое представленіе объ *идеальномъ* масонствѣ не мѣшало Гердеру относиться съ рѣзкимъ осужденіемъ къ дѣйствительно существовавшему въ XVIII вѣкѣ въ Германіи масонству. По его мнѣнію, масонству не за чѣмъ было

---

¹⁾ Изъ «Масонскихъ разговоровъ» въ редактировавшемся Гердеромъ журналѣ «Адрастея».

объявлять себя тайнымъ обществомъ, и онъ мечталъ ¹⁾ о превращеніи его въ открытое общество всѣхъ мыслящихъ людей во всѣхъ частяхъ свѣта, которое принципами своей дѣятельности поставило бы «три свѣточа, освѣщающіе націи, партіи и роды»,—поэзію, философію и исторію. Ему была глубоко отвратительна та мистическая бутафорія, которою окружили себя Джонсонъ, Гундъ и имъ подобные; въ письмѣ къ знаменитому филологу Гейне (1786 г.) онъ писалъ: «я смертельно ненавижу всѣ тайныя общества и посылаю ихъ къ чорту послѣ наблюдений, которыя я сдѣлалъ въ ихъ средѣ и внѣ ея; подъ ихъ покровомъ скрывается только властолюбивый обманъ и духъ коварства». «Тайныя общества», писалъ онъ въ діалогѣ «Главконъ и Никій»,—«это—темные углы, замкнувшіеся отъ свѣта солнца... То тайное общество, которое честно мыслить о религіи и истинѣ, тотчасъ же перестаетъ быть тайнымъ, потому что только открытая истина есть Божіе дитя...»

Что касается до Гете, то онъ не удовлетворялся только представленіемъ объ отвлеченномъ отъ дѣйствительности типѣ идеальнаго масонства, и хотѣлъ оказать и реальное вліяніе на нѣмецкое масонство. Онъ хотѣлъ быть масономъ не только внѣ масонскихъ ложъ, но и внутри ихъ. Принятый въ 1770 г. въ число масоновъ, Гете оставался имъ до своей смерти и въ противоположность Лессингу и Гердеру очень часто посѣщалъ засѣданія масонскихъ ложъ; однако и онъ держался въ сторонѣ отъ тѣхъ ложъ, которыя приняли систему высшихъ ступеней. Поэтому-то практически Гете принялъ наибольшее участіе въ масонствѣ только въ болѣе позднее время своей жизни, когда среди масоновъ появилось стремленіе упростить ритуаль и организацію ложъ и оздоровить ихъ дѣятельность. Въ его глазахъ масонство было союзомъ чистѣйшаго братства, въ ко-

Шотландская масонская система.
Système maçonnique (Thuileur de 33 degrés
Paris 1813).

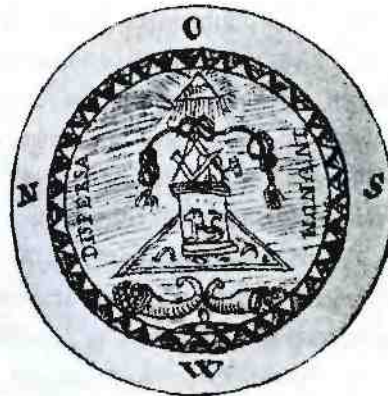
¹⁾ Въ «Gesprach über eine ansichtlare sichtbare Gesellschaft.»

торомъ всѣ члены равны, и въ то же время средствомъ для развитія общественности «въ томъ смыслѣ, что оно призываетъ людей къ объединенной дѣятельности, направляя мысль отдѣльныхъ людей сначала на нихъ самихъ, а потомъ и на цѣлое». Въ масонствѣ, по его мнѣнію, «теряютъ значеніе необходимыя въ обычной жизни знаки различія между людьми; тамъ не затрагиваютъ ничего такого, что въ другое время принимаютъ ближе всего къ сердцу, о чемъ съ наибольшою любовью слушаютъ и говорятъ; ничего не спрашиваютъ о происхожденіи человѣка, о томъ, женатъ ли онъ или холостъ, имѣетъ ли родителей и дѣтей, счастливъ или несчастливъ дома; ни о чемъ этомъ ничего не упоминаютъ, но всякій въ сознаніи высшихъ, всеобщихъ цѣлей исполненъ рѣшимости отречься отъ всего частнаго». Въ натурѣ Гете была склонность къ таинственности и къ символикѣ (она отразилась, между прочимъ, въ его двухъ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ—Вильгельмъ Мейстеръ и Фаустъ) и поэтому Гете довольно мягко отнесся къ мистическимъ крайностямъ нѣмецкаго масонства; но, несмотря на это, несмотря на его практическое участіе въ работахъ масонскихъ ложъ (болѣе поздняго періода), его опредѣленіе задачъ подлиннаго масонства въ общемъ то же, что и у Лессинга и Гердера: оно должно воспитывать людей въ понятіяхъ гуманности, дѣятельной любви къ ближнимъ и всеобщаго братства. Отъ историческаго масонства Гете въ своихъ мечтахъ ушелъ такъ же далеко, какъ и два его великихъ современника; въ одномъ отношеніи онъ ушелъ даже и дальше ихъ, такъ какъ въ концѣ своей жизни сталъ мечтать о томъ времени, когда масонскій союзъ охватитъ весь человѣческій родъ, и всѣ люди сольются въ общей работѣ на благо человѣчества.

Отчасти подъ вліяніемъ высокихъ представленій о задачахъ масонства, высказанныхъ великими поэтами, отчасти подъ общимъ воздѣйствіемъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, въ восьмидесятыхъ годахъ этого столѣтія въ нѣмецкомъ масонствѣ началось движеніе въ сторону освобожденія отъ крайностей фантастики, мистицизма, отъ чрезмѣрно властолюбивыхъ притязаній и отъ прямого шарлатанства. Среди самихъ масоновъ и ранѣе были люди, глубоко недовольные преобладающимъ направленіемъ въ современномъ имъ масонствѣ (философъ Рейнгольтъ, историкъ Шпиттлеръ и др.), но пока они представляли изъ себя еще довольно рѣдкія исключенія. Были и отдѣльныя ложи, которыя не подчинялись общему духу и старались въ чистотѣ сохранить первоначальные принципы масонства. Къ такимъ ложамъ принадлежала франкфуртская ложа «Единеніе» (Zur Einigkeit), которая ставила своею цѣлью способствовать братскому единенію разумныхъ людей на началахъ нравственности, была чужда всякаго властолюбія и не допускала въ свою среду никакихъ искателей приключеній и шарлатановъ. Такого же характера была и ложа въ Вецларѣ. Послѣ Вильгельмсбадскаго конгресса (1783) обѣ эти ложи согласились выпустить окружное посланіе ко всѣмъ германскимъ ложамъ, въ которомъ они, указывая

на то, что духъ деспотизма, корыстолюбія и сумасбродной мечтательности проникъ въ среду масоновъ, призывали всѣхъ желающихъ вступить въ основываемый ими на началахъ братства, свободы и терпимости новый масонскій союзъ; они называли его «эклeктическимъ», потому что онъ долженъ былъ подражать эклeктическимъ философамъ древности и «не привязывая себя ни къ какой отдѣльной системѣ, брать изъ всѣхъ лучшее и наиболѣе убѣдительное». Въ «эклeктическомъ союзѣ» считались обязательными для всѣхъ только 3 степени (хотя отдѣльнымъ ложа́мъ, примыкавшимъ къ нему, и разрѣшалось вводить у себя и дальнѣйшія степени) и признавались равенство и полная независимость отдѣльныхъ ложъ другъ отъ друга. Инициаторомъ этого союза былъ ассессоръ императорскаго камергерихта въ Вецларѣ Дитфуртъ, который и на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ требовалъ реформы масонства въ духѣ простоты и равенства. «Эклeктическій союзъ» имѣлъ очень большой успѣхъ. Уже въ 1789 г., черезъ шесть лѣтъ послѣ его основанія, въ немъ насчитывалось 30 ложъ. Но въ скоромъ времени онъ самъ измѣнилъ провозглашенному имъ принципу независимости и равенства всѣхъ ложъ. Въ 1788 г. онъ подчинился Великой ложѣ Англіи, признавъ себя ея провинціальнымъ отдѣленіемъ и давъ ей право утверждать избраннаго союзомъ грoсмейстера.

Масонская печать.
Sceau maçonnique.

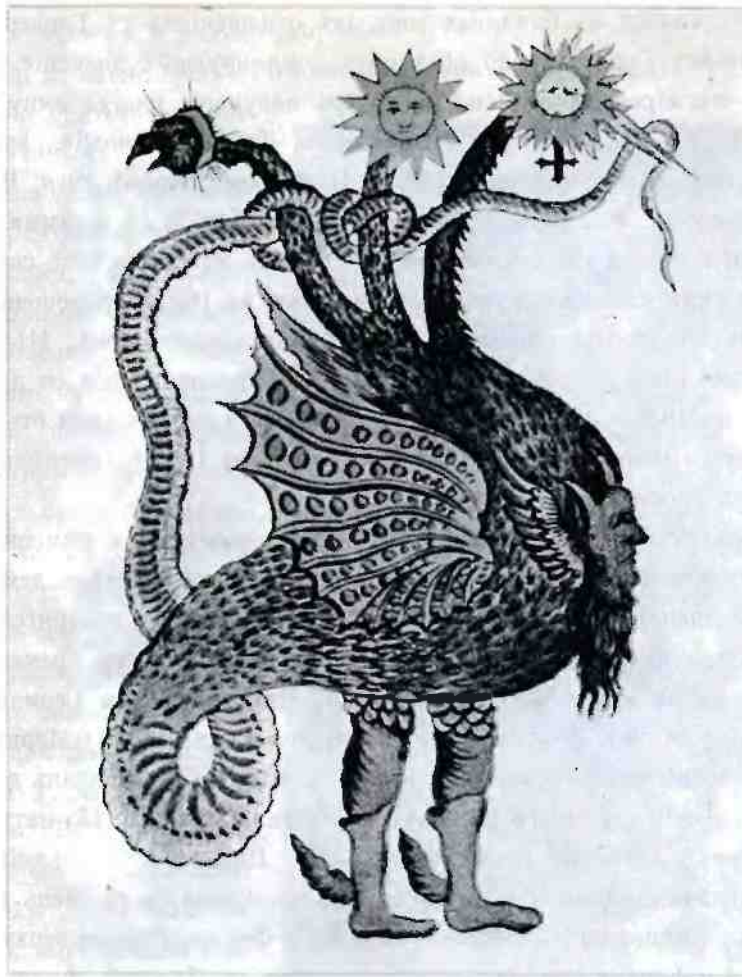

Масонская
печать.
Sceau
maçonnique.

Это вызвало раздоры въ средѣ «Эклeктическаго союза». Готская ложа «Компасъ» признала, что подчиненіемъ Англіи нарушены основные принципы «Союза». Она вышла изъ него (1790 г.) и пригласила всѣхъ согласныхъ съ нею основать новую масонскую организацію подъ названіемъ «Національной ложи Германіи» (Nationalloge für Deutschland) на началахъ полной независимости. Всѣ ложи, вступающія въ эту организацію, обладали совершенно равными правами, и ими управляла свободно избранная директорія съ мѣняющимся мѣстомъ пребыванія. Чтобы воспрепятствовать развитію властолюбія у директоровъ Національной ложи, было постановлено, что въ нее могутъ вступать не болѣе 27 отдѣльныхъ ложъ; когда же это число будетъ превзойдено, то организуется новая Національная ложа, равная по правамъ первой. Организаторомъ этого новаго масонскаго союза былъ одинъ изъ наиболѣе здравомыслящихъ масоновъ гофратъ Боде. Но «Національная ложа» не имѣла большого успѣха. Къ ней примкнуло только 13 ложъ, и послѣ смерти Боде (1793 г.) организованный имъ союзъ распался.

«Эклектическій союзъ» продолжалъ еще существовать въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Но уже послѣ революціи и послѣдовавшихъ за нимъ войнъ,—времени, которое вообще было неблагопріятно для масонскихъ организацій, онъ постепенно сталъ угасать. Позднѣе его упадку особенно содѣйствовала враждебная позиція, занятая имъ по отношенію къ евреямъ, многіе изъ которыхъ играли большую роль именно во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ находилась дирекція «Эклектического союза». Въ этомъ отношеніи «Эклектическій союзъ» стоялъ не выше другихъ масонскихъ ложъ, и рѣшительно высказался противъ допущенія евреевъ въ свою среду. Тогда франкфуртскіе евреи основали тамъ свою собственную ложу подъ названіемъ «Къ восходящей утренней зарѣ» («Zur aufgehenden Morgenröthe»); къ этой ложѣ принадлежали многіе изъ очень видныхъ писателей Германіи (между прочимъ Берне, позднѣе Ауэрбахъ). Изъ Англіи новая ложа получила патентъ на свою масонскую дѣятельность. Этимъ поступкомъ англійскихъ властей масонства «Эклектическій союзъ» былъ чрезвычайно обиженъ и разорвалъ свою связь съ Англіей (1823 г.). Своею конфессіональною нетерпимостью онъ оттолкнулъ отъ себя передовые круги Германіи, а представители стараго направленія масонства давно уже сами отошли отъ него. Лишенный всякой поддержки «Эклектическій союзъ» мало-по-малу угасъ.

Наряду съ Франкфуртомъ попытка оздоровить нѣмецкое масонство была предпринята и въ Гамбургѣ. Она исходила отъ извѣстнаго въ тогдашней Германіи актера, друга Боде, Фридриха Людвига Шрёдера. Въ противоположность большинству нѣмецкихъ масоновъ онъ былъ очень демократическаго происхожденія и родился (1744 г.) въ семьѣ бѣднаго нѣмецкаго органиста. Принятый въ 1774 г. (черезъ посредство Боде) въ гамбургскую ложу «Эмануэль» онъ черезъ 13 лѣтъ сталъ уже руководителемъ этой ложи; хотя къ этому времени онъ уже успѣлъ разбогатѣть на театральной антрепризѣ, подобное возвышеніе для человѣка плебейскаго происхожденія было тогда очень большою рѣдкостью въ кругахъ нѣмецкаго масонства. Ставъ во главѣ гамбургской ложи, Шрёдеръ съ ревностью принялся за реформы. Онъ хотѣлъ упростить сложный ритуаль масонскихъ ложъ, уничтожить шотландскія ложи, и вообще приблизить его къ тому виду, какой оно имѣло въ моментъ своего зарожденія въ Англіи. «Книга Конституцій» Андерсена для него была главнымъ первоисточникомъ масонства. Чтобы разсѣять мистическій туманъ, окутывавшій происхожденіе масонства, онъ учредилъ въ 1802 г. «Тѣсный историческій союзъ», одной изъ ближайшихъ цѣлей котораго было доказать, что всѣ высшія шотландскія, розенкрейцерскія и др. степени—ничто иное, какъ выдумка позднѣйшаго времени, не имѣющая никакихъ корней въ исторіи масонства. «Я надѣюсь», писалъ онъ, «съ пользою послужить масонству, если я открою тѣмъ, которые стоятъ у руля, всѣ предшествовавшія заблужденія и предохраню ихъ отъ новыхъ; это—моя главная цѣль». «Тѣсный союзъ» долженъ былъ познакомить «честныхъ, любознатель-

Пифонъ—геній зла. Изъ рукописи о *Tractatus singularis ad Theologiam, Philosophiam et ad Scientiam* (Рук. Отд. Рум. Музея № 288).

ныхъ братьевъ» со «всѣми глупостями, которыя называли и называютъ еще масонствомъ», и «образовать изъ массы каменщиковъ болѣе тѣсный кругъ достойныхъ братьевъ, который бы... не вмѣшиваясь въ управленіе ложами, стремился осуществить благородныя цѣли масонства и послужить дѣломъ и ученіемъ примѣромъ для другихъ братьевъ». Высшимъ изъ всѣхъ доступныхъ для людей понятій для Шрёдера было понятіе гуманности. Гуманность онъ опредѣляетъ совершенно въ духѣ просвѣтительной философіи XVIII вѣка; она, говоритъ онъ,— «просвѣщенный врагъ всякихъ предрасудковъ»; она «устраняетъ перегородки, которыя воздвигли между людьми религіозныя, государственныя и сословныя различія»; она—«драгоценное наслѣдіе первоначальныхъ правъ человѣчества,—объединяетъ чуждыхъ людей въ братскій союзъ»; она «впервые научила людей истинной терпимости».

Шрёдеръ находился въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Гердеромъ, и, очевидно, вліяніемъ Гердера надо объяснять доминирующее значеніе понятія гуманности въ его міровоззрѣніи; но и Гердеръ получалъ иногда импульсъ въ своихъ работахъ отъ знакомства съ Шрёдеромъ. Такъ «Масонскіе разговоры» Гердера (въ Адрастеѣ) навѣяны бесѣдами со Шрёдеромъ. Кромѣ того, Шрёдеръ во время своей поѣздки въ Веймаръ велъ бесѣды съ Гете и съ другими выдающимися людьми веймарскаго кружка. Идеи Шрёдера находили себѣ сочувствіе среди очень многихъ масоновъ и разработанный имъ въ 1800 г. упрощенный ритуаль былъ принятъ довольно большимъ числомъ масонскихъ ложъ. Нѣкоторыя ложи даже прямо подчинились гамбургской ложѣ, признали себя ея дочерями (Tochterlogen). Въ 1811 г. эта ложа провозгласила себя независимой отъ Англіи и стала называться Великой ложей. Шрёдеръ умеръ въ 1816 г.; послѣдніе годы жизни онъ былъ гросмейстеромъ этой ложи.

Не меньшую ревность, чѣмъ Шрёдеръ, въ реформированіи нѣмецкаго масонства обнаружилъ Фесслеръ (род. 1756). Это былъ тоже человѣкъ демократическаго происхожденія,—сынъ трактирщика. Еще юношей онъ постригся въ монахи и вскорѣ получилъ священническое званіе. Но въ скоромъ времени онъ, однако, перешелъ въ лютеранство и женился. Извѣстность въ Германіи онъ приобрѣлъ благодаря ряду философскихъ и историческихъ работъ («Маркъ Аврелій», «Аристидъ и Θεμιστοклъ», «Матвѣй Корвинъ» и др.). Онъ обладалъ довольно широкимъ образованіемъ, но его работамъ не хватало глубины. По натурѣ онъ представлялъ почти полную противоположность Шрёдеру. Послѣдній былъ настроенъ рационалистически и по духу своихъ воззрѣній былъ очень близокъ къ нѣмецкому просвѣщенію XVIII вѣка; въ натурѣ Фесслера брали верхъ склонности къ поэзіи и фантазіи, и его протестъ противъ крайностей нѣмецкаго масонства вытекалъ не столько изъ рационалистическихъ разсужденій, сколько изъ требованій оскорбленнаго чувства. Несмотря на различіе настроеній, оба они сходились въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, хотя поэтическая натура Фесслера была гораздо менѣе рѣшительна и настойчива, чѣмъ прямолинейно-разсудочный характеръ Шрёдера. Фесслеръ такъ же, какъ Шрёдеръ, питалъ глубокое отвращеніе къ той шарлатанской погонѣ за сверхъестественными знаніями, которая была связана съ системой высшихъ ступеней; но онъ не рѣшался приняться за немедленное уничтоженіе этой системы и надѣялся путемъ разумнаго толкованія высшихъ ступеней снять съ нихъ ихъ мистико-шарлатанскій налетъ. Занявъ въ срединѣ 90-хъ годовъ вліятельное положеніе въ берлинской ложѣ Royal York, онъ, какъ человѣкъ съ ученой репутаціей, получилъ порученіе пересмотрѣть и исправить ея ритуаль и въ короткое время закончилъ свою работу. Въ выработанномъ имъ ритуалѣ онъ сохранилъ и высшія степени, и старый ритуаль, но стремился придать имъ другой характеръ, чѣмъ тотъ, который онѣ имѣли раньше; высшія степени должны были стать только «ступенями познанія» (Erkennt-

nisstufen) въ томъ смыслѣ, что тѣ, кто обладалъ ими, признавались болѣе опытными, свѣдущими и разумными, чѣмъ другіе. Масонскій ритуаль, по словамъ Фесслера, долженъ былъ стать «не средствомъ поддерживать и раздражать любопытство братьевъ..., не торжественнымъ общаніемъ сообщить съ теченіемъ времени таинственныя знанія, но только поучительными образами, разсчитанными на благороднѣйшія чувства людей, образами, черезъ посредство которыхъ познанная разумомъ сущность масонства дѣлается ближе къ сердцу, согрѣваетъ и одушевляетъ его». Выработанный Фесслеромъ ритуаль получилъ довольно широкое распространеніе, и уже къ 1801 г. его признало 16 ложъ. Всѣ эти ложи были вполне независимы въ своихъ дѣйствіяхъ, сохраняли внутреннюю свободу, и въ то же время въ ихъ дѣятельность былъ внесенъ порядокъ, гарантировавшій ихъ отъ обманныхъ продѣлокъ разнаго рода авантюристовъ.

Фесслеръ. Fessler.

Но дѣло Фесслера, несмотря на его внѣшній успѣхъ, было всетаки далеко не прочно. Старое и новое, мистическая обрядность и поиски трезвыхъ знаній, неясныя аллегоріи и разумныя мысли такъ странно и тѣсно переплетались во вновь созданномъ имъ ритуалѣ, что онъ не удовлетворилъ никого, и противъ Фесслера очень рано поднялись нападки съ двухъ сторонъ,—со стороны и старыхъ, и новыхъ масонскихъ направленій. Самъ Фесслеръ остался глубоко неудовлетвореннымъ своимъ дѣломъ, и уже въ 1802 г. вышелъ изъ ложи Royal York, и вскорѣ вслѣдъ за этимъ уѣхалъ въ Россію. Ему стали противны тѣ мелочныя счеты, тѣ личныя интриги, та атмосфера недовѣрія и скрытыхъ честоло-

бывыхъ притязаній, которыми были полны масонскія ложи. «Каждый отдѣльный просвѣщенный и совершенный каменщикъ», писалъ онъ, «дѣлаетъ лучше, если онъ удаляется отъ всякой служебной дѣятельности въ ложахъ и вмѣсто этого просвѣщаетъ отдѣльныхъ достойныхъ братьевъ дружескимъ сообщеніемъ своихъ знаній, опыта и взглядовъ». Такимъ образомъ, въ противорѣчій съ сущностью всѣхъ масонскихъ организацій, которыя прежде всего были организаціями общества для извѣстныхъ цѣлей, Фесслеръ теперь сталъ ставить индивидуальныя отношенія между людьми выше общественныхъ! Въ духѣ этихъ новыхъ своихъ взглядовъ въ концѣ 1802 г. онъ основалъ «Союзъ ученыхъ каменщиковъ», состоявшій сперва всего изъ семи членовъ. Онъ ставилъ своею цѣлью то же, что и «Историческій союзъ» Шрёдера,—а именно изученіе исторіи масонства и освобожденіе его отъ всякихъ позднѣйшихъ выдумокъ. Въ этомъ союзѣ не было никакого ритуала, никакихъ знаковъ, никакихъ особенныхъ одеждъ для его членовъ. Всѣ члены его были равны по своимъ правамъ и обязанностямъ, и внутри союза не было никакой іерархіи. Но даже и въ этотъ союзъ, какъ только онъ сталъ расширяться, проникли обычные недостатки масонскихъ организацій,—интриги и личная зависть, и онъ довольно скоро распался.

Къ новымъ представителямъ нѣмецкаго масонства принадлежалъ и Шнейдеръ (1742—1816), членъ альтенбургской ложи, отличавшійся всегда большою трезвостью направленія. Это былъ ревностный противникъ всякой таинственности и рѣшительный защитникъ свободы сужденій, не преклонявшійся ни передъ какими авторитетами. Ему удалось привлечь въ альтенбургскую ложу извѣстнаго философа Краузе (1781—1832), который отстаивалъ наряду съ Кантомъ свободу философскаго изслѣдованія. Высшимъ принципомъ для Краузе была свобода самоопредѣленія. «Человѣкъ долженъ твердо укрѣпиться въ самомъ себѣ», писалъ онъ, «и имѣть силу отвлечься отъ всякаго шума свѣта къ тихому святилищу духа, чтобы въ немъ очистить и укрѣпить все пережитое». Онъ носился съ мыслью основать «союзъ человѣчности», который долженъ былъ вырвать людей изъ состоянія изолированнаго равнодушія къ судьбамъ другихъ, укрѣпить въ нихъ сознаніе ответственности за «положеніе цѣлаго» (*Zustand des Ganzen*) и направить ихъ къ солидарной работѣ. Но это единеніе людей должно исходить изъ свободнаго желанія, а не изъ принужденія. Ядромъ такого свободнаго союза людей должно стать, по мнѣнію Краузе, масонство. Въ выпущенномъ имъ въ 1810 г. большомъ сочиненіи ¹⁾ онъ жестоко напалъ на пристрастіе масоновъ ко всему таинственному. «Все то,» писалъ онъ, «что касается человѣчества и является собственностью человѣчества, должно быть свободно отъ всякой тайны». Онъ указывалъ для масонства задачу, вполне согласную со взглядами Лессинга, Гердера и Гете,—служить союзомъ истины, свободы и братской

¹⁾ «Die drei ältesten Kunsturkunden».

любви и браться только за доступныя человѣческимъ силамъ и разрѣшимыя человѣческимъ разумомъ задачи. Вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ историческихъ ссылокъ и отвлеченныхъ доводовъ онъ доказалъ фантастичность той исторіи масонства, которая была создана розенкрейцерами, тамплиерами и другими мистиками. Это сочиненіе Краузе вызвало противъ себя ярость масонскихъ обскурантовъ. Всѣ три великія ложи Берлина (Royal York, Grosse Landesloge и grosse Mutterloge zu den drei Weltkugeln), несмотря на то, что первая еще недавно стремилась къ полной реорганизациіи подъ руководствомъ Фесслера, а въ послѣдней въ концѣ 90-хъ годовъ, было замѣтно также довольно сильное реформатское движеніе въ сторону упрощенія ритуала и большей демократизаціи управленія,—теперь рѣшительно высказались противъ Краузе и потребовали, чтобы цензура запретила его сочиненіе. Дрезденская ложа, членомъ которой былъ въ это время Краузе, исключила его изъ своихъ членовъ. Характерно, что защитниками Краузе выступили въ этомъ дѣлѣ просвѣтители, особенно Николаи, который раньше неослабно боролся противъ мистическаго духа масонства.

На этомъ мы закончимъ исторію нѣмецкаго масонства XVIII вѣка. Случай съ Краузе показалъ, что, несмотря на всѣ реформаторскія стремленія, возникшія въ его средѣ въ концѣ вѣка, оно въ большинствѣ случаевъ, въ массѣ своихъ членовъ оставалось вѣрно тому духу средневѣковаго обскурантизма и той нетерпимости, которой оно отличалось въ XVIII вѣкѣ. На его чахлой почвѣ не расцвѣло тѣхъ цвѣтовъ, которые надѣялись увидать здѣсь великіе мыслители XVIII вѣка. Прусское правительство Фридриха Вильгельма III, испуганное тѣми одиноко прозвучавшими въ концѣ вѣка голосами въ защиту терпимости, свободы мысли и гуманности, запретило (эдиктомъ 20 окт. 1798 г.) всѣ масонскія ложи, кромѣ тѣхъ, которыя входили въ составъ трехъ великихъ ложъ Берлина, и поставило работу даже и въ этихъ ложахъ подъ строгій надзоръ правительства,—но это была совершенно напрасная боязнь: нѣмецкое масонство не угрожало прусской государственности и въ тѣхъ передовыхъ движеніяхъ, которыя возникали въ это время и позднѣе въ Германіи, было повинно не оно.

Масонскія печати. Sceaux maçonniques.

Масонская грамота. Diplôme maçonnique.

Орденъ иллюминаповъ.

Въ 1773 году булла папы Климента XIV закрыла орденъ іезуитовъ. Представители просвѣщенной публицистики XVIII вѣка—«философы», которые во имя разума боролись противъ суровой опеки католической церкви, сковывавшей мысль и волю человѣка, торжествовали побѣду надъ самымъ упорнымъ врагомъ.

Идеи «просвѣщенія» къ этому времени проникли и въ правящія сферы европейскихъ государствъ. Высшая бюрократія и большихъ и малыхъ державъ не мало способствовала паденію могущественнаго ордена.

И въ маленькой Баваріи, гдѣ іезуитскій орденъ полновластно распоряжался болѣе двухъ столѣтій, сплотилась вокругъ курфюрста Максимилиана-Іосифа небольшая группа сановниковъ, раздѣлявшая идеалы «просвѣщенія». Такимъ образомъ и здѣсь начинается эра реформъ сверху, эра «просвѣщеннаго абсолютизма». Курфюрстъ дѣятельно поддерживалъ своихъ совѣтниковъ, замышлявшихъ рядъ реформъ въ области народнаго образованія. Основаніе новаго университета въ Мюнхенѣ, реформа средней школы, новое положеніе о низшихъ школахъ, реорганизація Ингольштадскаго университета, который до сихъ поръ былъ опорой іезуитовъ—все это было дѣломъ небольшой сплоченной группы

совѣтниковъ Максимиліана-Іосифа. Но въ 1778 году на баварскій престолъ вступаетъ новый государь Карль-Теодоръ. Занятый своими честолюбивыми проектами онъ представлялъ въ то же время типичнаго, сластолюбиваго деспота, жаждавшаго удовольствій и пугавшагося одной мысли объ адскихъ мученіяхъ. Но секуляризація обширныхъ владѣній ордена была выгодна для государственной власти—и Карль-Теодоръ продолжалъ въ первые годы дѣло своего предшественника. Между тѣмъ реакціонная, клерикальная партія, ознакомившись съ характеромъ новаго властителя, ободрилась, воспряла духомъ. Началась медленная борьба сторонниковъ старого режима и просвѣщенной бюрократіи.

Въ этотъ моментъ и складывается въ Баваріи оригинальный союзъ лицъ, одушевленныхъ идеями «просвѣщенія», такъ называемый — орденъ иллюминатовъ.

Основателемъ ордена былъ молодой профессоръ Ингольштадскаго университета Адамъ Вейсгауптъ (1748—1830). Сынъ профессора юриста онъ рано лишился отца и съ восьми лѣтъ прошелъ тяжелый искусь ученія въ іезуитской гимназіи. Вниманіе его воспитателей и учителей, какъ рассказывалъ онъ впоследствии, обращено было главнымъ образомъ на то, чтобы ученики каждый день неукоснительно посѣщали богослуженіе. Лишь одинъ день въ недѣлю отводился занятіямъ, да и тѣ заключались въ безсмысленной зубрежкѣ учебниковъ безъ всякихъ поясненій. На экзаменахъ предлагались замысловатыя задачи, чтобы проверить хорошее знаніе текста молитвъ: приказывали читать молитву Господню на оборотъ, т.-е. отъ конца къ началу, спрашивали сколько разъ повторяются предлоги и союзы въ отдѣльныхъ членахъ молитвы и т. д. Задачи эти давались до тѣхъ поръ, покамѣстъ изъ массы испытуемыхъ оставался одинъ, счастливо разрѣшившій всѣ вопросы; онъ и получалъ награду. Обученіе въ гимназіи длилось до 15 лѣтъ. Оттуда юный Вейсгауптъ поступилъ въ университетъ, гдѣ господствовала та же схоластика: до 20 лѣтъ, по словамъ его, онъ могъ доказать истинность своей религіи, лишь ссылаясь на то, что «такъ говоритъ церковь». Молодому студенту приходилось испытывать большую нужду и самому пробивать себѣ дорогу. При своихъ дарованіяхъ онъ успѣшно справился съ схоластической наукой, рано получилъ докторскій дипломъ, а затѣмъ и мѣсто профессора каноническаго и естественнаго права въ Ингольштадскомъ университетѣ. Послѣдній въ это время дѣлился на два лагеря: одинъ состоялъ изъ ставленниковъ Адама Икштатта, который незадолго предъ тѣмъ произвелъ реформу университета и принадлежалъ къ группѣ сторонниковъ «просвѣщенія», другой лагерь, составилъ изъ тайныхъ сторонниковъ іезуитовъ, которые въ своей борьбѣ съ властолюбивымъ Икштаттомъ прикрывались идеей независимости профессорской коллегіи. Молодой Вейсгауптъ былъ проведенъ въ профессора Икштаттомъ, который приходился ему крестнымъ отцомъ, и скоро поневолѣ втянулся въ университетскую распрю, полную жалобъ, доносовъ и мелкихъ интригъ.

Сперва членъ партіи Икштатта, онъ вскорѣ увидѣлъ, что эта партія состоитъ изъ бездарныхъ и лѣнивыхъ креатуръ, воспользовавшихся родствомъ и близостью съ всеильнымъ сановникомъ для того, чтобы добыть почести и деньги. Нѣкоторое время Вейсгауптъ пытается сохранить независимую позицію внѣ борющихся партій, что въ концѣ-концовъ ссорить его съ самимъ Икштаттомъ. Мало-по-малу онъ замѣчаетъ свое тяжелое положеніе между властолюбивымъ противникомъ іезуитовъ, съ одной стороны, и ненавистными по воспомина-ніямъ ранняго дѣтства, іезуитами—съ другой. Честолюбивый и самостоятельный онъ стремится найти себѣ точку опоры внѣ университета. Усердно занимаюсь этикой и увлекаясь идеей нравственнаго совершенствованія, онъ постепенно приходитъ къ мысли вступить въ тайное общество. Сперва его вниманіе привлекаютъ къ себѣ франкъ-масонскія ложи, о которыхъ у него напередъ сложилось высокое мнѣніе. Но послѣ изученія масонскихъ сочиненій Вейсгауптомъ овладѣваетъ глубокое разочарованіе: онъ пораженъ отсутствіемъ конспираціи у масоновъ и пустотой внутренняго содержанія масонскихъ степеней. Не менѣе отталкиваетъ его и то страстное увлеченіе алхимическими изысканіями, которымъ въ то время поглощены были даже очень даровитые и развитые люди. И у Вейсгаупта мало-по-малу зародилось желаніе основать новое тайное общество, которое задалось бы цѣлью совершенствовать людей и созидать человѣческое счастье. Талантливый лекторъ, популярный среди студентовъ онъ умѣетъ заинтересовать своими идеями нѣсколькихъ студентовъ и знакомыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ и принимаются дѣятельно вербовать членовъ новаго общества.

Заклятый врагъ іезуитовъ, Вейсгауптъ—великій поклонникъ ихъ тактики и внѣшнихъ пріемовъ.

Въ своей перепискѣ съ друзьями онъ рекомендуетъ имъ привлекать въ новое общество тѣхъ людей, характеръ которыхъ изученъ предварительно, совѣтуетъ заручиться расположеніемъ и сочувствіемъ въ особенности людей вліятельныхъ и образованныхъ. «Наши люди», говоритъ онъ, «должны быть предпріимчивы, ловки, вкрадчивы»... «Ищите прежде всего знатныхъ, могущественныхъ, богатыхъ»... заканчиваетъ онъ свои наставленія. «Иногда необходимо даже унизиться, чтобы лучше овладѣть человѣкомъ. Идеалъ новообращеннаго — «ловкій, старательный, уступчивый, общительный»... Коли къ тому же богатъ, знатенъ и вліятеленъ — тѣмъ лучше». Окончательную выработку общества онъ беретъ на себя: «Вы, мои люди! не заботьтесь ни о чемъ, кромѣ привлеченія мнѣ сторонниковъ. Старательно изучайте ихъ, полируйте... Объ остальномъ позабочусь я». Такъ сказывается въ основателѣ ордена бывшій ученикъ іезуитской коллегіи.

Въ оживленной перепискѣ намѣчается дальнѣйшее развитіе ордена; вступающіе въ него должны подвергнуться особой подготовкѣ: «ихъ воля должна

быть воспитана на произведеніяхъ педагога Базедова, моралистовъ Абта, Мейнерса, философовъ Эпиктета, Марка Аврелія, Монтэня, Плутарха для того, чтобы» пустить въ оборотъ, дать силу разуму»... Вейсгауптъ намѣчаетъ рядъ подготовительныхъ классовъ: первый классъ — нѣчто въ родѣ ученой академіи — занимается изученіемъ древнихъ, изслѣдованіемъ характеровъ историческихъ дѣятелей прошлаго и настоящаго, производитъ рядъ опытовъ, объявляетъ сочиненія на премію. Наиболѣе способные допущены будутъ дальше въ классъ мистерій (таинствъ): предварительно они познаютъ и искореняютъ въ себѣ предразсудки. Во главѣ всего ордена представляется Вейсгаупту высшій совѣтъ, который будетъ бороться съ врагами человѣчества и разума. Въ такой туманной формѣ рисуется обликъ новаго союза самому основателю: идеи «просвѣщенія» — преклоненіе предъ разумомъ и стремленіе къ знанію и моральному совершенствованію сочетаются съ классическими реминисценціями, отзываются ученымъ педантизмомъ. Въ его умѣ всплываютъ представленія объ элевзинскихъ мистеріяхъ, но онъ рѣшаетъ вслѣдъ за этимъ, что организацію мистерій возможно отложить и успокаиваетъ себя тѣмъ, что постепенно образуется новая мораль, сложится новое воспитаніе и даже религія. Сколько для этого потребуются переходныхъ ступеней — классовъ, — онъ самъ еще не имѣетъ яснаго представленія. «Покажетъ Богъ и время».... Зато опредѣляется названіе тайнаго общества. Вейсгауптъ перебралъ нѣсколько наименованій: орденъ Минервы (богини мудрости), орденъ пчелы (символь трудолюбія), орденъ парсовъ (исповѣдующихъ религію просвѣщающаго огня), перфектибилистовъ (совершенствующихся) — и въ концѣ-концовъ остановился на названіи «Ордена Иллюминатовъ» — просвѣтленныхъ.

Въ это время основное ядро ордена — его «ареопагъ» составляли девять членовъ, по преимуществу чиновники.

Большинство учредителей вело пропаганду самостоятельно, каждый по своему привлекая новыхъ членовъ. Скоро возникли несогласія: Вейсгаупта упрекали въ честолюбивыхъ замыслахъ. Но ему удалось привести къ согласію маленькое общество. Вліянію иллюминатовъ подпадаетъ мюнхенская масонская ложа «Teodor zum guten Rath»; добившись въ ней преобладанія, иллюминаты реформировали степени, сократили церемоніаль и привлекли въ ложу новыхъ членовъ. Отношенія иллюминатовъ къ масонству послѣ этого опредѣляются: ложи въ Мюнхенѣ и Эйхштеттѣ дѣлаются подготовительной школой.

Число иллюминатовъ растетъ. Въ 1781 году вырабатываются совмѣстными усиліями ареопагитовъ основныя положенія, инструкціи и символъ вѣры ордена.

Основныя положенія гласятъ, что орденъ не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, вредныхъ для государства, религіи и добрыхъ нравовъ.

Неоднократно подчеркивается и въ послѣдующихъ параграфахъ, что ор-

день не занимается ни религіей ни государственными дѣлами, хотя и предписывается религіозная терпимость и уваженіе къ чужому мнѣнію. Опредѣленіе отношеній къ деспотизму и суевѣрію предоставляется генію и будущимъ поколѣніямъ.

Выдвигается исключительно нравственно просвѣтительный характеръ ордена:

Адамъ Вейсгауптъ.
Adam Weishaupt.

онъ стремится заинтересовать людей нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, пробуждая гуманность и общительность, защищая угнетенную и страждущую добродѣтель противъ неправды, поддерживая достойныхъ людей, наконецъ, распространя полезныя знанія.

Въ отдѣльныхъ параграфахъ членамъ ордена предписывается рядъ необходимыхъ добродѣтелей: согласіе, вѣрная дружба, стремленіе къ совершенствованію, гуманность, искренность, умѣренность, довольство своимъ положеніемъ, почтеніе къ старости, начальникамъ, государственнымъ властямъ, любовь къ ближнему, вѣжливость и милосердіе, вѣр-

ность долгу и службѣ, добрыя родственныя чувства, стремленіе къ просвѣщенію.

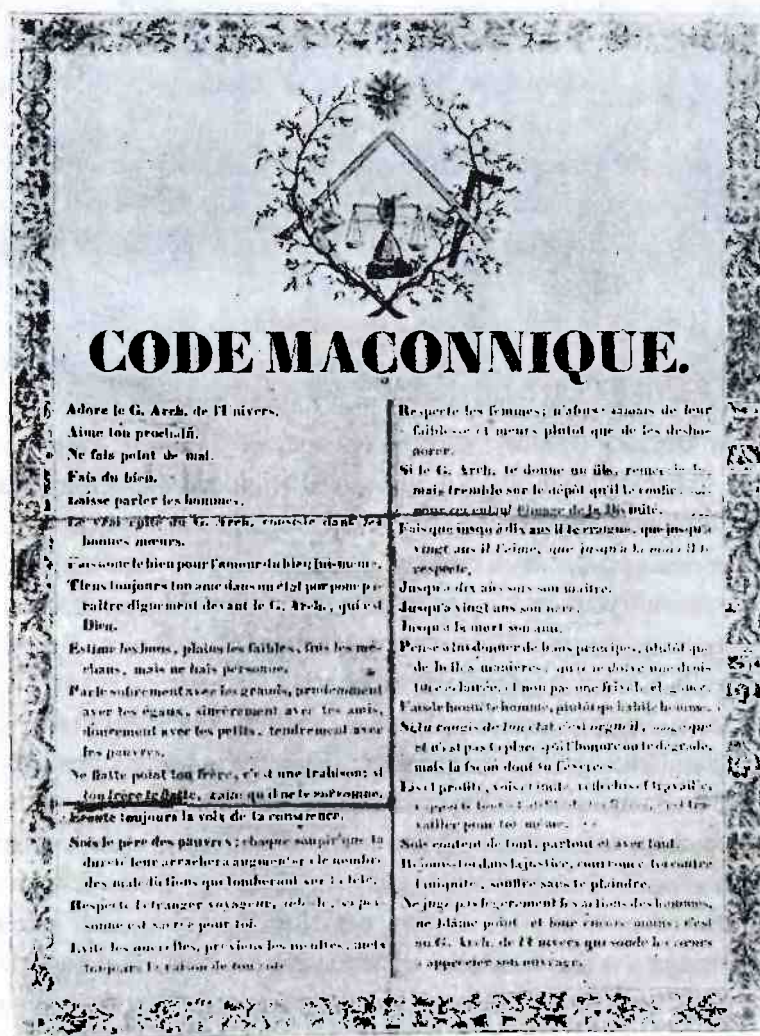
Словомъ, здѣсь отлился въ полной мѣрѣ идеаль благонамѣреннаго, благопослушнаго нѣмецкаго бюргера, уходящаго изъ-подъ клерикальной опеки.

Инструкціи точно опредѣляли обязанности новообращеннаго. Въ концѣ каждаго мѣсяца онъ представляетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, равно и о замѣченныхъ въ орденѣ недостаткахъ. Отъ этого не освобождаются и остальные члены ордена. Всѣ неуклонно блюдутъ другъ за другомъ и доносятъ. Работа новообращеннаго состоитъ въ внимательномъ изученіи рекомендованныхъ книгъ «для образованія сердца». Кромѣ указанныхъ уже въ прежней перепискѣ Вейсгаупта моралистовъ и классиковъ, даются нѣкоторыя сочиненія Виланда, «Опытъ о человѣкѣ» Попа, этический трактатъ Адама Смита, «О духѣ» Гельвеція, «Характеры» Лябрюйера. Непосредственнымъ руководителемъ является тотъ, кто принялъ новообращеннаго. Подготовительный періодъ продолжается три года, иногда менѣе, смотря по успѣхамъ новичка. Вступая въ орденъ каждый долженъ заявить, какой отраслью наукъ онъ желаетъ заниматься: естественными, филологическими или юридическими.

Устанавливается и внѣшняя форма ордена: новый календарь съ особыми

названіями для мѣсяцевъ и дней недѣли, новое лѣтосчисленіе (персидское) и особыя названія для городовъ и государствъ, заимствованныя изъ древней географіи и исторіи; напр., Баварія—Ахайя, Австрія—Египеть; Мюнхень—Аѳины; Эйхштеттъ—Эрзерумъ, Ингольштадтъ—Элевзисъ, Вѣна—Римъ. Члены ордена принимаютъ имена, заимствованныя изъ античной древности: Вейсгауптъ на-

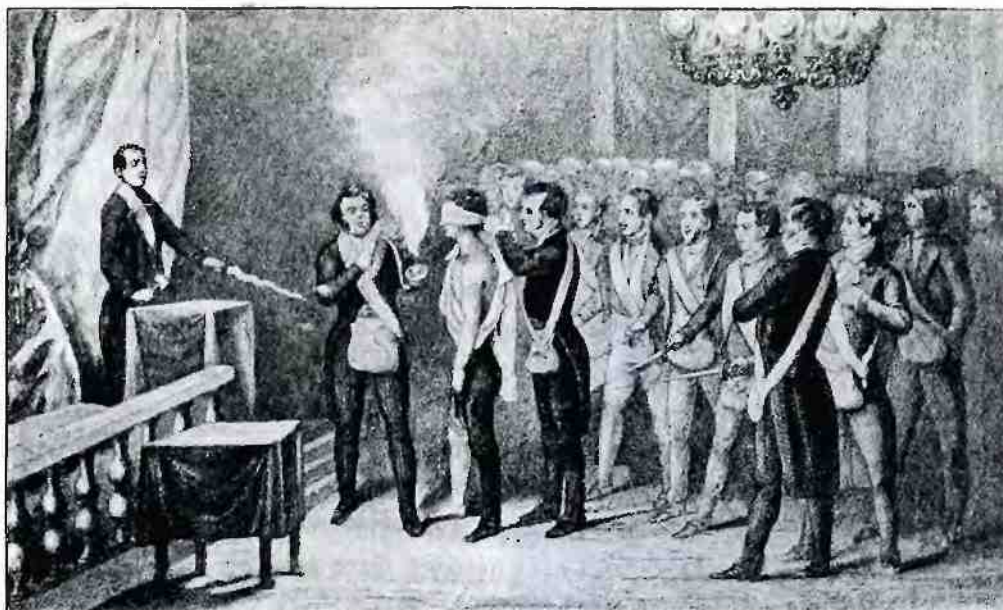
Факсимиле масонскаго кодекса. Code maçonnique.

звался Спартакъ; Цвакъ—Катономъ, Констанцо—Диомедомъ, Книге—Филономъ etc. Опредѣляется внутренняя организація ордена: онъ дѣлится на большія и малыя мистеріи, которыя въ свою очередь подраздѣляются на степени. Малыя мистеріи состоятъ изъ степеней минервала, младшаго иллюмината, старшаго иллюмината, иллюмината направителя и класса ученыхъ. Большія мистеріи

закljučаютъ избранныхъ изъ класса ученыхъ, которые работаютъ надъ усовершенствованіемъ системы. Членамъ энергично воспрещается занятіе всякими алхимическими работами, некромантіей и оптическими фокусами. Окончательная обработка степеней поручается ареопагомъ Вейсгаупту.

Устанавливаются довольно неопредѣленные денежные взносы, сообразно со средствами членовъ: но общій фондъ ордена никогда не былъ великъ, и во время расцвѣта не превосходилъ трехъ съ половиной тысячъ флориновъ, считая наличность, ссуды и недоимки (послѣднихъ было болѣе половины всей суммы). Сперва орденъ сосредоточивался на югѣ Германіи, въ Баваріи, но съ конца 1779 года ревностный иллюминатъ, маркизь Констанцо, начинаетъ агитаціонную поѣздку по Германіи и знакомится во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ молодымъ и пылкимъ масономъ, членомъ ордена строгаго послушанія, барономъ Адольфомъ фонъ Книгге, котораго и посвящаетъ въ тайны ордена. Баронъ Адольфъ фонъ-Книгге (1752—1796), довольно извѣстный въ свое время писатель-моралистъ, въ то время молодой человѣкъ 28 лѣтъ, носился съ идеей реформировать франкъ-масонство. Онъ рѣшилъ, что нашелъ искомый идеаль тайнаго общества въ орденѣ иллюминатовъ. Письма Вейсгаупта сдѣлали изъ него яраго сторонника новой системы: онъ явился главнымъ миссіонеромъ и пропагандистомъ иллюминатства. Неутомимо странствуетъ Книгге изъ города въ городъ, изъ логи въ ложу и при своемъ прекрасномъ знаніи высшаго круга, благодаря аристократическимъ связямъ, успѣваетъ заинтересовать многихъ, привлечь, воодушевить успѣхомъ новаго ордена. Число новообращенныхъ растетъ. Въ орденъ вступаютъ чиновники, люди свободныхъ профессій, военные, духовные, дворяне и даже государи: Эрнстъ герцогъ Саксенъ-Готскій, братъ его Августъ, Карлъ-Августъ Саксенъ-Веймарскій, извѣстный другъ Гете, и Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгскій. Растетъ число членовъ и за предѣлами Баваріи; орденъ завязываетъ связи въ Австріи, и одно время питаетъ надежду привлечь императора Иосифа II.

Вейсгауптъ, однако, не могъ скрыть отъ Книгге, что орденъ еще находится въ стадіи зарожденія и организація существуетъ въ «его, Вейсгаупта, головѣ»: существуетъ подготовительная школа, а высшей не имѣется. По дорогѣ къ Вейсгаупту Книгге перезнакомился со многими иллюминатами и не могъ не замѣтить противорѣчія въ ихъ взглядахъ. Нѣкоторые жаловались на Вейсгаупта и враждовали съ нимъ. Тѣмъ съ большимъ жаромъ приступилъ Книгге послѣ свиданія съ Вейсгауптомъ, съ его согласія, къ строительству, къ разработкѣ степеней иллюминатскаго ордена. Онъ раздѣлил ихъ на 3 класса: 1-й классъ — подготовительную школу — составляютъ степени: 1) новообращенный, положеніе котораго подробно опредѣлено раньше; 2) посвященный Минервѣ или минерваль — они составляли ученое общество и подвергались предъ вступленіемъ особому экзамену; 3) иллюминатъ младшій — руководитель минерваловъ, онъ получалъ указа-

Приѣмъ въ Масонскую ложу (Clavel). Réception d'un apprenti.

нія какъ руководить своими подчиненными. 2-й классъ: символическое масонство изъ трехъ степеней. Оно сообщалось безъ особыхъ церемоній, послѣ чего слѣдовало шотландское масонство: 4) иллюминатъ старшій или шотландскій новообращенный; члены этой степени, помимо общей направляющей работы и рѣшающаго голоса по дѣламъ разныхъ степеней, должны стремиться занять видное мѣсто въ обществѣ и вербовать новыхъ сочленовъ. 5) Иллюминатъ-направитель или шотландскій рыцарь прокладывалъ дорогу къ классу мистерій. Третій классъ состоялъ изъ 2 отдѣленій—1) малыя мистеріи, которыя слагались изъ степеней жреца и правителя (регента), и 2) большія мистеріи, которыя заключали степени мага и государя (гех). Но послѣдній классъ былъ лишь намѣченъ и не подвергся разработкѣ.

Такъ, Книгге задался смѣлой цѣлью или подчинить ордену Иллюминатовъ или включить въ него все нѣмецкое масонство.

Мало того планы его, судя по перепискѣ съ друзьями, заходили далеко: онъ мечталъ объ единой естественной религіи, которая безъ всякой революціи объединить все человѣчество въ единый союзъ. Книгге надѣялся ввести въ союзъ и папу и государей. Для этого и придумалъ онъ высшія степени мага и государя. Онъ не скрывалъ отъ себя общаго движенія къ свободѣ противъ деспотизма и наивно вѣрилъ, что этой цѣли можно легко достигнуть при посредствѣ «благого обмана» и соблюденіи строгой конспираціи.

Вейсгауптъ, осторожный, умѣренный представитель буржуазіи «просвѣщенія», не замедлилъ стать въ конфликтъ съ мечтателемъ-атистократомъ. Не об-

ладая организаторским талантом, доктринеръ и нѣсколько педантъ, онъ находилъ, что Книгге увлекается чисто-внѣшней пышностью новыхъ степеней.

Въ свою очередь Книгге былъ болѣзненно оскорбленъ властолюбивымъ характеромъ Вейсгаупта и его недовѣріемъ. Скоро для каждого изъ нихъ стало ясно коренное различіе ихъ религіозныхъ и политическихъ идеаловъ.

Отношенія обострились: и старый и новый организаторы ордена жаловались другъ на друга въ письмахъ къ общимъ друзьямъ, и, наконецъ, дѣло кончилось полнымъ разрывомъ: въ 1784 году Книгге вышелъ изъ ордена.

Къ этому времени сложилась администрація ордена, во многомъ напоминавшая іезуитскую: префекты, выше нихъ провинціалы (начальники провинцій), еще выше національ (глава націи)—все они составляли классъ правителей (регентовъ). Выше нихъ стоялъ ареопагъ, во главѣ всего ордена находился генераль.

Развитію ордена соотвѣтствовало и убранство помѣщенія главной логи. Уже въ 1782 году въ концѣ декабря въ Ингольштадтѣ существовала богато изукрашенная внутри въ стилѣ барокко логжа. На потолокъ было изображено символически наказаніе любопытства, жрецъ представлялъ иллюмината старшаго, три собаки символизировали вѣрность, послушаніе и бдительность. Парящій орелъ былъ прообразомъ божественнаго вдохновенія. Боковые медальоны изображали весну—время посѣва, осень—время жатвы. Меньшіе медальоны заключали символы справедливости, любви, мира, вѣрности. Кромѣ того, рядъ фигуръ имѣлъ тоже особое символическое значеніе. Стѣны были также украшены живописью ¹⁾.

Но разраставшійся орденъ въ самомъ себѣ таилъ зародыши разложенія. Іезуитская тактика скомпрометировала тѣ нравственныя задачи, которыя ставили себѣ учредители. Взаимный шпіонажъ вносилъ недовѣріе и подозрительность. Погоня за новыми членами ввела въ орденъ много подозрительныхъ людей: Вейсгауптъ горько жалуется на пьянство однихъ, легкомысліе и безнравственность другихъ.

Между тѣмъ враговъ у ордена было немало. Страшно ненавидѣло иллюминатовъ баварское духовенство, въ особенности тайные и бывшіе іезуиты. Логжи строгаго послушанія и розенкрейцеры смотрѣли на орденъ съ недоброжелательствомъ и завидывали его успѣху. Нападеніе начинается уже съ 1783 года. Рядъ ядовитыхъ брошюръ принадлежитъ перу вышедшихъ изъ ордена членовъ и клерикальных профессоровъ, опасавшихся вліянія ордена на общество. Враги ордена искусно подготавливали настроеніе придворной камарилы: умѣли возбудить личное озлобленіе у свояченицы курфюрста герцогини Маріи-Анны; внушили

---

¹⁾ После закрытія ордена, залъ былъ сданъ подъ типографію, затѣмъ въ ней помѣщалась сапожная мастерская, и лишь въ 1905—1904 произведена была реставрація опытнымъ художникомъ.

честолюбивому и подозрительному курфюрсту Карлу-Теодору, что иллюминаты педовольны его политическими планами. Въ то же время распространяли слухъ, что орденъ способствуетъ австрійскому императору Іосифу II подчинить Баварію. Въ пространномъ доносѣ, сообщенномъ королю Фридриху II прусскому, иллюминатамъ приписывались всевозможные пороки и злодѣянія, раскрывалась тактика ордена, который стремится-де всевозможными средствами привлечь на свою сторону вліятельныхъ лицъ, потворствуя ихъ слабостямъ и низменнымъ инстинктамъ, и не задумывается устранять съ дороги своихъ враговъ, хотя бы путемъ отравленія медленно дѣйствующимъ ядомъ.

Душой заговора противъ иллюминатовъ былъ придворный духовникъ Франкъ, сумѣвшій овладѣть вполне курфюрстомъ. Тайный іезуитъ, онъ въ своихъ письмахъ къ единомышленникамъ съ радостью сообщалъ, что пробилъ послѣдній часъ иллюминатовъ, что онъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ работаетъ надъ ихъ уничтоженіемъ во имя религіи Христовой для славы отечества, для спасенія юношества. Результатомъ всѣхъ этихъ интригъ былъ указъ курфюрста Карла-Теодора отъ 22 іюля 1784 года, которымъ предписывалось закрыть всѣ масонскія и иллюминатскія ложи.

Тщетно франкъ-масоны и иллюминаты защищались, увѣряя, что не замышляютъ ничего противъ правительства, напрасно подавали докладныя записки, ходатайствуя о судѣ и слѣдствіи, предлагали разсмотрѣть орденскія бумаги—они должны были подчиниться силѣ. Вслѣдъ за этимъ 2 мая 1785 года слѣдуетъ новый указъ, закрывавшій всѣ тайныя общества. Немедленно начались преслѣдованія иллюминатовъ. Адамъ Вейсгауптъ былъ уволенъ въ отставку, присужденъ къ публичному исповѣданію своей вѣры предъ академическимъ сенатомъ, и, наконецъ, изгнанъ изъ Ингольштадта. Онъ поспѣшилъ тайкомъ покинуть городъ, оставляя на попеченіе друзей тяжело больную жену,

Адамъ Вейсгауптъ въ послѣдніе годы жизни (мраморный бюстъ въ Нюрнбергскомъ музеѣ).
Adam Weishaupt.

и удалился въ Регенсбургъ, гдѣ нашель пріютъ и покровительство у тайнаго иллюмината герцога Эрнста Саксенъ-Готскаго, который пожаловаль изгнаннику титуль гофрата. На Вейсгаупта градомъ посыпались обвиненія его бывшихъ друзей и враговъ: главу иллюминатовъ обличали въ кровосмѣшеніи, дѣтоубійствѣ, всевозможныхъ порокахъ. Онъ энергично защищался и дожилъ благополучно до 1830 года.

Преслѣдованіе продолжалось. Особая тайная комиссія призвала къ отвѣту вышедшихъ ранѣе изъ ордена профессоровъ Козандей и Реннера. Они представили письменный отзывъ-донось, въ которомъ рядомъ съ прежними обвиненіями помѣстили списокъ извѣстныхъ имъ членовъ ордена. Полицейскіе обыски дали въ руки правительству бумаги ордена. Рядъ новыхъ указовъ курфюрста довершилъ разгромъ.

Высокопоставленные иллюминаты, принадлежавшіе къ высшей знати, отдѣлались однимъ страхомъ. Для нихъ достаточно было одного отрицанія всякой принадлежности къ ордену. Тѣмъ съ большей энергіей обрушилось преслѣдованіе на другихъ: одни были подвергнуты административной высылкѣ изъ предѣловъ Баваріи, другіе заключены въ монастыри и тюрьмы. Немногіе, подобно Вейсгаупту и его другу Цваку, спаслись бѣгствомъ. «Несчастные,—говорить Мирабо,—подверглись всему, кромѣ смертной казни и пытокъ. Но такъ силенъ былъ духъ времени, что смертной казни не осмѣлились пустить въ ходъ, несмотря на весь тиранническій характеръ преслѣдованія».

Такъ былъ разгромленъ орденъ Иллюминатовъ-Просвѣтленныхъ—оригинальное сочетаніе идей просвѣщенія,—глубокой вѣры въ могущество знанія и его нравственно-воспитательную силу,—съ масонскими формами и іезуитской тактикой.

Но и послѣ паденія онъ долго оставался еще пугаломъ для реакціонныхъ правительствъ.

Настала французская революція. Сторонники и враги ея вспомнили объ орденѣ иллюминатовъ и подъ ихъ перомъ орденъ пріобрѣтаетъ грозный характеръ явно политическаго тайнаго общества, преслѣдующаго революціонныя цѣли. Анонимный памфлетъ 1794 года считаетъ главной задачей ордена борьбу съ тираніей и съ обрядовой религіей, созиданіе новаго общественнаго строя и новой религіи, при помощи тайныхъ обществъ. Съ другой стороны, реакціонные публицисты, выискивая виновниковъ революціи, самое видное мѣсто среди «философовъ», масоновъ и другихъ возмутителей отводятъ иллюминатамъ. Извѣстный реакціонеръ, министръ послѣдняго изъ Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, Полиньякъ утверждалъ, что Вейсгауптъ, предоставляя масонамъ дѣло разрушенія, жаждалъ захватить власть послѣ революціи въ свои руки: онъ принялъ прозвище Спартака, и это разоблачаетъ цѣль, къ которой онъ стремился.

Возбужденное воображеніе реакціонеровъ видѣло иллюминатовъ всюду, считало ихъ тысячами, открывало ихъ филиальное отдѣленіе въ Парижѣ: къ иллюминатамъ причисляли графа Мирабо, писателя маркиза Казотта, знаменитаго химика Лавуазье и даже Максимилиана Робеспьера.

Быть можетъ, наиболѣе мѣткой является оцѣнка современника,—Мирабо, умнаго и внимательнаго наблюдателя: «Они копировали орденъ іезуитовъ, но ставили передъ собой прямо противоположныя цѣли. Іезуиты хотятъ приковать людей къ жертвенникамъ суевѣрія и деспотизма; иллюминаты думали, что, примѣняя тѣ же средства, благоразуміе и настойчивость, они будутъ въ состояніи обратить противъ своихъ противниковъ преимущества, которыя заключаются въ отсутствіи внѣшняго ритуала, видимаго главы и такимъ образомъ у нихъ будетъ въ рукахъ все для того, чтобы просвѣтить людей и дать имъ счастье и свободу».

А. Васютинскій.

Нѣмецкія масонскія печати XVIII в. (Рукоп. отд. Рум. Музея № 813).
Les sceaux maçonniques allemandes du XVIII s.

Масонская грамота. Diplôme maçonnique.

Русское масонство въ XVIII вѣкѣ.

Въ исторіи русской культуры нѣтъ, кажется, болѣе запутаннаго и сложнаго вопроса, чѣмъ вопросъ о происхожденіи и развитіи масонства въ Россіи. Въ особенности это справедливо относительно масонства XVIII вѣка, т.-е. какъ разъ того времени, когда оно играло значительную роль въ ходѣ нашего историческаго развитія. Главнымъ затрудненіемъ при попыткѣ изслѣдователя составить себѣ хотя сколько-нибудь отчетливое представленіе о послѣдовательномъ развитіи нашего масонскаго движенія, является крайняя скудость архивнаго матеріала, касающагося «внѣшней исторіи ордена» въ Россіи: связанные предписанной орденскими законами тайной, наши масоны оставляли чрезвычайно мало слѣдовъ своей организаціонной работы, да и изъ этихъ слѣдовъ большая часть была тщательно уничтожена при наступленіи крутыхъ временъ «гоненія» на братство ¹⁾. Наши архивы заключаютъ въ себѣ поэтому множе-

¹⁾ «Что имѣлъ переписку съ покойникомъ Шварцемъ, показывалъ, напримѣръ, на допросѣ князь Н. Н. Трубецкой, съ барономъ Шредеромъ и Кутузовымъ, то. въ томъ при-

ство ритуаловъ всевозможныхъ масонскихъ системъ, уставовъ, сборниковъ различного масонскаго содержанія, среди которыхъ лишь очень рѣдко попадаются отрывочныя и темныя извѣстія о судьбахъ русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ ¹⁾. Самый цѣнный для историка матеріалъ, — официальная и частная переписка русскихъ братьевъ, протоколы собраний и т. п., находится здѣсь сравнительно въ ничтожномъ количествѣ. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что русскими изслѣдователями совершенно не тронуты до сихъ поръ иностранныя масонскіе архивы, которые должны бы дать цѣнныя свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ въ то время, когда оно еще находилось въ зависимости отъ иностранныхъ ложъ ²⁾.

Поэтому настоящій очеркъ развитія русскаго масонства отъ его начала до конца царствованія Екатерины II имѣетъ въ виду лишь установить главные, основные моменты этого развитія, не претендуя ни на полноту, ни на безошибочность приводимыхъ въ немъ фактическихъ данныхъ, провѣрка которыхъ въ настоящее время представляется крайне затруднительною.

Разсматриваемый здѣсь періодъ времени, по нашему мнѣнію, распадается на три главныхъ момента: а) первоначальный періодъ, когда масонство было у насъ исключительно моднымъ явленіемъ, заимствованнымъ съ Запада безъ всякой критики и не носившимъ на себѣ почти никакихъ признаковъ здравыхъ общественныхъ потребностей. Этотъ періодъ охватываетъ собою время отъ возникновенія масонства въ Россіи приблизительно до начала царствованія Екатерины II. Далѣе слѣдуетъ б) второй періодъ, когда масонство являлось въ Россіи первой нравственной философіей; это періодъ преобладанія трехъ первыхъ степеней «іоанновскаго» или «символическаго» масонства, простирающійся до начала 80-хъ годовъ. И наконецъ, в) третій періодъ—это время господства у насъ «высшихъ степеней», quasi-научной стороны масонства и особенно розенкрейцерства, охватывающее собою 80-ые годы вплоть до гибели Екатерининскаго масонства въ девяностыхъ годахъ.

знаваясь, скажу передъ Богомъ, что я переписку съ Шварцемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ какъ сжегъ, равно какъ и переписку съ барономъ Шредеромъ». Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартилисты. Приложенія, стр. 0122.

¹⁾ Большинство масонскаго рукописнаго матеріала, хранящагося въ Имп. Публ. Библіотекѣ и Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, относится къ XIX вѣку.

²⁾ Такъ, напр., Лонгиновъ въ выше цитированной книгѣ использовалъ весьма цѣнные протоколы ложи «Уранія», доведенные до іюля 1775. Оказывается, что въ архивѣ Великой Нѣмецкой Провинціальной ложи въ Берлинѣ (Grosse Landesloge) хранятся многочисленные протоколы ложи «Уранія» за слѣдующія 12 лѣтъ (1776—1788); здѣсь несомнѣнно должны заключаться историческія свѣдѣнія большой цѣнности. См. Friedrichs, Geschichte der einstigen Maurerei in Russland. Berlin. 1904, с. 42.

Первоначальный періодъ (1731—1762).

Среди русскихъ масоновъ существовало преданіе о томъ, что первая масонская ложа въ Россіи была учреждена Петромъ Великимъ, немедленно по его возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія: самъ Кристоферъ Вренъ, знаменитый основатель ново-англійскаго масонства, будто бы посвятилъ его въ таинства ордена; мастеромъ стула въ основанной Петромъ ложѣ былъ Лефорть, Гордонъ—первымъ, а самъ царь—вторымъ надзирателемъ. Преданіе это, лишенное какой бы то ни было документальной основы, находитъ себѣ лишь косвенное

Ген. Кейтъ. (Изъ собранія И. И. Орлова.)
Général Keith.

подтвержденіе въ томъ высокомъ уваженіи, которымъ имя Петра пользовалось среди русскихъ братьевъ XVIII вѣка, распѣвавшихъ на своихъ собраніяхъ извѣстную «Пѣснь Петру Великому» Державина; оно показываетъ только, что наши масоны сознательно или безсознательно связывали съ масонскими идеями преобразовательную дѣятельность Петра, «которая была въ Россіи такимъ же нововведеніемъ въ смыслѣ цивилизаціи, какимъ масоны должны были считать и свое братство»¹⁾.

Первое безусловно достовѣрное извѣстіе о началѣ масонства въ Россіи относится къ 1731 г., когда, какъ гласитъ офиціальный англійскій источникъ²⁾, гротмейстеръ Великой Лондонской ложи лордъ Ловель назначилъ капитана Джона Филиппа провинціальнымъ великимъ

мастеромъ «для всей Россіи». Такимъ образомъ, первоначальное масонство пришло къ намъ, какъ и вездѣ на континентѣ, изъ Англіи, но, разумѣется, здѣсь еще не можетъ быть и рѣчи о русскомъ масонствѣ, и Филиппъ, конечно, распространялъ орденское ученіе лишь въ тѣсномъ кругу своихъ единоплеменниковъ, переселившихся въ Россію. Этотъ кружокъ, повидимому, твердо держался въ

¹⁾ Пыпинъ. Русское масонство до Новикова. В. Евр. 1868 г., № 6, стр. 548. См. также Записку о масонствѣ Л—ра въ Р. Стар. 1882 г., сентябрь, стр. 534.

²⁾ «Конституціи» Андерсона. То же лицо называетъ и Л—ръ Р. Стар. 1882 г., сентябрь, стр. 534.

теченіе всего періода нѣмецкаго наводненія при Аннѣ Іоанновнѣ, такъ какъ уже 10 лѣтъ спустя (1740 г.) англійская Великая ложа назначила новаго гросмейстера для Россіи въ лицѣ генерала русской службы Джемса (Якова) Кейта. Можетъ быть, къ этому времени и слѣдуетъ отнести первые случаи вступленія русскихъ людей въ масонскій союзъ: не даромъ русскіе братья считали именно Кейта основателемъ масонства въ Россіи.

Болѣе мы ничего не слышимъ объ англійскомъ масонствѣ до 1771 г., когда была основана въ Петербургѣ ложа *Parfaite Union*, которую англійскіе источники называютъ первою правильною ложею въ Россіи ¹⁾. Это обстоятельство, а также исключительно англійскій составъ членовъ ложи показываетъ, что эта форма масонства не имѣла у насъ широкаго распространенія вплоть до введенія т. наз. Елагинской системы, т.-е. до самыхъ Екатерининскихъ временъ. Точно такъ же незначительно было у насъ вліяніе французскаго масонства, слѣды котораго, впрочемъ, сохраняются въ видѣ французскихъ названий масонскихъ титуловъ и степеней (венераль, метръ екоссе, екосскіе градусы и пр. ²⁾. Гораздо естественнѣе было бы ожидать распространенія среди русскихъ братьевъ нѣмецкаго масонства въ связи съ нѣмецкимъ вліяніемъ въ странѣ при Аннѣ Іоанновнѣ. Дѣйствительно, существуютъ, весьма впрочемъ темныя, извѣстія о сношеніяхъ Петербурга съ берлинскою ложею «Трехъ Глобусовъ» еще въ 1738—1744 гг. ³⁾. Такъ какъ послѣдняя была учреждена лишь въ 1740 году ⁴⁾, то очевидно, что болѣе или менѣе дѣятельныя сношенія съ нѣмецкими ложами могли начаться лишь послѣ этого срока.

Графъ Н. Н. Головинъ.
(Изд. В. Кн. Н. М.)
Comte N. N. Golovine.

¹⁾ Пыпинъ. Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его. 1731—1822. СПб. 1873, стр. 8. Упомянутый уже Л—ръ считаетъ первою англійскою ложею основанную будто бы Елагинымъ въ 1768 г. ложу Скромности (*Zur Verschwiegenheit*), но къ приводимымъ имъ даннымъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. По Пыпину ложа Скромности основана еще въ 1750 г., по Фридрихсу (op. cit., стр. 43) она работала сперва по системѣ Строгаго Наблюденія, потомъ перешла къ системѣ Мелиссино и въ 1776 г. приступила къ союзу Елагинскихъ и Рейхелевскихъ ложъ.

²⁾ См., напр., катихизисъ «апрантифской» степени, отысканный въ бумагахъ Ушакова въ 1764 г., у Пекарскаго: Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи. СПб. 1869, стр. 8—11.

³⁾ Пыпинъ. Русское масонство до Новикова. В. Евр. 1868, № 6, стр. 550.

⁴⁾ Финдель. Исторія франкъ-масонства, т. I, стр. 216. СПб. 1872.

Такимъ образомъ масонство въ Россіи начинаетъ развиваться въ сороковыхъ годахъ, т.-е. уже въ царствованіе Елизаветы, хотя все еще остается чуждымъ русскому обществу и вербуетъ себѣ «адептовъ» главнымъ образомъ среди нѣмецкаго элемента въ Петербургѣ, лишь изрѣдка привлекая на свою сторону нѣкоторыхъ представителей русской знати, близко сталкивавшейся съ иностранной жизнью и, можетъ быть, вступавшей въ «орденъ» во время пребыванія за границей. Такъ, въ 1747 г. имѣлъ мѣсто извѣстный допросъ вернушагося изъ Германіи графа Головина ¹⁾, въ поступкахъ котораго Елизавета «довольныя причины имѣла совершенно сумнѣваться», потому что подозрѣвала его въ не совсѣмъ чистыхъ сношеніяхъ съ прусскимъ королемъ. Такъ какъ Фридрихъ былъ извѣстенъ за ревностнаго масона, то естественно, что Головинъ на допросъ долженъ былъ дать откровенныя показанія и о своей принадлежности къ масонству. Кромѣ себя, онъ назвалъ еще графовъ Захара и Ивана Чернышевыхъ, какъ «жившихъ въ ономъ же орденѣ». Въ это время однако масонство не могло привлечь къ себѣ болѣе или менѣе значительный кругъ лицъ русскаго происхо-

З. Г. Чернышевъ.
(Изд. В. Кн. Н. М.)
S. G. Tchernichoff.

жденія, такъ какъ наше общество было почти вовсе еще лишено идейныхъ интересовъ: оно видѣло въ орденскихъ работахъ лишь модную забаву, освященную въ глазахъ русской знати ея заграничнымъ происхожденіемъ. Любопытнымъ свидѣтельствомъ вполне еще легкомысленнаго отношенія къ масонству въ тѣ времена является исторія вступленія въ орденъ извѣстнаго Ив. Перф. Елагина. Впослѣдствіи, ревностный масонъ и провинціальный великій мастеръ для всей Россіи, Елагинъ вступалъ въ братство «свободныхъ каменщиковъ» (въ 1750 г.) только изъ любопытства и тщеславія: съ одной стороны его притягивала къ себѣ знаменитая масонская «тайна», а съ другой—возможность общенія съ людьми, «кои въ общежитіи знамениты» и стояли высоко надъ нимъ «и

чинами, и достоинствами, и знаками»; не обошлось здѣсь и безъ «лестной надежды» заручиться покровительствомъ «друзей, могущихъ споспѣшествовать

¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древностей, т. IV, стр. 52. Пекарскій, *op. cit.*, стр. 3.

его счастьем»¹⁾. Ясно, что тѣ серьезныя внутреннія побужденія, которыя заставили Елагина въ послѣдствіи искать въ масонствѣ болѣе глубокаго содержанія, тогда въ немъ еще отсутствовали, какъ отсутствовали они и вообще въ русскомъ обществѣ. Вполнѣ понятно поэтому, что Елагинъ и не могъ найти тогда въ масонствѣ «никакія пользы», такъ какъ здѣсь еще не было «ни тѣни какого-либо ученія, ниже преподаній нравственныхъ». Онъ видѣлъ только «предметы неудобъ постижимые, обряды странныя, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительныя, катехизы, уму не соотвѣтствующіе; повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя, объясненія темныя и здравому разсудку противныя, которыя или не хотѣвшими или не знающими мастерами безъ всякаго вкуса и сладкорѣчія преподавались». Занятія въ ложахъ даже породили тогда въ Елагинѣ совершенно отрицательное мнѣніе о нравственной сторонѣ масонства: все въ ложѣ показалось ему «игрою людей, желающихъ на счетъ вновь пріемлемаго забавляться, иногда непозволительно и неблагопристойно»; всѣ присутствовавшіе умѣли только, по его словамъ, «со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечерѣ за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣтъ пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минерва служеніе окончится праздноствомъ Бакху»²⁾. Хотя впечатлѣніе это и вызвано отчасти легкомысленнымъ еще отношеніемъ къ масонству самого Елагина, съ удовольствіемъ посѣщавшаго ложи, «понеже работы въ нихъ почиталъ совершенно игрушкою, для препровожденія празднаго времени выдуманною», тѣмъ не менѣе оно несомнѣнно показываетъ, что масонство не имѣло еще никакихъ корней въ сознаніи русскаго общества и нерѣдко пріобрѣтало безобразныя формы, соотвѣтствовавшія грубой жадѣ наслажденій, которая характеризуетъ людей Елизаветинской эпохи, мало благопріятной для серьезной постановки вопросовъ вѣры и нравственности, а слѣдовательно и для развитія масонства. Въ одномъ изъ донесеній князя Прозоровскаго Императрицѣ Екатеринѣ таюже говорится о Елизаветинскомъ масонствѣ, что «изъ сихъ ложъ выходили изъ нѣкоторыхъ разныя шалости и шутки»³⁾. Не было тогда въ масонствѣ и сколько-нибудь прочной

И. Г. Чернышевъ.
(Изд. В. Кн. Н. М.)
I. G. Tchernichoff.

¹⁾ Записка И. П. Елагина. Р. Архивъ, 1864 г., т. I, стр. 591.

²⁾ Ibid., стр. 593—4.

³⁾ Пекарскій. Дополненія, стр. 127.

організації, не було і постійних сношень руских ложъ съ иностранными— по той простой причинѣ, что не могло быть серьезныхъ заботъ объ укрѣпленіи и расширеніи «царственнаго ордена» въ Россіи. Прозоровскій былъ поэтому совершенно правъ, утверждая, что эти *loges bâtarde* «никакого сообщенія съ учрежденными въ прочихъ мѣстахъ ложами не имѣли» ¹⁾).

Только въ концѣ царствованія Елизаветы начинаютъ проявляться нѣкоторые признаки пробужденія общественныхъ интересовъ въ наиболѣе образованномъ слоѣ русскаго общества. Начатки европейскаго просвѣщенія, внесенные въ русскую жизнь гениемъ Петра Великаго, должны были, конечно, нарушить цѣльность прежняго патріархальнаго уклада духовной жизни Московской Руси и вызвать въ русскомъ обществѣ инстинктивное стремленіе къ согласованію старыхъ религіозныхъ идеаловъ съ новыми для него началами западной культуры. Само собою разумѣется, что это случилось не сразу, и лишь въ концѣ правленія Елизаветы Петровны мы замѣчаемъ признаки первыхъ попытокъ къ выработкѣ новаго идеалистическаго міровоззрѣнія, отвѣчающаго проснувшемуся общественному самосознанію: эти попытки естественно сводились къ оправданію и укрѣпленію прежняго религіозно-нравственнаго идеализма на новыхъ началахъ просвѣщеннаго разума, пришедшаго на смѣну церковнаго авторитета. Дѣйствительно, въ наиболѣе культурныхъ слояхъ общества непосредственный реализмъ Петровской эпохи смѣняется въ это время неясными идеалистическими исканіями, нашедшими себѣ блѣдное выраженіе въ нравоучительныхъ тенденціяхъ первыхъ русскихъ журналовъ и особенно въ органѣ московской университетской молодежи «Полезное увеселеніе» ²⁾. Здѣсь въ наивныхъ попыткахъ юныхъ сотрудниковъ журнала уже видны слабыя попытки къ выработкѣ извѣстнаго общественнаго міросозерцанія, которое въ общихъ чертахъ сводилось къ слѣдующимъ положеніямъ: «міръ есть тлѣнь и суета, не тлѣнна лишь добродѣтель, которая заключается въ любви къ ближнему, къ другу; любовь есть единственный способъ борьбы съ порокомъ, а цѣль жизни— истребленіе зла въ мірѣ и въ обществѣ посредствомъ подвиговъ любви» ³⁾. Евангельская основа этихъ начатковъ общественнаго идеализма близко подходитъ къ христіански-нравоучительнымъ тенденціямъ масонства первыхъ трехъ степеней. Было бы поэтому вполне естественнымъ ожидать, что именно въ это время масонство, до тѣхъ поръ бывшее лишь «игрушкою для праздныхъ умовъ», привлечетъ къ себѣ молодыя силы русскаго общества и откроетъ имъ свои серьезныя стороны: здѣсь легко могли себѣ найти точку опоры проснушіеся идеалистическіе запросы, смутно стремившіеся вылиться въ формы опредѣленнаго

¹⁾ Ibidem.

²⁾ См. объ этомъ въ книгѣ П. Милюкова: Очерки по исторіи русской культуры, т. III, стр. 245 сл.

³⁾ Тамъ же.

міровоззрѣнія. Кое-какіе признаки, указывающіе на возможность такого предположенія, дѣйствительно, у насъ имѣются: именно къ этому моменту (1756 г.) относится, напримѣръ, любопытное доказательство существованія нѣкоторой связи между масонствомъ и наиболѣе образованнымъ слоемъ петербургской молодежи. Мы имѣемъ въ виду, конечно, показаніе Михаила Олсуфьева о масонской ложѣ въ Петербургѣ, представленное императрицѣ графомъ А. И. Шуваловымъ. Въ списокѣ «гран-метрамъ и масонамъ» здѣсь перечислено около 35 лицъ, среди которыхъ, кромѣ знатныхъ именъ Романа Воронцова (отца княгини Дашковой), Голицыныхъ, Трубецкого и др., мы встрѣчаемъ лучшихъ представителей молодого русскаго просвѣщенія: А. П. Сумарокова, будущихъ историковъ—князя Щербатова и Болтина, Феодора Мамонова, П. С. Свистунова и т. д. Участіе этихъ лицъ въ масонской ложѣ является вѣрнымъ доказательствомъ того, что въ концѣ царствованія Елизаветы масонство начало уже укореняться въ русской почвѣ, давая готовые формы для идеалистическихъ стремленій, впервые пробуждавшихся тогда въ умахъ лучшей части молодежи. Это были, однако, лишь слабые ростки, которымъ, кромѣ того, мѣшало до нѣкоторой степени развиваться недовѣрчивое отношеніе властей къ масонской организации. «При Императрицѣ Елизаветѣ,—сообщаетъ въ своей запискѣ о русскомъ масонствѣ извѣстный впослѣдствіи масонскій дѣятель Бѣберъ ¹⁾,—масонство начало больше распространяться въ Россіи; но члены его такъ опасались за себя и за свое хорошее дѣло, что собирались только изрѣдка и совершенно втихомолку, и не въ обыкновенномъ помѣщеніи, а иногда даже на чердакѣ отдаленнаго большого дома». Впрочемъ, настоящихъ преслѣдованій тогда, по всей вѣроятности, не было: въ одной печатной масонской рѣчи отъ 1758 года говорится даже о благосклонности Елизаветы къ масонству. Сколько было, однако, въ это время ложъ и по какимъ системамъ онѣ работали, мы не знаемъ: извѣстны только ложа «Скромности» (zur Verschwiegenheit) ²⁾,

М. М. Щербатовъ. (Изд. В. Кн. Н. М.)
M. M. Chierbatoff.

¹⁾ Цитирую по Пыпину. Русское масонство до Новикова. В. Европы, 1868 г., № 6, стр. 556.

²⁾ Нѣмецкій историкъ русскаго масонства Фридрихъ (см. выше) говоритъ, что мастеромъ стула въ ней былъ Мелиссино, и что она принадлежала вначалѣ къ системѣ Строгаго Наблю-

основанная въ 1750 году, и учрежденная отъ нея ложа «Сѣверной Звѣзды» въ Ригѣ.

Итакъ, первоначальный періодъ существованія масонства въ Россіи характеризуется въ общемъ отсутствіемъ какой бы то ни было національной окраски: это была лишь мода, притомъ сравнительно весьма мало распространенная, «игрушка для праздныхъ умовъ», по выраженію Елагина, и лишь въ самомъ концѣ этого періода замѣчаются признаки нѣкоторой связи между масонствомъ и смутно поднимающимися въ лучшей части общества идеалистическими потребностями; эти признаки показываютъ намъ возможность скорого наступленія того момента, когда положительное содержаніе масонскаго ученія сдѣлается доступнымъ и близкимъ для русскихъ людей, оказывая имъ серьезную поддержку въ ихъ неясныхъ стремленіяхъ къ построенію впервые въ Россіи цѣльнаго общественнаго міросозерцанія.

Второй періодъ (1762—1781): первая половина царствованія Императрицы Екатерины II (масонство нравоучительное).

Кратковременное царствованіе Петра III, хотя и было весьма благопріятнымъ для распространенія масонства, не могло еще, однако, дать надлежащей почвы для широкаго развитія масонскихъ идей въ русскомъ обществѣ. Новый императоръ, благоговѣвшій передъ Фридрихомъ, въ подражаніе послѣднему оказывалъ явное покровительство «вольному каменщицеству»: онъ даже подарилъ домъ ложѣ «Постоянства» въ Петербургѣ и, по преданію, самъ руководилъ масонскими работами въ Ораніенбаумѣ. Но это обстоятельство не способствовало, повидимому, широкому распространенію ордена, такъ какъ для этого не было еще самага важнаго и необходимаго условія,—не было еще русской интеллигенціи, объединенной общими духовными интересами, которые едва только намѣчались въ концѣ предшествующаго царствованія и были еще лишены болѣе или менѣе серьезнаго образовательнаго фундамента. Мощнымъ толчкомъ къ развитію русской интеллигентной мысли послужило начало царствованія Императрицы Екатерины II.

Русская общественная мысль въ Екатерининское время значительно быстрѣе двинулась впередъ по пути естественнаго примиренія безыскусственнаго религіознаго идеализма Московской Руси съ новыми вѣяніями просвѣтительной эпохи, нашедшей себѣ отзвукъ въ реформированной Россіи; это примиреніе легко могло найти для себя точку опоры на почвѣ увлеченія религіозно-нравствен-

---

денія. Братъ Л...ръ (Р. Стар. 1882 г., сентябрь), очевидно, ошибочно относитъ ея основаніе къ 1768 г. и считаетъ ее въ числѣ Елагинскихъ ложъ.

нымъ содержаніемъ масонскаго ученія, и мы видѣли уже кое-какіе признаки этой возможности еще въ концѣ предыдущаго царствованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе ордена вольныхъ каменщиковъ шло у насъ медленно: масонству не доставало прочной организаціи, такъ какъ не было тогда и не могло еще быть среди русскихъ людей энергичныхъ фанатиковъ масонской идеи, которые использовали бы ее сообразно съ пробудившимися потребностями національнаго сознанія: самыя потребности эти были еще въ зародышѣ. Вотъ почему будущіе столпы русскаго масонства, въ родѣ Елагина, не видѣли и не могли видѣть тогда въ ученіи ордена «ничего притягательнаго». Для того, чтобы масонство получило широкое распространеніе, чтобы оно могло сдѣлаться тѣмъ *русскимъ* общественнымъ движеніемъ, какимъ мы видимъ его впослѣдствіи, прежде всего нуженъ былъ, какъ мы сказали, фактъ образованія первой русской интеллигенціи, а для этого будущимъ ея представителямъ предстоялъ еще серьезный подготовительный искусь, имъ пришлось еще пережить глубокое внутреннее потрясеніе, испытать ужасное состояніе душевнаго раздвоенія и страданій отъ утраты былой душевной цѣльности: только тогда они вновь обратятся къ забытому масонству, чтобы въ ученіи «царственнаго ордена» найти спасеніе отъ терзавшихъ ихъ сомнѣній и душевныхъ мукъ. Этимъ искусомъ было для русскаго общества насажденное руками просвѣщенной императрицы «*вольтеріанство*», съ необычайной быстротой, подобно повѣтрію, охватившее собою широкіе общественные круги.

Какъ направленіе *скептическое*, вольтеріанство не могло быть прочнымъ въ это время пробуждающейся русской мысли; она только еще начинала жить и тѣмъ самымъ не могла направиться сразу по пути разрушительнаго отрицанія. Поэтому-то вольтеріанство XVIII вѣка, неожиданно прервавшее естественный ходъ общественной мысли, было только легко привившейся модой, новымъ отѣнкомъ европейскаго налета, который воспринимался русской знатью вмѣстѣ съ новымъ покроемъ платья: это была, по мѣткому выраженію Фонвизина, «на умы мода, какъ на пряжки, на пуговицы»; къ типичной для всего XVIII вѣка фигурѣ Кантемировскаго щеголя Медора прибавилась новая черточка: онъ сталъ скептикомъ и вольтеріанцемъ и свою нравственную разнузданность и невѣжество сталъ отнынѣ оправдывать именами великихъ авторитетовъ европейской мысли. Это было, хотя и поверхностнымъ, но тревожнымъ явленіемъ; положительныя стороны просвѣтительной философіи не могли быть, конечно, понятны плохо образованному русскому человѣку, но онъ удивительно легко воспринималъ ея критическую сторону, и не столько критику, сколько насмѣшку надъ окружающимъ; яркіе парадоксы дѣйствовали ослѣпляюще, подобно удару молніи,—и въ результатѣ получилось нѣчто неожиданное и опасное: вольтеріанство поколебало въ русской душѣ безсознательную, примитивную вѣру предковъ и, бросивъ его, совершенно безпомощнаго, въ пустое пространство деше-

ваго скептицизма, способствовало широкому общественному развращению¹⁾. «Направление русских умовъ становилось уже не усвоениемъ европейской цивилизации, а болѣзненнымъ разстройствомъ національнаго смысла, не подготовленного къ такому острому питанію», «философскій смѣхъ освобождалъ нашего вольтеріанца отъ законовъ божескихъ и человѣческихъ», оправдывая и укрѣпляя старое доморощенное невѣжество и нравственную косность²⁾. Это общественное развращение, «злонравіе», конечно, не было создано вольтеріанствомъ, но бѣда заключалась въ томъ, что въ послѣднемъ находило себѣ санкцію презрительное отношеніе къ знанію и религіи, а слѣдовательно, и къ вопросамъ нравственности; явленіе было притомъ тѣмъ болѣе опасно, что захватило собою всѣхъ: и Елагиныхъ, и Иванушекъ («Бригадиръ»), и Лопухиныхъ, и Фирлюфюшковыхъ («Именины г-жи Ворчалкиной», комедія Екатерины II), и Новиковыхъ и Лентягиныхъ («Чудаки» Княжнина), однихъ привлекая на свою сторону блескомъ сатиры и яркостью парадоксовъ, другихъ—отрицаніемъ, пріобрѣтеннымъ изъ вторыхъ рукъ и выразившимся въ оправданіи невѣжества и въ кощунствѣ, которое къ тому же имѣло всѣ прелести скандала.

Глубокое сознаніе общественной опасности и необходимости серьезной борьбы съ развращающимъ вліяніемъ «вольтеріанства» и послужило той почвой, которая породила первые кружки русской интеллигенціи, а роль главнаго ея орудія въ этой борьбѣ сыграло масонство. Замѣчательно, что путь, приведшій къ масонству главныхъ представителей русской общественной мысли, былъ у всѣхъ ихъ совершенно одинаковымъ: всѣ они прошли чрезъ вольтеріанство, испытали на себѣ всю тяжесть вызваннаго имъ душевнаго разлада и бросились затѣмъ искать спасенія въ масонствѣ; мы видимъ Елагина, «прилѣпившагося къ писателямъ безбожнымъ», «спознавашагося со всѣми атеистами и деистами», которые, «плѣнивъ сердце его сладкимъ краснорѣчія ядомъ, пагубнаго ада горькую вліяли въ него отраву»; мы видимъ Новикова, находящагося «на распутии между вольтеріанствомъ и религіей» и не имѣющаго «точки опоры или краугольного камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе»; мы видимъ Лопухина, только что дописавшаго переводъ первой главы «*Système de la nature*» Гольбаха и въ порывѣ «неописуемаго раскаянія» вдругъ предающаго огню свою красивую тетрадку. Конечно, всѣ они, подобно Лопухину, «никогда не были постоянными вольнодумцами», но первое впечатлѣніе отъ чтенія безбожныхъ «ансиклопедистовъ» дѣйствовало на нихъ настолько ошеломляюще, что даже лучшіе принимали вначалѣ цѣликомъ новую вѣру. Но «пе-

---

¹⁾ О русскомъ вольтерьянствѣ XVIII в. и его значеніи см. статью проф. В. В. Сиповскаго, напечатанную въ № 1 «Голосъ Минувшаго» за 1914 г. и нѣсколько по иному освѣщающую вопросъ. Ред.

²⁾ В. Ключевскій. Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени, Р. Мысль, 1895, с. 43—44; или Очерки и рѣчи В. Ключевскаго. М. 1913, стр. 256—257.

реходъ отъ старой вѣры совершался слишкомъ быстро, чтобы быть прочнымъ и окончательнымъ. Скоро заговорила совѣсть, и при добросовѣстномъ анализѣ своихъ мыслей и чувствъ молодое поколѣніе приходило къ тяжелому сознанию полнаго внутренняго разлада. Послѣ болѣе или менѣе усерднаго изученія самыхъ сочиненій новыхъ философовъ, оно оказывалось не въ состояніи ни принять ихъ міровоззрѣніе, ни вернуться всецѣло къ простодушному міровоззрѣнію дней своей юности»¹⁾. Этотъ разладъ въ концѣ концовъ вызывалъ въ нихъ чувство ужаса передъ «аѳеизмомъ», и они метались изъ стороны въ сторону, ища спасенія отъ душевной пустоты и возвращенія утраченнаго религіознаго идеала. Но это было не такъ легко: «ядъ просвѣщенія» — новая привычка къ умственной работѣ, — не давалъ возможности вернуться къ простой вѣрѣ отцовъ: чтобы одержать побѣду надъ «модными и ложными философами», вѣра должна была найти себѣ поддержку въ пробудившейся работѣ отвлеченнаго мышленія. Здѣсь-то и пришло на помощь забытое масонство съ его мистической религіозностью и «нравственными преподаваніями», съ его «древнимъ любомудріемъ» и «истинною наукою». Здѣсь получила успокоеніе смущенная вольтеріанствомъ русская душа, найдя въ «орденѣ» тотъ «краеугольный камень», на которомъ «основала свое спокойствіе». Мало того, личная трагедія привела лучшихъ русскихъ людей къ сознанию общественной опасности и сдѣлала ихъ истинно интеллигентными работниками, боровшимися противъ общественнаго бѣдствія «злонравія», избравъ себѣ орудіемъ религіозно-идеалистическую философію масонства. Вотъ съ этого-то момента *масонство въ Россіи* становится *русскимъ масонствомъ*, несмотря на иноземное его происхожденіе и иноземныя формы; даже содержаніе его было всецѣло чужимъ, но оно было согрѣто русскимъ духомъ проснушагося національнаго самосознанія и потому можетъ быть по всей справедливости названо *первымъ идеалистическимъ теченіемъ русской общественной мысли*. Въ этомъ, кажется мнѣ, и заключается огромная важность нашего масонскаго движенія въ XVIII вѣкѣ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что, несмотря на наступленіе благопріятныхъ для проявленія общественной инициативы временъ, мы не должны ожидать быстрого расцвѣта масонства тотчасъ же вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины: оно окрѣпнетъ вполне лишь тогда, когда покажутся обильные всходы посѣяннаго ею вольтеріанства и когда вызванная послѣднимъ общественная реакція будетъ искать для борьбы съ нимъ точку опоры въ масонствѣ. Дѣйствительно, въ теченіе почти десяти лѣтъ отъ начала новаго царствованія масонство развивается сравнительно медленно, хотя и замѣтны кое-какіе признаки стремленія къ болѣе прочной организаціи ордена путемъ сношеній съ Германіей: такъ, основанная въ 1762 г. ложа «Счастливаго Согласія» (*Zur glücklichen Eintracht*) получила

¹⁾ П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, т. III, стр. 342.

уже въ началѣ слѣдующаго года признаніе и покровительство со стороны извѣстной берлинской логи *Zu den 3 Weltkugeln*¹⁾. Въ это же время почти вездѣ проникли въ Европу т. наз. «высшія степени», и это движеніе немедленно отразилось въ Россіи. Непосредственно послѣ водворенія въ Германіи тамплиерства, нѣмецкая ея форма, извѣстная подъ именемъ «Строгаго наблюденія» (*Observantia stricta*), была введена и въ Петербургъ, гдѣ въ 1765 г. былъ даже основанъ рыцарскій капитулъ съ нѣмецкимъ купцомъ Людеромъ во главѣ. Высшія степени этой системы, съ ихъ рыцарскими одѣянiями и украшенiями, пользовались большимъ успѣхомъ среди русскаго дворянства, «воспитаннаго весьма чувственнымъ образомъ». Когда въ 1780 г. Фердинандъ Брауншвейгскій разослалъ по всѣмъ провинціямъ ордена призывный циркуляръ, приглашавшій принять участіе въ генеральномъ конвентѣ масоновъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, русскіе масоны въ своемъ отвѣтномъ письмѣ отозвались о тамплиерствѣ чрезвычайно одобрительно: «Пышныя церемоніи рыцарства, кресты, кольца, эпанчи и родословныя поколѣнія должны были произвести великое впечатлѣніе надъ націею военною, въ которой одно токмо знатное дворянство работами нашими занималось... Между нами такая воинская пышность не можетъ быть непріятною; ибо всѣ члены наши предводили батальонами и цѣлыми арміями! Весьма приличествуютъ и кресты оныя особамъ, которыя въ общежитіи таковыми знаками чести украшены, или которые ничего такъ жадно не желаютъ, какъ полученія оныхъ»²⁾. Изъ этого характернаго отзыва видно, что тамплиерская система даже и значительно позднѣе, когда она нашла себѣ распространеніе въ Москвѣ (съ 1776 г.), привлекала къ себѣ главнымъ образомъ своею внѣшностью,—пышностью ритуаловъ и костюма. Письмо русскихъ братьевъ даетъ этому обстоятельству совершенно правильную оцѣнку: воспитанное «чувственнымъ образомъ», наше дворянство съ помощью этой внѣшности легче усваивало непривычныя ему «отношенія умозрительныя» и «преподаванія нравственныя». Но среди лучшей части русской интеллигенціи Строгое Наблюденіе вызывало совершенно отрицательное къ себѣ отношеніе: «смѣшныя церемоніи» рыцарства вызывали въ Елагинѣ презрѣніе къ системѣ «Гундовой, подлинно собачьей»³⁾, а Новикова заставляли относиться осторожно даже къ Шварцу, котораго онъ «остерегался по Стриктъ-обсерванту»⁴⁾. Поэтому логи, принадлежавшія къ тамплиерской системѣ, нерѣдко вырождались въ тѣ «шумныя празднества», о которыхъ съ такимъ пренебреженіемъ отзывался Елагинъ. Вначалѣ, впрочемъ,

¹⁾ См. переписку объ этомъ у Пекарскаго: Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи СПб., 1869, стр. 5—8.

²⁾ Ешевскій. Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Соч., т. III, стр. 484.

³⁾ Пекарскій. Дополненія, стр. 113.

⁴⁾ Лонгиновъ. Приложенія, стр. 079.

развитіе Строгаго Наблюденія шло у насъ успѣшно, и къ нему принадлежало большинство работавшихъ въ Россіи ложъ, но, повидимому, оно такъ же быстро и заглохло: въ противномъ случаѣ въ 1776 г. русскимъ масонамъ Циннендорфской системы не пришлось бы остерегаться «чернейской гидры Строгаго Наблюденія,

Масонскіе кресты. (Изъ собранія П. И. Щукина.) Croix maçonniques.

вновь поднявшей свою голову на Россію»¹⁾; очевидно, значеніе этой системы не было особенно велико²⁾.

Въ 1768—69 гг. проникла въ Россію особая духовная отрасль тампліерской системы,—т. наз. *Клерикатъ*, основанный докторомъ Штаркомъ. Полукатоли-

¹⁾ Мы можемъ указать лишь названія ложи «Феникса» въ Петербургѣ и «Меча» въ Ригѣ, какъ работавшихъ по этой системѣ въ 60-хъ годахъ.

²⁾ См. В. Европы, 1868 г., № 6, стр. 563—568. Мы ничего не знаемъ о будто бы дѣйствовавшей въ Россіи «теософско-герметической» *Салтыковской системѣ*, а равно и о Capitulum Canoniorum Regularium. См. Ешевскій, Соч. т. III, стр. 448.

ческий характер этой системы, съ ея церковными обрядами, постами, молитвами и таинствами не могъ, конечно, привлечь къ себѣ большого числа православныхъ русскихъ братьевъ, и о Клерикатѣ въ Россіи мы имѣемъ поэтому лишь самыя смутныя и малодостоверныя извѣстія.

Мы упомянули о немъ здѣсь только потому, что эта система связывается обыкновенно съ другою, представляющею гораздо большій интересъ для русскаго историка, такъ какъ въ ней мы имѣемъ дѣло съ самостоятельной, впрочемъ преждевременной и неудачной попыткой углубить и расширить содержаніе масонской работы. Мы имѣемъ въ виду т. наз. *систему Мелиссино*, которая, по словамъ нѣмецкихъ историковъ масонства, «процвѣтала» въ Россіи около 1765 г.¹⁾ Младшій братъ куратора Московскаго университета, впоследствии артиллерійскій генералъ, человекъ, надѣленный отъ природы богатыми дарованіями, Мелиссино стремился вложить въ свою систему то quasi-научное содержаніе, которое такъ привлекало къ розенкрейцерству русскихъ масоновъ 80-хъ годовъ, въ то же время сохраняя въ угоду вкусамъ русской знати пышные титулы и церемоніи рыцарства: въ послѣдней, седьмой своей степени (*Magnus Sacerdos Templariorum*) система Мелиссино сообщала тѣ же свѣдѣнія, которыя составляли основу розенкрейцерской науки,—въ странномъ сочетаніи съ полукатолической обрядностью, какъ въ Штарковомъ Клерикатѣ. Эта любопытная система врядъ ли, однако, пользовалась сколько-нибудь широкимъ распространеніемъ: въ этотъ ранній періодъ жизни русскихъ ложъ не могли имѣть серьезнаго успѣха ни новая церковность, ни мистическая натурфилософія; несложнымъ запросамъ русскаго духа вполне достаточно было трехъ первыхъ степеней *нравоучительнаго* масонства, и высшія степени могли имѣть успѣхъ, какъ въ тамплиерствѣ, лишь въ томъ случаѣ, если великолѣпіемъ украшеній и церемоній льстили чувству дворянскаго тщеславія и празднаго любопытства. Поэтому въ 1777 г. Мелиссино перешелъ со своей ложей «Скромности» къ Циннендорфской системѣ²⁾.

¹⁾ Подробное описаніе ея см. С. Lenning. *Encyclopädie der Freimaurerei*, 2 Band. Leipzig. Brockhaus. 1824. Для характеристики этой системы приведу нѣсколько чертъ изъ описанія 7-ой степени. «Конклавъ», т.-е. собраніе братьевъ 7 степени, можетъ происходить *въ церкви* или въ избранной для того *часовнѣ*. Если между братьями находится духовное лицо, то вначалѣ служится обѣдня (въ протестантскихъ церквахъ замѣняемая общею молитвою), при чемъ производится обрядъ благословенія розоваго масла. Изъ катихизиса клерикаловъ узнаемъ, что конклавъ есть «собраніе истинныхъ учениковъ древнихъ мудрецовъ міра, которые въ новыя времена называются «братьями злато-розоваго креста» или еще «клериками». Отдѣляя, однако, своихъ братьевъ отъ нѣмецкихъ розенкрейцеровъ, катихизисъ признаетъ послѣднихъ не обманщиками, а лишь людьми мало знающими и далекими отъ истинной цѣли масонства, премудрости. Дальнѣйшіе вопросы и отвѣты не даютъ, однако, ничего новаго по сравненію съ розенкрейцерскою наукой (вопросъ о «твореніи», «истинная химія» и т. д.).

²⁾ Friedrichs. *Geschichte der einstigen Freimaurerei in Russland*, стр. 9. Записка о масонствѣ Л...ра, повидимому, ошибочно заставляеть Мелиссино и Елагина дѣйствовать съ самаго начала вмѣстѣ въ одной ложѣ.

Настоящая исторія масонства въ Россіи начинается лишь въ семидесятыхъ годахъ, когда одновременно возникаютъ у насъ двѣ масонскія системы, пользовавшіяся крупнымъ успѣхомъ. Ложы этихъ системъ,—такъ называемыхъ Елагинской и Циннендорфской (шведско-берлинской),—работали въ этотъ періодъ времени, главнымъ образомъ, въ первыхъ трехъ степеняхъ «іоанновскаго» или «символическаго» масонства, преслѣдовавшаго цѣли религіозно-нравственнаго воспитанія человѣка. Здѣсь русскіе масоны работали надъ приведеніемъ «дикаго камня» (символь грѣховнаго человѣка) въ «совершенную кубическую форму» (очищеніе отъ пороковъ), приобрѣтали широкія сравнительно съ прежними религіозныя понятія, глубоко задумывались надъ вопросами вѣры и нравственности, упорной работой воспитывали въ себѣ человѣка. Кажущаяся въ наше время нѣсколько блѣдною масонская мораль оказала благотворное вліяніе на общество, служа въ то же время реакціею противъ модныхъ теченій западно-европейской скептической мысли. По мѣткому сравненію П. Н. Милюкова, это «толстовство» XVIII вѣка, съ его проповѣдью личнаго самосовершенствованія и «убѣганія зла», было первою идеалистическою философіей, распространившейся въ широкихъ общественныхъ кругахъ и вызванной здоровыми, жизненными потребностями пробудившейся общественной мысли. Эта благотворная сторона русскаго масонства, составлявшая все его содержаніе въ семидесятыхъ годахъ и сохранившая свое значеніе въ восьмидесятыхъ, достаточно оцѣнена всѣми его историками, и потому мы считаемъ себя въ правѣ, ограничиваясь въ дѣлѣ ея оцѣнки нѣсколькими вышеприведенными замѣчаніями, перейти къ изложенію историческихъ данныхъ, касающихся развитія обѣихъ главныхъ системъ этого времени.

Главная роль въ этомъ періодѣ исторіи русскаго масонства принадлежитъ извѣстному И. П. Елагину, котораго нерѣдко совершенно неправильно считаютъ создателемъ особой масонской системы, близкой по традиціямъ къ первоначальной и чистѣйшей формѣ англійскаго масонства. Елагинъ вступилъ въ масонство еще въ 1750 г., но до поры до времени, какъ и всѣ, не видѣлъ въ орденѣ ничего серьезнаго и вскорѣ увлекся моднымъ «душепагубнымъ чтеніемъ» безбожныхъ писателей—«ансиклопедистовъ». Однако вскорѣ затѣмъ, бесѣдуя съ людьми «учеными и просвѣщенными», онъ «къ крайнему своему удивленію» нерѣдко слышалъ далеко нелестные отзывы о своихъ учителяхъ, которыхъ они «весьма малыми и нерѣдко заблуждающимися и почти ничего не знающими въ любомудріи и мірознаніи учениками почитать осмѣливались». Такъ какъ эти «въ наукахъ знаменитые люди» оказались масонами, то Елагинъ сталъ раздумывать о томъ, нѣтъ ли въ масонствѣ чего-либо «притягательнаго, а ему, яко невѣждѣ, сокровеннаго». Съ цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ, Елагинъ началъ чаще посѣщать ложи и искать знакомства съ людьми, «состарѣвшимися въ масонствѣ». Тутъ встрѣтился онъ съ «нѣкоторымъ, недолго въ Россіи бывшимъ

путешественником», англичаниномъ, который и открылъ ему, «что масонство есть наука; что таинство сіе хранится въ Лондонѣ, въ особой ложѣ, древнею называемою». Тогда Елагинъ «вознамѣрился съ постоянною твердостью стараться... открыть себѣ сію во мракѣ прекословія кроющуюся неизвѣстность»¹⁾. Въ результатъ этого новаго увлеченія масонствомъ Елагинъ ревностно отдался масонской дѣятельности и быстро выдвинулся на первое мѣсто среди петербургскихъ братьевъ: помня наставленія своего учителя, онъ, вѣроятно, завязалъ сношенія съ Великой Лондонской ложей и получилъ отъ нея конституцію на работу въ семи степеняхъ іоркской или ново-англійской системы²⁾; до 1786 г., впрочемъ, онъ вполне довольствовался первыми тремя степенями, считая, что «къ дѣйствительному ученію... токмо трехъ довлѣтъ», и никто отъ него «ниже четвертыя степени не воспріялъ». (Мы увидимъ впослѣдствіи, чѣмъ вызвано было уклоненіе Елагина въ сторону отъ этого убѣжденія.) Такимъ образомъ, благодаря Елагину, въ русскомъ масонствѣ снова начало преобладать англійское вліяніе. Но въ скоромъ времени «обществу Елагинской системы» пришлось встрѣтиться и вступить въ борьбу съ проникшей въ Россію новой формой нѣмецкаго масонства, съ такъ называемой *Циннендорфской* или, точнѣе и правильнѣе, шведско-берлинской системой³⁾.

12 марта 1771 г. пріѣхавшій изъ Германіи бывший гофмейстеръ при дворѣ принца Брауншвейгскаго фонъ-Рейхель (Reichell) учредилъ въ Петербургѣ ложу «Аполлона»—первую ложу Циннендорфской системы. Еще передъ своимъ отъѣздомъ изъ Берлина Рейхель имѣлъ бесѣду съ мастеромъ ложи «Трехъ золо-

¹⁾ Записка Елагина. Р. Архивъ, 1864, т. I, стр. 597.

²⁾ Такъ называетъ Елагинскую систему записка о масонствѣ Л...ра, и въ правильности этого обозначенія врядъ ли можно сомнѣваться въ виду полного совпаденія его словъ съ данными, опубликованными Пекарскимъ въ Дополненіяхъ, стр. 96—101. Ср. также слова Новикова (относящіяся къ 1775 г.): «Я по сему масонству (англійскому) зналъ только четыре градуса... а вышнихъ по тому масонству 5, 6 и 7 или еще какія были, я не зналъ». Изъ дальнѣйшаго ясно, что 4-ю была шотландская степень. Лонгиновъ, 096. Какъ объяснить противорѣчіе съ нижеприведенными словами Елагина, я не знаю.

³⁾ При изложеніи исторіи ложъ Циннендорфской системы пользуюсь нѣкоторыми новыми данными, извлеченными изъ книги Friedrichs'a: *Geschichte der einstigen Maurerei in Russland*, Berlin, 1904. Сочиненіе Фридрихса очень интересно для русскаго изслѣдователя, такъ какъ содержитъ кое-какія новыя данныя, найденныя авторомъ въ архивахъ Великой Берлинской Landesloge, но исполнена многихъ крупныхъ ошибокъ, явившихся результатомъ недостаточнаго знакомства съ нашей литературой о русскомъ масонствѣ, къ тому же въ ней нигдѣ почти нѣтъ ссылокъ на документы, что значительно подрываетъ довѣріе къ цѣнности сообщаемыхъ имъ новыхъ свѣдѣній. Курьезно, что на обложкѣ книги мы находимъ слѣдующее гордое указаніе: «nach dem Quellenmaterial der Grossen Landesloge zu Berlin, sowie der Petersburger und Moskauer Bibliotheken», между тѣмъ какъ не только читатель не найдетъ въ ней ни одной ссылки на эти документы, но легко убѣдится въ томъ, что авторъ не читалъ ни Лонгинова, ни Ешевскаго! Книга проникнута насквозь тенденціями автора-масона Циннендорфской системы. Въ сокращеніи статья Фридрихса издана подъ заглавіемъ: *Die Freimaurerei in Russland und Polen*. Von Dr. Ernst Friedrichs. Berlin, Franz Wunder. Эта брошюра составляетъ четвертый номеръ серіи *Bücherei für Freimaurer*.

тыхъ ключей»—самимъ знаменитымъ Циннендорфомъ и получилъ отъ него порученіе «сдѣлать все возможное для достоинства и распространенія царственнаго ордена въ тамошнихъ краяхъ». Основанная Рейхелемъ ложа состояла изъ 14 членовъ, изъ которыхъ 13 были иностранцы и только одинъ русскій,—шталмейстеръ Ея Величества Нарышкинъ. Циннендорфъ, посылая конституцію ложѣ «Аполлона», хорошо зналъ объ исключительномъ вліяніи Елагина среди петербургскихъ масоновъ и поспѣшилъ заручиться его расположеніемъ; одновременно онъ отправилъ Елагину чрезвычайно предупредительное письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ слѣдующее: «съ цѣлью укрѣпить, насколько возможно, дружбу и согласіе между вашими братьями... я счелъ своею обязанностью сообщить вамъ объ этомъ (объ учрежденіи ложи Аполлона) и особенно рекомендовать почтеннаго брата Рейхеля, а также и ложи (т.-е. имѣющія учредиться по Циннендорфской системѣ) *вашему покровительству, довѣрію и благосклонности*, такъ же, какъ и всѣмъ вашимъ братьямъ въ Петербургѣ». Письмо это, датированное 15 октября 1771 г., *т.-е. ранѣе назначенія Елагина гротмейстеромъ русскихъ ложъ*, свидѣлствуетъ о выдающемся его значеніи среди петербургскихъ братьевъ, чѣмъ и объясняется, конечно, выборъ его Провинціальнымъ Великимъ мастеромъ въ началѣ слѣдующаго года. Со стороны Циннендорфа эта исключительная предупредительность была, конечно, пробнымъ камнемъ, имѣвшимъ цѣлью склонить Елагина на свою сторону. Но политика не удалась: Елагинъ, наоборотъ, вѣроятно именно изъ опасенія вліянія нѣмецкаго масонства, добился отъ Англіи учрежденія первой русской Великой Ложы (26 февраля 1772 г.) и самъ былъ утвержденъ «Провинціальнымъ Великимъ Мастеромъ всѣхъ и для всѣхъ русскихъ» (of and for all the Russians ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Россіи сразу появляются двѣ прочныхъ масонскихъ организаціи, которыя немедленно вступаютъ между собою въ борьбу за преобладающее вліяніе въ странѣ: такъ, уже въ началѣ 1772 г. ложа Аполлона обращалась въ Берлинъ съ просьбою сообщить ей, насколько правы представители англійской системы въ Россіи, утверждая, что ложа «Бьюфортъ» (Beaufort) въ Лондонѣ пользуется исключительнымъ правомъ конституированія масонскихъ ложъ ²⁾. Это соперничество сразу оказалось для одной изъ сторонъ,—нѣмецкой, совершенно непосильнымъ. Дѣла ложи Аполлона шли плохо: насчитывая всего 14 членовъ, она необдуманно истратилась на постройку дома для собраній, и расходъ этотъ легъ такимъ тяжелымъ бременемъ на братьевъ, что число ихъ стало быстро таять,—въ особенности послѣ того, какъ члены ея

¹⁾ Такъ гласитъ officialный дипломъ, выданный Елагину герцогомъ Бьюфортъ (Henry Somerset Duke of Beaufort), который былъ Вел. Мастеромъ Лондонской Великой ложи съ 1767 по 1772 годъ. Патентъ этотъ впоследствии былъ отправленъ самимъ Елагинымъ въ Берлинскую Landesloge и въ настоящее время хранится въ ея архивѣ. Friedrichs, 27.

²⁾ Friedrichs, 27.

были глубоко обижены Циннендорфомъ, запретившимъ имъ пользоваться пріобрѣтенными ими въ Строгомъ Наблюденіи «экосскими градусами» (шотландскими степенями). Энергичному Рейхелю удалось, однако, ненадолго поправить дѣло, пріобрѣтя для своей ложи новый контингентъ членовъ, уже преимущественно русскихъ, среди которыхъ Фридрихъ называетъ князя Александра Трубецкого. Но денежный кризисъ все-таки заставилъ Рейхеля закрыть ложу ¹⁾; взамѣнъ ея онъ учредилъ (15 мая 1773 г.) ²⁾ ложу «Гарпократа», подъ управленіемъ кн. Николая Трубецкого; въ эту ложу и перешло большинство членовъ ложи Аполлона, въ ихъ числѣ и кн. А. Трубецкой въ качествѣ второго надзирателя; большая часть членовъ ея была русскаго происхожденія. Новая ложа обратилась въ Берлинъ съ просьбою о высылкѣ конституціи: «Единственной причиной этого шага,—писали русскіе братья,—является чистота и цѣнность работъ брата Рейхеля, испытанныя нами въ ложѣ Аполлона». Но Циннендорфцы напрасно надѣялись на поддержку главы своей системы: они неожиданно не только остались безъ всякой помощи со стороны Берлинской Національной ложи, но были даже преданы ею прямо въ руки Елагина. На письмо кн. Трубецкого послѣдовалъ сухой и строго дѣловой отвѣтъ Великаго Провинціального Мастера Людвига фонъ-Гессенъ (von Hessen) отъ 31 августа 1773 г., въ которомъ русскимъ братьямъ совѣтовалось «обратиться за надлежащей конституціей къ высокопочтенному Провинціальному Великому Мастеру Его Превосходительству статскому совѣтнику Елагину или же къ самой Великой Ложѣ въ Лондонѣ!» ³⁾ Такимъ образомъ Германія отказалась отъ своего намѣренія включить русскихъ масоновъ въ сферу своего вліянія; причиной этого неожиданнаго обстоятельства было соглашеніе съ англійской ложей, по которому Великая Берлинская Landesloge обязалась не открывать отъ себя ложъ нигдѣ, кромѣ Германіи и Пруссіи, подъ угрозой распространенія англійскаго масонства въ самой Германіи. Русскіе братья шведско-берлинской системы оказались, благодаря этому, въ самомъ незавидномъ положеніи: они хотѣли работать по Циннендорфской системѣ и въ то же время зависѣли во всемъ отъ англійской Великой Ложы. Рейхель, однако, не унывалъ: въ 1774 г. ему удалось снова открыть ложу Аполлона и основать еще пять новыхъ: *Горуса*, *Латоны* и *Немезиды* въ Петербургѣ, *Изиды* въ Ревелѣ и *Аполлона* въ Ригѣ. Нѣсколько позднѣе, въ 1776 г. Рейхель и Трубецкой учредили еще въ Москвѣ ложу *Озириса*, составленную сплошь изъ аристократіи и поэтому носившую названіе «княжеской».

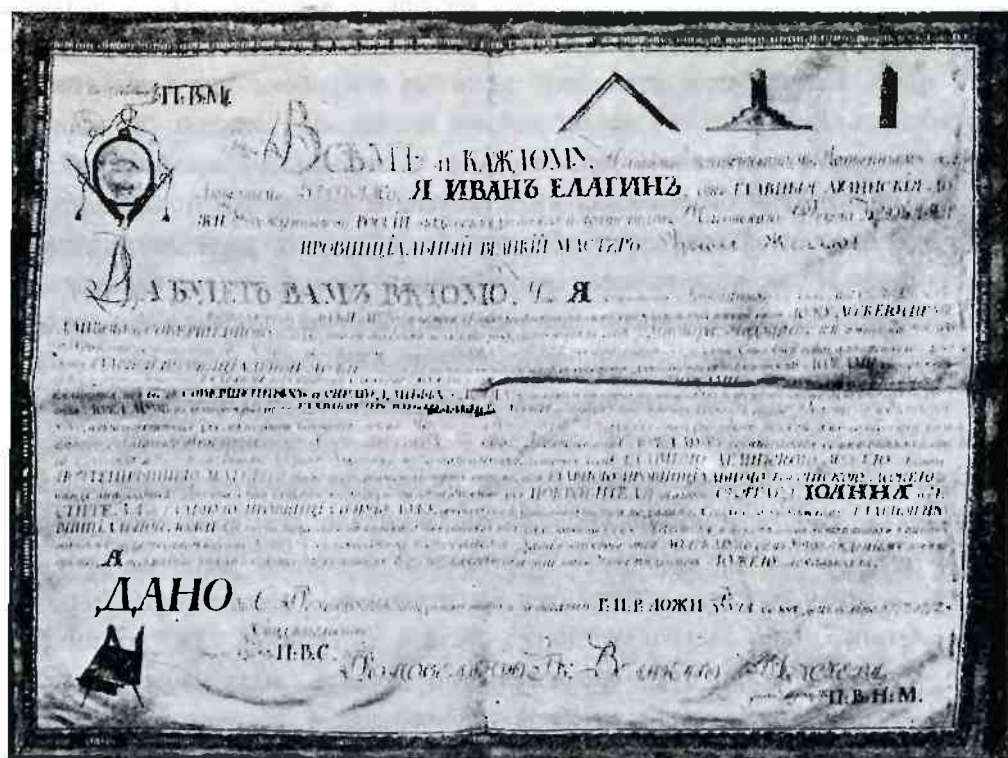
Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ и Елагинъ: въ 1774 г. онъ открылъ въ Петербургѣ ложу *Девяти Музъ*, *Музы Ураніи* и *Беллоны*, а въ Москвѣ ложу

---

¹⁾ Тамъ же. До сихъ поръ причины временнаго закрытія ложи Аполлона были неизвѣстны.

²⁾ У Пыпина (Хронологическій указатель русскихъ ложъ, стр. 9) указанъ 1772 годъ.

³⁾ Friedrichs, 30.

Дипломъ на учрежденіе ложи «Муза», выданный Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ
И. П. Елагинымъ. (Госуд. Арх Мин Ин. Дѣлъ)
Diplôme donné par le Grossmeister Provincial I. P. Elaguine pour la fondation de la loge
des «Muses».

Кію; нѣсколько ранѣе была учреждена военная ложа *Марса* въ Яссахъ, въ Молдавіи.

Конкурировать со стройной организаціей Елагинскихъ ложъ Рейхелевскимъ масонамъ, лишеннымъ всякой связи со своей Великой ложей и потому какъ бы висѣвшимъ въ пространствѣ, было крайне затруднительно. Чтобы выйти какъ-нибудь изъ тяжелаго положенія, Рейхель обратился тогда въ Швецію ¹⁾, пославъ съ этой цѣлью въ Стокгольмъ одного изъ братьевъ, но и тамъ ему дали неутѣшительный отвѣтъ, посовѣтовавъ вступить въ соглашеніе съ Елагинымъ. Больше ничего дѣлать не оставалось, и Рейхель обратился къ Елагину. Последній находился въ это время въ самомъ разгарѣ своихъ масонскихъ исканій и, повидимому, имѣлъ нѣкоторыя причины не слишкомъ дорожить своею связью съ англійскимъ масонствомъ, такъ какъ акты, по которымъ работали его ложи, не были, вѣроятно, получены официальнымъ путемъ и потому не могли имѣть въ его глазахъ характера безусловной и священной масонской истины.

¹⁾ Этотъ шагъ вполне естественъ, такъ какъ Циннендорфская система считалась шведской.

Самъ Елагинъ впослѣдствіи писалъ, что «аглицкая великая ложа... раздаетъ одни токмо на постановленіе ложъ грамоты, повелѣванія работать въ первыхъ трехъ Іоанновскихъ степеняхъ, да и на сіи работы цисьменно ничего не сообщаетъ»¹⁾. Не оттого ли въ ложахъ англійской системы, по словамъ Новикова, «хотя и дѣлались изъясненія по градусамъ на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты?»²⁾ Сверхъ того, отношеніе братьевъ Елагинскаго общества къ масонству не было достаточно серьезнымъ: Новиковъ показывалъ, что «сперва, покуда упражнялись въ англійскомъ масонствѣ, то почти играли имъ, какъ игрушкою; собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякаго безъ разбору, говорили много, а знали мало»³⁾. Вполнѣ позволительно поэтому высказать предположеніе, что Елагинъ легко поддавался убѣжденіямъ Рейхеля, соблазнившись обѣщаніями послѣдняго снабдить его истинными актами, въ которыхъ такъ нуждался Елагинъ для своихъ работъ и которыхъ страстно жаждало его масонское сердце. Въ частномъ письмѣ Рейхеля къ Берлинской ложѣ мы читаемъ, что онъ вмѣстѣ съ двумя братьями отправился 3 сентября въ 7 часовъ утра къ квартирѣ Елагина, чтобы застать его до его отъѣзда въ Царское Село къ императрицѣ, и оба подписали тутъ окончательный договоръ. «Однако я предварительно,—пишетъ онъ,—оставилъ акты въ коляскѣ и заставилъ его выдать впередъ расписку; только тогда принесъ я ихъ наверхъ и отдалъ ему»⁴⁾... Этотъ курьезный рассказъ, свидѣтельствуя о цѣляхъ соглашенія Елагина съ Рейхелемъ,—соглашенія, не очень нужнаго прочно организованнымъ ложамъ перваго,—легко объясняетъ намъ причины отказа Елагина отъ англійской системы, и разбиваетъ господствовавшее до сихъ поръ мнѣніе о томъ, что Елагинскія ложи оставались всегда вѣрны англійскому масонству. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и другія обстоятельства: 1) Бёберъ (см. Пыпинъ. Русское масонство до Новикова. В. Европы 1868, № 6, стр. 580) категорически говоритъ: «Рейхель уговорилъ членовъ упомянутыхъ ложъ стать подъ управленіе Провинціального Великаго Мастера, который не только признаетъ ихъ акты подложными, *но и ввелъ бы такіе акты въ зависящихъ отъ него ложахъ*»; 2) среди бумагъ Елагина, опубликованныхъ Пекарскимъ (Дополненія, стр. 22 слл.), находятся акты, принадлежавшіе Рейхелевской ложѣ Аполлона, и переводы ихъ, сдѣланные самимъ Елагинымъ,—очевидно съ цѣлью ввести ихъ въ своихъ ложахъ; 3) тотъ же фактъ категорически утверждаетъ Фридрихсъ на основаніи документовъ Берлинскій ложи. Какъ бы то ни было, но Рейхель блестяще выполнилъ свой планъ: 3 сентября 1776 г. состоялось соединеніе Рейхелевскихъ и Елагинскихъ

¹⁾ Записка Елагина. Р. Архивъ, 1864 г., стр. 598.

²⁾ Лонгиновъ. Приложенія, 075.

³⁾ Тамъ же, 096.

⁴⁾ Friedrichs, 37.

ложь, при чемъ Елагинъ отказался отъ англійской системы и далъ обѣщаніе ввести въ своихъ ложахъ работы по шведско-берлинской системѣ. И Елагинъ, и Рейхель, повидимому, оба остались очень довольны благополучнымъ исходомъ своихъ стараній. Въ письмѣ отъ 2 октября 1776 г. Елагинъ сообщаетъ Великой Національной Германской ложѣ, что онъ очень счастливъ, видя «во всей Россіи одного пастыря и одно стадо», а Рейхелю казалось, что въ Россіи снова возвращается счастливый вѣкъ Астреи ¹⁾. Результаты соединенія на первый взглядъ дѣйствительно казались блестящими: петербургская Великая Провинціальная ложа объединила подъ своимъ управленіемъ 18 ложъ ²⁾. Но надеждамъ Рейхеля не суждено было осуществиться, и главенство шведско-берлинской системы въ Россіи оказалось крайне непродолжительнымъ.

А. ЛОЖИ, ОСНОВАННЫЯ ПО ЦИННЕНДОРФСКОЙ СИСТЕМѢ.

1. Ложа *Гарпократа* (Harpokrates) въ Петербургѣ, осн. въ 1773 г. У Пыпина—Хронол. указ.—неверно указанъ 1772 г. Въ 1777 г. мастеръ стула оберсекретарь Артемьевъ.

2. Ложа *Изиды* (Isis) въ Ревелѣ, осн. въ 1773 г. Свѣдѣніе о переходѣ ея въ 1776 г. къ англійской системѣ—Пыпинъ, Хр. ук., стр. 10—неверно.

3. Ложа *Горуса* (Horus) въ Петербургѣ, осн. въ 1774—75 гг. Мастеръ стула Нартовъ. Упомянутая Пыпинымъ въ Хрон. указ., стр. 13, ложа Хоривъ-Horeb—никогда не существовала, и предположеніе его о тождествѣ ложъ Horus и Horeb совершенно справедливо.

4. Ложа *Латоны* (Latona) въ Петербургѣ, осн. въ 1775 г. О переводѣ этой ложи въ Москву—Пып., Хрон. ук., стр. 13—въ нѣмецкихъ актахъ нѣтъ указаній. Врядъ ли мастеромъ стула могъ быть при ея учрежденіи Храповицкій—Пып., Хрон. ук. 14,—такъ какъ уже 1 сентября, 1776 г. во время обсужденія предстоящаго соглашенія онъ предсѣдательствовалъ въ ложѣ Немезиды. Въ 1777 г. мастеръ стула—Новиковъ, впоследствии перенесшій эту ложу въ Москву. Это и есть, конечно, ложа, которую онъ называетъ въ своихъ показаніяхъ своею.

5. Ложа *Немезиды* (Nemesis) въ Петербургѣ, осн. 1775—76 гг. Во всякомъ случаѣ основана ранѣе соединенія Рейхелевскихъ и Елагинскихъ ложъ, такъ какъ она принимала участіе въ предварительномъ обсужденіи этого соглашенія въ собраніяхъ ложъ 1 и 3 сентября 1776 г. Врядъ ли она могла быть основана Чаадаевымъ для Новикова и его друзей, такъ какъ Новиковъ принадлежалъ къ ложѣ Латоны. 1 сентября 1776 г. работы въ ней велъ Храповицкій, а въ 1777 г. мастеромъ ея былъ майоръ Дубянской. (Мнѣ кажется, что это и есть «ложа Дубянского» въ показаніяхъ Новикова. Сб. Ист. Общ., т. II, стр. 145, а не Астрей, какъ думалъ Пыпинъ—Хрон. ук., 12.)

Б. ЕЛАГИНСКІЯ ЛОЖИ, СОЕДИНИВШІЯСЯ СЪ РЕЙХЕЛЕВСКИМИ.

6. Ложа «*Совершеннаго согласія*» (Parfaite Union) въ Петербургѣ, осн. въ 1771 г. Мастеръ стула Джонъ Келей (John Cayley).

7. Ложа «*Девяти Музъ*» (Zu den neun Musen) въ Петербургѣ, осн. въ 1774 г. Это собственная ложа Елагина. (Пыпинъ относитъ ея основаніе къ 1772 г., а Фридрихъ утверждаетъ, что 1774 г. устанавливается актами.)

¹⁾ Friedrichs, стр. 38.

²⁾ Сообщаемъ съ нѣкоторыми дополненіями и поправками напечатанный Фридрихсомъ (стр. 40—43) офиціальныи списокъ масонскихъ ложъ, работавшихъ по Циннендорфской системѣ подъ управленіемъ Вел. Провинціальной Петербургской ложи въ 1777 г.; списокъ этотъ присланъ Елагинымъ Вел. Нѣмецкой Пров. ложѣ.

8. Ложа «Уранія» (Urania) въ Петербургѣ, осн. въ 1772 г. [На основаніи Masonic Records Фридрихъ невѣрно называетъ дату 1774 г. Протоколами этой ложи отъ 1772 г. по 1775 г. (въ собраніи графа Уварова) пользовался Лонгиновъ; бумаги ея отъ 1776 г. по 1788 (протоколы, рѣчи, пѣсни) хранятся въ архивахъ берлинской Landesloge]. Указаніе Пыпина, Хрон. ук., стр. 9, что она оставалась вѣрна Елагинской системѣ, неправильно: въ 1776 г. она перешла къ шведско-берлинской системѣ съ мастеромъ стула купцомъ Опицемъ (Opitz).

9. Ложа *Беллоны* (Bellona) въ Петербургѣ, осн. въ 1774 г.

10. Ложа *Клио* (Klio) въ Москвѣ, осн. въ 1774 г.

В. ЛОЖИ ДРУГИХЪ СИСТЕМЪ, ПРИСТАВШІЯ КЪ СОЮЗУ.

Сюда же относятся многія ложи, получившія патентъ отъ Елагина, но оставшіяся вѣрными своимъ системамъ. Пыпинъ ошибочно причисляетъ ихъ къ Елагинской.

11. Ложа *Скромности* (точнѣе, Молчаливости: Zur Verschwiegenheit) въ Петербургѣ, осн. въ 1750 г. Это—старѣйшая изъ русскихъ ложъ. Въ 1774 г. она получила патентъ отъ Елагина, но въ работахъ осталась самостоятельной. Въ англійскихъ спискахъ она нигдѣ не упоминается: сперва она держалась системы Строгаго Наблюденія, затѣмъ при мастерѣ стула Мелисина слѣдовала его системѣ, въ 1776 г. приняла шведско-берлинскую. [Отсюда ясно, что свѣдѣнія Л...ра (Р. Стар. 1884 г., сентябрь) объ основаніи этой ложи Елагинымъ въ 1768 г. и объ участіи въ ней послѣдняго въ качествѣ мастера стула не соответствуютъ дѣйствительности.]

12. Ложа *Св. Екатерины трехъ подпоръ* (St. Katherina zu den drei Saulen) въ Архангельскѣ, осн. въ 1776 г. Система неизвѣстна: въ 1775 г., какъ и многія ложи, получила лишь патентъ отъ Елагина. (Въ началѣ 1787 г., послѣ трехлѣтней остановки работъ «по несогласію братьевъ», возобновлена съ согласія Елагина подъ именемъ «Сѣверной Звѣзды» и получила разрѣшеніе работать согласно англійской конституціи въ 5 степеняхъ; Пекарскій, Дополненія, стр. 118).

13. Ложа *Постоянства* (Zur Beständigkeit) въ Москвѣ. [Въ 1777 г. приняла шведско-берлинскую систему при мастерѣ стула Сенглинѣ (Senglin), ранѣе принадлежала къ Строгому Наблюденію. Та ли эта ложа, о которой говоритъ Пыпинъ—Хрон. ук., стр. 7, какъ о находившейся въ Петербургѣ подъ управленіемъ Селлина? См. Фридрихъ, стр. 19]

14. Военная ложа *Минервы* (Minerva) въ Сагодурахъ, въ Молдавіи. [По Лонгинову принадлежала ранѣе къ Елагинской системѣ—«Новиковъ и пр.», стр. 95. Мастеръ стула купецъ Дорингъ (Doring)].

15. Ложа *Талии* (Thalia) въ Полоцкѣ, осн. въ 1774 г. (По протоколамъ Ураніи—Лонг. 95, въ 1774 г. выдано разрѣшеніе Вердеревскому открыть, гдѣ ему угодно, ложу Талии. Маіоръ Вердеревскій былъ въ это время при войскѣ въ Польшѣ и открылъ ложу въ Полоцкѣ. Въ 1777 г. приступила къ союзу. По Лонгинову—стр. 95—принадлежала къ системѣ Елагина.)

16. Ложа *Равенства* (Zur Gleichheit) въ Петербургѣ, осн.? Мастеръ стула въ 1777 г. ка-мергеръ Гагаринъ (который?)

17. Ложа *Сандеуръ* въ Москвѣ, осн.? Мастеръ стула въ 1777 г. маіоръ Беннигсенъ. (Не объ этой ли ложѣ Шварцъ писалъ герцогу Брауншвейгскому, какъ о принадлежащей къ тампліерству? «Орденъ тампліеровъ», писалъ онъ, существуетъ въ Москвѣ уже съ 1776 г., сюда онъ перенесенъ чрезъ извѣстнаго барона Беннинкса»,—Ешевскій, Соч., т. III, стр. 443. Послѣднихъ двухъ ложъ вовсе нѣтъ въ Хронолог. указателѣ Пыпина.)

18. Ложа *Благотворительности* (Zur Mildthatigkeit) въ Петербургѣ осн.? Въ 1777 г. мастеръ стула хирургъ Дольстъ (Dolst).

Соединеніе Елагинскихъ и Рейхелевскихъ ложъ, конечно, не прошло безъ всякихъ треній: безъ сомнѣнія, многіе братья той и другой системы, изъ числа особенно преданныхъ работамъ своего «царственного ордена», не могли быть довольны искусственнымъ сліяніемъ своихъ ложъ съ тѣми, которыя они должны

были признавать неправильными, «шизматическими». Естественно, что немедленно за соединеніем Елагина и Рейхеля въ средѣ подчиненныхъ имъ братьевъ произошелъ расколъ, который повелъ затѣмъ къ новымъ исканіямъ «истиннаго» масонства и къ подчиненію русскихъ ложъ Швеціи. Видную роль въ этихъ несогласіяхъ игралъ нѣкто Георгъ Розенбергъ, мастеръ стула въ старѣйшей изъ ложъ Рейхеля—ложѣ Аполлона. Это былъ талантливый авантюристъ,—типъ, весьма распространенный въ европейскомъ масонствѣ ¹⁾ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ появились высшія степени, открывшія широкій просторъ инициативѣ всякихъ шарлатановъ, стремившихся къ легкой наживѣ. Розенбергъ въ чинѣ ротмистра сражался въ Германіи, въ отрядѣ графа Люкнера, противъ французовъ, затѣмъ перешелъ вмѣстѣ съ послѣднимъ на французскую службу и былъ тамъ посвященъ въ высшія степени французскаго масонства. Далѣе мы видимъ его въ Гамбургѣ, гдѣ онъ самовольно учредилъ ложу *Трехъ Розъ*, но здѣсь совершилъ рядъ какихъ-то неблаговидныхъ поступковъ, за которые подвергся «очень непріятнымъ мѣрамъ», вынудившимъ его покинуть Германію и переселиться въ Россію. Человѣкъ талантливый и обладавшій, по словамъ Бёбера, «большими свѣдѣніями во всемъ, касающемся внѣшней стороны масонства» ²⁾, Розенбергъ говорилъ на трехъ языкахъ, хорошо рисовалъ, обладалъ музыкальными способностями и былъ притомъ очень краснорѣчивъ. Немудрено, что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сумѣлъ такъ очаровать Рейхеля, что тотъ сдѣлалъ его мастеромъ любимой своей ложи Аполлона. Хотѣлъ ли онъ играть самостоятельную роль въ петербургскомъ братствѣ или руководствовался какими-либо другими причинами, но Розенбергъ вмѣстѣ съ подчиненными ему братьями отказался присоединиться къ союзу Елагина и Рейхеля. Елагинъ немедленно отписалъ объ этомъ въ Берлинъ и получилъ въ отвѣтъ извѣщеніе Циннендорфа, что «господинъ Розенбергъ старшій... вслѣдствіе вѣроломнаго, мятежнаго и иного рода неблагопристойнаго поведенія объявленъ недостойнымъ имени масона и исключенъ. Онъ приверженецъ Строгаго Наблюденія... мы предостерегаемъ отъ него и просимъ не пускать его въ ваши ложи» ³⁾. Примѣру Розенберга послѣдовалъ по неизвѣстнымъ причинамъ и другъ Рейхеля, князь Н. Трубецкой со своей ложей Озириса въ Москвѣ. Далѣе въ сторонѣ отъ соглашенія осталась ложа Аполлона въ Ригѣ,—мечтавшая объ отдѣльной Провинціальной ложѣ для Западнаго края, и ложа Марса въ Яссахъ,—можетъ быть, впрочемъ, къ тому времени уже прекратившая свои работы. Все это такъ огорчило Рейхеля,

---

¹⁾ Замѣчательно, что среди русскихъ братьевъ этотъ типъ не существовалъ вовсе: у насъ не было «обманщиковъ», а были только «обольщенные». («Обманщикъ» и «Обольщенный»—названія двухъ комедій Императрицы Екатерины противъ масонства).

²⁾ Friedrichs, стр. 45—46.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

что онъ порвалъ всякія сношенія съ ложей Аполлона и вскорѣ затѣмъ вовсе от-
 страпился отъ масонской дѣятельности. Дни шведско-берлинской системы были
 сочтены. Вскорѣ по извѣщеніи о состоявшемся соединеніи изъ Берлина была
 прислана бумага, въ которой выражалось желаніе объ учрежденіи новой Вели-
 кой Національной ложи въ Петербургѣ «по примѣру нашихъ добрыхъ швед-
 скихъ братьевъ и на основаніи общемасонскихъ законовъ» о выборѣ Провин-
 ціальнаго Великаго Мастера. Съ цѣлью выясненія вопроса о дальнѣйшемъ
 отношеніи къ Англіи былъ посланъ въ Берлинъ князь Гавріиль Гагаринъ, зани-
 мавшій мѣсто второго надзирателя въ Великой Провинціальной ложѣ, но пере-
 устройство послѣдней такъ и осталось невыполненнымъ. Елагинъ, повидимому,
 быстро разочаровался въ шведско-берлинской системѣ и, вѣроятно, въ теченіе
 ближайшихъ лѣтъ вернулся къ англійскому масонству. Въ скоромъ времени

Кн. Г. П. Гагаринъ. (Изд. В. Кн. Н. М.)
 Le prince G. P. Gagarine.

Великая Провинціальная ложа отпра-
 вила рижскимъ ложамъ циркуляръ,
 въ которомъ говорится слѣдующее:
 «Великая ложа желала бы разьясне-
 нія о томъ, не находятся ли эти ложи,
 не поименованныя въ спискахъ ни
 шведскихъ, ни соединенныхъ нѣмец-
 кихъ ложъ, подъ управленіемъ нѣко-
 его Циннендорфа въ Берлинѣ, кото-
 рый, какъ то Великая ложа готова
 по требованію доказать, по глубоко
 основательнымъ побужденіямъ при-
 знанъ обманщикомъ и открыто объ-
 явленъ таковымъ всѣмъ хорошимъ
 братьямъ» ¹⁾. На этомъ основаніи Ве-
 ликая ложа рекомендовала не входить
 съ нимъ ни въ какія сношенія. Даль-
 нѣйшая судьба Елагинскихъ ложъ
 намъ неизвѣстна до самаго ихъ за-
 крытія въ 1784 г. По разсказу ма-
 сона Л...ра ²⁾, русскія ложи въ этотъ

періодъ времени работали совершенно безпрепятственно, но въ 1784 г., по не-
 извѣстнымъ причинамъ, работы Елагинскихъ ложъ были пріостановлены «по
 собственному побужденію провинціального гросмейстера и съ согласія членовъ
 ложъ, но безъ приказанія со стороны высшаго правительства; вслѣдствіе чего

¹⁾ Friedrichs, H. Къ сожалѣнію, не указана дата письма.

²⁾ Р. Старина 1882 г., сентябрь, стр. 542.

Амосъ Коменіусъ.
A. Comenius.

(Стр. 16.)

Заглавный листъ «Книги конституцій» Андерсена.
Frontispice du «Livres des constitutions» Andersen.

(Къ стр. 18.)

Фламандскіе франкъ-масоны въ ложѣ.
Les francs-maçons flamands en loge.

(David Teniers.)

Масонская мистерія. Орденъ Гормогоновъ.
(Карикатура Гогардта.)

Mystère maçonnique. Ordre des Gormogons.
(Caricature de Gogardt.)

(Къ стр. 23.)

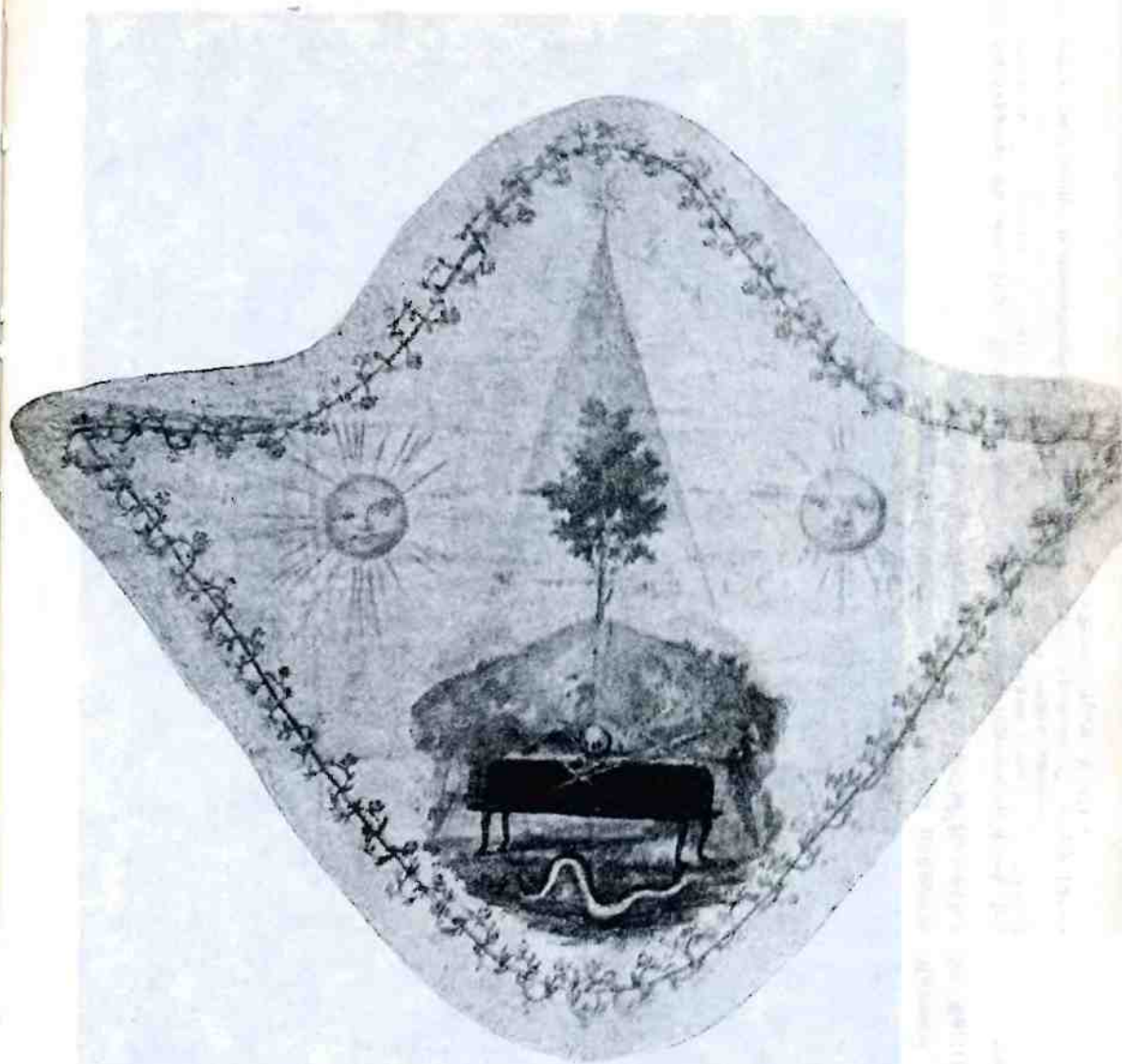
А. Чин-Кау-Кино I, императоръ Китая.

I. Перенесенные съ Востока къ намъ два старѣйшіе ордена изображены здѣсь въ миниатюрѣ, чтобы по ихъ поведенію можно было судить о ихъ достоинствахъ. Уважаемая порода Гормогоновъ является отмѣченной особою граціей.

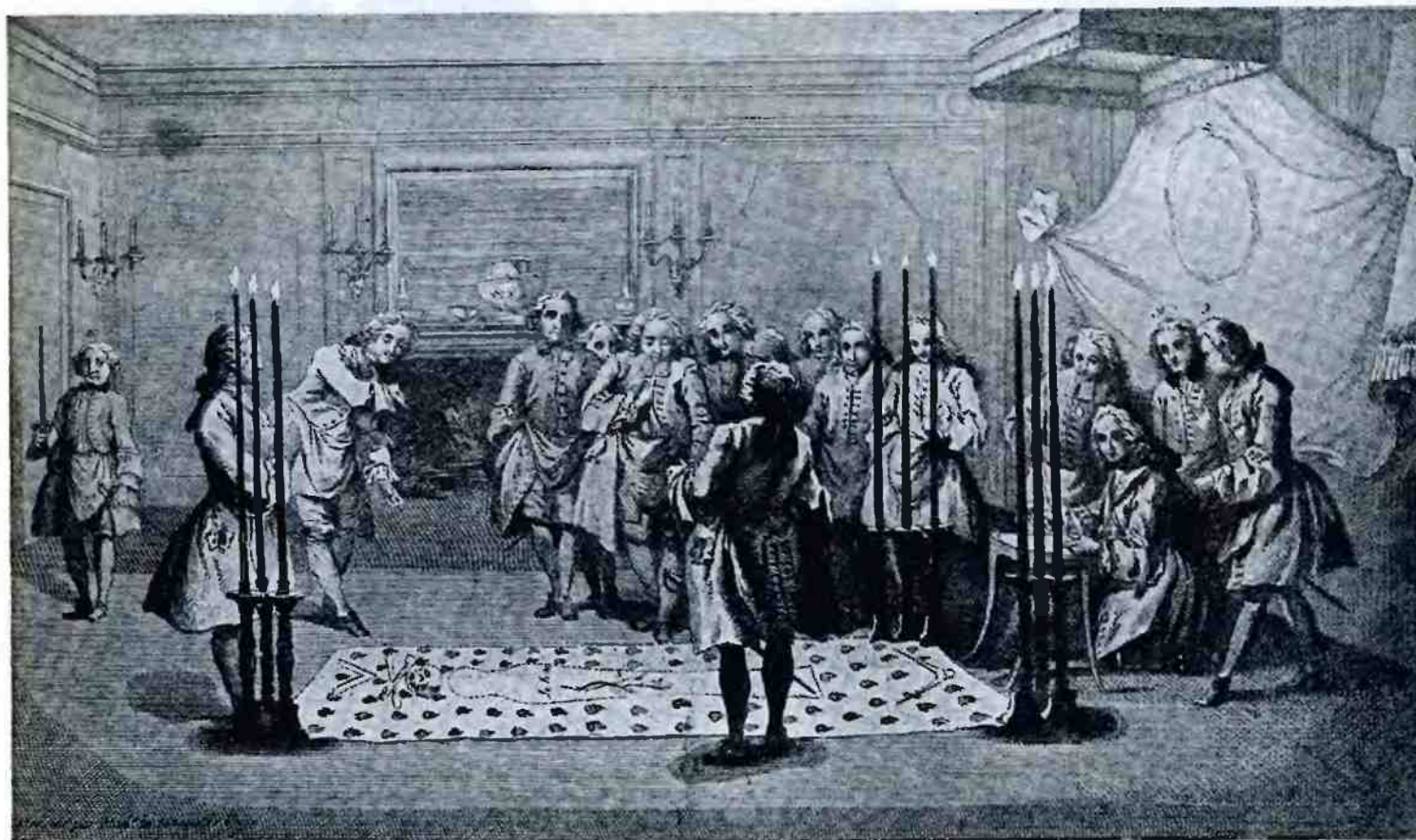
В. Мудрый Конфуцій.

II. Какая честь!.. Вѣрность и любовь! Происхожденіе этого ордена небесное. А названіе Франкмасоны! Что за фарсъ? Какъ дика ихъ мистерія... Кто же не посмѣется при такихъ обстоятельствахъ? Кто не заплачетъ отъ мысли, что міръ такъ безуменъ.

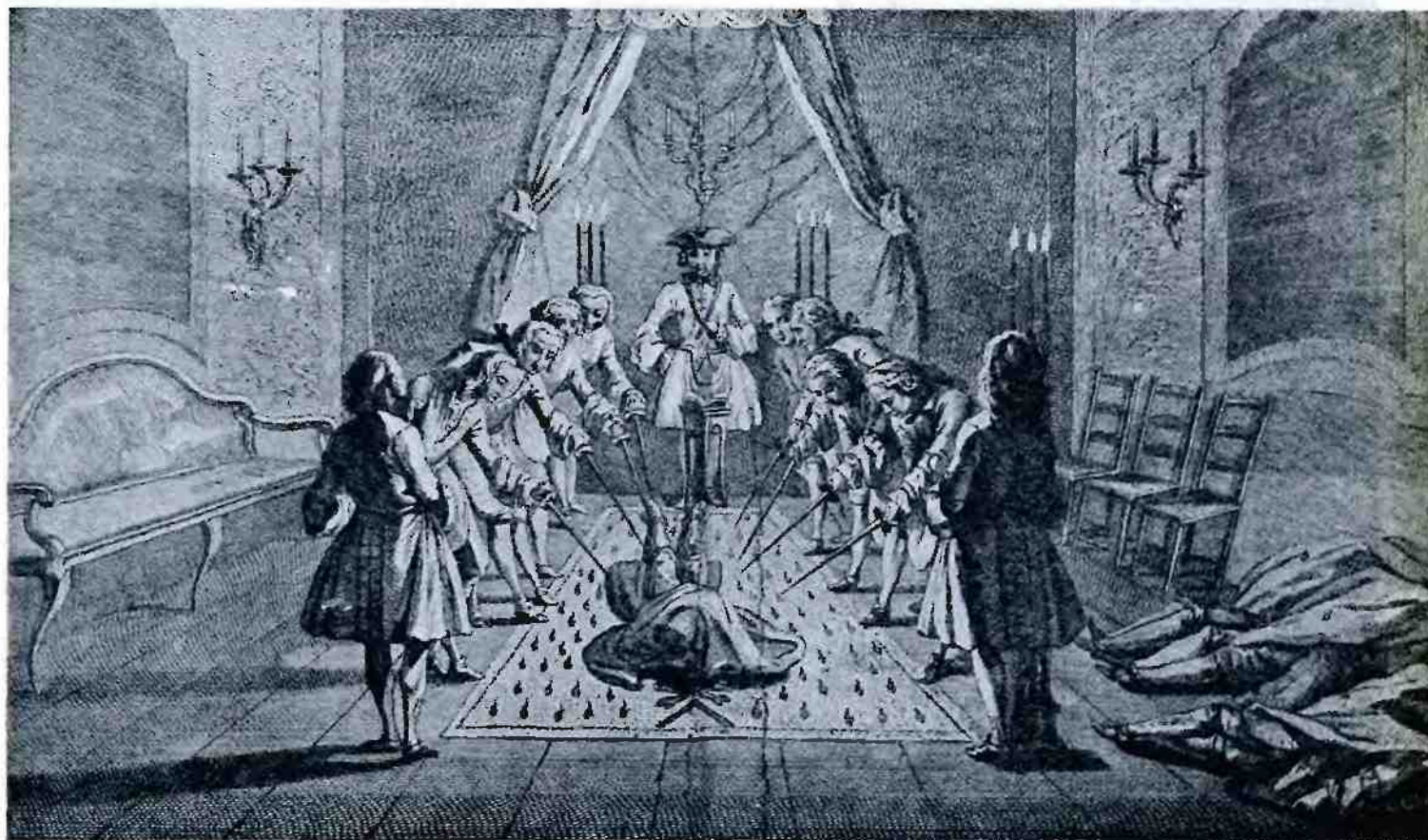
Масонскій запонъ.
Tablier maçonnique.
(Собрание Истор. Музея.)

Франкъ-масонское собрание для принятія Мастера.
 Assemblée de Francs-Maçons pour la Reception des Maitres.

Второй Надзиратель дѣлаетъ «знакъ Мастера» и идетъ за Вступающимъ, находящимся внѣ Ложи съ Братомъ-Устрашителемъ.
 1. Гросмейстеръ. 2. Ораторъ. 3. Секретарь. 4. 5. 6. Братья со свитками бумагъ. 7. Первый Надзиратель. 8. Второй Надзиратель. 9. Казначей.
 10. Братъ часовой.
 Посвящается любезному, искреннѣйшему, правдивѣйшему Брату—профану Леонарду Габанонъ, автору Франкъ-Масонскаго Катехизиса.
 (Франц. грав XVIII в)

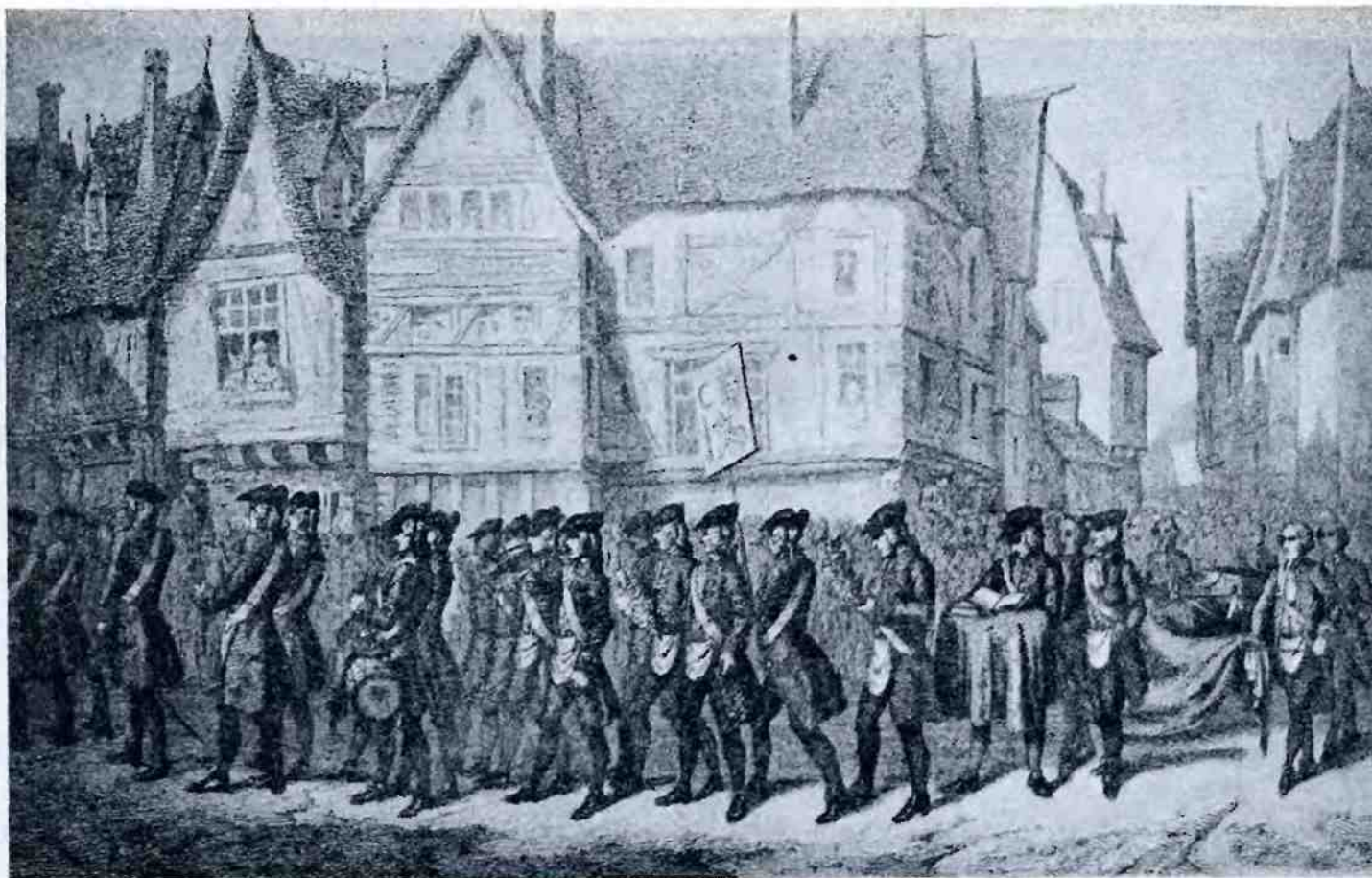
Франкъ-масонское собрание для принятія Мастера.
 Assemblée de Francs-Maçons pour la Reception des Maîtres.

Вступающій лежитъ на ковръ съ изображеніемъ гроба, съ лицомъ, покрытымъ выкрашеннымъ кровью полотенцемъ. И всѣ присутствующіе приставляютъ къ его тѣлу обнаженныя шпаги.

1. Гросмейстеръ. 2. 1-й Надзиратель. 3. 2-й Надзиратель. 4. Вступающій, лежащій на гробу. 5, 6 и 7. Готовящіеся къ посвященію.

Посвящается любезному, искреннѣйшему и правдивѣйшему Брату—профану Леонарду Габанонъ, автору Франкъ-Масонскаго Катехизиса.

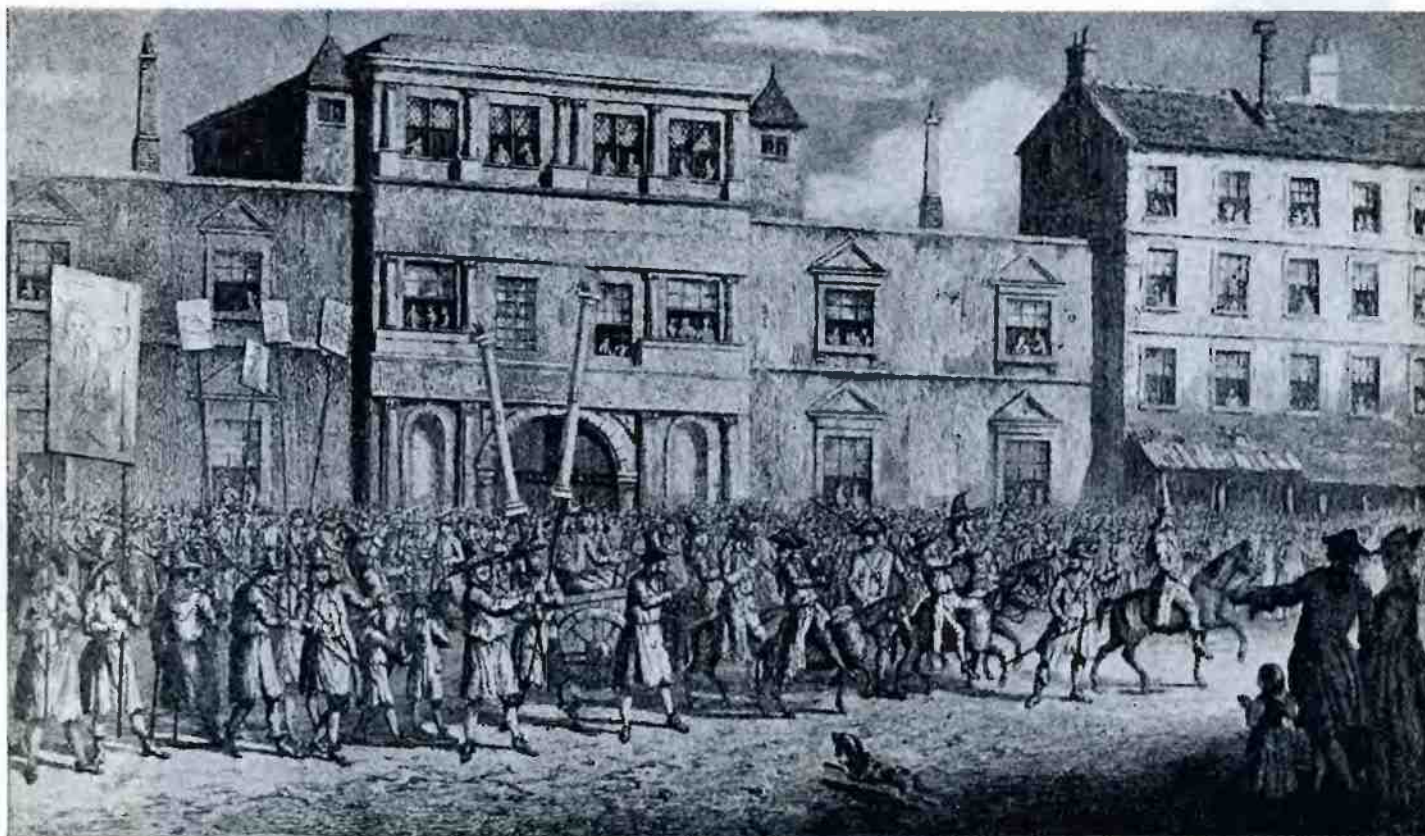
(Франц. грав XVIII в)

Масонскія похороны.
Funeraillles maconniques.

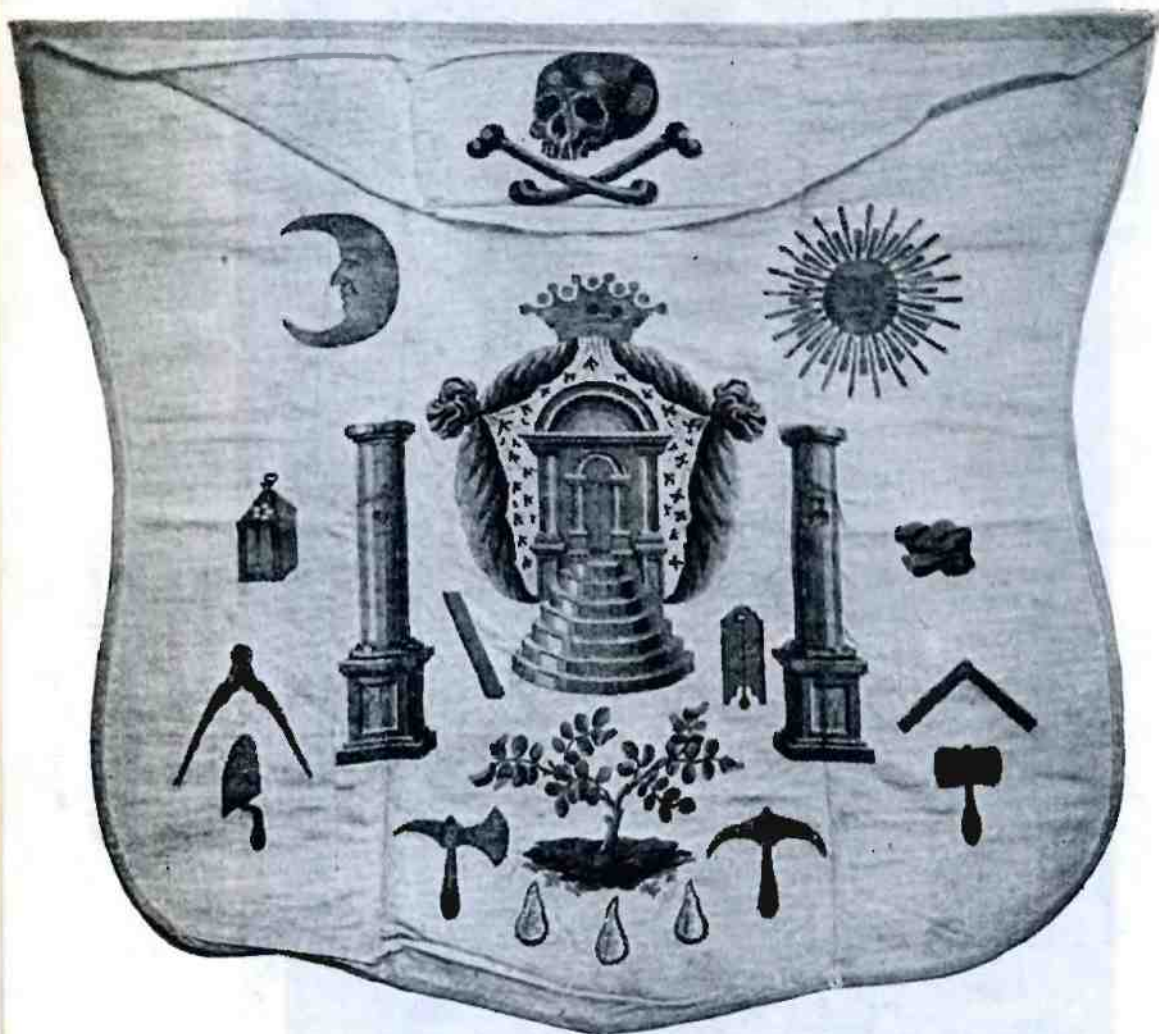
(Clavel. «Histoire pittoresque de franc-maçonnerie».)

**Масонская процессия.
Procession maconnique.**

(Лондонская карикатура 1742 г.)

Масонскій запонъ.
Tablier maçonnique.
(Собраніе П. И. Щукина.)

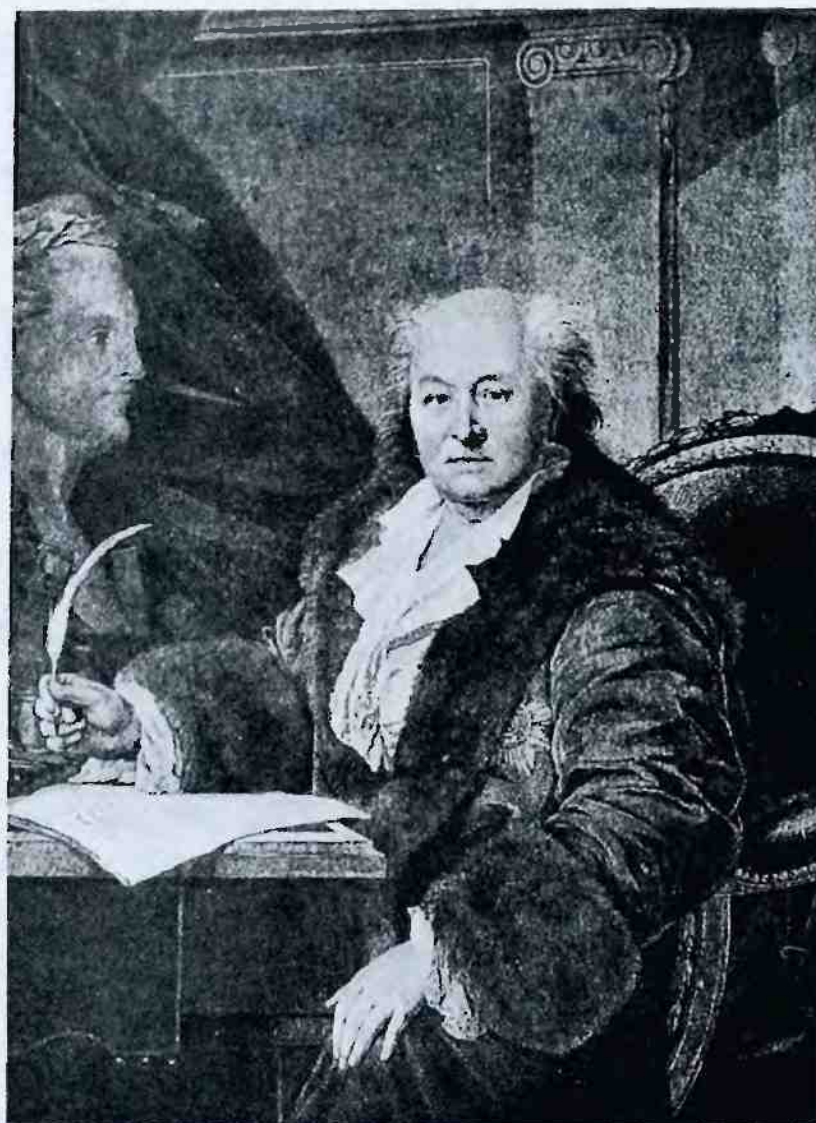

П. И. Мелиссино.

P. I. Melissino.

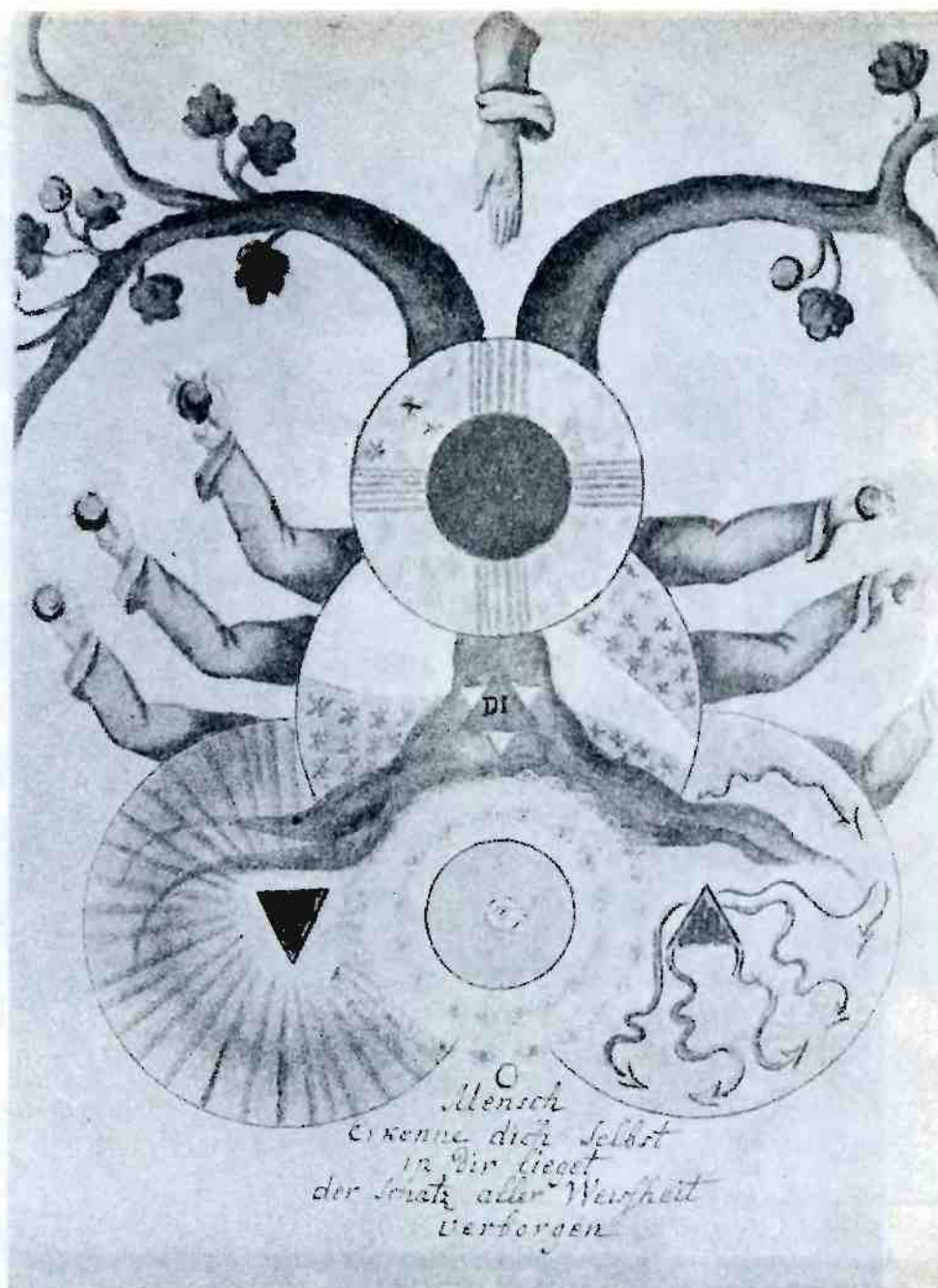
(Собр. портр. изд. в. кн. Ник. Мих.)

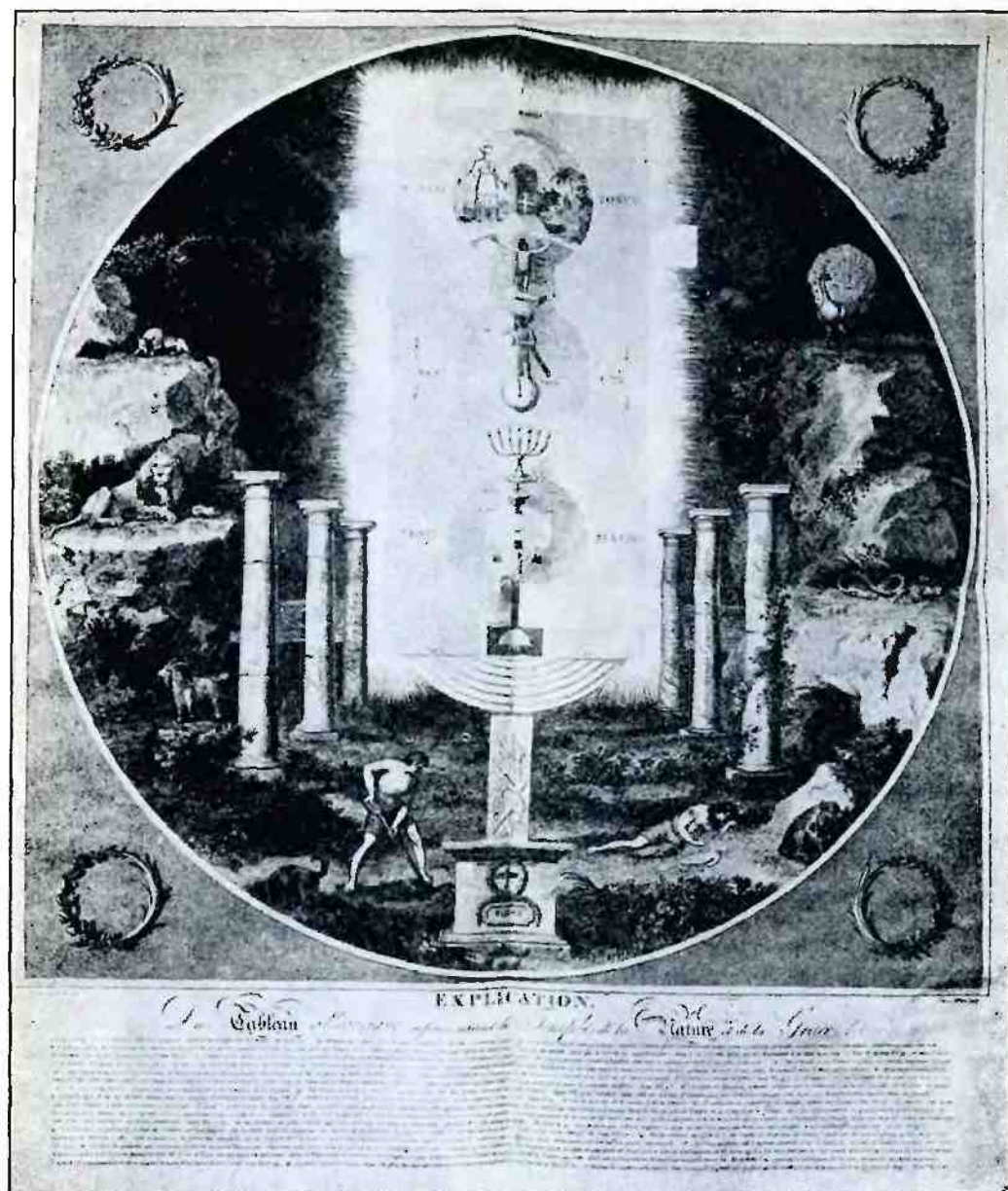
И. П. Елагинъ.
I. P. Elaguine.

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей.
 Des manuscrits des Rose-Croix.

(Рук. Отд. Акад. Наукъ.)

Аллегорическая картина, изображающая храм Природы и Милосердія.
Le Tableau allegorique representant le Temple de la Nature et de la Grâce.

Райская роза, начинающая расцвѣтать въ тотъ моментъ, когда истинно несущій крестъ вступаетъ на путь обновленной жизни, распускается вполнѣ на новой, совершенно оживленной землѣ, и эта земля является для него мѣстомъ поддержки и отдыха послѣ пройденнаго имъ тяжелаго пути креста. Паденіе перваго человѣка лишило его, и въ немъ все человѣчество, того пребыванія въ Эдемѣ, которое человѣкъ достигаетъ въ возрожденіи, находитъ вновь и навсегда въ храмѣ Милосердія и Природы. Это паденіе вызвало страданія, рожденія и смерти, распространило проклятiе на землю, покрыло ее колючками и терніями и навлекло на человѣка участь ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица своего. Грѣхъ, развивъ въ человѣкѣ семь свойствъ животной природы, испортилъ землю и подчинилъ тварь тщеславію, подъ игомъ котораго она воздыхаетъ о своей утраченной свободѣ.

(Франц. гравюра. Рукол. Отд. Рум. Музея.)

Шествіе къ храму Славы.
Procession vers le temple de la gloire divine.
(Масонская аллегорія.)

Н. И. Новиковъ.

N. I. Novikoff.

(Миніатюра изъ собр. Истор. Музея.)

Н. И. Новиковъ.

N. I. Novikoff.

(Портретъ Левицкаго.)

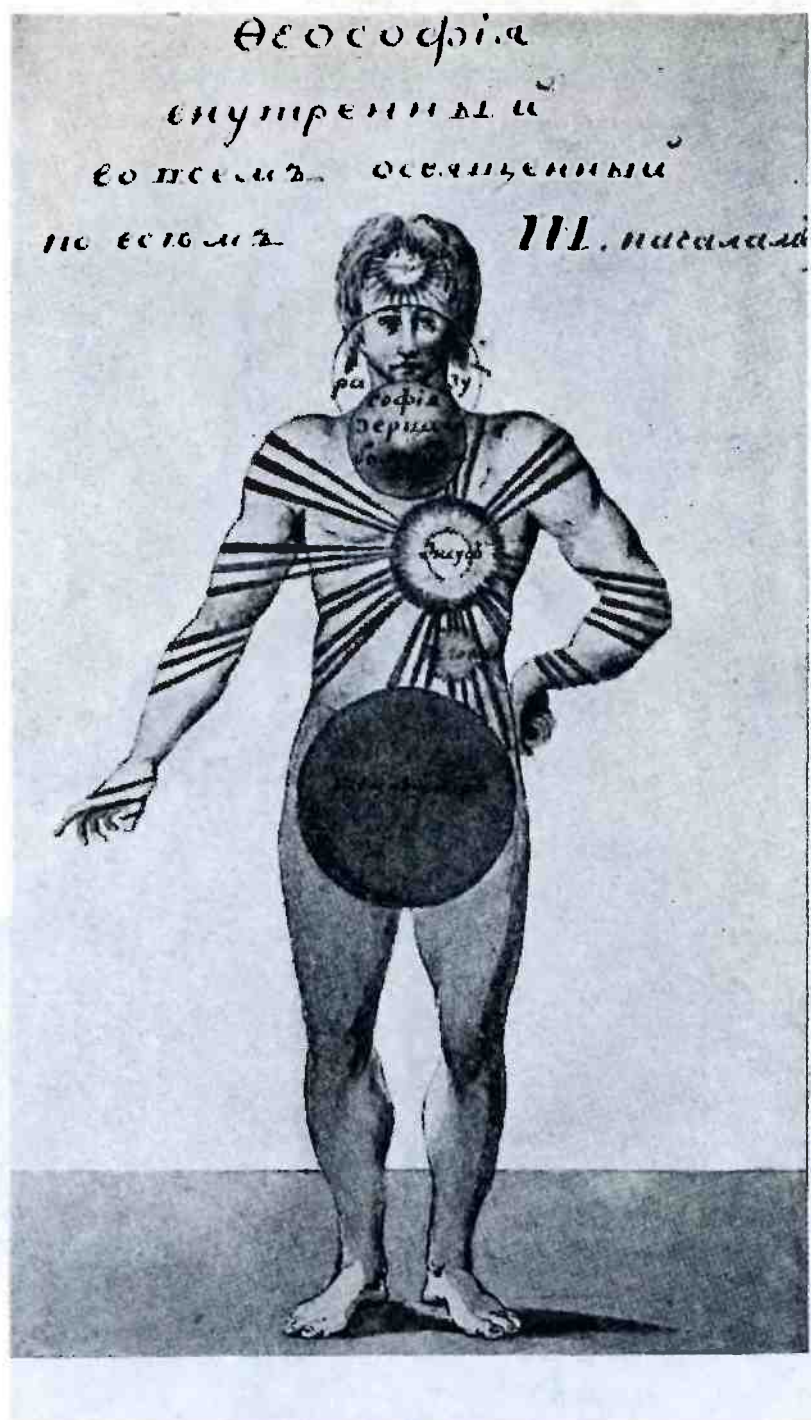

І. Г. Шварцъ.

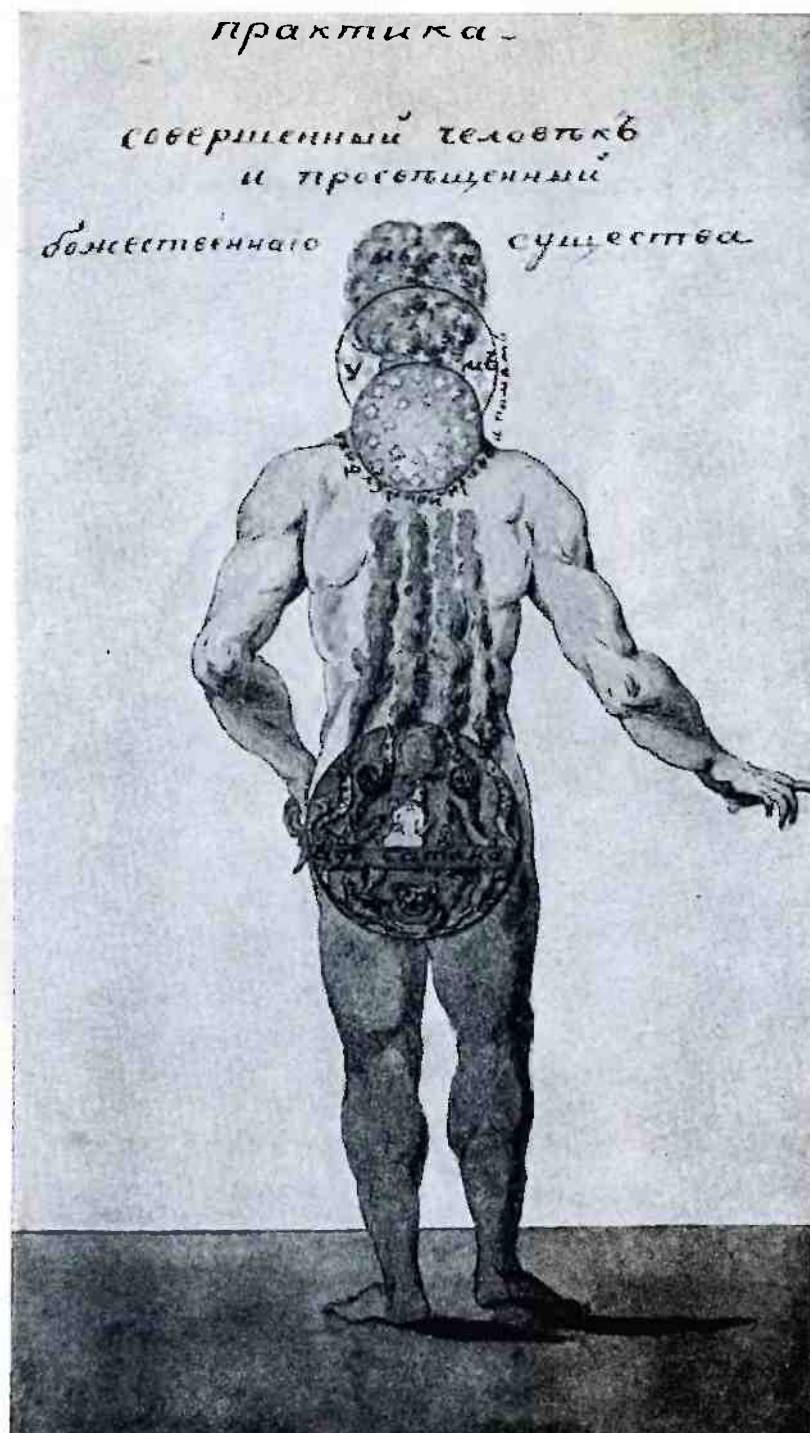
I. G. Schwarz.

(Портр. Баранса. Рук. Отд. Рум. Музея.)

Символистическія изображенія
 изъ Бёме.
 Symboles (Bohme.)

Символическія изображенія
изъ Бёме.
Symboles (Böhme.)

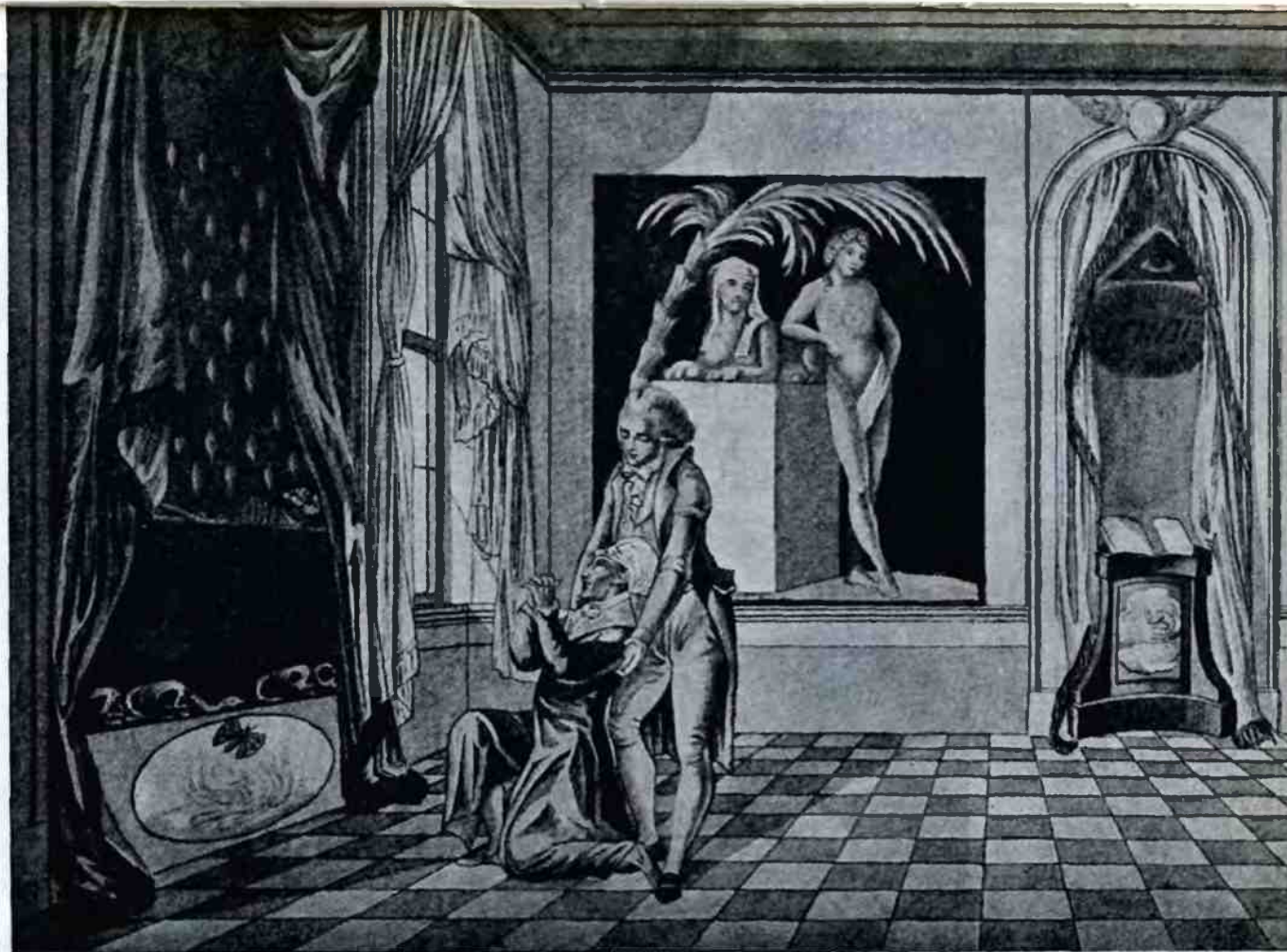

С. И. Гамал'я.
S. I. Gamal'ia.
(Румяни. Музей.)

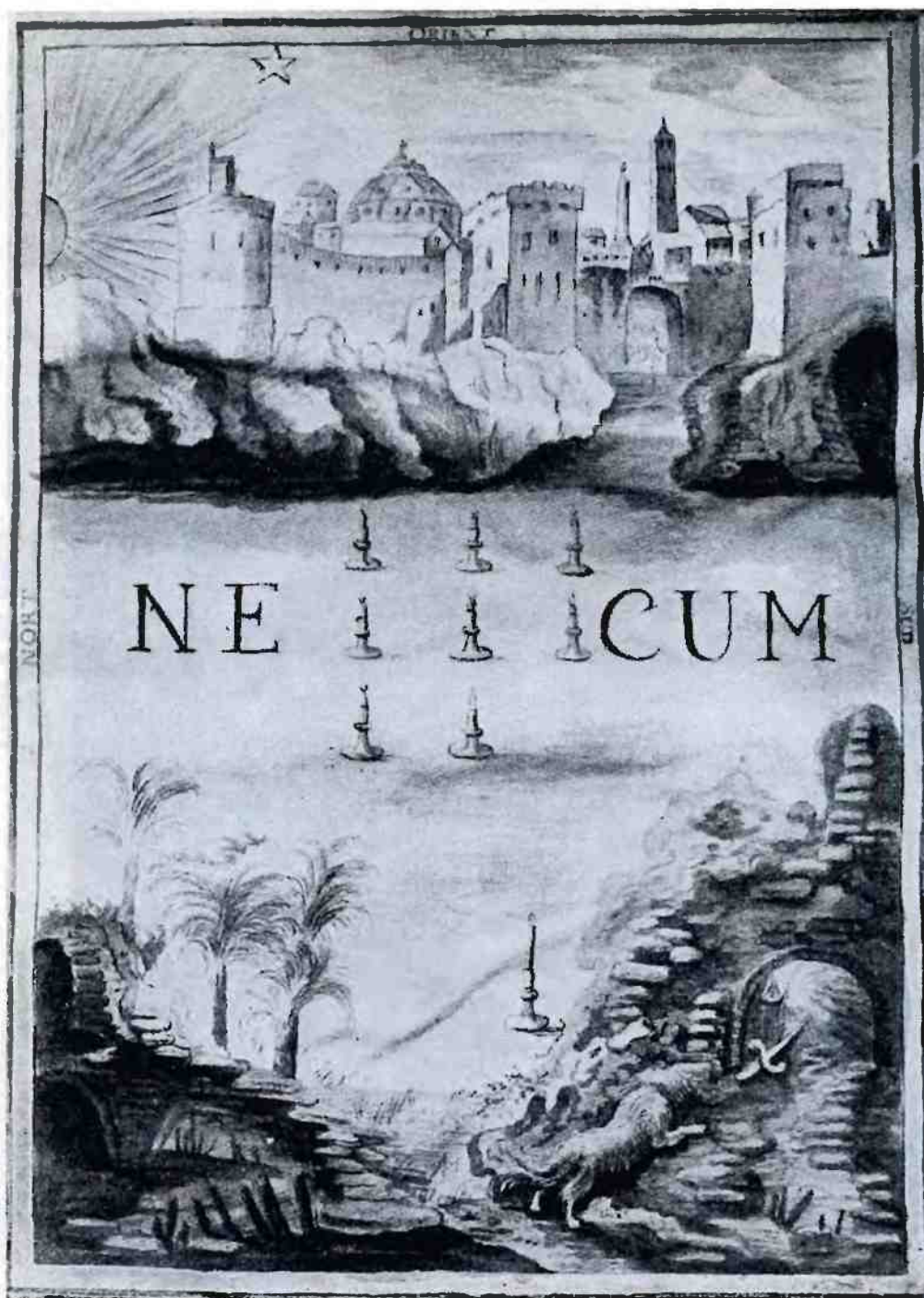

И. В. Лопухинъ.
I. V. Lopoukhine.

Молитва масона.
Prière d'un maçon.

(Рукоп. Отд. Рум. Музея.)

Свѣтъ масонскаго ученія.
La lumière de la science maçonnique.
(Собрание Государ. Архива).

благочестивая императрица, чрезъ гротмейстера ордена, всемилостивѣйше удостоила передать ордену, что она, за добросовѣстность его членовъ избѣгать всякаго сношенія съ заграничными масонами, при настоящихъ политическихъ отношеніяхъ¹⁾, не можетъ не питать къ нимъ полнаго уваженія». Елагинъ возстановилъ свои работы лишь въ 1786 г. и притомъ на новыхъ основаніяхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Въ разсматриваемый нами моментъ преобладаніе переходитъ на сторону новой, *шведской* системы, циннендорфство же быстро исчезаетъ совсѣмъ.

Третій періодъ (1781—1792): поиски высшихъ степеней и побѣда розенкрейцерства (научное масонство).

Изъ сказаннаго на предшествующихъ страницахъ вытекаетъ, что масонская дѣятельность въ Петербургѣ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ носила, хотя и безпорядочный, но очень оживленный характеръ. Самыя шатанія братьевъ изъ стороны въ сторону, неожиданные переходы отъ одной системы къ другой,—отъ Строгаго Наблюденія къ англійскому масонству, отъ Елагина къ Циннендорфу, далѣе отъ шведско-берлинской системы къ шведскому тампліерству и, наконецъ, отъ шведской системы къ розенкрейцерству,—все это свидѣтельствуешь о томъ, что въ русскомъ масонствѣ стали проявляться какія-то новыя, лихорадочно-безпорядочныя исканія, что русское общество стало предъявлять къ масонству новыя требованія и жадно искать въ немъ отвѣтовъ на пробудившіеся вопросы. Уже шведско-берлинская система, въ противоположность англійской, дала нѣкоторое удовлетвореніе масонамъ, искавшимъ истины: здѣсь они, по словамъ Новикова, «усмотрѣли великую разность, ибо тутъ было все обращено на нравственность и самопознаніе, говоренныя же рѣчи произвели великое уваженіе и привязанность»²⁾. Но тѣмъ не менѣе Рейхелевское масонство скоро разочаровало большинство братьевъ, и причина этого явленія легко можетъ быть разгадана; тотъ же Новиковъ указываетъ на нее, говоря: «привязанность всѣхъ къ сему масонству умножилась, а *баронъ Рейхель больше четырехъ или пяти, не помню, градусовъ не давалъ*, отговариваясь тѣмъ, что у него нѣтъ больше позволенія, а *должно искать*». Здѣсь, въ этихъ словахъ, вся исторія дальнѣйшаго развитія масонства въ Россіи: ясно, что «нравственныя преподаванія» масонства первыхъ трехъ степеней перестали удовлетворять русскихъ братьевъ;—воспитанные вольтеріанствомъ умы требовали иной пищи, сообразно съ пробудившейся

¹⁾ Припомнимъ противодѣйствіе правительства Екатерины англійской морской политикѣ

²⁾ Лонгиновъ, 075.

жаждой просвѣщенія, но пища эта должна была имѣть противоположный вольтеріанству, не скептическій, а непремѣнно религіозно-идеалистическій характеръ, не разрушая, а укрѣпляя и разумно обосновывая врожденные начала нравственности и религіозности. Такъ какъ вольтеріанство опиралось на западно-европейскую науку, то и борьба противъ него необходимо нуждалась въ томъ же оружьи, выходявшимъ за предѣлы блѣднаго масонско-христіанскаго нравоученія. Такая именно «наука» сдѣлалась насущнѣйшей потребностью русской интеллигенціи и, при слабомъ развитіи критической мысли, должна была привести въ концѣ концовъ къ страстному увлеченію масонской мистикой и натурфилософіей. На этой почвѣ, дѣйствительно, и сошлись лучшіе русскіе масоны всѣхъ, даже враждебныхъ другъ другу системъ (Елагинъ и Новиковъ, напримѣръ). Мы еще вернемся къ усиленному опредѣленію общественнаго значенія этой масонской науки, когда ознакомимся съ ней подробнѣе, теперь же перейдемъ къ описанію внѣшняго процесса нашихъ масонскихъ исканій въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

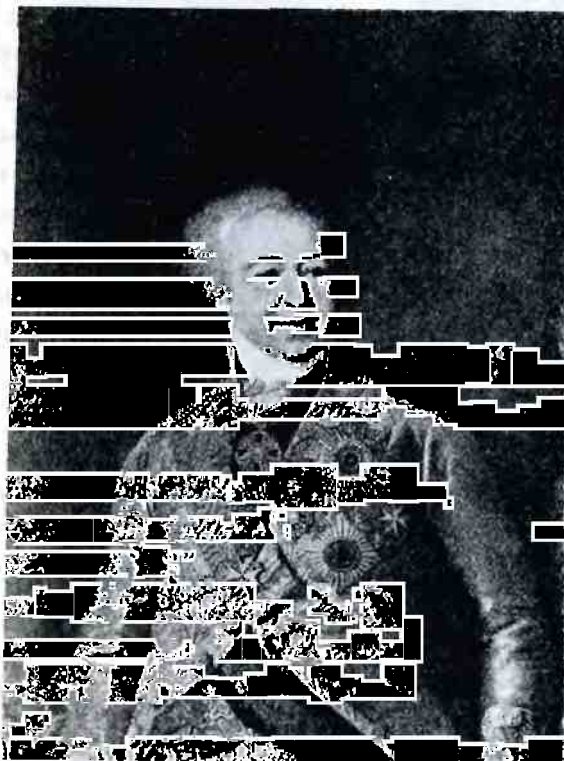
Мы относимъ сюда время увлеченія русскихъ масоновъ шведскимъ тамплиерствомъ, хотя и считаемъ начало третьяго и послѣдняго періода интенсивной жизни русскаго масонства XVIII вѣка лишь съ 1781 г. (съ путешествія Шварца за границу),—потому, что чувство неудовлетворенности этой системой было главной причиной введенія у насъ розенкрейцерства и наиболѣе яркимъ показателемъ того, въ какую сторону были направлены стремленія русскихъ братьевъ.

Итакъ, желаніе проникнуть въ тайны высшихъ степеней, не получившее удовлетворенія въ Рейхелевскомъ масонствѣ, навело русскихъ братьевъ на мысль обратиться за новыми «градусами» къ западно-европейскимъ источникамъ. Принадлежа ранѣе къ шведско-берлинскому масонству, они естественно прежде всего подумали о Швеціи,—тѣмъ болѣе, что въ этомъ направленіи задумать дѣйствовать авторитетный среди не примкнувшихъ къ союзу братьевъ мастеръ ложи Аполлона Розенбергъ. Братъ этого Розенберга игралъ значительную роль въ шведскомъ капитулѣ, и черезъ его посредство русскіе масоны получили увѣреніе, что въ Швеціи «были бы въ высшей степени склонны оказать русскимъ братьямъ содѣйствіе къ пріобрѣтенію большихъ познаній» ¹⁾. Для этой цѣли воспользовались пребываніемъ въ Стокгольмѣ князя Александра Борисовича Куракина, отправленнаго въ Швецію для нотификаціи королю брака Наслѣдника съ Виртембергскою принцессой Софіей-Доротеей. Вернувшись въ 1777 г. въ Петербургъ, Куракинъ привезъ съ собой конституцію для введенія высшихъ степеней шведской системы (Строгаго Наблюденія), и въ 78 г. былъ основанъ въ Петербургѣ *Капитулъ Феникса*, извѣстный братьямъ-масонамъ подъ именемъ

¹⁾ Пыпинъ. Русское масонство до Новикова. В. Европы 1868 г., № 6, стр. 581.

Великой Національной ложи шведской системы, а 9 мая 1780 г. учреждена Директорія для управленія подчиненными ей ложами ¹⁾.

Ставъ такимъ образомъ въ тѣсную зависимость отъ Швеціи и отъ главы шведскаго масонства герцога Зюдерманландскаго, русскіе масоны думали, что наконецъ получатъ оттуда высшія орденскія познанія, но скоро имъ пришлось въ этомъ жестоко разочароваться. Петербургскій капитулъ тщетно ожидалъ изъ Стокгольма этихъ познаній, которыхъ, вѣроятно, не имѣла и сама Швеція. Есть извѣстіе, что для полученія ихъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ самъ Розенбергъ. Вернувшись, онъ прежде всего потребовалъ за привезенные имъ акты 1400 р. Братья, хотя и считали его требованія чрезмѣрными, тѣмъ не менѣе заплатили деньги: каково же было ихъ негодованіе, когда въ привезенныхъ актахъ не оказалось ни однимъ словомъ болѣе того, что они давно уже получили отъ Рейхеля! ²⁾ Среди братьевъ поднялись тогда раздоры, кончившіеся исключеніемъ изъ ордена Розенберга вмѣстѣ съ его братомъ ³⁾.

Кн. А. Б. Куракинъ. (Изд. В. Кн. Н. М.)
Le prince A. B. Kourakine.

Не удовлетворенные такимъ образомъ шведскими градусами, наши масоны къ тому же крайне тяготились своею тѣсною зависимостью отъ Швеціи, навлекавшей на нихъ подозрѣнія со стороны правительства: такъ, въ 1779 г. петербургскій полицій-

¹⁾ Къ Національной ложѣ князя Гагарина принадлежали: шесть ложъ въ Петербургѣ (Аполлона, Феникса, Св. Александра, Пылающей Звѣзды, Благотворительности и Горуса), четыре въ Москвѣ (Озириса, Трехъ Мечей, Трехъ Добродѣтелей и Аписа); далѣе ложа Трехъ Сѣкирь въ Ревелѣ, Нептуна въ Кронштадтѣ, военная ложа въ Кинбурнѣ и одна ложа въ Пензѣ.

²⁾ Friedrichs, 77.

³⁾ Впослѣдствіи Розенбергъ жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ ложѣ Аполлона и существовалъ пособіями отъ братьевъ; онъ умеръ въ 1798 г. и былъ похороненъ на счетъ немногихъ оставшихся масоновъ.

мейстеръ Лопухинъ, по приказанію начальства, два раза былъ въ Гагаринскихъ ложахъ, «для узнанія и донесенія Ея Величеству о перепискѣ ихъ съ герцогомъ Зюдерманландскимъ»¹⁾. Какъ разъ въ концѣ того же года произошло событіе, окончательно погубившее шведское масонство въ глазахъ Екатерины и всѣхъ русскихъ братьевъ: герцогъ Зюдерманландскій издалъ декларацию, въ которой неожиданно для всего міра объявилъ Швецію девятою провинціей Строгаго Наблюденія, приписавъ къ ней въ числѣ другихъ мѣстностей и всю Россію. Поступокъ его вызвалъ среди русскихъ масоновъ чувство глубокаго возмущенія и страха за судьбу ордена въ Россіи. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того «осторожная монархія... приказала высокопочт. брату Елагину закрыть» ложи Гагарина; «послѣ чего братья Гагаринъ и Турчаниновъ²⁾ уѣхали въ Москву и стали учреждать тамъ ложи, которыя тайно работали по шведской системѣ»³⁾. Съ этого момента кончается доминирующее значеніе Петербурга въ исторіи русскаго масонства: первенствующая роль переходитъ теперь къ московскимъ ложа́мъ, въ которыхъ сосредоточились къ тому времени лучшія русскія интеллигентныя силы.

Дальнѣйшая исторія шведской системы въ Петербургѣ можетъ быть передана въ нѣсколькихъ словахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя по закрытіи Гагаринской ложи въ Петербургѣ открылась по шведской системѣ ложа Александра съ 10 степенями (мастеръ стула Фрезе, затѣмъ врачъ Шубертъ), далѣе уже отъ нея—ложи Дубовой долины (Zum Eichthal, мастеръ стула учитель Леонарди) и Аполлона (мастеръ стула братъ Розенберга). Пока эти ложи работали негласно, онѣ существовали безпрепятственно; но когда въ одной изъ нихъ⁴⁾ было устроено торжественное траурное засѣданіе въ память адмирала Грейга, Екатерина велѣла закрыть всѣ ложи этой системы⁵⁾.

Переѣздъ Гагарина не внесъ особаго оживленія въ московскія ложи: къ шведской системѣ присоединились здѣсь ложи Трехъ Мечей, Аписа, основанная незадолго передъ тѣмъ (въ 1779 г.), Трехъ Христіанскихъ Добродѣтелей, работавшія раньше по англійской системѣ, и Озириса, принадлежавшая, какъ мы знаемъ, къ Рейхелевскому масонству. До этого момента, т.-е. раньше 1781 года, въ Москвѣ дѣйствовали еще ложи Кліо, англійская, Латоны (очевидно, Циннендорфская), Трехъ Знаменъ (мастеръ стула П. А. Татищевъ, Строгое Наблюденіе) и, по показанію Новикова, одна или двѣ ложи «настоящихъ французскихъ».

¹⁾ Лонгиновъ, 110.

²⁾ Онъ былъ мастеромъ стула въ одной изъ Гагаринскихъ ложъ. Р. Стар., 1882, сентябрь, стр. 542.

³⁾ Тамъ же, стр. 542—3.

⁴⁾ Въ ложѣ Нептуна въ Кронштадтѣ, основанной въ 1781 г. См. Пыпинъ, Хронол. указ., стр. 20. Рѣчь эта произнесена въ 1788 г., 29 октября.

⁵⁾ Р. Старина, 1882 г., сентябрь, стр. 543.

Среди главарей московскаго масонства главное мѣсто занималъ бывший сотрудникъ Рейхеля князь Н. Н. Трубецкой, мастеръ ложи Озириса, не примкнувшій къ союзу Елагина и Рейхеля и въ 1778 г. соединившійся съ Гагаринымъ «на нѣкоторыхъ условіяхъ».

Вообще же московскія ложи сильно страдали отъ отсутствія стройной организации и единства, и развитіе здѣсь масонства шло по сравненію съ Петербургомъ очень туго вплоть до тѣхъ поръ, пока во главѣ его не стали главные дѣятели московскаго братства—Новиковъ и Шварцъ, пріѣхавшіе въ Москву въ одномъ и томъ же 1779 году,—одинъ изъ Петербурга, другой изъ Могилева. Они дали мощный толчокъ быстрому развитію масонства во всей Россіи, положивъ начало самому блестящему періоду его существованія, связанному съ введеніемъ розенкрейцерства.

С. К. Грейгъ. (Изд. В. Кн. Н. М.)
S. K. Greigue.

Новиковъ, по его собственнымъ словамъ, вступилъ въ масонство еще въ 1775 г. въ Петербургѣ, находясь «на распутьи между вольтеріанствомъ и религіей». Подобно многимъ лучшимъ людямъ эпохи, онъ впалъ въ глубокой разладъ съ самимъ собой и «не имѣлъ краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать свое душевное спокойствіе». Въ такомъ состояніи духа онъ «неожиданно попалъ въ общество». Вначалѣ, какъ и Елагинъ, онъ, повидимому, не нашелъ въ масонствѣ этого «краеугольнаго камня», такъ какъ, хотя ему и были открыты при вступленіи три первые градуса англійскаго масонства, однако, послѣднее ему не понравилось: онъ нашелъ здѣсь слишкомъ мало нужныхъ ему «преподаваній нравственныхъ». Тѣмъ не менѣе Новиковъ не только не воспользовался даннымъ ему при вступленіи правомъ выйти изъ ордена¹⁾, если найдетъ въ немъ что-либо «противное совѣсти», но даже въ томъ же году, въ числѣ 9 братьевъ, способствовалъ учрежденію новой ложи, во главѣ которой сталъ майоръ Я. Ф. Дубян-

¹⁾ Согласно условію, Новиковъ при вступленіи былъ освобожденъ отъ присяги.

скій ¹⁾). Причиной этого обстоятельства было, по его же словам, то, что «употребленіе сдѣлало привычку, а привычка—привязанность и любопытство къ ученію масонства и изъясненію гіероглифовъ и аллегорій» ²⁾). Полученная здѣсь Новиковымъ четвертая степень англійскаго масонства, однако, его не удовлетворила: услышавъ, что «истинное масонство привезено барономъ Рейхелемъ изъ Берлина», онъ и его сотоварищи добились учрежденія для нихъ (черезъ Розенберга) новой ложи уже по шведско-берлинской системѣ. Это была, конечно, ложа Латоны, въ которой Новиковъ занялъ въ 1777 году мѣсто мастера стула, освободившееся послѣ отказа И. П. Чаадаева отъ соединенія съ Рейхелевскими ложами ³⁾. «Тутъ,—показывалъ Новиковъ,—было все обращено на нравственность и самопознаніе и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность». Новиковъ вскорѣ познакомился со многими выдающимися масонами—Н. Н. Трубецкимъ, Херасковымъ, Гагаринымъ. «Привязанность всѣхъ къ сему масонству умножилась», а между тѣмъ ревность братьевъ не находила себѣ, какъ мы знаемъ, у Рейхеля требуемой пищи, такъ какъ онъ не давалъ высшихъ степеней. Тѣмъ не менѣе, по введеніи у насъ шведскаго масонства, Новиковъ не перешелъ на сторону Гагарина, хотя и былъ во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1778 г. «почти насильно» принятъ въ седьмую степень его системы. «Градусъ данъ былъ рыцарскій,—разсказываетъ Новиковъ,—и онъ мнѣ совсѣмъ не полюбился и показался подозрительнымъ». Рыцарскія степени не привлекали его потому, что ему не были нужны ни пышныя церемоніи, ни фантастическая исторія тамплиерскаго ордена, преподававшіяся въ этихъ высшихъ степеняхъ. Потому же, конечно, Новиковъ относился съ недовѣріемъ и къ «такъ называемому Стриктъ-Обсерванту».

Въ 1779 году Новиковъ переѣхалъ въ Москву и вскорѣ встрѣтился здѣсь съ будущимъ главою русскаго розенкрейцерства. «Однажды,—разсказывалъ Новиковъ впослѣдствіи ⁴⁾,—пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ». Шварцъ уже давно былъ ревностнымъ масономъ и въ Могилевѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ гувернера въ домѣ А. М. Рахманова, «держалъ молотокъ» въ ложѣ, работавшей по ненавистной Новикову «Стриктъ-обсервантской» системѣ. Поэтому вначалѣ послѣдній, «хотя и весьма полюбилъ его за его отличныя дарованія, ученость да за заслуживость», но о масонствѣ въ теченіе почти двухъ лѣтъ «съ нимъ не говорилъ ни слова и крайне остерегался, чтобы и его говорить о томъ съ собою допускать, потому что... почиталъ его Стриктъ-обсервантомъ и по масонству его остерегался» ⁵⁾).

¹⁾ По Фридрихсу, Дубянский былъ мастеромъ въ ложѣ Немезиды.

²⁾ Лонгиновъ, 075.

³⁾ Тамъ же, Friedrichs, 41.

⁴⁾ Лонгиновъ, 126.

⁵⁾ Тамъ же, Приложенія, стр. 078.

Между тѣмъ дѣла масонскія шли въ Москвѣ плохо: главная изъ ложъ, князя Трубецкого, «весьма умалилась и члены отставали». Тогда, вспомнивъ совѣтъ Рейхеля, что, «ежели хотѣть упражняться въ истинномъ масонствѣ, то надобно имѣть ложу весьма скрытую, состоящую изъ весьма малаго числа членовъ скромныхъ и постоянныхъ и упражняться въ тишинѣ», наиболѣе ревностные масонскіе братья учредили своеобразную ложу *Гармонія*, въ составъ которой вошли: кн. Н. Н. Трубецкой (ложка Озириса, шведской системы), Новиковъ (ложка Латоны, шведско-берлинская), М. М. Херасковъ, И. П. Тургеневъ, А. М. Кутузовъ и другіе. Допущенъ былъ въ эту ложу и Шварцъ, на условіи, «чтобы онъ объ Стрикть-обсервантскихъ градусахъ ничего и не говорилъ». Ложка была названа «сіентифическою», т.-е. имѣла въ виду *научную* сторону масонства, но формальныхъ собраній она не имѣла, и братья собирались только для совѣщаній объ ея устройствѣ и, въ особенности, о томъ, «какъ искать вышнихъ градусовъ». Впослѣдствіи были еще приняты кн. Ю. Н. Трубецкой, по убѣжденіямъ Шварца П. А. Татищевъ (мастеръ ложки Трехъ Знаменъ, Строгаго Наблюденія), И. В. Лопухинъ и С. И. Гамалѣя. На одномъ изъ этихъ совѣщаній Шварцъ предложилъ отправиться въ Курляндію и достать тамъ отъ знакомаго ему мастера Курляндской ложки «продолженіе Рейхелевскихъ градусовъ». Воспользовавшись предстоявшею поѣздкой Шварца за границу въ качествѣ воспитателя сына П. А. Татищева, члены ложки *Гармонія* поручили ему искать въ Курляндіи и въ Берлинѣ «истинныхъ актовъ», въ случаѣ же неудачи ему было разрѣшено «узнать, гдѣ найти оное (т.-е. истинное масонство) ¹⁾ можно».

Пріѣхавъ въ Митаву лѣтомъ 1781 года, Шварцъ получилъ отъ мастера Курляндской ложки два драгоцѣнныхъ письма, рѣшившихъ дальнѣйшую судьбу русскаго масонства; письма эти были адресованы двумъ виднѣйшимъ представителямъ нѣмецкаго розенкрейцерства—знаменитому мистіку Вѣльнеру и генераль-штабъ хирургу Тедену, и передача ихъ Шварцу сопровождалась непремѣннымъ условіемъ, чтобы предварительно было принято и введено въ употребленіе въ Россіи ненавистное Новикову рыцарство ²⁾. Шварцъ зналъ, что это обстоятельство, къ тому же связанное съ необходимостью новаго подчиненія ложъ иностранной владѣтельной особѣ, а именно гротмейстеру Строгаго Наблюденія принцу Фердинанду Брауншвейгскому, будетъ непріятно московскимъ братьямъ, но согласился на предложенное условіе по необходимости, лишь бы добиться полученія драгоцѣнныхъ писемъ. Можно предполагать, что сговорчивость Шварца, которой Новиковъ долго не могъ ему простить, объясняется его страстнымъ желаніемъ получить ту «истину», о которой безыс-

¹⁾ Тамъ же, Приложенія, стр. 079—80.

²⁾ Лонгиновъ, Прилож., стр. 082.

вѣстно было и членамъ ложи Гармонія; иначе говоря, мнѣ кажется, что и Шварцъ, и московскіе братья отлично знали о существованіи розенкрейцерства, втайнѣ стремились къ нему болѣе, чѣмъ къ «Рейхелевскимъ градусамъ», и обсуждали этотъ вопросъ въ своей «сіентифической» ложѣ. По крайней мѣрѣ, еще въ 1776 или слѣдующемъ году Новиковъ слышалъ отъ князя П. И. Репнина, что «истинное масонство скрывается у истинныхъ розенкрейцеровъ, что ихъ весьма трудно найти, а вступленіе въ ихъ общество еще труднѣе». Отъ Репнина Новиковъ узналъ далѣе, что у розенкрейцеровъ «скрываются великія таинства, что ученіе ихъ просто и клонится къ познанію Бога, природы и себя» ¹⁾. Болѣе Репнинъ ничего не сказалъ о розенкрейцерствѣ, но этого было вполне достаточно, чтобы Новиковъ, искавшій въ масонствѣ какъ разъ такого рода «высшихъ познаній», вспомнилъ о словахъ Репнина въ собраніяхъ ложи Гармоніи. Такая цѣль, очевидно, стояла того, чтобы Шварцъ, близко видѣвшій достиженіе завѣтныхъ желаній братьевъ, пренебрегъ какими-то «рыцарскими градусами», которые притомъ можно было впослѣдствіи и бросить. Какъ бы тамъ ни было, но съ письмомъ въ рукахъ Шварцъ явился къ Вѣльнеру въ Берлинъ. Знаменитый розенкрейцеръ сообщилъ Шварцу о желаніи Фердинанда, чтобы въ Москвѣ были учреждены два рыцарскіе капитула, и передалъ ему для нихъ соответствующій «градусть». Не это, конечно, было главной цѣлью Шварца: онъ жаждалъ «истиннаго масонства» и, къ великой радости своей, былъ посвященъ Вѣльнеромъ въ таинство розенкрейцерства. 1 октября 1781 года Шварцъ получилъ отъ Тедена особую грамоту, назначавшую его «единственнымъ верховнымъ предстоятелемъ» теоретической степени «во всемъ Императорско-россійскомъ государствѣ и его земляхъ» ²⁾. Такимъ образомъ Шварцъ сталъ главою русскаго розенкрейцерства. Тотъ же актъ «главнымъ надзирателемъ» для теоретической степени, — подчиненнымъ Шварцу, — назначалъ Новикова. Въстѣ съ тѣмъ Шварцъ получилъ отъ герцога Брауншвейгскаго формальное обѣщаніе поддерживать на предстоявшемъ въ Вильгельмсбадѣ генеральномъ масонскомъ конвентѣ стремленіе русскихъ масоновъ къ выдѣленію Россіи въ особую, самостоятельную провинцію ордена.

Такимъ образомъ, со времени возвращенія Шварца изъ - за границы (начало 1782 г.) и до его смерти (начало 1784 г.) московскіе масоны приняли двоякую организацію: во-первыхъ, высшій рыцарскій градусъ строгаго наблюденія, члены котораго, сосредоточившіеся въ двухъ капитулахъ — Трубецкого и Татищева, управляли собственно масонскими ложами, имъ подвѣдомственными, и, во-вторыхъ, розенкрейцерство, во главѣ котораго сталъ Шварцъ.

За временное принятіе «рыцарскаго градуса», вызвавшее къ Шварцу со стороны Новикова даже «нѣкоторую холодность и недовѣрчивость», московскіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 077.

²⁾ Ешевскій, Соч. т. III, стр. 486—488.

масоны были сторицею вознаграждены полученіемъ «Теоретическаго градуса Соломоновыхъ наукъ», содержавшаго, кромѣ ритуаловъ теоретической степени, основныя начала розенкрейцерской науки, которой они такъ страстно добивались. Розенкрейцерство наполнило ихъ сердца восторгомъ, прекраснымъ образцомъ котораго можетъ служить письмо Новикова къ петербургскому масону Ржевскому отъ 14 февраля 1783 года ¹⁾. «Совѣты,—пишетъ онъ,—объясненія, наставленія, откровенность и чистосердечіе, ревность и пламенное желаніе доставить благо нашему отечеству, чуждая всякаго корыстолюбія братская любовь нашего любезнѣйшаго бр. о. (брата ордена) Ивана Григорьевича Шварца, и также подлинныя орденскіе документы, въ рукахъ его находившіеся, дали имъ (т.-е. московскимъ масонамъ) узрѣть орденъ въ истинномъ его красотою своею все превосходящемъ видѣ; а наконецъ, *по незаслуженному ихъ счастью*, удостоились они превышающаго и самыя великія награжденія орденскаго объятія и благословенія, они *обоняютъ уже небесный и чистый и натуру челоуѣческую оживляющій запахъ ордена, позволили уже имъ утолять жажду ихъ къ познанію изъ источника Эдемскаго*, изобильно и непрестанно протекающаго отъ начала вѣковъ во всѣ четыре конца вселенныя». Мы «столько учинились блаженными,—добавляетъ Новиковъ въ концѣ письма,—что въ отечествѣ нашемъ существуютъ уже *спасительныя, истинныя и единственныя познанія древнѣйшаго, единого и святѣйшаго ордена*».

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ общественно-историческаго значенія русскаго розенкрейцерства, разсмотримъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія его въ Россіи.

Въ половинѣ 1782 года состоялся общемасонскій конвентъ въ Вильгельмсбадѣ, на которомъ система Строгаго Наблюденія была совершенно преобразована путемъ рѣзкаго ея отграниченія отъ ордена тамплиеровъ: было постановлено только въ послѣдней степени ордена преподавать «связь съ орденомъ тамплиеровъ исторически», «но всѣмъ префектурамъ и провинціямъ предоставить на волю не дѣлать употребленія изъ этой степени» ²⁾. Такимъ образомъ, къ радости Новикова, рыцарство было формально разрушено. Сверхъ того, на этомъ конвентѣ Россія, имѣвшая такихъ сильныхъ делегатовъ, какъ самъ герцогъ Брауншвейгскій и тайный секретарь Шварцъ ³⁾, получила признаніе ея особою, 8-ою провинціей Строгаго Наблюденія ⁴⁾. Соотвѣтственно этому постановленію, между 1782 и 1783 гг. въ Москвѣ былъ учрежденъ Провинціальный Капитулъ и Директорія

¹⁾ Тамъ же, стр. 470.

²⁾ Финдель. Исторія франкъ-масонства, т. I, стр. 299 русскаго перевода.

³⁾ Schwartz, Conseiller d'Etat de S. M. le Roi de Danemark, игралъ видную роль въ нѣмецкомъ масонствѣ.

⁴⁾ Всего было учреждено 9 провинцій: «1) Нижняя Германія; 2) Овернія; 3) Окситанія;

4) Италія и къ ней префектура Шамбери; 5) Бургонія; 6) Вышняя Германія; 7) Австрія; 8) Вся

для управленія собственно масонскими ложами ¹⁾, изъ которыхъ четыре: Трехъ Знамень (П. А. Татищевъ), Озириса (кн. Н. Н. Трубецкой), Латоны (Новиковъ) и Сфинкса (кн. Гагаринъ) получили названіе «матерей-ложъ», т.-е. стали пользоваться правомъ самостоятельнаго конституированія ложъ.

Количество масонскихъ ложъ, подчиненныхъ московской префектурѣ, быстро увеличивалось. Въ самомъ скоромъ времени московскіе братья завязали сношенія съ Петербургомъ черезъ вліятельнаго масона А. А. Ржевскаго, который и былъ поставленъ во главѣ новоучрежденной петербургской префектуры; однако въ Петербургѣ новая организація прививалась туго: ей помѣшали колебанія и интриги, въ это время расцвѣтшія въ ложахъ; изъ показаній Новикова ²⁾ извѣстно только «сборище» генераль-майора Лѣвникова, смѣнившаго Ржевскаго на посту главнаго надзирателя теоретической степени. Вообще же, по подсчету Новикова ³⁾, — правда, весьма неточному, — подъ управленіемъ Москвы находилось въ періодъ времени отъ 1782 по 1786 г. всего 19 ложъ: въ Москвѣ 13, по одной въ Орлѣ, Могилевѣ, Вологдѣ, Кременчугѣ, Казани и Харьковѣ.

Что касается основанныхъ по желанію Фердинанда рыцарскихъ капитуловъ, то они были вскорѣ уничтожены ⁴⁾, «по неотступнымъ требованіямъ братьевъ», рыцарскіе градусы «совсѣмъ брошены и связь съ герцогомъ Брауншвейгскимъ... совсѣмъ разорвана» ⁵⁾. Желаніе братьевъ расторгнуть эту связь, которая могла навлечь на нихъ новое недовольство правительства, было облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ показывали на допросѣ Лопухинъ и Тургеневъ, «Вѣльнеровъ кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога Брауншвейгскаго и между собою были не въ согласіи». Наши масоны «связь сію» (съ герцогомъ) не уважали и потому воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы «оставить орденъ Тамплиеровъ и благотворныхъ рыцарей, избрать орденъ Злато-Розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вѣльнеру» ⁶⁾.

Вмѣстѣ съ хлопотами объ устройствѣ обыкновеннаго масонства, составляв-

---

Россія; 9) Осталась вакантною, дабы дать Швеціи средство раскаяться и присоединиться къ ордену». (Изъ письма Трубецкого Ржевскому, Ешевскій, Соч., т. III, стр. 466—467).

¹⁾ Мѣсто Великаго Провинц. мастера русскихъ ложъ осталось вакантнымъ и никогда не было замѣщено. Шварцъ предназначалъ его для наслѣдника престола, о чемъ велъ даже переписку съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ. Другіе братья ничего противъ этого не имѣли и такимъ образомъ, хотя вскорѣ и бросили этотъ планъ, дали противъ себя сильнѣйшее оружіе въ руки Правительству Екатерины. Пріоромъ 8 провинціи былъ назначенъ П. А. Татищевъ.

²⁾ Сб. Истор. Об-ва, т. II, стр. 152.

³⁾ Послѣ смерти Шварца. Тамъ же, стр. 148.

⁴⁾ Лонгиновъ, 086.

⁵⁾ Лѣтописи рус. лит. и древности, т. V, стр. 81.

шаго только преддверіе къ истинному «храму премудрости», заправили московскаго братства въ глубокой тайнѣ отъ низшихъ собратьевъ организовывали въ Москвѣ центръ розенкрейцерства. Мы знаемъ, что «единственнымъ верховнымъ предстоятелемъ» теоретической степени еще въ октябрѣ 1781 г. былъ назначенъ Шварцъ: онъ одинъ и былъ въ то время «въ орденѣ», такъ какъ всѣ остальные имѣли только «теоретическій градусъ» и были сдѣланы розенкрейцерами лишь позднѣе. Къ сожалѣнію, эта сторона дѣятельности Шварца, какъ главы розенкрейцерства въ Россіи, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ: мы знаемъ только, что онъ долженъ былъ дѣятельно толковать въ собраніяхъ «теоретистовъ» упомянутый выше «Теоретическій градусъ Соломоновыхъ наукъ» и что онъ вербовалъ себѣ единомышленниковъ на своихъ публичныхъ и частныхъ чтеніяхъ, гдѣ, излагая то же розенкрейцерское ученіе въ популярной формѣ, дѣлалъ слушателямъ весьма ясныя намеки на то, что великія тайны находятся въ рукахъ такъ называемыхъ Р. К. ¹⁾.

Въ февралѣ 1784 года Шварцъ умеръ. Смерть его повергла нашихъ розенкрейцеровъ въ «смятеніе и безпокойство»,—не только вслѣдствіе любви и уваженія, которыми былъ окруженъ этотъ «преизящный братъ», но еще и потому, что смерть застигла его въ то время, когда розенкрейцерство далеко еще не было организовано. Шварцъ, какъ это видно изъ письма Тедена Татищеву отъ 9 апрѣля того же года ²⁾, долженъ былъ учредить въ Москвѣ Директорію для теоретическихъ братьевъ изъ Татищева, Трубецкого и Новикова. Этимъ же письмомъ Теденъ и учредилъ ее, при чемъ рекомендовалъ въ качествѣ главнаго надзирателя для нѣмецкаго языка нѣкоего барона Шрёдера, пріѣхавшаго въ Москву около 1782 г. и вскорѣ затѣмъ назначеннаго «верховнымъ предстоятелемъ розенкрейцерства». Опять во главѣ московскаго кружка оказался нѣмецъ, но на этотъ разъ далеко не столь почтенный, какъ его предшественникъ: Шрёдеръ не пользовался особеннымъ вліяніемъ въ Москвѣ и скоро разошелся съ русскими розенкрейцерами изъ-за денежныхъ расчетовъ.

Въ томъ же 1784 году развитіе розенкрейцерства нѣсколько затормозилось объявленіемъ «силанума» (молчанія) ³⁾, послѣдовавшимъ отъ высшихъ орденскихъ начальниковъ. Во время дѣйствія силанума не могло быть ни новыхъ

¹⁾ Въ лекціяхъ Шварца «О трехъ познаніяхъ» читаемъ: «Нѣкоторая секта іудейская, извѣстная подъ именемъ Э. (есеевъ) и Т. (терапевтовъ), сохранила оное преданіе (данное Богомъ Адаму познаніе), и... оно перешло къ такъ называемымъ Р.... К...» И далѣе: «Чтобы дать нѣкоторое познаніе о такъ называемой Р. К... Каббалѣ, я почерпну впредь нѣкоторое изъ понятіе изъ изъясненія ихъ выданныхъ ими книгъ и на размышленіе слушателей то представлю». Изъ 8-ой лекціи. См. Рук. Имп. Публ. Библ. О. III № 40, л. 57 и об.

²⁾ Ешевскій, Соч. т. III, стр. 517.

³⁾ «Силанумъ въ орденѣ есть такое время, въ которое отцы и правители высокосвѣтлаго и святѣйшаго ордена занимаются разсмотрѣніемъ всей экономіи его,—есть то время, въ которое они сего благословеннаго и райскаго древа обрѣзываютъ и отсѣкаютъ увядающіе и за-

посвященій, ни повышеній,—тѣмъ не менѣе это не мѣшало, конечно, московскимъ братьямъ дѣятельно трудиться надъ усвоеніемъ розенкрейцерской науки и расширять кругъ своего вліянія путемъ открытія новыхъ іоанновскихъ ложъ. Сколько времени продолжался силанумъ, мы не знаемъ, но, судя по тому, что въ 1785 году приняты «въ орденъ» докторъ Багрянскій, проф. Чеботаревъ и извѣстный О. А. Поздѣевъ¹⁾,—мы можемъ заключить, что къ этому времени работы возобновились.

Но судьбы розенкрейцерства близились къ развязкѣ. Въ 1786 году, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ-либо намъ неизвѣстныхъ правительственныхъ распоряженій, всѣ масонскія ложи, находившіяся подъ управленіемъ московскаго братства, были закрыты. Правительственныя гоненія, которымъ посвящена отдѣльная статья настоящаго сборника и о которыхъ мы потому распространяться не будемъ, не помѣшали работамъ не только розенкрейцеровъ, но и «теоретическаго градуса»: братья продолжали собираться «въ тиши» и даже пытались еще печатать «орденскія» книги въ тайной типографіи²⁾. Но уже въ концѣ 1786 года баронъ Шрёдеръ сообщилъ, что онъ получилъ отъ орденскихъ начальниковъ приказаніе «прервать съ наступленіемъ 1787 года всѣ орденскія собранія и переписки и сношенія, и отнюдь не имѣть до того времени, пока дано будетъ знать»³⁾. На этотъ разъ силанумъ былъ учрежденъ вслѣдствіе «великаго распространенія и проницательствъ иллюминатовъ»⁴⁾ и продолжался дольше. Впрочемъ, судя по показаніямъ Лопухина, въ послѣдніе годы существованія розенкрейцерства собранія «принятыхъ въ орденъ» еще происходили четыре или пять разъ въ годъ, точно такъ же, какъ и собранія теоретическихъ ложъ, но постепенно число братьевъ таяло, и они «наконецъ находились весьма не въ великомъ числѣ»⁴⁾. Московскіе розенкрейцеры продолжали еще нѣкоторое время сношенія съ Берлиномъ, посылали туда А. М. Кутузова для подготовки къ заступленію мѣста Шредера, и студентовъ Невзорова и Колокольниковъ — для изученія медицины, химіи и другихъ наукъ, необходимыхъ для производства практическихъ розен-

---

сыхающіе отпрыски, а иногда и цѣлыя безплодныя вѣтви. Время сіе сколько для экономіи ордена вообще весьма важное, столько и для всѣхъ отцовъ и въ особенности для всякаго брата Р-ра *страшное*...» См. Ешевскій, стр. 513. Цитата, напечатанная Ешевскимъ, представляетъ выдержку изъ сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго подъ заглавіемъ: «Рѣчь въ собраніи Р. К. въ продолженіе силанума. Въ день извѣстнаго собранія» (?) У меня имѣется списокъ этой Рѣчи, сдѣланный въ 1827 г.

¹⁾ Въ качествѣ послѣдняго оставшагося въ живыхъ розенкрейцера онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ среди масоновъ начала слѣдующаго вѣка и, кажется, игралъ тогда немаловажную роль въ масонствѣ, похожую на роль высшаго орденскаго начальника.

²⁾ «Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе»—въ 1786 г. и знаменитая «Божественная метафизика» Поредджа—въ 1787 г.

³⁾ Показанія Новикова. Лонгиновъ, 088.

⁴⁾ Показанія Лопухина. Лонгиновъ, 0133.

крейцерскихъ работъ, но въ сущности уже въ 1787 г. съ розенкрейцерствомъ было покончено: арестъ Новикова въ 1792 году и кары, посыпавшіяся на «мартинистовъ», только довершили и безъ того уже начавшееся распаденіе ордена: наши розенкрейцеры, хотя, кажется, и не достигли послѣднихъ степеней ордена, не сдѣлались «магами», обладателями философскаго камня и вызывателями духовъ, но дошли уже до того, что въ этомъ стали видѣть цѣль своихъ конечныхъ исканій, столь далекихъ отъ «познанія Бога въ природѣ и природы въ человѣкѣ». Дальше итти было некуда, и императрица, громовымъ ударомъ своимъ оборвавъ въ самомъ концѣ нить развитія розенкрейцерства, только способствовала неудачному его возрожденію въ началѣ XIX вѣка, когда русское сознаніе уже опередило масонскую «науку» и въ ложахъ искало себѣ иной, болѣе современной пищи: связь масонства съ политическими движеніями первой четверти новаго вѣка ясно указываетъ на пробужденіе уже совершенно иныхъ интересовъ, использовавшихъ орденъ, какъ форму, какъ прекрасную организационную школу, и влагавшихъ въ него новое, болѣе глубокое общественное содержаніе.

Чтобы уяснить себѣ вопросъ объ общественно-историческомъ значеніи русскаго розенкрейцерства восьмидесятихъ годовъ XVIII вѣка, необходимо имѣть нѣкоторое представленіе о характерѣ той розенкрейцерской «науки», которая составляла главную приманку въ глазахъ московскихъ братьевъ и создала «ордену» такую славу среди его русскихъ «адептовъ». «Орденъ злато-розоваго креста», составляя особую, высшую организацію, рѣзко отдѣлялся отъ собственно «масонства» и допускалъ въ свой составъ только «екоскихъ (шотландскихъ) старыхъ мастеровъ, оказавшихъ довольные опыты своей богобоязни, добронравія, человѣколюбія и ревности къ премудрости»¹⁾. Прежде чѣмъ быть принятыми въ «орденъ», они должны были пройти черезъ «теоретическую» степень, въ которой приобрѣтали общія теоретическія познанія, необходимыя для практическаго производства розенкрейцерскихъ работъ. Главнымъ руководствомъ для орденскихъ занятій былъ «Теоретическій градусъ Соломоновыхъ наукъ», — офиціальное сочиненіе, предназначавшееся въ качествѣ главнаго акта для работъ въ теоретической степени. «Теоретическій градусъ» былъ полученъ Шварцемъ отъ Тедена и составлялъ вначалѣ величайшую тайну, но впослѣдствіи пошелъ по рукамъ братьевъ и потому сохранился во множествѣ списковъ²⁾, несмотря на категорическое требованіе Тедена ни въ какомъ случаѣ не давать его братьямъ для списыванія и даже для про-

¹⁾ Теорет. Градусъ, Принятіе. Рук. Имп. Публ. Библ. О. III. № 139, листъ 1.

²⁾ См., напр., Рук. Имп. Публ. Библ. Ф. III № 47, О. III № 139, О. III № 102 и др. Рук. Моск. Рум. Муз. № 140 (1977), 141 (1978), 142 (1979) и др.; Рук. Об-ва Люб. Древней Письм. FCCLX.

чтенія ¹⁾. Прежде всего книга содержитъ ритуаль принятія въ теоретическій градусъ, «Законы для высокаго собранія такъ называемыхъ теоретическихъ философовъ, обряды столоваго собранія», «вопросы къ открытію собранія для теоретическихъ братьевъ Соломоновыхъ наукъ, послѣ послѣдняго собранія» и, наконецъ, въ главной своей части, «Наставленіе для теоретическихъ братьевъ». Для полного уразумѣнія этой книги рекомендовалось чтеніе многихъ «изъ ордена вышедшихъ книгъ», которыя ревностно штудировались нашими розенкрейцерами. Къ числу ихъ прежде всего принадлежитъ большое число сочиненій мистическаго характера, трактовавшихъ вопросы «творенія» и вообще мірового устройства, а затѣмъ книги алхимическаго содержанія. Особеннымъ успѣхомъ пользовались сочиненія Якова Беме ²⁾ и его комментатора Пордеджа («Божественная и истинная метафизика»), книга Ретцеля «Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе», изъ которой Трубецкой совѣтовалъ Ржевскому «почерпнуть ученіе свое братьямъ» ³⁾ теоретической степени, затѣмъ по алхиміи «Колыбель камня мудрыхъ», «Хризомандеръ», «Opus magus» Веллинга, сочиненія Флуктиба и т. д.

«Тотъ есть философъ, читаемъ мы въ «Теоретическомъ градусѣ», который всѣми образы старается Бога, своего Творца, себя самого и натуру познавать и ея столь различныя дѣйствія испытывать» ⁴⁾. Программа розенкрейцерской науки сводится, слѣдовательно, къ «познанію Бога въ природѣ и природы въ человѣкѣ» и отсюда распадается на два отдѣла: теософію и натурфилософію. Совершеннымъ и таинственнымъ познаніемъ Бога и природы во всей его полнотѣ обладалъ лишь одинъ человѣкъ въ мірѣ,—Адамъ, до своего грѣхопаденія бесѣдовавшій съ Богомъ и отъ Него получившій всѣ свѣдѣнія относительно міровъ видимыхъ и невидимыхъ. «Всякъ вѣрующій въ Бога и въ Святое Его

¹⁾ Ешевскій, т. III, стр. 487.

²⁾ Особенно «Путь ко Хрису», «О четырехъ комплекціяхъ», «Серафимскій цвѣтникъ». — «Благодарю Бога,—писалъ Трубецкой Ржевскому 1 февраля 1784 г.,—что сочиненія высокопросв. въ Божѣ почивающаго брата нашего Іакова были пріятны вашему сердцу; читай ихъ, мой другъ, читай съ молитвою, и вѣрь, что чѣмъ болѣе читать ихъ будешь, тѣмъ болѣе духъ Господень, открывающійся чрезъ сего великаго мужа и угодника, или лучше сказать *друга Божія*, будетъ вкореняться въ сердце ваше». Цитирую по принадлежащей мнѣ рукописи, содержащей почти тѣ же документы, которые были опубликованы Ешевскимъ; моя рукопись носитъ заглавіе: «Отрывки, касающіеся до введенія въ Россію ордена С. К. (т.-е. своб. камней) Древней Системы, почерпнутыя изъ достовѣрнаго источника. Писанные въ исходѣ 18.. года. 1825 года». Я буду прибѣгать къ ней въ тѣхъ случаяхъ, когда приводимаго мѣста не находится у Ешевскаго.

³⁾ Къ этой книгѣ, а не къ Теор. Градусу (какъ это думалъ Ешевскій. Соч. III, стр. 524), относится слѣдующее мѣсто изъ письма Трубецкой Ржевскому отъ 10 сентября 1783 г.: «Посылаю тебѣ при семъ книгу: штудируй ее день и ночь, такъ чтобы она въ тебѣ внутренно оживотворилась, изъ нея удѣляй вѣреннымъ тебѣ братьямъ, не показывая однакожъ имъ *до времени* источника, изъ котораго ты ихъ учишь». Въ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи рукописи книга наведена: «Ретц: О 6-ти дней твореніи».

⁴⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Q. III, № 139, л. 12 об.

Слово не будет сомнѣваться въ томъ, что Адамъ, общій нашъ отецъ, точно получилъ непосредственно отъ Бога высочайшую премудрость и познаніе Бога, натуры и всего сотвореннаго». («Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Своб... кам...»). Магази́нь свободно-каменщи́ческой, т. III, с. 3—8. Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 39). Вме́стѣ съ грѣхопаде́ніемъ Адамъ лишился почти всѣхъ своихъ познаній. Отсюда—необходимость и важность первыхъ трехъ степеней обыкновеннаго масонства, «работы надъ дикимъ камнемъ», т.-е. нравственнаго самосовершенствованія, въ розенкрейцерствѣ имѣвшаго цѣлью достиженіе духовнаго совершенства, необходимаго для полученія высшихъ познаній, которыми обладалъ Адамъ до паденія. Такимъ образомъ, и въ розенкрейцерствѣ была положена въ основу та же общемасонская нравоучительная сторона, ничѣмъ не отличающаяся отъ обыкновеннаго масонскаго стремленія къ нравственному самосовершенствованію, придававшего ему черты своего рода «толстовства XVIII вѣка», по мѣткому замѣчанію П. Н. Милюкова ¹⁾. Но не въ немъ была главная цѣль стремленій нашихъ братьевъ: для усвоенія идей самопознанія и самосовершенствованія вполнѣ было достаточно и обыкновеннаго масонства: главной притягательной силой розенкрейцерства была его «научная» часть; поэтому мы оставляемъ здѣсь нравоучительныя тенденціи ордена въ сторонѣ ²⁾, сосредоточивая вниманіе читателя исключительно на розенкрейцерской «наукѣ».

Такъ какъ «что единожды дано Богомъ, какъ училъ Шварцъ ³⁾, то пропасть или истребится никогда не можетъ», то отъ Адамовыхъ познаній осталась «малая искра свѣта», которая отъ него и передавалась избраннымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Знанія свои Адамъ передалъ дѣтямъ, какъ то доказываютъ «Сиеновы столпы, на коихъ онъ изобразилъ науки, коимъ онъ выучился у своего отца». Среди этихъ познаній было и «таинство камня», и благодаря именно этому «всеобщему лекарству», первые люди достигали такой глубокой старости. Такъ какъ дѣти Адама употребили этотъ даръ во зло, то Ной сообщилъ его только

¹⁾ Въ книгѣ «Очерки по исторіи русской культуры», т. II.

²⁾ Привожу для примѣра отрывокъ изъ письма Трубецкого Ржевскому отъ 10 сентября 1783 г., не приведенный Ешевскимъ и взятый мною изъ упомянутой выше рукописи: «Истинный Р. К. долженъ быть не тотъ человѣкъ, который былъ до вступленія въ орденъ. Онъ долженъ суетныя забавы, какъ-то: карточную игру, сладострастіе въ столѣ и сему подобное всѣмъ отъ себя отторгнуть, а наипаче въ домѣ своемъ онъ николи не тратитъ драгоценнаго времени въ забавѣ карточной или въ нѣгахъ столовыхъ, но, яко истинный воинъ Христовъ, домъ его есть храмъ, въ которомъ онъ, упражняясь въ познаніи себя и въ чтеніи божественныхъ книгъ, познаетъ свою немощь, влѣдѣнія свои, свое паденіе и грѣхъ, и непрестанно самъ съ собою борется, и, такъ упражняясь и познавъ ничтожность свою, и что онъ есть падшій грѣшникъ, онъ упражняется кротостію, дѣвольскую духовную гордость отъ себя отторгаетъ и, такъ украшенъ смиреніемъ, онъ примѣромъ своимъ свѣтитъ предъ человѣками и неизвѣстнымъ братьямъ, не говоря, дасть о себѣ знать, что онъ въ числѣ ихъ».

³⁾ Шварцъ: «О трехъ познаніяхъ», лекція 7-ая: Рук. Имп. Публ. Библ. О. III, 40, л. 46.

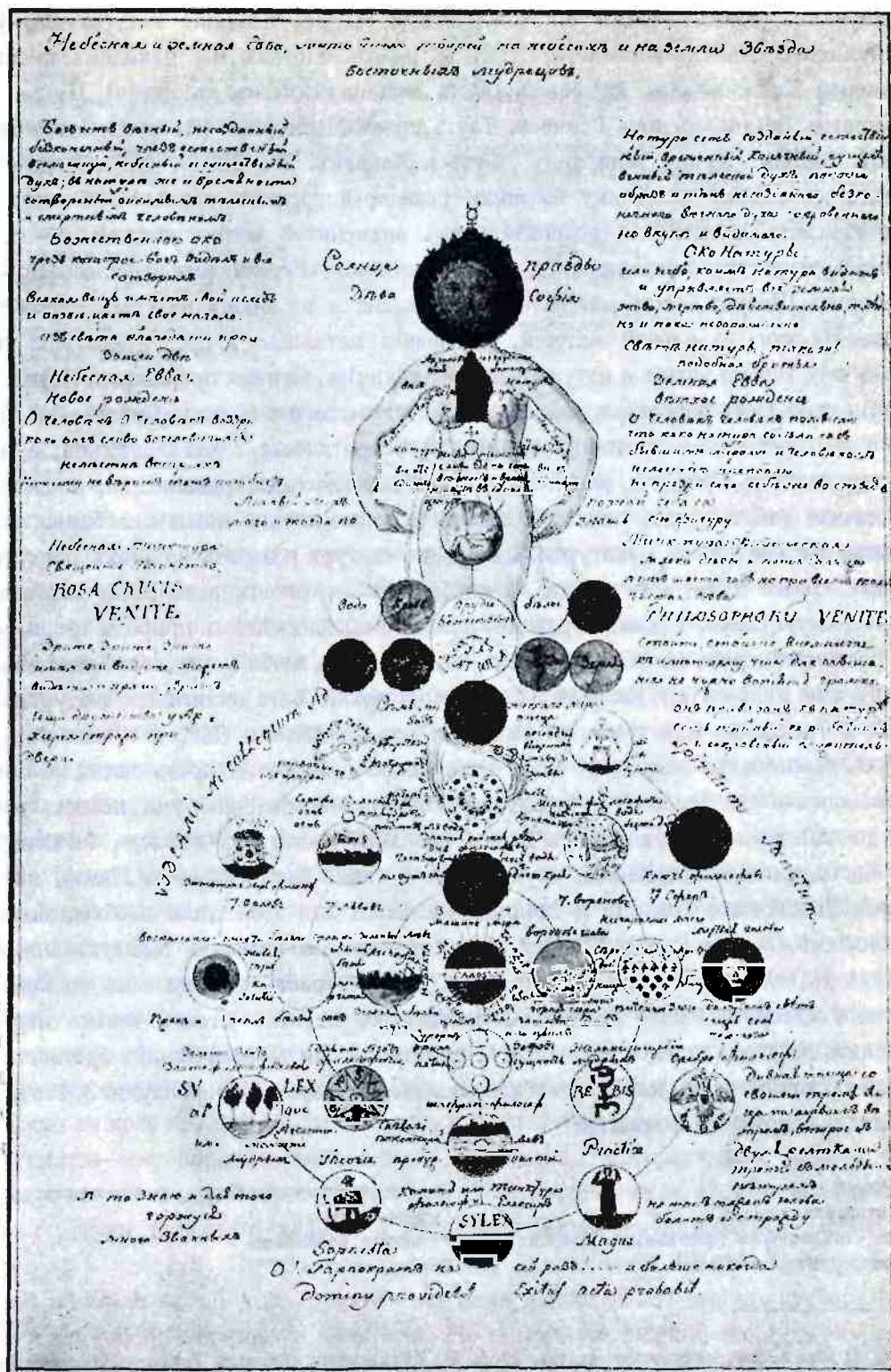
одному изъ своихъ сыновей, и впоследствии наука эта сдѣлалась извѣстной только «малому числу людей, коихъ называли мудрыми»¹⁾. Великими познаниями міровыхъ тайнъ обладалъ также и Моисей: онъ позналъ «искру свѣта» или черезъ посредство этихъ избранныхъ или же по особой благодати «паки получилъ ее изустно отъ Бога, принимая скрижали на горѣ, и сообщилъ ее семидесяти мудрецамъ». Вотъ почему книга Бытія написана «каббалистическимъ образомъ», и розенкрейцеры путемъ мистическихъ ея толкованій добивались открытія здѣсь высшихъ тайнъ. Отсюда у нихъ исключительный интересъ къ первымъ тремъ ея главамъ, трактующимъ о сотвореніи міра. Масонамъ эта наука досталась черезъ посредство одного изъ «мудрыхъ», — Соломона, который «есть одинъ изъ искуснѣйшихъ въ нашей наукѣ, и въ его времена существовало много философовъ въ Іудеѣ». Они соединились и «представили философическое дѣло подъ видомъ сооруженія Храма Соломонова: сія связь дошла до насъ подъ именемъ Свободнаго каменщичество, и они по справедливости хвалятся, что взяли свое начало отъ сооруженія храма». Сперва всѣ масоны были философами, но затѣмъ мастера стали скрывать объясненія знаковъ и таинственныхъ обрядовъ. Истинная премудрость, нашедшая себѣ отраженіе во многихъ мистеріяхъ древности²⁾, учрежденныхъ избранныками, въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, досталась розенкрейцерамъ, которыхъ таинственные начальники и являются въ настоящее время единственными ея обладателями. Ихъ «собратство» держитъ себя сокровенно: они находятся «въ нѣкоторой части сего видимаго міра, яко въ наружномъ раю, гдѣ они творятъ и исполняютъ великія и удивительныя чудеса, потому что они обладаютъ сокровищами руднаго минеральнаго царствія: сіи чудеса сохраняются для великаго дѣла (*une grande oeuvre*), которое откроется въ свое время и часъ, что случится тогда, когда воздвигнется родъ, рожденный для части болѣе очищенной или болѣе возвышенной Божественнаго любомудрія»³⁾. Такова въ общихъ чертахъ фантастическая исторія «ордена мато-розоваго креста», дающая совершенно ясныя указанія на то, въ какую сторону устремлялось все вниманіе розенкрейцерской науки. Шварцъ въ одной изъ своихъ лекцій⁴⁾ сообщалъ слѣдующую интересную таблицу, содержащую имена тѣхъ лицъ, которыя сохранили «искру свѣта». Вначалѣ мы находимъ здѣсь взятое изъ 5-ой главы книги Бытія «родословіе Адама»: «Адамъ-Сиѣъ-Енось. Каинанъ-Малелеиль-Іаредъ». Далѣе слѣдуютъ Енохъ-

¹⁾ Маг. своб. кам., т. III, с. 3—8.

²⁾ Отсюда глубокий интересъ розенкрейцеровъ къ этому вопросу: одной изъ любимыхъ нашими масонами 80-хъ годовъ книгъ было сочиненіе «О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ».

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ «Выписка покойнаго Шварца. Разныя замѣчанія покойнаго Шварца». Рук. Имп. Публ. Библ., О. III, № 112.

Изъ розенкрейцеровскихъ рукописей. (Рум. Музей).
Des manuscrits des Rose-Croix.

Мафусаль. («Симъ обоимъ открыли ангелы высшее познание природы—науку о духахъ»). Ламехъ-Ной-Симъ, Хамъ и Иафетъ. Потомъ мы находимъ имена сыновей Хама: «Хусъ, Мизраимъ (былъ весьма искусенъ въ химіи), Путь» и наконецъ, «Ханаамъ или Гермесъ, Таутъ, тожъ Меркурій». (Въ русскомъ переводѣ Библии: Хушъ, Мицраимъ, Футъ и Ханаанъ. Гл. 10, 6). Мы подходимъ здѣсь къ самому источнику высшихъ розенкрейцерскихъ познаний: Гермесъ-Трисмегистъ—миѳическій родоначальникъ знаменитой «герметической философіи»¹⁾, египетскаго чернокнижія,—магіи и алхиміи. «Герметическая философія,—говоритъ Шварцъ,—есть матеръ: она основывается на знаніи природы..., имѣетъ познание стихій, первой матеріи, улучшенія металловъ и пр.: итакъ, она въ себѣ есть только ученіе о натурѣ, физика, алхиміа». Отъ нея произошли: 1) философія маговъ отъ Зороастра, халдейская; 2) Иудейская отъ Моисея, Библейская (!); 3) Пифагорейская и греческой Италиі; 4) Сократическая, платоническая, аристотельская въ Греціи и, наконецъ, 5) Каббалистическая, раввинская, представляющая собою «смѣсь всѣхъ»²⁾. Теперь ясно, что именно магія и каббалистика даютъ высшее познание «природы». Съ магомъ «натура говоритъ во всѣхъ тваряхъ чрезъ своего духа, свои знаки», а каббалистъ—«познаетъ ангельскій свѣтъ и ангельскую силу». Такимъ образомъ, познание высшихъ тайнъ природы сводится у розенкрейцеровъ къ «сокровеннымъ наукамъ»—къ магіи (конечно, «божественной», а не какомагіи!), каббалѣ и алхиміи. Познание Бога достигается «натуральной Богословіей» или теологіей, которая есть «видѣніе о Богѣ и о божественныхъ свойствахъ, поколику она чрезъ знаніе природы и чрезъ изслѣдованіе очищеннаго отъ страстей и предразсудковъ освобожденнаго ума познавается и доказывается». Вершины въ этомъ познаніи достигаетъ *теологъ*, имѣющій «собесѣдованіе божественное, дружелюбно и тайно бесѣдующее съ Нимъ»; изученіе Священнаго Писанія и природы является для этой цѣли необходимымъ условіемъ. Въ запискахъ Шварца, изъ которыхъ мы извлекли вышеуказанныя свѣдѣнія, глава русскаго розенкрейцерства выступаетъ дѣятельнымъ толкователемъ «Теоретическаго градуса Соломоновыхъ наукъ». Стоитъ только перечислить заглавія главной его части, «Наставленія для теоретическихъ братьевъ», чтобы стали очевидны характеръ и направленіе розенкрейцерской науки. Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи:

О хаосѣ.

О стихіяхъ вообще.

Объ отдѣленныхъ (отдѣльныхъ) стихіяхъ и, во-первыхъ, объ огнѣ.

О воздушныхъ знаменіяхъ или метеорахъ.

О металлахъ.

Рожденіе металловъ.

Золото.

¹⁾ См. о немъ интересную статью проф. Э. Зѣлинскаго: «Гермесъ Трижды Величайшій» въ сборникѣ «Изъ жизни идей», т. III, стр. 83—152.

²⁾ «Выписка покойнаго Шварца».

О воздухѣ.
 О водѣ.
 О землѣ.
 О стихійныхъ вещахъ и, наконецъ, о ду-
 хахъ. О тѣлесныхъ вещахъ, особливо же
 о трехъ первыхъ началахъ вещей.
 О соли.
 Сѣра.
 Меркурій.
 О сѣмени всѣхъ вещей.
 Рожденіе.
 Соблюденіе.
 Разрушеніе.
 Дѣйствіе верхнихъ звѣздъ.

Серебро.
 Меньшіе металлы.
 Дорогіе камни.
 Простые и худые камни.
 Минералы.
 О растительныхъ.
 О животномъ или звѣриномъ царствѣ.
 Человѣкъ.
 О болѣзняхъ человѣческихъ и, во-1-хъ, о
 болѣзняхъ тѣла.
 О болѣзняхъ ума.
 Болѣзни души.
 О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей.

Намъ неизвѣстно, какихъ ступеней достигли русскіе братья въ розенкрей-
 церствѣ и насколько пошли они въ своихъ работахъ дальше «теоретическаго
 градуса», но изъ показаній Новикова видно, что многіе изъ нихъ были «приняты
 въ орденъ». Поэтому небезынтереснымъ будетъ ознакомить читателей съ тѣмъ,
 что составляло предметъ «работъ» въ высшихъ степеняхъ розенкрейцерства:
 именно здѣсь раскрываются дикія нелѣпости «ордена злато-розоваго креста»,
 и по нимъ можно судить о тѣхъ печальныхъ результатахъ, къ которымъ пришло
 русское масонское движеніе, вызванное живыми потребностями общественной
 мысли и запутавшееся въ концѣ-концовъ въ дебряхъ магіи и алхиміи вслѣдствіе
 недостаточной подготовленности русскаго ума къ воспріятію истинной науки.
 Среди рукописей, хранящихся въ Обществѣ Любителей Древней Письменности,
 мнѣ попались интересные акты высшихъ степеней розенкрейцерства,—седьмой
 (Adeptus exemptus) и послѣдней, девятой (Magus). Первая изъ рукописей
 объясняетъ намъ производящуюся въ седьмой степени «герметическую операцію
 въ тайнѣ творенія». Въ сосудѣ, читаемъ мы, смѣшивается майская роса, собран-
 ная въ полнолуніе, двѣ части мужской и три части женской крови отъ чистыхъ
 и цѣломудренныхъ людей. Сосудъ этотъ ставится въ умѣренное тепло, отчего
 внизу отложится красная земля, верхняя же часть—Menstruum—отдѣляется
 въ чистую стеклянку и время отъ времени подливается въ сосудъ, куда еще при-
 бавляется «одинъ гранъ тинктуры изъ анимальнаго царства». Черезъ нѣкоторое
 время въ колбѣ будетъ слышенъ топотъ и свистъ, и вы увидите въ ней два живыхъ
 существа—«мужинку и женщину»,—совершенно прекрасныхъ, если кровь
 была взята отъ людей цѣломудренныхъ, и полузвѣриныхъ въ противномъ случаѣ:
 они будутъ двигаться, ходить, а посрединѣ вырастетъ прекрасное дерево съ
 разными плодами. Путемъ опредѣленныхъ манипуляцій можно поддерживать
 ихъ жизнь въ теченіе года, причемъ отъ нихъ можно узнать все, что угодно, «ибо
 они тебя будутъ бояться и почитать». Но потомъ «человѣчки» начнутъ вкушать
 отъ плодовъ средняго дерева,—появится паръ и огонь, а homunculus'ы будутъ
 извиваться, ползать, стараться спрятаться, «такъ что жалко на нихъ смотрѣть».

Затѣмъ въ сосудѣ произойдетъ «смѣшеніе и тревога»,—человѣчки умираютъ, разверзнется земля, цѣлый мѣсяцъ сверху будетъ низвергаться огонь, а потомъ все утишится, стопится и сольется. Содержимое банки раздѣлится далѣе на 4 части: верхняя сіяетъ блестящими красками, подъ нею образуется кристалловидная часть, ниже—кровоаво-красная, а совсѣмъ внизу непрестанно курящійся черный дымъ. Въ верхней части предстанетъ «небесный Іерусалимъ со всѣми жителями», во второй—«сткляный міръ», въ третьей—«красное великое сткляное море». Наконецъ, нижняя часть—это «мрачное обиталище всѣхъ діаволовъ и злочестивыхъ». Если эту нижнюю часть положить въ реторту и подогрѣть, то наверхъ взойдетъ «огнегорящій сублиматъ», легко сжигающій всякую вещь; при другихъ манипуляціяхъ все здѣсь свернется въ клубъ, и родится ужасный червь, который черезъ 4 дня исчезнетъ, если его подвергнуть обработкѣ огня; тогда чистое отдѣлится отъ нечистаго, и первыми можно «тингировать».

Въ другой рукописи, относящейся къ седьмой степени, данъ сложный алхимическій рецептъ изготовленія «урина и тумима». Первое изъ этихъ веществъ играетъ важную роль въ девятой степени, такъ какъ даетъ возможность высшимъ начальникамъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ обрядностей, увидѣть все, «какъ въ созвѣздіи, такъ подъ землею, такъ и въ горахъ, и въ долинахъ, и повсюду» и слѣдить, такимъ образомъ, за поведеніемъ всѣхъ разсѣянныхъ по лицу земли братьевъ. Въ этой же, девятой, степени преподаются указанія по части *бллой магіи*, и всякій розенкрейцеръ, достигнувъ ея, можетъ говорить съ духами добрыми и въ случаѣ нужды повелѣвать ими. «Бѣлая магія не есть опытъ праздности или химера умомечтанія,—сія наука возведетъ тебя въ степень совершеннаго очищенія. Душа твоя подобна будетъ ангельской и воля твоя простираться станетъ употреблять духа *генія* всякаго на одни дѣла, пользу приносящія». При достиженіи общенія съ духами нужно пройти семь «градацій»: уединеніе, терпѣніе, твердость духа, молчаніе, видѣнія, разговоръ съ духами и власть, «гдѣ откроется геніемъ тайна всѣхъ мудрѣйшихъ» ¹⁾.

Насколько всѣ эти бредни увлекали московскихъ масоновъ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, мы не знаемъ, но изъ сказаннаго ясно, какой характеръ носила вообще розенкрейцерская наука: познаніе природы сводилось въ концѣ концовъ къ исканію философскаго камня, обращающаго неблагородные металлы въ золото, панацеи или «всеобщаго универсальнаго врачества» и къ «божественной магіи» ²⁾,

¹⁾ Рук. Об-ва Люб. Др. Письм., № 6573.

²⁾ Приведемъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ розенкрейцерскаго дневника, обнаруженнаго Пекарскимъ въ «Дополненіяхъ»: «Елагинъ спитъ, ѣздитъ въ сенатъ, ѣстъ и спитъ... ищетъ, какъ дѣлать золото» (стр. 79). «Тѣ, которые здѣсь (въ Петербургѣ) ищутъ, работаютъ всѣ для золота». «Тредіаковскій добрый, честный человѣкъ, но ищетъ только золота» (стр. 80). Этому странно противорѣчитъ запись на стр. 86: «Вельнеръ говорилъ: скажите русскимъ, что они должны быть только благочестивыми людьми и ввѣряться руководству.

Эти-то quasi-научныя цѣли и составляли главную приманку нашихъ розенкрейцеровъ: «Я признавалъ, — показывалъ на допросѣ Трубецкой, — орденъ Розоваго Креста, по градусамъ онаго, не за иное что, какъ за науку, сокрытую отъ людей, касательно до познанія таинствъ натуры или за высшую химию; т.-е. я признавалъ оный за школу высшихъ таинствъ натуры»¹⁾. Эти розенкрейцерскія тенденціи налагали совершенно особый отпечатокъ и на работы въ масонскихъ ложахъ, подчиненныхъ московскому братству: съ внѣшней стороны онѣ ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ: тѣ же обряды, тѣ же гіероглифы и катихизисы, но содержаніе было совершенно иное. Въ первой ученической степени великому мастеру еще рекомендовалось²⁾ не запутывать умы братьевъ «высокими знаніями», «не прельщать никакими острыми толками», и книги давать читать только духовно-нравственнаго содержанія. Но уже во второй товарищеской степени ему предписывалось возбуждать въ масонахъ «вниманіе и привычку къ разсмотрѣнію натуры», начинать говорить о химіи, физикѣ, при чемъ указывать, что «свѣтскія училища, хотя и имѣютъ нѣкоторыя познанія, но недостаточныя, и они, какъ впотьмахъ слѣпые, бродятъ». Для чтенія товарищей рекомендуется давать уже алхимическія сочиненія: «Хризомандеръ», «химию какую-нибудь истинную», «физику, основанную на истинѣ». Въ мастерской степени должно уже «прикладывать гіероглифы» на алхимию, «яко на средство, могущее и въ самомъ откровеніи скрыть великій свѣтъ, также и самое дѣйствіе воплощенія покажетъ алхимическій процессъ работы камня» (!); далѣе мастеру вмѣняется въ обязанность «открывать силы человѣка къ сообщенію съ невидимыми духовными существами и съ самимъ Богомъ» (!); открывать, что человѣкъ былъ духъ³⁾... чѣмъ есть... созданіе міра... чѣмъ есть соль, сѣра и меркурій, и всю алхимическую связь въ отношеніи ея къ человѣку, натурѣ, Богу и таинствамъ Его». Есть указанія и на необходимость открывать «таинство чиселъ» (каббалистика). Среди рекомендуемыхъ книгъ находятся сочиненія Якова Беме, далѣе «Таинство креста», «Тайна творенія» — по части теософіи, Теофрастъ Парацельсъ, Вас. Валентинъ, «Платоновъ кольцо» — по алхиміи, наконецъ, «Пастырское посланіе», «Изъ свѣта сіяющій братъ Розенкрейцеръ» — «по ордену».

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что вся розенкрейцерская «наука» была въ Западной Европѣ явнымъ анахронизмомъ. Ея дикія крайности и въ Россіи,

¹⁾ Лонгиновъ, 0120.

²⁾ Эти любопытныя свѣдѣнія находятся въ Рук. Имп. Публ. Библ., О III, № 68, въ статьѣ «Инструкція всякому Великому Мастеру, управляющему правильною и совершенною Ложью въ трехъ степеняхъ Св. Іоанна, касательно руководства братьевъ изданная отъ Начальства 5792 года».

³⁾ Ср. у Шварца: «Тѣло его (человѣка) было (до паденія) духовно — изъ тончайшей квинтэссенціи матеріи, бессмертно, неразрушимо». Рук. Имп. Публ. Библ. О III, № 112. (Выписка покойнаго Шварца.) Стр. 33.

конечно, не были явленіемъ, благопріятно отражавшимся на нашемъ общественномъ развитіи, такъ какъ отвлекали русскій «умъ, еще въ сужденяхъ зыбкій», отъ нормальнаго пути къ усвоенію настоящей европейской культуры. Но въ русскомъ розенкрейцествѣ были и свои хорошія стороны, не прошедшія безслѣдно для исторіи нашей культуры и объясняющія, почему примкнули къ этому движенію лучшія интеллигентныя силы Россіи. Прежде всего важно, что это было первое у насъ интеллигентное общественное теченіе, въ первый разъ сплотившее русскихъ людей и направившее ихъ въ сторону служенія общественнымъ нуждамъ и интересамъ въ формахъ широкой благотворительности и борьбы противъ «вольтеріанства», поколебавшаго правильный ходъ нашей культуры. Всѣмъ извѣстна филантропическая дѣятельность русскихъ масоновъ XVIII вѣка, и не случайно, конечно, почвой, на которой она возникла, было розенкрейцество: именно розенкрейцеры открывали больницы и аптеки, создавали успѣхи русскаго просвѣщенія, шли на помощь голодающей Россіи своею «братскою» любовью къ человѣчеству. Историкъ не можетъ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что розенкрейцество, бывшее на Западѣ явленіемъ умственной отсталости, у насъ было совершенною *новостью*, и впервые давало русскому обществу извѣстное міросозерцаніе, какое,—это вопросъ другой,—но важно, что оно было дано, что впервые, благодаря розенкрейцеству, была признана его необходимость. Это была первая *философская система* въ Россіи, которая, составляя опредѣленное *идеалистическое* міровоззрѣніе, сыграла немаловажную просвѣтительную роль въ XVIII вѣкѣ: успѣшно борясь съ вліяніемъ чуждаго русскому духу вольтеріанства, розенкрейцество, несмотря на свои дикія крайности и смѣшныя стороны, воспитывало, дисциплинировало русскіе умы, давало имъ впервые серьезную умственную пищу, пріучало,—правда, помощью мистической теософіи и масонской натурфилософіи,—къ постоянной, напряженной и новой для нихъ работѣ отвлеченной мысли. Кто видѣлъ передъ собой многочисленные переводы мистическихъ книгъ, сдѣланныхъ русскими масонами, тотъ знаетъ, какъ много розенкрейцерская наука внесла въ работу русской мысли невѣдомыхъ ей до тѣхъ поръ отвлеченныхъ понятій, для которыхъ русскій языкъ не имѣлъ даже соотвѣтствующихъ словъ и выраженій. Слѣдовательно, эта сторона розенкрейцества,—не только, конечно, переводы, но главнымъ образомъ самостоятельныя попытки масонскаго творчества и особенно *рѣчи* въ собраніяхъ братьевъ, несомнѣнно внесла свою долю и въ дѣло обогащенія русскаго литературнаго языка: кто знаетъ, сколько пріобрѣлъ здѣсь въ этомъ отношеніи будущій создатель этого языка—Карамзинъ, воспитанникъ Дружескаго Ученаго Общества, другъ масона и переводчика Петрова и, наконецъ, самъ масонъ, принадлежавшій къ московскому кружку? Бюстъ Шварца, стоявшій въ комнатѣ молодыхъ друзей, Карамзина и Петрова, и покрытый траурнымъ флеромъ, является прекраснымъ напоминаніемъ этой

связи между розенкрейцерством и судьбами русской общественной мысли и литературы.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Елагинскихъ ложъ, которыя, прекративъ, какъ мы знаемъ, свои работы въ 1784 г., въ скоромъ времени возобновили ихъ снова. Это возобновленіе, имѣвшее мѣсто въ 1786 году, связано, можетъ быть, съ тѣми гоненіями противъ московскаго кружка, которыя около этого времени уже не оставляли сомнѣній въ истинномъ характерѣ отношенія къ нему Екатерины. Хорошо освѣдомленный въ этомъ пунктѣ Елагинъ, масонская дѣятельность котораго заглохла, вѣроятно, не безъ связи съ успѣхами ненавистной ему «Карлсбадской системы» (розенкрейцерства), воспользовался, можетъ быть, наступившими для него болѣе благопріятными обстоятельствами и по просьбѣ «разномысленныхъ братій о соединеніи ихъ» попробовалъ возобновить «цѣпь упражненій» подчиненныхъ ему ложъ, «принявъ опять многія лѣта покоящійся его молотокъ»¹⁾. Собравъ своихъ «братьевъ» въ капитулѣ, котораго состоялъ префектомъ, Елагинъ прочелъ въ ихъ присутствіи цѣлый рядъ бесѣдъ съ цѣлью ознакомить ихъ съ новыми основаніями будущихъ занятій въ англійскихъ ложахъ. Онъ собирался возжечь для нихъ новый свѣточъ: «изъ него же предложу слова, обѣщаль онъ, никогда еще до слуха вашего не дошедшія». «Прииде бо часъ,—торжественно заявлялъ Елагинъ,—глаголю, въ онъ же отверзутся уста мои, доселѣ печатію скромности запечатлѣнными бывшія»²⁾. Въ чемъ же должны были заключаться эти новыя масонскія откровенія, которыя отнынѣ легли въ основу работъ подчиненныхъ Елагину братьевъ?

Намъ извѣстно, что Елагинскія ложи въ это время принадлежали къ много-степенной (7) системѣ, которая въ запискѣ масона Л...ра названа «іоркской, новоанглійской»³⁾, при чемъ ложи Скромности и Уранія работали во всѣхъ семи степеняхъ, а остальные ложи союза только въ пяти⁴⁾. Братья шестой и седьмой степеней составляли «высокій капитулѣ», управлявшій подчиненными ему ложами. Для этихъ-то братьевъ и предназначались, главнымъ образомъ, тѣ великія познанія, съ которыми Елагинъ пожелалъ ихъ ознакомить, предложивъ ихъ вниманію свое сочиненіе «Ученіе древняго любомудрія», содержащее программу новаго Елагинскаго масонства.

¹⁾ Въ числѣ нѣмецкихъ рукописей Имп. Публ. Библ. (Philos. oc., in f^o. № 35 нѣм.) есть списокъ членовъ ложи «Молчаливости» подъ заглавіемъ: «Das goldne Buch darinn das Verzeichniss der Glieder der Loge der Verschwiegenheit». Здѣсь, среди «рыцарей высшей философіи» (Ritter der hohen Philosophie) упомянутъ Johann von Ielaguin—«de anno 1786». Это указаніе, вѣроятно, стоитъ въ связи съ преобразованиемъ работъ Елагинскихъ ложъ, о которомъ здѣсь говорится.

²⁾ Пекарскій. Дополненія, стр. 104.

³⁾ Р. Старина, 1882 г., сентябрь, стр. 539 и 543.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 541.

При сколько-нибудь поверхностномъ знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ ¹⁾, бросается въ глаза поразительное сходство высшей мудрости, которой достигъ Елагинъ послѣ долгаго изученія «громады писаній» масонскаго характера, съ таинствами столь ненавидимаго имъ «Карлсбадскаго кружка». Ненавидя розенкрейцерство и сочувствуя гоненіямъ, предпринятымъ противъ него правительствомъ, Елагинъ *по духу* является самъ типичнѣйшимъ розенкрейцеромъ. Еще въ то время, какъ онъ тратилъ «безумныя деньги» на приобрѣтеніе масонскихъ актовъ, познакомился онъ съ «препочтеннымъ братомъ» NN, «посвященнымъ въ истинные масоны», и завѣса спала съ его глазъ. Онъ узналъ, что «масонство есть *древнѣйшая таинственная наука, святою премудростію называемая; что она въсь прочія науки и художества въ себѣ содержитъ*», что она *отъ начала міра* у патріарховъ, и отъ нихъ преданная, въ тайнѣ священной хранилась въ храмѣхъ халдейскихъ, египетскихъ, персидскихъ, финикійскихъ, іудейскихъ, греческихъ и римскихъ и во всѣхъ мистеріяхъ или посвященіяхъ еллинскихъ; въ училищахъ Соломоновыхъ, Елейскомъ, Синайскомъ, Іоанновомъ, въ пустынѣ и въ Іерусалимѣ, новою благодатію въ откровеніи Спасителя преподавалась; и что она же *въ ложахъ или училищахъ* Фалѣвомъ (Фалесовомъ), Пифагоровомъ, Платоновомъ и у Любомудровъ индѣйскихъ, китайскихъ, арабскихъ, друидскихъ и у прочихъ науками славящихся народовъ обрѣталась» ²⁾. Что это такое? Да вѣдь это не что иное, какъ фантастическая исторія розенкрейцерской «искры свѣта», которую мы уже видѣли почти въ тѣхъ же словахъ изложенною въ сочиненіяхъ Шварца! Далѣе, какія книги дали Елагину основу для его новыхъ «истинныхъ» познаній? Онъ называетъ Ветхій и Новый заветъ, отцовъ церкви, древнихъ философовъ, а затѣмъ мы встрѣчаемъ имена Ермія Трисмегиста, алхимистовъ Веллинга и Роберта Флуктиба и т. д. Вѣдь это все любимѣйшія книги розенкрейцеровъ, къ которымъ, очевидно, принадлежалъ и первый учитель Елагина: вторымъ былъ Станиславъ Ели, извѣстный авторъ розенкрейцерской книги «Братскія увѣщанія»! Программа задуманнаго Елагинымъ сочиненія, напечатанная Пекарскимъ, намекаетъ на ту же фантастическую исторію ордена, говоритъ о талмудѣ, о тайнѣ чиселъ, о твореніи, о зефиротахъ, о стихіяхъ, т.-е. именно о томъ, что составляло содержаніе главнаго руководства розенкрейцеровъ—«Теоретическаго градуса Соломоновыхъ наукъ» и другихъ книгъ «по ордену». Заимствуя отъ нихъ, самъ того не вѣдая, всѣ свои тайны, Елагинъ въ то же время съ удивительной наивностью называетъ розенкрейцеровъ «не свободными каменщиками, но фанатиками или пустосвятами»—именно за то, что «къ разумѣнію сего Божественнаго Писанія не даютъ ключа они». Если бы

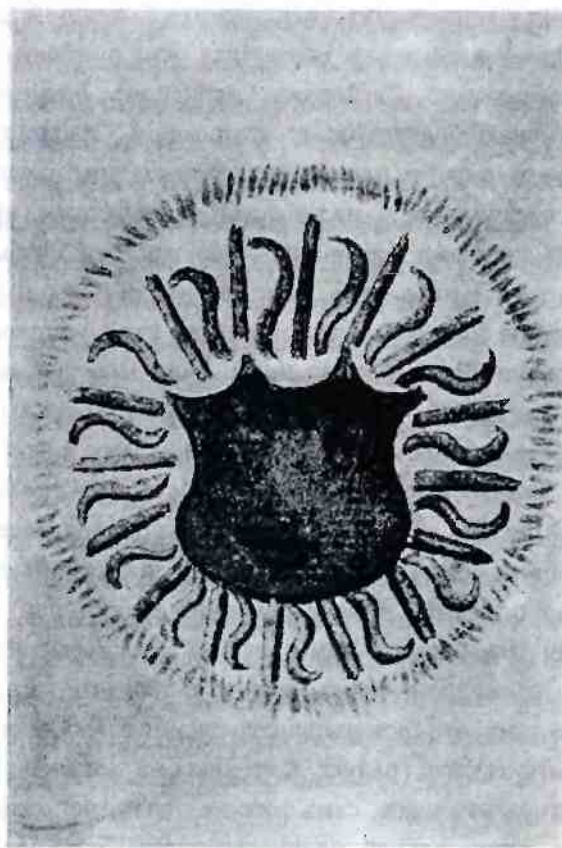
¹⁾ Отрывки изъ него напечатаны Пекарскимъ въ «Дополненіяхъ къ исторіи масонства въ Россіи».

²⁾ Р. Архивъ, 2864, т. I, стр. 599—600.

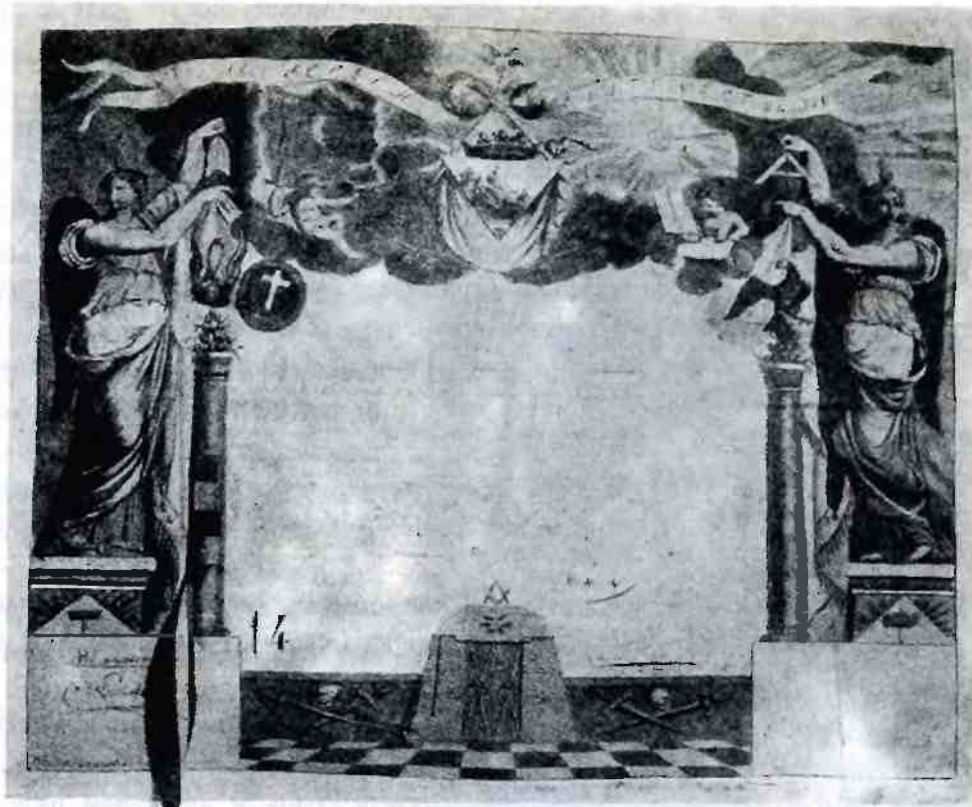
онъ только зналъ, что ключъ, которымъ онъ хотѣлъ съ такой торжественностью открыть высшія тайны своимъ подчиненнымъ, есть ключъ отъ двери, ведущей прямехонько въ обитель «братства злато-розоваго креста», столь ему ненавистнаго!

Такъ закончились исканія Елагина, и въ описанномъ имъ процессѣ мы находимъ лучшее доказательство того, что и въ розенкрейцерской наукѣ, какъ и въ нравственной философіи масонства первыхъ трехъ степеней, заключались элементы, отвѣчающіе глубокимъ общественнымъ потребностямъ вѣка.

А. Семека.

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей (Акад. Наукъ).
Des manuscripts des Rosæ-Croix.

Масонская грамота.
Diplôme maçonnique.

Н. И. Новиковъ и I. Г. Шварцъ.

«Свѣтъ учрежденъ такъ, что одинъ человѣкъ безъ помочи другихъ щастливъ быть не можетъ», писалъ безымянный авторъ статьи «Разсужденіе о пользѣ теоретической философіи въ обществѣ», еще въ 1756 году, на страницахъ журнала «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія»¹⁾.

Такъ, еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, единственный журналъ «для всѣхъ», въ немногихъ своихъ статьяхъ по «философскимъ» вопросамъ, старался обосновать вопросъ объ отношеніи человѣка къ обществу.

«Сильнѣйшее омерзѣніе, съ негодованіемъ говорить авторъ, я чувствую

¹⁾ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», 1756 г., кн. IX.

къ тѣмъ, которые, удаляясь отъ человѣческаго общества, щастіе свое хотятъ отлучить отъ щастія другихъ».

Но, тогда, что же надо дѣлать?

И авторъ той же статьи, съ горячимъ убѣжденіемъ, призываетъ всѣхъ «часть нашихъ силъ хранить для услужности другимъ».

Да и самую «философію» авторы журнала понимаютъ какъ теорію «обхожденія» съ людьми.

«Что есть за вещь философъ?»—спрашивалъ, снова безымянный, авторъ статьи «О философiи» въ 1760 году на страницахъ «Сочиненій»¹⁾.

И отвѣчалъ: истинный философъ—это не стоикъ съ «морщиноватымъ» лбомъ, забывшій о томъ, что человѣкъ имѣетъ тѣло, и не «одинъ изъ эпикуровъ», удалившійся отъ человѣческаго общества.

Нѣтъ, истинный философъ тотъ—для котораго «душа, тѣло, страсти... совокуплены», для котораго «главное намѣреніе»—«общее благополучіе и любовь къ согражданамъ...»

Такъ подготавливались умы русскаго общества къ воспріятію тѣхъ идей, которыя позднѣе, при Екатеринѣ II, пришли къ намъ съ «освободительной философiей».

М. В. Ломоносовъ и его ученикъ, профессоръ Московскаго университета, Н. Н. Поповскій распространяли идеи Лейбнице-Вольфовской философiи, а шедшая къ намъ съ Запада наука несла освобожденіе и пищу для разума.

Тотъ же Ломоносовъ открыто говорилъ о «вольномъ философствованіи», откликаясь тѣмъ самымъ на рационалистическія стремленія, сводившіяся къ мысли, которую еще И. Т. Посошковъ (1625—1726 г.) въ «Завѣщаніи отеческомъ» формулировалъ такъ: «еже есть на свѣтѣ—то все чисто и свято—и грѣха нѣтъ!» Законъ *естественный*—сталъ постепенно замѣнять собою законъ—*церковный*.

Вспоминая всѣ эти «рассужденія» изъ области социальныхъ отношеній и религіозныхъ вопросовъ, не трудно понять, что для проникавшаго въ Россію, такъ называемаго, «вольтерьянства» и для идеаловъ свободной личности и для мечтаній о «правахъ человѣка и гражданина»—уже была, до извѣстной степени, подготовлена необходимая почва.

Правда, говорить о «подготовкѣ» широкихъ круговъ русскаго общества, конечно, не приходится. Русская интеллигенція тогда вѣдь еще только нарождалась. Вниманіе изслѣдователя общественной мысли, въ половинѣ XVIII вѣка, останавливается лишь на опредѣленныхъ единицахъ. Но, съ другой стороны, тѣмъ ярче выступаютъ на фонѣ общей массы людей XVIII вѣка такія единицы тѣмъ сильнѣе захватываютъ они вниманіе и изслѣдователя и читателя.

¹⁾ «Сочиненія и переводы» (измѣненное названіе журнала «Ежемѣсячныя сочиненія»), 1760 г., кн. XII.

Къ числу такихъ единичныхъ и исключительныхъ личностей, интеллигентовъ XVIII вѣка и принадлежалъ Николай Ивановичъ Новиковъ.

Н. И. Новиковъ.

Н. И. Новиковъ былъ не знатнаго происхожденія. Родился онъ 27 апрѣля 1744 года въ селѣ Тихвинское-Авдотьино, Коломенскаго (нынѣ Бронницкаго) уѣзда, Московской губерніи, въ семьѣ мелкаго небогатаго помѣщика-дворянина. Первое «ученіе» Новиковъ получилъ у деревенскаго дьячка; образованіе свое онъ продолжалъ въ гимназій при Московскомъ университетѣ, а въ 1760 году былъ исключенъ «за лѣность и нехождение въ классы». Языковъ онъ не зналъ¹⁾, ибо таковымъ его не обучили. Всѣ же тѣ знанія, которыя дали ему возможность въ дальнѣйшемъ руководить русскимъ читающимъ обществомъ, Новиковъ приобрѣлъ значительно позже, когда поступилъ на военную службу. Получивъ чинъ унтеръ-офицера, въ награду, въ числѣ прочихъ гвардейцевъ, участвовавшихъ въ переворотѣ Екатерины II, Новиковъ пользовался значительнымъ досугомъ, который давала его «служба». Тогда-то онъ и много читалъ и занимался самообразованіемъ.

N. I. Novikoff (Рум. Музей).

Рано началось участіе Новикова въ общественныхъ дѣлахъ. Уже въ 1767 году онъ былъ посланъ въ числѣ прочихъ гвардейцевъ для работъ «по письменной части» въ Комиссію Депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія.

Помимо веденія журналовъ засѣданій отдѣленія «о среднемъ родѣ людей», Новиковъ велъ также журналъ общихъ собраній депутатовъ и читалъ ихъ во

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867 г., стр. 9. О томъ же—см. письмо Новикова къ Карамзину, приложенное къ «Письмамъ С. И. Гамалыи». М. 1836 г., кн. I, стр. 270.

время докладовъ императрицѣ. Въ это время Екатерина II узнала и лично Новикова. Такимъ образомъ первые шаги его на поприщѣ общественной работы были сдѣланы въ столь важный и интересный моментъ.

Прошелъ годъ; Новикова произвели въ прапорщики Измайловскаго полка, но онъ не пожелалъ продолжать службу и вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика арміи.

До настоящаго времени еще не изслѣдованъ вопросъ о томъ, кто были друзья Новикова въ это время, кто сильнѣе оказалъ на него свое вліяніе.

Мы имѣемъ лишь свѣдѣнія¹⁾, что Новиковъ интересовался издательскою дѣятельностью, печаталъ двѣ-три брошюры и завязывалъ отношенія съ Типографіей Императорской Академіи Наукъ.

Въ 1769 году мы знаемъ Новикова какъ издателя «Трутня».

Самъ Новиковъ, въ предисловіи къ этому сатирическому журналу говорилъ о себѣ: «всякая служба не сходна съ моею склонностію» и пояснялъ: «военная—кажется угнѣтающею челоѣчество... приказная—надлежитъ знать всѣ пронырствы...; придворная—надлежитъ знать притворства»...

И вотъ, разбираясь, какъ въ своихъ «склонностяхъ», такъ и въ оцѣнкѣ общественной роли тѣхъ или другихъ людей, Новиковъ рѣшилъ заняться журналистикой. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что занятія Новикова въ Комиссіи о новомъ уложеніи пробудили въ немъ желаніе съ помощью печатнаго слова «воздѣйствовать на нравы» столь некультурнаго еще общества. Возможно также, что у Новикова были бесѣды и съ Екатериной по этому поводу, а, издаваемый императрицей, журналъ «Всякая всячина» послужилъ примѣромъ для Новикова, въ свою очередь, желавшаго «послужить своему отечеству».

Въ дальнѣйшемъ мы знаемъ дѣятельность Новикова какъ издателя «Трутня» и позднѣе въ 1772 году—сатирическаго же журнала «Живописецъ», а въ 1774 г.—«Кошелекъ». Бодро шелъ Новиковъ, съ помощью небольшого круга лицъ, по пути «врачеванія пороковъ» общества. Общая некультурность, французomanія, казнокрадство, ложь и несправедливость находили должную оцѣнку на страницахъ Новиковскихъ журналовъ. Говорилъ Новиковъ, хотя и глухо, о крестьянскомъ вопросѣ, писалъ объ общественныхъ отношеніяхъ...

Въ это же время обозначилось и новое явленіе. Пришедшее съ Запада «вольтерьянство», познакомившее русское общество съ отдѣльными произведеніями и даже отрывками²⁾ Вольтера, Руссо и другихъ энциклопедистовъ, обратило освободительную философію въ «вольномудство».

¹⁾ П. Пекарскій. Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія. СПб. 1869 г. (Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ VII, № 4,) стр. 11 и слѣдующія.

²⁾ Д. Языковъ. Вольтеръ въ русской литературѣ. СПб. «Древняя и новая Россія». 1878 г., кн. 9. В. Ключевскій. Воспоминанія о Новиковѣ и его времени. «Русская Мысль», 1895 г., кн. I.

«Деизмъ былъ понять какъ отсутствіе Бога. Рационализмъ—трактовалъ добродѣтели во имя Божіе—добродѣтелями «полезными для тѣла», а церковная религія вызывала лишь ироническій отзывъ—«Бога нѣтъ, а попы и монахи простые шарлатаны».

Русское общество этого времени въ религіозныхъ вопросахъ переживало острый моментъ самоопредѣленія. Перестраивалось міросозерцаніе «по обычаямъ предковъ» и создавалось новое. Это «новое» даже не было міросозерцаніемъ, а скорѣе упрощенной *наукой жизни*, сводившейся къ слѣдующему:

.....
Всѣ знанія и всѣ науки отметай.
..... все дѣлай тлѣннымъ.
То тѣломъ иногда ты душу называй,
То духа имя ей изъ милости давай.
... скажи, что Бога нѣтъ,
... что вѣра есть обманъ...
и т. д., и т. д.¹⁾
.....

Такъ просто рѣшались всѣ «проклятые» вопросы тѣмъ большинствомъ, которое хотѣло «жить и наслаждаться».

Тѣмъ болѣе одинокими среди другихъ чувствовали себя тѣ, кто сознательно относился и къ окружающей дѣйствительности и къ своему внутреннему міру.

Несомнѣнно, освободительная философія несла съ собой освобожденіе личности, пробуждала ее—требованіемъ правъ человѣка и гражданина, съ другой стороны, она разрушала *религію обряда*, но въ то же время она не могла дать удовлетворенія тѣмъ людямъ, которые жаждали *религіи души*.

Къ такимъ людямъ принадлежали не только единицы, каковымъ былъ Новиковъ, но и цѣлые кружки, какъ, напримѣръ, тѣ «сочинители», которые группировались вокругъ журнала «Полезное увеселеніе», руководимаго будущимъ масономъ Херасковымъ.

Но если въ религіозномъ отношеніи приходилось переживать тяжелые моменты, то все же удовлетвореніе давали тѣ надежды, которыя связывались съ преобразованіемъ государства. И мы знаемъ, что общественные интересы, въ началѣ царствованія Екатерины, поглощали всѣ другіе интересы, да, наконецъ, для самого Вольтера «Богъ нуженъ былъ для общаго блага».

Новиковъ, будучи человѣкомъ, чуткимъ къ философскимъ и религіознымъ вопросамъ, окруженный вольтерьянцами, все свое вниманіе обращалъ на успѣхъ и задачи своихъ журналовъ.

Глинка. Записки, «Русскій Вѣстникъ», 1866 г., т. II, кн. 2. Вигель. Записки, «Русскій Вѣстникъ». 1864 г., т. 50, кн. 3. См. также работу В. Бильбасова—«Русская Старина». 1896 г., т. 88.

¹⁾ «Вечерняя Заря», 1782 г., IX, стр. 70—73.

Но... времена измѣнились. Измѣнилось отношеніе общества къ планамъ императрицы. Сама Екатерина уже была недовольна направленіемъ «Живописца», и Новиковъ долженъ былъ прекратить изданіе. Вотъ здѣсь-то и важно подчеркнуть, что лишь только у Новикова отняли возможность проявлять свою индивидуальность въ общественномъ дѣлѣ, какъ почти сразу же передъ нимъ всталъ вопросъ, связанный съ религіей. Онъ стремится найти удовлетвореніе запросамъ ума и сердца и отыскать *иные пути* быть полезнымъ своему отечеству»¹⁾. Для Новикова и близкихъ ему по духу людей наступило время «исканій», тотъ моментъ, когда надо было найти примиреніе запросовъ ума и сердца, съ одной стороны, и окружающей дѣйствительностью, съ другой. Нуженъ былъ путь. Этотъ путь и указало *масонство*.

Н. И. Новиковъ—масонъ.

Мы уже знаемъ, что въ третьей четверти XVIII вѣка масонство въ Петербургѣ объединялось «Елагинской» системой, построенной на основахъ англійскаго «строгаго послушанія». Основной принципъ этой системы опредѣлялся необходимостью нравственнаго совершенствованія и самопознанія²⁾.

«Что есть свободный каменщикъ?»

И ритуаль (по катихизису) отвѣчалъ: «Онъ есть свободной человѣкъ, умѣющій покорять волю свою *законамъ разума*»³⁾.

Въ этомъ отвѣтѣ заключалось то главное,—на чемъ строился рационализмъ еще петровскихъ временъ и въ дальнѣйшемъ философія энциклопедистовъ.

Такъ, масонство въ этомъ отношеніи давало соотвѣтственный духу времени отвѣтъ. Но въ то же время масонство требовало *нравственнаго совершенствованія*,—какъ видимъ, и эта сторона отвѣчала духовнымъ запросамъ современнаго интеллигента. Мало того, орденъ вольныхъ каменщиковъ какъ *братство*,—какъ идея *равенства* внѣ зависимости отъ положеній и состояній,—удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя вызывались идеей правъ человѣка и гражданина. Наконецъ, масонство заключало въ себѣ еще и *обрядъ*. Эта сторона была важна для тѣхъ, кто разочаровался въ обрядахъ православной церкви, но не могъ совершенно вычеркнуть ихъ изъ своей жизни.

Такимъ образомъ, масонство давало извѣстную систему, общало міросозерцаніе и призывало своихъ братьевъ къ работѣ надъ своей собственной личностью и надъ созданіемъ храма истины.

¹⁾ Слова Новикова, передаанныя Карамзинымъ въ письмѣ къ Лафатеру (*Тихонравовъ*. Сочиненія, т. III, ч. I).

²⁾ *И. Ореусъ*. Уничтоженіе масонскихъ ложъ. «Русская Старина», т. XVIII, стр. 458.

³⁾ *Пекарскій*. Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи, стр. 42.

Переживая моментъ сомнѣній и исканій «иныхъ путей», Новиковъ обращается къ масонамъ и въ 1775 году вступаетъ въ орденъ, въ елагинскую ложу «Астрея».

Казалось бы, для чуткаго и энергичнаго Новикова открывалось широкое поле дѣятельности: «работать» надъ дикимъ камнемъ своихъ сомнѣній и просвѣщеніемъ еще непросвѣщенныхъ братьевъ.

Но... не прошло и года, какъ Новиковъ стремится уйти ¹⁾ изъ-подъ власти англійской системы.

Почему? Отвѣтъ на это находится въ связи съ коренной чертой англійской системы. Масонство пришло къ намъ съ Запада. Тамъ дѣятельность ордена ожилялась опредѣленными мѣстными условіями. У насъ же масонство этого времени, если и давало систему міросозерцанія, то все же оно не могло объединить своихъ членовъ въ общей «товарищеской» работѣ. На дѣлѣ у насъ въ орденъ шли люди съ разными цѣлями и разными вѣрованіями. Среди петербургскихъ масоновъ Елагинскихъ ложъ мы видимъ и вольтерьянцевъ, и атеистовъ, и людей религіозныхъ, и искателей приключеній, искавшихъ подчасъ, главнымъ образомъ, встрѣчъ съ сильными міра сего... Въ этомъ-то и заключались главныя разлагающія начала, о чемъ такъ подробно разсказалъ позднѣе въ своихъ «Запискахъ» ²⁾ самъ И. П. Елагинъ.

Каждый каменщикъ держалъ въ рукахъ наугольникъ и циркуль, но общей работы созиданія храма внутренней жизни не было. Русскіе масоны вошли въ пустыя стѣны храма ордена Тампліеровъ и оставались простыми зрителями, не принимая участія въ торжественномъ богослуженіи. Правда, «служеніе» въ скоромъ времени замѣнилось частыми засѣданіями въ «столовыхъ» ложахъ.

Руководители масонства хорошо понимали, что имъ недостаетъ ³⁾ дѣятельныхъ, энергичныхъ и образованныхъ людей, которые могли бы нести отвѣтственную роль «просвѣтителей» и вдохновителей, вновь принимаемыхъ «апрантивовъ». Вотъ почему такъ легко, не проходя начальныхъ ступеней, былъ принятъ въ ложу и Новиковъ; его считали полезнымъ человѣкомъ для «масонскаго дѣла». Но самъ онъ скоро понялъ «суету» и «празднословіе» Елагинскаго братства.

Въ немъ онъ не могъ найти того удовлетворенія, котораго искала его, религіозно настроенная, душа. Къ концу перваго года своего посвященія въ масоны Новиковъ познакомился съ Рейхелемъ ⁴⁾, увлекся его общаніями и присоединился къ Циннендорфской системѣ, начавшей пріобрѣтать вліяніе среди петербургскихъ масоновъ. Новиковъ, какъ видимъ, все же не хотѣлъ покидать масон-

¹⁾ Лонгиновъ. «Новиковъ», стр. 101.

²⁾ И. Елагинъ. «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія или наука свободныхъ каменщиковъ... MDCCCLXXXVI. См. «Русскій Архивъ», 1864 г., т. I. Тамъ же—«Повѣсть о самомъ себѣ».

³⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, стр. 99.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 103.

ства. Онъ видѣлъ въ немъ живыя начала, но рѣшилъ итти другимъ путемъ въ исканіи истины.

Вмѣстѣ съ Рейхелемъ Новиковъ въ 1776 году основалъ новую ложу, главной задачей которой должно было явиться *нравственное совершенствованіе*. Работой новой ложи должно было стать *исканіе свѣта*. Тогда какъ въ Елагинскихъ ложахъ искали *разгадки тайны масонской*. Эти двѣ точки зрѣнія на масонство¹⁾ въ послѣдствіи рѣзко противопоставили масонство петербургское и московское.

Подтвержденіе такому различію во взглядахъ на масонство мы находимъ въ цѣломъ рядѣ документовъ масонскаго ордена.

Въ Елагинскомъ катихизисѣ о принятіи въ члены ордена говорилось: «Вступать въ масоны надо не для пріобрѣтенія добродѣтелей, которыя можно найти черезъ вѣру и гражданскія узаконенія, и не для снисканія премудрости, которыя можно найти въ школахъ, но для открытія и преданія потомству *нѣкоего важнаго таинства*»²⁾.

Иначе ставить вопросъ Новиковъ. «*Душа и духъ* да будутъ единственными предметами нашими», «величіе человѣческой *личности*, его преизящество и благородство», «противодѣйствіе моднымъ философамъ, подобнымъ блеску сусальнаго золота»—вотъ какіе вопросы хотѣлъ рѣшать Новиковъ, о чемъ мы узнаемъ изъ «предувѣдомленія» къ «Утреннему Свѣту»³⁾, издававшемуся Новиковымъ въ это время. Позднѣе еще яснѣе опредѣлилось стремленіе его найти правду человѣческихъ отношеній, освободить религіозное чувство отъ ложныхъ заблужденій, пролить свѣтъ на природу личности и ея отношеніе къ міру вообще, самому себѣ и своему ближнему въ частности—все это являлось главной цѣлью Новикова и позднѣе московскаго масонства, въ которомъ онъ принималъ участіе. Вдумываясь въ эти положенія, мы увидимъ, что разгадываніе ковра и чтеніе повѣсти адонирамовой въ ложахъ Елагинской системы не могло удовлетворить ищущей правды, его религіозно настроенной души.

Наступилъ 1777 годъ; объединились Рейхелевскія и Елагинскія ложи подъ начальствомъ шведской системы⁴⁾. Но эта смѣна системъ показываетъ, какъ наивно вѣрили русскіе масоны, будто съ перемѣной формъ можно достигнуть истины. Въ 2—3 года перемѣнились три системы, и ни одна изъ нихъ не могла удовлетворить Новикова.

Со слезами на глазахъ, переживая тяжелый моментъ исканій, Новиковъ спрашивалъ Рейхеля, въ чемъ же истинное масонство?

¹⁾ Вл. Тукалевскій. Исканія русскихъ масоновъ. СПб. 1911 г., стр. 18 и слѣд.

²⁾ Пекарскій. Дополненія, стр. 50.

³⁾ «Утренній Свѣтъ». 1777—1780 гг.

⁴⁾ Лонеиновъ. Новиковъ, стр. 106.

Коверъ въ ложахъ И. П. Елагина. (Изъ собран. Госуд. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).
Tapis dans les loges de I. P. Elaguine.

Заклиная именемъ Бога, Новиковъ просилъ Рейхеля дать ему отвѣтъ, которому онъ и послѣдуетъ¹⁾.

Рейхель отвѣтилъ: истина въ удаленіи отъ политики и слѣдованіи идеаламъ христіанства.

Самъ же Новиковъ такъ формулировалъ отвѣтъ Рейхеля: *истинное масонство въ томъ просвѣщеніи, къ которому можно придти, идя по стезямъ христіанскаго нравоученія*²⁾. Какъ мы узнаемъ, почти всю жизнь Новиковъ не отступалъ отъ такого своего взгляда на масонство.

Казалось, что вопросъ уже выяснился для Новикова, но встрѣча съ кн. Реп-

¹⁾ Тамъ же, стр. 107.

²⁾ Тамъ же, стр. 108.

нинымъ¹⁾ снова заронила сомнѣніе въ его душу. Репнинъ говорилъ Новикову, правда полунамеками, о розенкрейцерахъ; о томъ, что у нихъ въ ложахъ—истинное вольное каменничество. Не твердый еще въ первомъ своемъ убѣжденіи, Новиковъ снова чувствовалъ неудовлетворенность, но все же его исканія находили опредѣленный путь, заключавшійся въ первой части, данной имъ масонству, формулы—въ *просвѣщеніи*.

По этому пути и пошелъ Новиковъ.

Уже въ 1777 году онъ сталъ издавать «Санктпетербургскія Ученыя вѣдомости».

«Распространеніе наукъ въ Россіи и успѣхи въ оныхъ единоплеменниковъ нашихъ во всѣхъ ученыхъ Европѣйскихъ мужахъ ежедневно умножаютъ любопытство къ достовѣрному узнанію оныхъ», писалъ Новиковъ въ «Предувѣдомленіи» къ своему изданію и съ помощью «Вѣдомостей» въ дальнѣйшемъ, онъ старался пополнить знанія своихъ соотечественниковъ для «снисканія» ими пониманія «совершающагося» въ мірѣ. Кромѣ того, «Вѣдомости» ставили своей задачей освѣдомлять читателей въ историческихъ и литературныхъ вопросахъ. Читая это изданіе, можно видѣть, что мы имѣемъ дѣло еще съ прежнимъ Новиковымъ, издателемъ «Вивліоѳики» и «Словаря», но уже ставящимъ себѣ болѣе широкія задачи и цѣли. Тѣмъ не менѣе, Новиковъ былъ уже масономъ; онъ принималъ участіе въ «работахъ» ложи, основанной при его содѣйствіи; но его не могъ удовлетворить интересъ «таинственныхъ собраній»; такимъ путемъ, онъ вѣрилъ, братья—масоны едва ли найдутъ *истину*.

И вотъ, склонный къ общественной работѣ Новиковъ организуетъ кружокъ лицъ, изъ подходившихъ къ нему по духу людей, такихъ же членовъ ложи. Въ этотъ кружокъ вошли: И. П. Тургеневъ, А. М. Кутузовъ, В. В. Чулко въ наѣзжавшіе изъ Москвы кн. Н. Н. Трубецкой, М. М. Херасковъ и др. «Работой» этого кружка, по мысли Новикова, являлось уже, не «обрядъ принятія новыхъ членовъ», а изданіе журнала, на страницахъ котораго должна была итти работа по выясненію тѣхъ вопросовъ, о которыхъ думалъ, но самъ не могъ рѣшить Новиковъ. Мало, однако, журнала. Новиковъ принимается и за общественную дѣятельность. Въ Петербургѣ же Новиковъ устроилъ двѣ школы и содержалъ ихъ на счетъ доходовъ отъ своего изданія.

Журналъ — «Утренній свѣтъ» — періодъ исканій.

Прекративъ въ 1777 году «Вѣдомости», въ 1778 году, Новиковъ «выдавалъ» журналъ «Утренній свѣтъ». Какъ видимъ, и самое названіе журнала соотвѣт-

¹⁾ Тамъ же, стр. 108.

ствуєть тому стремленію Новикова, съ которымъ онъ такъ жаждалъ приблизиться къ свѣту истины. Но это былъ—еще *утренній свѣтъ*!

Чего же искалъ «Утренній свѣтъ»?

Внимательно читая журналъ, мы не найдемъ на его страницахъ разгадки тайнъ масонства. Авторы ставятъ другіе вопросы—вопросы міросозерцанія. Печатавъ переводы и передѣлки изъ Платона, Сократа, Сенеки, Вергилія, Плутарха и другихъ философовъ, журналъ говоритъ о Богѣ, о душѣ, объ отношеніи человѣка къ міру видимому и невидимому, о томъ, что такое человѣческая личность и каково должно быть ея назначеніе въ жизни.

Эти статьи интересны не только по существу, но и по тому значенію, которое онѣ имѣли, какъ противопоставленіе «согласію съ разумомъ»—катилизиса Елагинскихъ ложъ. Они шли также противъ того «вольномудства», которое такъ просто рѣшало всѣ эти вопросы—короткимъ отвѣтомъ—«этихъ вопросовъ въ жизни человѣка вовсе—нѣтъ!»

Мы, конечно, ошибемся, если подумаемъ, что журналъ являлся органомъ, *боровшимся* съ «заблужденіями» времени. Нѣтъ, онъ только *ставилъ* эти вопросы, и чрезвычайно интересно слѣдить за тѣмъ, какъ бессильно бросалась мысль отъ умаленія значенія разума въ рѣшеніи міровыхъ вопросовъ, какъ доходила до полного его отрицанія и потомъ, вдругъ, журналъ приходилъ къ обожествленію того же разума!

То авторы убѣждены, что мужество, разумъ управляетъ человѣческими дѣлами ¹⁾, а черезъ нѣсколько книжекъ говорится уже о томъ, что человѣкъ слабое созданіе, его духъ стѣсненъ тѣломъ ²⁾; далѣе журналъ приходитъ даже къ полному отрицанію и разума, и искусства, и творчества и толкуетъ о «другой» жизни ³⁾, а въ слѣдующей книжкѣ ⁴⁾ снова превозноситъ натуру и говоритъ о радостяхъ земного бытія, но черезъ двѣ слѣдующія книжки, опять говоритъ о тщетѣ земной жизни и отрицаетъ значеніе тѣла, даже смѣхъ считаетъ преступленіемъ ⁵⁾.

То матеріализмъ, то идеализмъ проповѣдывалъ журналъ, иногда дѣлалъ попытки примирить душу и тѣло, но изъ этихъ попытокъ ничего не выходило. Такъ, не найдя синтеза, «Утренній свѣтъ» прекратилъ свое существованіе. Надо замѣтить, однако, что прекращеніе изданія находилось въ зависимости отъ «внутреннихъ» причинъ, ибо у читателей журналъ пользовался успѣхомъ и въ дальнѣйшемъ потребовалось даже второе изданіе.

Интересенъ также фактъ, характерный для развитія личности Новикова.

¹⁾ «Утренній Свѣтъ». О случаѣ, ч. I.

²⁾ Тамъ же. Проповѣдь Цоликоффера, ч. VIII.

³⁾ Тамъ же. Юнговы ночи, ч. VIII.

⁴⁾ Тамъ же. Ученіе природы, ч. IX и Законъ Псаммита, ч. VI.

⁵⁾ Тамъ же. Юнговы ночи, ч. VIII.

Будучи масономъ по духу, принадлежа къ масонской ложѣ, тѣмъ не менѣ Новиковъ не давалъ въ своемъ журналѣ «масонскихъ» статей. Мало того, къ помѣщеннымъ въ журналѣ письмамъ Іакова Всегдатута было сдѣлано примѣчаніе, говорившее объ ироническомъ отношеніи журнала къ «сновидѣніямъ» вольныхъ каменщиковъ. Журналъ былъ занятъ другими вопросами—о Богѣ и душѣ и объ «общемъ о мірѣ повѣствованіи».

Правда, рѣшить этихъ вопросовъ журналъ не могъ, ибо у него не было опредѣленной системы міросозерцанія. Елагинская система масонства, поставивъ рѣшеніе вопроса о самопознаніи, потонула въ мелочахъ ритуала и не могла вывести своихъ братьевъ на путь истины. Нужна была система; такую систему, позднѣе и даль—*мартинизмъ*.

М а р т и н и з м ъ.

«О заблужденіяхъ и истинѣ»—такъ называлась та книга «неизвѣстнаго философа»¹⁾, которой пришлось сыграть такую большую роль не только въ масонствѣ вообще, но и въ русскомъ масонствѣ въ частности. Авторомъ ея былъ Клодъ де-Сенъ-Мартенъ. Къ 1778 году относятся сношенія русскихъ тамплиеровъ съ западными²⁾; къ тому же, именно, времени относится участіе Клодъ де-Сенъ-Мартена въ объединеніи нѣмецкихъ и французскихъ тамплиеровъ³⁾, въ связи съ чѣмъ, надо полагать, находится и проникновеніе въ Россію названной книги⁴⁾ «неизвѣстнаго философа». Книга эта отвѣчала, именно, на тѣ вопросы, которые ставилъ «Утренній Свѣтъ».

«Воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія»—таковъ подзаголовокъ книги Сенъ-Мартена. Читая его сочиненіе мы увидимъ, что авторъ старается доказать, какъ разнообразны всѣ, доселѣ бывшія системы, какъ всѣ «примѣчатели» окутаны заблужденіями. Въ то же время Сенъ-Мартенъ выступаетъ и на защиту науки, возражая тѣмъ «начальникамъ», которые не даютъ ученикамъ ничего постоянного, а, наоборотъ, подаютъ поводъ не довѣрять никакой наукѣ. Онъ стремится слѣдовать «физической очевидности». Авторъ ставитъ далѣе вопросъ—«возможна ли истина?» и отвѣчаетъ: да, возможна, но... *доступна лишь избраннымъ*. Въ своей книгѣ Сенъ-Мартенъ даетъ «знаніе о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной и невещественной».

¹⁾ Издана въ Москвѣ иждивеніемъ типографической компаніи въ 1785 году. До печатнаго изданія обращалась въ Россіи на французскомъ языкѣ и въ рукописныхъ переводахъ.

²⁾ Лонеиновъ. Новиковъ, стр. 105.

³⁾ Encyclopédie der freimaurerei. Leipzig. 1822—28 гг., т. II, стр. 346.

⁴⁾ И. Елагинъ. «Русскій Архивъ». 1864 г., кн. I, стр. 95. Въ «Запискахъ» И. Лопухина опредѣляется время до 1780 года, когда онъ увлекался книгой Сенъ-Мартена.

о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ». Какъ видимъ, онъ хочетъ своею мыслью охватить весь міръ, всю вселенную—понять все и объяснить людямъ. Онъ даетъ цѣлую систему, въ которой такъ нуждались русскіе масоны.

Только что закончилъ свое существованіе «Утренній свѣтъ», пытавшійся рѣшить всѣ эти вопросы, и вотъ—книга, идущая ему на помощь.

Правда, и у Сень-Мартена много неясностей и у Сень-Мартена есть противорѣчія и смѣшеніе мистики Іакова Беме съ матеріалистическими теоріями Виллермоза, Сведенборга и Парацельза. Но все это искупалось главнымъ. Всѣ положенія Сень-Мартена были объединены одной идеей, и это—*идея добра*. Въ книгѣ Сень-Мартена могли найти отвѣтъ и вольтерьянцы, ибо и «Бога» Сень-Мартенъ понималъ въ духѣ вольтерьянцевъ «какъ художника-Творца вселенной», и искатели рѣшенія вопроса объ отношеніи духа и тѣла, и всѣ тѣ, кто интересовался таинственнымъ. Всѣ тѣ разсужденія Сень-Мартена, которыя подтверждались ссылками на «пути отъ 4 къ 9» и прочія аллегорическія разсужденія, давали пищу увлекавшимся магіей и вызываніемъ духовъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ вопросахъ. Для насъ важно то значеніе, которое могла имѣть эта книга для такихъ людей, какъ Новиковъ.

Какъ выйти изъ заблужденія среди невѣдомаго, какъ отвратиться отъ заблужденія? И Сень-Мартенъ отвѣчаетъ: *надо вернуться къ добру*. Какъ же это сдѣлать? Нуженъ былъ практическій путь.

Этотъ путь указывали тѣ идеи, которыя были положены въ основу книги Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ»¹⁾.

И книга Сень-Мартена и книга Арндта произвели сильное впечатлѣніе среди мыслящихъ круговъ русскаго общества. Мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что изъ Сень-Мартена читали цѣлые отрывки въ рѣчахъ на засѣданіяхъ Елагинскихъ ложъ²⁾. Позднѣе вліяніе той же книги сказалось и на новомъ Новиковскомъ журналѣ «Московское изданіе».

Мы имѣемъ также свѣдѣнія о томъ вліяніи, которое оказывали Арндтъ³⁾ и Сень-Мартенъ на отдѣльныхъ послѣдователей масонства. Такъ, видный масонъ, Лопухинъ, сообщаетъ въ своихъ Запискахъ, что прочитавъ Сень-Мартена и Арндта, онъ отрекся отъ вольтерьянства и написалъ, изданную Новиковымъ въ 1780 году, книгу «О заблужденіяхъ разума».

Эти двѣ книги имѣли то значеніе, что онѣ намѣтили два пути въ русскомъ

¹⁾ Книга была издана позднѣе, въ 1784 году, на рускомъ языкѣ, въ Москвѣ, въ переводѣ И. П. Тургенева.

²⁾ Пекарскій. Дополненія, стр. 110.

³⁾ См. «Записки» И. Елагина.

масонствѣ. Одни, главнымъ образомъ петербургскіе масоны, увлекались «аллегорическимъ» у Сень-Мартена, продолжали искать рѣшенія таинственныхъ загадокъ; другіе и главнымъ образомъ Новиковъ и его друзья увлекались *истиннымъ христіанствомъ*.

Выше мы указывали на то, что Новиковъ опредѣлялъ масонство какъ слѣдованіе «по стезямъ христіанства». Работа же въ стѣнахъ ложи не давала простора развитію стремленій Новикова. Если другіе могли удовлетворяться самоанализомъ и въ немъ одномъ находить работу для своей духовной дѣятельности, то для Новикова нужно было широкое поле дѣятельности. Не только о себѣ, но и о другихъ думалъ Новиковъ; о просвѣщеніи народа и исправленіи заблудшихъ мечтала его душа.

Къ чему же призывалъ Арндтъ? Христось, говорилъ Арндтъ, указалъ путь истинной жизни. Надо итти на помощь ближнему, надо итти къ слабымъ и больнымъ, надо помогать своимъ братьямъ-людямъ, ибо въ этомъ истинная вѣра, истинное служеніе Богу. Житіе современныхъ людей, говоритъ Арндтъ, совершенно не-христіанское, подобное какъ бы они жили въ язычествѣ. Черезъ вѣру черезъ покаяніе люди смогутъ стать истинными христіанами—новыми людьми и это будетъ ихъ второе рожденіе.

Но трудно быть христіаниномъ, ибо *ученіе міра противно ученію Христа*. Люди забыли Христа. Они замѣнили его Христомъ изъ золота, камней и драгоценныхъ металловъ. Надо вернуться къ Христу... и тогда, черезъ любовь, истинный христіанинъ обрѣтетъ царствіе Божіе *внутри самого себя*.

Надо отмѣтить еще одну черту въ ученіи Арндта—его отрицательное отношеніе къ современному духовенству и въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ обрядности современной ему церкви. Для людей, затронутыхъ вольтерьянствомъ и искавшихъ вмѣсто религіи обряда, религіи души—это имѣло громадное значеніе. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, съ какой страстностью отдается Новиковъ проведенію въ жизнь этихъ идеаловъ.

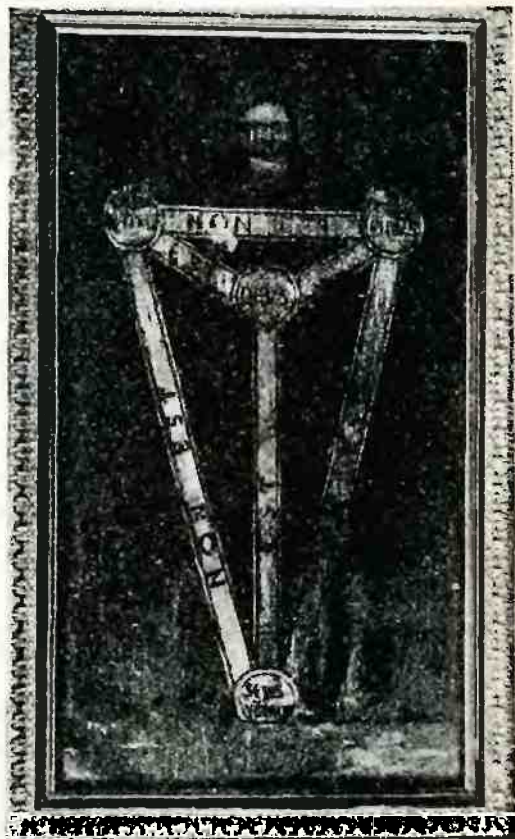
Новиковъ въ Москвѣ.

Мы не будемъ останавливаться на той сторонѣ въ жизни русскаго масонства, которая являлась продолженіемъ толкованій таинственныхъ и аллегорическихъ идеаловъ Сень-Мартена. Конечно, «мартинизмъ» развивался въ русскомъ масонствѣ, у него было много послѣдователей, онъ принималъ тѣ или другія, часто утрированныя, формы. Но не къ нимъ пошелъ Новиковъ и объ этомъ свидѣтельствуется его практическая дѣятельность. Новиковъ *принималъ* систему Сень-Мартена, но изъ нея онъ выбиралъ то, что находилось въ связи съ главнымъ положеніемъ «неизвѣстнаго философа»—«*Путь добра*». Та масса книгъ по вопросамъ христіанства, та помощь бѣднымъ, своимъ братьямъ-людямъ, которую

широко развивалъ Новиковъ, свидѣтельствуютъ о томъ «пути», по которому онъ пошелъ въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Стремленія Новикова ясно выразились послѣ переѣзда его изъ Петербурга въ Москву. Связь Новикова съ Москвой благодаря кн. Трубецкому начала налаживаться съ того момента, какъ Новиковъ вступилъ въ масонскій орденъ. Новиковъ нерѣдко бывалъ въ Москвѣ «на короткое время», а въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ 1778 году, когда кн. Трубецкой «со своею ложею вступилъ въ Москвѣ въ соединеніе съ кн. Гагаринымъ» на началахъ шведской системы, Новикова «уговорили принять Шведской седьмой градусъ». И несмотря на то, что это сказано Новиковымъ на допросѣ у Шешковскаго, мы не считаемъ возможнымъ сомнѣваться въ искренности его словъ; не потому только, что шведская система плохо усваивалась Новиковымъ и не потому, что Рейхель совѣтовалъ Новикову сторониться этой системы. Намъ кажется, что главная причина лежала въ томъ, что Новиковъ былъ занятъ совсѣмъ другими дѣлами.

Новиковъ задумывалъ то громадное дѣло, которое въ дальнѣйшемъ создало ему славу перваго русскаго издателя просвѣтительныхъ книгъ. 21 апрѣля 1779 г. Новиковъ писалъ Я. Н. Булгакову: «я на сихъ дняхъ ѣду въ Москву и буду тамъ жить». А 1 мая того же года онъ уже подписалъ контрактъ на взятую имъ въ аренду на 10 лѣтъ типографію Московскаго университета.

И въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ Новиковъ осуществляетъ на дѣлѣ свою «работу». Онъ понималъ, что просвѣщеніе возможно лишь черезъ книгу. Онъ понималъ, что неудача сатирическихъ его журналовъ зависѣла отъ произвола власти, что тѣ, кого онъ хотѣлъ сатирой обратить къ новой жизни, съ любопытствомъ читаютъ его листки, а исправленія нравовъ не замѣчается. Новая организціи—масонскія ложи, на которыя онъ возлагалъ свои надежды, сами не знаютъ, чего онѣ хотятъ, или, лучше сказать, не знаютъ, какъ имъ достигнуть того, къ чему

Масонскій символъ (Собр. Д. Г. Бурulina).
Symbole maçonnique.

они стремятся. И вотъ Новиковъ принимается за тяжелую, медленную, но вѣрную работу: просвѣщеніе русскаго народа черезъ книгу.

Съ этого времени, не только по словамъ Новикова, сказаннымъ на допросѣ¹⁾, но и по соображеніямъ чисто практическаго характера, ослабляются тѣсныя связи Новикова съ масонствомъ. Уѣхавъ изъ Петербурга, Новиковъ прекратилъ свое участіе въ прежней ложѣ, а въ Москвѣ ему было не до того, онъ былъ занятъ пріемкой типографскаго «матеріала», провѣркой счетовъ и проч. Когда же мы поближе познакомимся съ дѣятельностью Новикова, какъ издателя, мы увидимъ и цѣль его—служить просвѣщенію.

Какія книги издаетъ Новиковъ?

Это—учебники и ученые сочиненія. Кромѣ того, значительное мѣсто занимаютъ книги религіозно-нравственнаго содержанія. Здѣсь мы находимъ: Дѣянія... Симона, епископа рязанскаго, Памятникъ повседневный каждаго православнаго христіанина, Посланіе Фотія Патріарха Константинопольскаго, Предопредѣленіе челоуѣка, Душеспасительныя размышленія, О познаніи Бога, Третье прибавленіе къ словарю церковному Протоіерея Петра Алексѣева, Слово объ истинной славѣ и проч.²⁾ Это уже не прежнія изданія Новикова—какъ «Трутень» и «Живописецъ» и не Вивліювика. Это—новая полоса въ дѣятельности Новикова и мы знаемъ, какъ въ дальнѣйшемъ она развивалась все шире и шире. Несомнѣнно, однако, что издательская дѣятельность Новикова неизбежно должна была быть тѣсно связана съ привлеченіемъ авторовъ и переводчиковъ. Новикову, необходимо было имѣть общеніе съ людьми, которые помогали бы ему въ работахъ. Вотъ почему Новиковъ сталъ расширять кругъ своихъ знакомствъ. Близость съ Херасковымъ, а позднѣе съ кн. Трубецкимъ давала возможность Новикову подойти къ тому кружку, который группировался вокругъ куратора университета Хераскова. Но и Херасковъ и Трубецкой и другіе—были масоны.

Изъ исторіи масонства въ Россіи мы знаемъ, что въ то время, ктѣ только не былъ масономъ? Точнѣе, масонство было идентично тогда съ понятіемъ интеллигенціи въ настоящее время. И нельзя видѣть въ этомъ что-либо исключительное. Масоны признавались открыто. Если же и была «тайна собраній», то она вызывалась потребностью со стороны самихъ масоновъ. Правительство масоновъ не преслѣдовало. Видные дѣятели эпохи, князья и графы были масоны. Больше того, наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ имѣлъ отношеніе къ масонству. Исслѣдователи масонства: Пыпинъ, Лонгиновъ и Ешевскій, считаютъ заслуживающими вниманія свѣдѣнія о принятіи великаго князя Павла Петровича еще

---

¹⁾ Матеріалы о слѣдствіи надъ Новиковымъ помѣщены у Лонгинова—Новиковъ и моск. мартинисты—въ приложеніяхъ, стр. 665 и слѣдующ., а также см. «Сборникъ русскаго историческаго общества», т. II. СПб., 1868 г., гдѣ помѣщена статья А. Н. Попова—«Новые документы по дѣлу Новикова».

²⁾ Подробнѣе см. у Лонгинова—Новиковъ, стр. 135.

въ 1776 году въ масонскій орденъ. Мы не будемъ приводить имена знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыя принадлежали къ масонству, но все это указываетъ лишь на то, что масонство признавалось какъ явленіе естественное и ужъ во всякомъ случаѣ не заключающее въ себѣ чего-либо исключительнаго. Вотъ почему сближеніе Новикова съ литературными кругами Москвы неизбежно должно было снова поставить его въ тѣсную связь съ масонами. Правда, скоро въ дальнѣйшей жизни Новикова произошло событіе, которое заставило его принять ближе къ сердцу интересы масонства. Событіе это—было знакомство и сближеніе съ Иваномъ Егоровичемъ Шварцемъ

І. Г. Шварцъ.

Іоганнъ-Георгъ, или Иванъ Егоровичъ Шварцъ, какъ его называли въ Россіи, былъ искренній масонъ. Мало того, основы его масонскихъ идеаловъ коренились тамъ, на родинѣ масонства, на Западѣ. Въ 1776 году князь И. С. Гагаринъ, путешествуя за границей, познакомился со Шварцемъ, нѣмцемъ, родомъ изъ Трансильваніи (родился онъ въ 1751 году) и пригласилъ его въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ Александра Михайловича Рахманова ¹⁾. Пріѣхавъ въ Могилевъ, гдѣ жили Рахмановы, Шварцъ выучился русскому языку. Во время своихъ поѣздокъ въ Москву онъ познакомился черезъ В. И. Майкова съ кн. Трубецкимъ. Трубецкой принялъ Шварца въ ряды русскихъ масоновъ. Живя въ Могилевѣ, Шварцъ основалъ тамъ ложу и завязалъ сношенія съ Курляндіей, гдѣ присоединился къ старымъ масонамъ «строгаго наблюденія». Недолго пробылъ Шварцъ въ Могилевѣ. Уже въ 1779 году, со смертію Рахманова, онъ переѣхалъ въ Москву. Несомнѣнно, связи Шварца съ Москвой были довольно сильны, ибо въ томъ же 79 году Шварцъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по кафедрѣ «философіи и беллетровъ». Благодаря Майкову и Трубецкому состоялось знакомство Новикова со Шварцемъ.

Можно думать, что знакомство это было естественнымъ въ виду тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя ставили себѣ Шварцъ и Новиковъ. Кромѣ того, объ издательской дѣятельности Новикова знали даже за границей. Такимъ образомъ, не говоря о масонскихъ интересахъ, Новикова и Шварца связывали тѣ просвѣтительныя стремленія, къ которымъ такъ привязаны были и тотъ и другой. Въ своихъ отвѣтахъ на допросъ у Шешковскаго Новиковъ сообщилъ, что «по масонству я со Шварцемъ не говорилъ ни слова и крайне остерегался, чтобы допустить и его говорить о томъ съ собою, потому что я почиталъ его стриктъ-обсервантомъ». Надо полагать, что это—преувеличеніе, ибо странно было бы, чтобы Новиковъ, вращаясь въ масонскихъ кругахъ, не участвовалъ въ разговорахъ

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, стр. 126.

о масонствѣ. Да и самъ онъ говорить, что цѣнилъ Шварца «наипаче за отмѣнное его дарованіе изъясняться о самыхъ ученѣйшихъ матеріяхъ, просто, ясно и вразумительно». Надо полагать, что эти «ученѣйшія» матеріи, не могли не имѣть отношенія къ масонству. Шварцъ—увлекался философскими вопросами. Новиковъ тоже постоянно стремился къ «общему о мірѣ повѣствованію», правда, онъ присоединялъ еще одну черту въ своихъ увлеченіяхъ и интересахъ. Онъ искалъ, послѣ неудачъ въ своей дѣятельности какъ издателя сатирическихъ журналовъ, «новыхъ путей быть полезнымъ своему отечеству». Неизбѣжно между Шварцемъ и Новиковымъ должны были подниматься разговоры и о масонствѣ. Правда, Новиковъ зналъ, что тотъ видъ масонства, къ которому принадлежалъ Шварцъ и онъ самъ, не есть «истинный видъ» масонства. Ложа, въ которой двери открыты для каждаго, гдѣ этотъ каждый увлекался лишь внѣшностью—не есть исканіе выхода. Такія ложи могли оказывать вліяніе на широкіе круги, но для исканія истины, или «высшихъ степеней», какъ принято было выражаться, нужно было бы имѣть болѣе тѣсный, замкнутый кружокъ. И мы знаемъ дѣйствительно, что уже въ концѣ 1780 года образовался въ Москвѣ небольшой кружокъ, всего изъ 8 лицъ, куда вошли кн. Н. Н. Трубецкой, М. Херасковъ, кн. А. Черкасскій, И. П. Тургеневъ, кн. Энгальчевъ, А. М. Кутузовъ, І. Г. Шварцъ, Н. И. Новиковъ. Позднѣе къ нимъ присоединился и кн. Ю. Н. Трубецкой. Помимо «исканія истины», были и нѣкоторыя формальныя причины къ такого рода обособленію. Системы Рейхеля и Елагина не удовлетворяли «лучшихъ» изъ русскихъ масоновъ. Шведская система также была не по душѣ Новикову и его друзьямъ. Поэтому кружокъ старался обособиться и въ этихъ цѣляхъ основалъ новую ложу «Гармонія», которая характеризовалась также какъ «Тайная и Сіентифическая». «Тайная»—не только для непосвященныхъ, но и для другихъ масоновъ; «Сіентифическая»—ибо въ ней хотѣли искать истиннаго масонства. Обычныхъ регулярныхъ собраній въ этой ложѣ не было. Обрядность и ритуаль не являлись необходимостью для ея членовъ¹⁾.

Это показываетъ, что масонство, которымъ увлекались широкіе круги, не увлекало Новикова. Мы не знаемъ, насколько дѣятельное участіе принималъ Новиковъ въ работахъ этой ложи, но въ организаціи ея онъ принималъ большое участіе и на нашъ взглядъ, такимъ путемъ хотѣлъ разрѣшить тѣ вопросы, которыми болѣла его душа, въ связи съ необходимостью оправдать свое участіе въ масонствѣ.

Однако масонство, хотя и интересовало Новикова, но въ то же время онъ всецѣло былъ погруженъ въ свою издательскую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи во многомъ его поддерживалъ и Шварцъ, который также на ряду съ масонскими интересами посвящалъ свое время и силы просвѣщенію молодежи

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 148 и «Русскій Вѣстникъ», 1846 г., кн. 8, стр. 380.

и подготовкѣ изъ ея среды тѣхъ людей, которые въ дальнѣйшемъ могли бы продолжать его дѣло. Въ связи съ этимъ, очевидно, находится и учрежденная уже въ концѣ 1779 года, по мысли Шварца, «Педагогическая семинарія» при Московскомъ университетѣ. Въ это время, прежнія колебанія Новикова и его друзей, отразившіяся на страницахъ «Утренняго свѣта», замѣняются болѣе опредѣленными взглядами, укрѣпившимися несомнѣнно подъ вліяніемъ Шварца.

Журналъ — «Московское изданіе» — примиреніе противорѣчій.

Тѣ исканія, которыя закончились противорѣчіями на страницахъ «Утренняго свѣта», до извѣстной степени нашли себѣ нѣкоторое примиреніе въ статьяхъ новаго Новиковскаго журнала подъ названіемъ «Московское изданіе», начавшаго выходить въ свѣтъ съ 1781 года. Правда, самъ Новиковъ продолжалъ увлекаться изданіемъ религіозно-нравственныхъ книгъ и въ изданіи новаго журнала ему помогали его друзья. При чемъ главнымъ редакторомъ журнала мы считаемъ—І. Г. Шварца. На страницахъ этого журнала мы находимъ и отраженіе идей Сень-Мартена. «Утренній свѣтъ» колебался и не зналъ, за чѣмъ признать приматъ—за душой или тѣломъ. Отчасти вопросъ сводился также къ борьбѣ между вѣрой и разумомъ. Но послѣ знакомства съ книгой «неизвѣстнаго философа» и писаніями Арндта объ истинномъ христіанствѣ многіе вопросы уже выяснились для русскихъ интеллигентовъ—масоновъ. Въ предувѣдомленіи къ «Московскому изданію» издатель уже ясно и опредѣленно заявляетъ, что «между вѣрою и разумомъ... философіей и Богословіей противоборства не должно быть». Съ одной стороны «ничего нѣтъ столь пріятнаго, какъ то, что согласно со здравымъ разсудкомъ, и съ другой стороны разсудокъ долженъ устремлять всѣ свои силы на знаніе нравственной мудрости». Издатели признавали, что и вѣра и разумъ одинаково имѣютъ право на свое существованіе и въ соединеніи ихъ не должно быть никакого противорѣчія. «Разумъ доказываетъ бытіе Бога, т.-е. предметъ нашей вѣры, разумъ познаетъ порядокъ въ мірѣ, внутреннее сознаніе нами добра и жизнь Христа, побѣду его ученія». «Вѣра въ свою очередь не идетъ противъ разума, она не дѣлаетъ насъ своими собственными врагами и не похищаетъ у насъ удовольствій жизни, она требуетъ лишь отреченія отъ излишествъ».

Всѣ эти вопросы мы подчеркиваемъ, потому что издатели сами о нихъ заявляютъ на первой же страницѣ «Предувѣдомленія» къ своему журналу. Это, такъ сказать, программные вопросы журнала, это credo, ибо ихъ именно эти вопросы интересуютъ. Да и дѣйствительно, масонскія исканія—это тѣ зачатки свѣтской философіи, это тѣ поиски философскаго міросозерцанія, которые

проявились среди интеллигентов XVIII вѣка. Мы уже указывали, что, такъ называемое, вольтерьянство, пришедшее на почву, подготовленную раціонализмомъ, разрушило религію обряда, но не дало религіи души, и вотъ надо было найти удовлетвореніе запросамъ духа.

Но мало того, что «Московское изданіе» какъ бы нашло собственный путь; почувствовавъ себя достаточно крѣпкимъ, журналъ выступаетъ и на борьбу съ тѣми вольнодумцами, которые забыли о духѣ, съ той сектой, которая гордится «титломъ философическимъ», на борьбу съ тѣми, «кои хулятъ... законъ ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный, кои признають, что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удовольствій и сладостей».

Общій тонъ журнала бодрый и увѣренный. Журналъ вѣрилъ въ значеніе и силу науки, и тѣмъ самымъ какъ бы отвѣчалъ тому стремленію къ просвѣщенію, которое ставили своей задачей Новиковъ и Шварцъ.

Просвѣдительная дѣятельность Новикова и Шварца.

Знакомясь съ тѣми изданіями отдѣльныхъ книгъ, которыя печатаетъ Новиковъ въ это время въ своей типографіи, мы находимъ среди нихъ рядъ букварей русскихъ и латинскихъ, Общій способъ ученія для каждого состоянія людей нужный, Діоптра или зеркало міросозерцательное, Духъ или мысли Іоанна Златоуста, Дневныя записки Дмитрія Ростовскаго, Посланіе къ Коринѳянамъ Св. Климента папы Римскаго, Священныя размышленія, ведущія къ настоящему исправленію христіанской жизни, Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ Гуго Гроція, Чувствованіе христіанина, Христіанинъ въ уединеніи и проч. Какъ видимъ, почти всѣ книги носятъ не только религіозно-нравственный характеръ, но и выбраны съ извѣстнымъ направленіемъ. Новиковъ выпускалъ въ свѣтъ такія книги, которыя соотвѣтствовали новому пониманію имъ христіанства, въ духѣ Іоанна Арндта. Эти изданія касаются не столько обрядной стороны православной религіи, сколько нравственного совершенствованія и самопознанія. Многія изъ этихъ книгъ были переведены съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ, при чемъ переводчиками являлись питомцы Московскаго университета. Къ этому же времени относится и открытое, по инициативѣ Шварца, 13 марта 1781 года «Собраніе университетскихъ питомцевъ». Шварцъ, какъ мы уже указывали, направилъ свое вліяніе на ту молодежь, которая могла составить ядро будущаго русскаго интеллигентнаго общества. Шварцъ хотѣлъ также, повидимому, удовлетворить тѣ умственные запросы университетской молодежи, которая неизбежно должна была примкнуть къ той или другой группѣ.

Цѣлью вновь образованнаго общества было: «образование ума и вкуса

членовъ, собиравшихся для чтенія и обсужденія своихъ литературныхъ опытовъ, нравственное ихъ усовершенствованіе, упражненіе въ челоѣколюбивыхъ подвигахъ, въ пользу которыхъ предположено было составлять періодическія изданія изъ трудовъ членовъ».

Самъ Шварцъ принималъ дѣятельное участіе въ созданной имъ организаціи. Можно было бы привести цѣлый списокъ лицъ членовъ «Собранія питомцевъ», принимавшихъ впослѣдствіи дѣятельное участіе не только въ переводной работѣ, но и въ масонской организаціи. Тутъ были и А. Петровъ и Багрянскій, и Ѳ. П. Ключаревъ и др. Шварцъ не только отдавалъ свое свободное время новой организаціи, но передалъ и имъ свою библіотеку, давалъ и деньги. Конечно, важнѣе всего была та атмосфера, которую создалъ Шварцъ для своей молодежи.

Обращаясь къ этому времени, къ жизни русскаго общества второй половины XVIII вѣка, мы видимъ двѣ удивительно яркія фигуры—это были Новиковъ и Шварцъ.

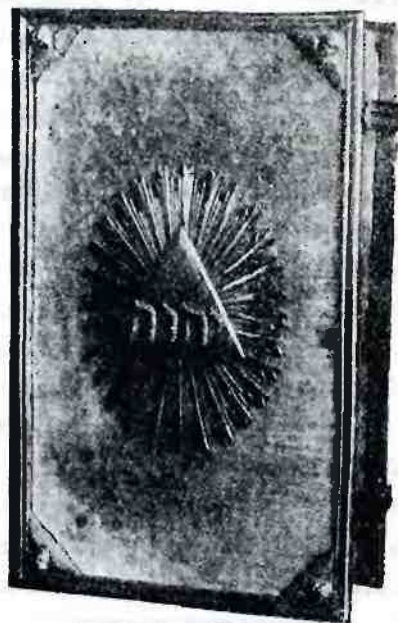
Новиковъ издавалъ книги, давалъ пищу для души и для ума русскаго общества, издавалъ журналъ «Московское изданіе» и «Экономическій магазинъ» подъ редакціей извѣстнаго Болотова, организовывалъ книжныя лавки не только въ Москвѣ, но и въ провинціи и всюду разсылалъ напечатанныя имъ изданія.

Шварцъ всѣ силы свои положилъ на просвѣщеніе молодежи и въ чемъ могъ помогалъ Новикову. Въ томъ же 1781 году Шварцъ издавалъ «Московскую Нѣмецкую газету», въ которой излагалъ свои мысли на просвѣщеніе и образованіе молодежи, слушавшей его лекціи въ университетѣ.

Важно отмѣтить, что вся эта дѣятельность двухъ великихъ людей XVIII вѣка шла подъ эгидой нравственнаго совершенствованія въ духѣ истиннаго христіанства и любви къ ближнему. Это лучшія страницы въ исторіи русскаго общества XVIII вѣка.

Шварцъ и Новиковъ были масонами. И говоря объ ихъ дѣятельности нельзя не подчеркнуть, что та, нерѣдко встрѣчающаяся, точка зрѣнія на масонство, какъ на увлеченіе обрядностью и бутафоріей — по отношенію къ Шварцу и Новикову должна приниматься съ большою оговоркой.

Но что же дѣлали въ это время рядовые члены масонскихъ ложъ?

Масонская книга (Рум. Муз.)
Livre maçonnique.

Въ *Москвѣ* происходили собранія отдѣльныхъ ложъ, Рейхелевскихъ и Елагинскихъ; принимались новые члены, разгадывались ковы, давались новыя степени; апрантивы и мастера стульевъ исполняли свои обязанности.

Новиковъ, Шварцъ и друзья ихъ посѣщали ложу «Гармонію», гдѣ толковали объ истинномъ масонствѣ, удѣляя этимъ собраніямъ немного времени, ибо всѣ ихъ дни и ночи были заняты и поглощены просвѣтительной работой.

Что же касается *Петербурга*, то тамъ происходили знаменательныя событія. Не для исторической полноты и не для справки, но исключительно для контраста между дѣятельностью масоновъ, Новикова и Шварца, мы хотимъ привести нѣсколько замѣчаній о петербургскихъ масонахъ. Тамъ въ это время въ домѣ И. П. Елагина, главнаго мастера и законодателя ложъ его имени, жилъ знаменитый графъ Калліостро¹⁾—магъ и волшебникъ; въ одно и то же время и иллюминатъ и розенкрейцеръ. Онъ вызывалъ духовъ, тѣни умершихъ, обучалъ любителей—алхиміи и златодѣланію. Вскорѣ, однако, шарлатанство «полковника испанской службы» было разоблачено публичнымъ заявленіемъ въ газетахъ испанскаго посла въ Петербургѣ о томъ, что никакого такого «полковника» въ службѣ его государя не значится. Разоблачены были и нѣкоторые изъ фокусовъ сего волшебника. Обманы и заблужденія, которыми вводили въ сомнѣніе петербургскихъ масоновъ, обратили вниманіе не только всего общества, но даже императрицы, написавшей извѣстную «Тайну противонелѣпаго общества». Это было первое напоминаніе правительства, правда, въ сатирической формѣ о томъ, что масонами не довольны... Тѣмъ не менѣе петербургскіе масоны, увлеченные удачными фокусами Калліостро, убѣжавшимъ изъ Петербурга отъ своихъ кредиторовъ, продолжали заниматься «черной магіей и алхиміей».

Приведенная нами справка показываетъ, какъ надо осторожно относиться къ тому просвѣтительному движенію, которое созидалось въ Москвѣ и находилось въ связи съ масонствомъ.

Все же Новиковъ и Шварцъ, хотя и не принимали ближайшаго участія въ масонскомъ «дѣйствѣ», они сыграли важную роль въ русскомъ масонствѣ. Они сами признавали важное значеніе масонства, хотя и отрицательно относились къ его бутафорской и «забавной» сторонѣ. Они искали истиннаго масонства. Вотъ почему необходимо выдѣлять изъ общей исторіи русскаго масонства хотя бы два главныхъ пути его. По одному шло вышеописанное петербургское масонство, а по другому—намѣчались тѣ религіозно-философскія исканія, къ которымъ обратили часть русскихъ масоновъ Новиковъ и Шварцъ.

Правда, они слѣдовали тѣмъ теоретическимъ положеніямъ, которыя вы-

---

¹⁾ Укажемъ на весьма интересную *рукопись*, хранящуюся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора (сборникъ № 416), въ которой разсказывается о «похожденіяхъ» Калліостро и, между прочимъ, о выселеніи его изъ Петербурга.

сказывались въ главномъ масонскомъ сочиненіи того времени книгѣ «неизвѣстнаго философа». Можетъ быть указаніе Сень-Мартена на то, что истина доступна лишь «избраннымъ» и послужило основаніемъ при организаціи «обособленной, сѣнтифической ложи Гармонія». Стремленіе къ познанію и просвѣщенію разума несомнѣнно заставляло ихъ разбираться въ тѣхъ вопросахъ, которые выдвигалъ Сень-Мартенъ. И мы знаемъ, что на страницахъ того же «Московского Изданія» въ противоположность «Утреннему Свѣту» мы найдемъ статьи, которыя можно было бы назвать масонскими¹⁾. Здѣсь уже говорится на ряду съ нравоученіями— о наукахъ эдемскихъ, о грѣхопаденіи Адама, о затемненіи его ума съ изгнаніемъ изъ рая, о передачѣ таинственныхъ знаній и т. д. Во всѣхъ этихъ вопросахъ не трудно угадать тѣ мотивы, которые съ такой тщательностью разрабатывались и Сень-Мартеномъ. Но въ этихъ неясныхъ и туманныхъ вопросахъ уже начало сказываться и то новое теченіе мысли, въ сферу идей котораго посвящались московскіе масоны, руководимые Шварцемъ.

Вліяніе Шварца на судьбу русскаго масонства.

Конецъ 1781 года и 1782 годъ были весьма знаменательными для русскаго масонства. Это была пора сношеній московскихъ масоновъ съ Герцогомъ-Брауншвейгскимъ и время приближавшагося Вильгельмсбадскаго конгресса.

Въ поискахъ истины, московскіе масоны все же не могли быть совершенно свободными отъ тѣхъ системъ, которыми они были связаны въ своихъ ложахъ. Та широкая общественная дѣятельность, которая организовывалась Шварцемъ и Новиковымъ въ Москвѣ, несомнѣнно должна была быть одухотворена опредѣленными идеалами. Кромѣ того, у Шварца было желаніе расширить кругъ людей, которые могли бы имѣть отношеніе къ его заботамъ о просвѣщеніи. Болѣе мыслящей и болѣе благопріятной группой для этого были масоны. Дѣйствующія въ Москвѣ ложи производили свои работы по разнымъ системамъ²⁾. Даже и въ самой нейтральной ложѣ «Гармонія» шли разногласія, ибо намѣстный мастеръ ложи П. А. Татищевъ, несомнѣнно по настоянію Новикова несшій эту обязанность, принадлежалъ къ шведской системѣ строгаго наблюденія, да и самъ Шварцъ былъ стриктъ-обсервантомъ, по словамъ Новикова. Новиковъ же былъ противникомъ этой системы. Но уже тотъ фактъ, что всѣ эти люди уживались въ такой отвѣтственной ложѣ, гдѣ какъ разъ должны

¹⁾ «Московское изданіе», ч. I, стр. 57—71, 114—126, 137—157, 163—209, 258—263; ч. II, стр. 54—79; ч. III, стр. 286—325, а также ч. I, стр. 133—137; ч. II, стр. 235—238; ч. III, стр. 109—120, 153—160. Объ «альхимистскихъ адептахъ» см. ч. I, стр. 136.

²⁾ Объ этомъ подробнѣе см. у Лопатинова—Новиковъ, и у С. Ешевскаго—Сочиненія по Русской исторіи, М. 1900 г. Статьи: 1) Матеріалы для исторіи русскаго общества XVIII вѣка. Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ, стр. 161—186; 2) Московскіе масоны (1780—1789 гг.), стр. 187—200.

были ити споры по теоретическимъ вопросамъ—говорить о сильномъ желаніи ея членовъ какъ-либо примирить различные интересы.

Былъ и еще одинъ важный мотивъ къ сближенію членовъ ложи «Гармонія». Это—основаніе «Дружескаго общества». Почти всѣ члены «Гармоніи» въ той или другой мѣрѣ принимали участіе въ просвѣтительной дѣятельности Новикова и Шварца.

Завершеніемъ мечты этого небольшого кружка и было основаніе «Дружескаго Ученаго общества», созданнаго по мысли Шварца.

Для широкихъ путей просвѣщенія, намѣченныхъ Новиковымъ и Шварцемъ, недоставало матеріальныхъ средствъ. Ихъ же собственныя средства были ограничены. И вотъ Шварцъ, встрѣчаясь съ П. А. Татищевымъ и бесѣдуя съ нимъ по вопросамъ воспитанія его сына, сумѣлъ привлечь его къ просвѣтительной

П. А. Татищевъ.
P. A. Tatichieff.

дѣятельности. Правда, Татищевъ былъ масонъ и потому было легче увлечь его тѣми планами широкаго распространенія просвѣщенія въ Россіи, о которомъ мечталъ Шварцъ. Татищевъ согласился принять участіе въ новомъ дѣлѣ и предоставилъ Шварцу часть своего огромнаго имущества, нажитого отцомъ его всякими правдами и неправдами. Эти средства пошли на устройство учебныхъ заведеній, пособія нуждающимся, подвиги благотворенія, просвѣщеніе и изданіе книгъ.

«Колумбъ, впервые завидѣвшій землю, говорилъ Шварцъ, не могъ радоваться болѣе меня, когда въ рукахъ моихъ очутился значительный капиталъ для осуществленія моей Платоновой идеи»¹⁾.

Надо признать, что ту же радость раздѣлялъ и ближайшій сподвижникъ Шварца въ этомъ дѣлѣ Н. И. Новиковъ. Не о вызваніи духовъ Калліостро мечтали московскіе руководители масонства, но о просвѣщеніи русскаго народа. Примѣръ Татищева и возможность осуществленія такого большаго дѣла пробудили интересъ и у другихъ лицъ, близко стоявшихъ къ Шварцу и Новикову. Значительныя суммы пожертвовали на новое дѣло князья Н. и Ю. Трубецкіе, кн. А. Черкасскій, В. В. Чулковъ, И. П. Тургеневъ и др.

Такъ, пока еще негласно, въ 1781 году организовалось въ Москвѣ «Дружеское Ученое общество», въ составъ котораго входили: Шварцъ, Новиковъ, Татищевъ, кн. Н. и Ю. Трубецкіе, кн. Черкасскій, Херасковъ, Чулковъ, Тургеневъ,

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, стр. 142.

Кутузовъ, братъ Новикова. Позднѣ къ нимъ присоединились П. И. Страховъ, И. В. Лопухинъ, С. И. Гамалѣя, кн. Энгальчевъ, бр. Ладыженскіе, баронъ Шредеръ, Ѳ. И. Ключаревъ, О. А. Поздѣвъ, кн. И. Г. Гагаринъ, У. И. Баженовъ, Г. М. Походяшинъ, О. А. Поздѣвъ, С. И. Плещеевъ и мн. др. Впослѣдствіи число участниковъ Общества значительно возросло. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ участіи каждаго лица въ работѣ Общества, нельзя не сказать о томъ великомъ значеніи, которое имѣло это Общество и той энергіи, силѣ и безкорыстной преданности дѣлу І. Г. Шварца, съ какой онъ поставилъ это дѣло.

Вотъ эта общая работа и являлась тѣмъ стимуломъ, который заставилъ участниковъ ложы «Гармонія» искать примиренія своихъ разногласій.

Собственно, надо признать, что «работа» была уже найдена. Въ основѣ ея лежали тѣ идеалы, которые признавались за «истинно масонскіе», надо было только подыскать тѣ подходящія формы, которыя могли бы вмѣстить и эти идеалы и связанную съ ними «работу». Вотъ почему продолжались исканія *истинныхъ* формъ масонства; ибо тѣ формы, которыя существовали, не могли никого удовлетворить. Въ этихъ исканіяхъ принялъ ближайшее участіе и сыгралъ важную роль все тотъ же І. Г. Шварцъ.

Не совѣмъ расположенный къ Циннендорфской системѣ, нослѣдователемъ которой былъ Новиковъ, Шварцъ, благодаря своимъ связямъ съ Курляндіей, хотѣлъ проникнуть въ берлинскіе масонскіе круги ¹⁾. И теперь, по мнѣнію Шварца, наступало время, когда русское масонство должно объединиться и прежде всего—избавиться отъ шведской системы, которая, какъ онъ самъ видѣлъ, не могла объединить всѣхъ. Шварцъ предполагалъ лично поѣхать за границу. Нашелся и подходящий случай. Татищевъ, просилъ Шварца отправиться на его средства съ его сыномъ за границу. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ той нуждой въ связяхъ по книжному дѣлу съ Западной Европой, которыя были необходимы для организовавшагося «Дружескаго общества» и рѣшили вопросъ о поѣздкѣ Шварца за границу. Шварцу вручены были московскими масонами полномочія на полученіе высшихъ масонскихъ степеней, были написаны рекомендательныя письма и дана была инструкція—искать степеней и статуты древняго истиннаго масонства, а не актовъ системы «строгаго наблюденія» или французской, или же вообще имѣющей политическій характеръ. Мы не будемъ слѣдить за историческими фактами этого періода, отчасти выясненнаго Лонгиновымъ въ XII и XIII главахъ его труда «Новиковъ и московскіе мартинисты», но главнымъ образомъ прекрасно документированнаго Ешевскимъ въ его статьѣ «Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія» ²⁾.

Мы знаемъ, что Шварцъ, пріѣхавъ 22 октября 1781 года въ Брауншвейгъ,

¹⁾ Тамъ же, см. гл. XII.

²⁾ См. примѣчаніе на стр. 197, гдѣ указано полное заглавіе.

представилъ герцогу записку, въ которой ходатайствовалъ о принятіи російскихъ ложъ подъ его власть и о томъ, чтобы Россія была признана отдельной самостоятельной провинціей. Герцогу же были представлены Шварцемъ вѣрительныя грамоты съ указаніемъ, что ему предоставляется свобода выбора. У Ешевскаго приведенъ протоколъ конференціи у герцога, на которой разсматривалось заявленіе Шварца. Мы останавливаемся на этомъ историческомъ фактѣ потому, что онъ имѣлъ громадное значеніе для масонства въ Россіи. Здѣсь масоны, правда московскіе, *впервые подняли голосъ за свою самостоятельность*, впервые стали требовать признанія своихъ правъ, ибо они не желали безотвѣтнаго подчиненія той или другой системѣ, они не хотѣли быть тѣми рядовыми каменщиками, которыхъ гоняли съ одной работы на другую. Они хотѣли сознательнаго отношенія. И какъ бы Шварцъ не тяготѣлъ къ Швеціи, какъ бы онъ не стремился, можетъ быть, сохранить то, чему до сихъ поръ онъ слѣдовалъ, его роль въ этомъ дѣлѣ является въ высокой степени важной. Въ данномъ случаѣ мы говоримъ лишь *о самомъ фактѣ* того ходатайства, которое было подано Шварцемъ герцогу Брауншвейгскому 22 октября 1781 года.

Съ этого времени русское масонство выходитъ на собственную дорогу; и пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе среди западно - европейскихъ братьевъ. Результатомъ ходатайства Шварца было: признаніе независимости русскаго масонства отъ шведскаго и согласіе герцога, взявшаго на себя ходатайство объ основаніи русской провинціи—на участіе уполномоченныхъ отъ Россіи въ Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ.

Говоря о поѣздкѣ Шварца, мы не упомянули еще объ одномъ важномъ событіи. Шварцъ привезъ съ собой въ Россію «градуся единственнаго верховнаго предстоятеля теоретической степени соломоновыхъ наукъ въ Россіи»¹⁾, полученный имъ въ Берлинѣ еще до поѣздки въ Брауншвейгъ. Это событіе важно потому, что оно имѣло значеніе для Россіи по тѣмъ связямъ, которыя Шварцъ завязалъ въ Берлинѣ. Изъ Курляндіи, при помощи старыхъ своихъ связей, Шварцъ привезъ въ Берлинъ рекомендательныя письма къ Вельнеру и Тедену. Вельнеръ былъ намѣстнымъ мастеромъ ложи «Трехъ глобусовъ». Отъ этой ложи Шварцъ и получилъ названный выше градуся, давшій ему возможность быть благосклонно принятымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, состоявшимъ великимъ мастеромъ той же ложи «Трехъ глобусовъ». Связь эта имѣла то значеніе, что она принесла въ Россію Розенкрейцерство.

Вельнеръ былъ извѣстный нѣмецкій мистикъ. Онъ примирялъ въ себѣ двѣ стороны своей дѣятельности. Съ одной стороны онъ былъ мастеромъ въ ложѣ «Трехъ глобусовъ»—«строгаго послушанія», а съ другой—онъ участвовалъ въ организа-

---

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, стр. 155.

ціи «Торжествующаго лебедя», гдѣ собирались нѣмецкіе розенкрейцеры. Предполагають, что желая привлечь на свою сторону побольше адептовъ, онъ и не терялъ связей съ ложей «Трехъ глобусовъ». Онъ-то и сблизилъ Шварца съ розенкрейцерами ¹⁾. Но почему же Шварцъ вступилъ въ ложу «Трехъ глобусовъ», придерживавшейся системы строгаго послушанія? Вѣдь именно этой системы, хотя бы и шотландской, не желали московскіе масоны! Намъ кажется, что принадлежность къ этой ложѣ, съ формальной стороны, могла оказать Шварцу помощь на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ, гдѣ герцогъ взялся ходатайствовать объ освобожденіи русскихъ масоновъ. Идейная же сторона этой системы должна была заимѣняться теоретическими построеніями розенкрейцеровъ.

Самъ Шварцъ, тяготѣвшій къ мистикѣ, не могъ не увлечься тѣми идеями, о которыхъ говорилъ ему Вельнеръ. Кромѣ Вельнера, Шварцъ здѣсь же познакомился съ его другомъ—тоже мистикомъ—Теденомъ, и барономъ Шредеромъ, впослѣдствіи пріѣхавшимъ въ Россію. Интересъ этихъ людей къ Шварцу и тѣмъ масонамъ, представителемъ которыхъ онъ являлся, исходилъ изъ серьезныхъ основаній. Они усматривали въ древнихъ обрядахъ греко-россійской церкви обряды, сходные съ масонскими, и съ помощью первыхъ хотѣли разъяснить, интересовавшіе, ихъ вопросы.

Такимъ образомъ, Шварцъ, принимая «строгое наблюденіе» уѣзжалъ съ надеждой позднѣе дать Россіи такія формы масонства, которыя близки тому, родиной чего является сама же Россія.

Возвратившись изъ поѣздки, Шварцъ сталъ показывать, полученные имъ, документы. «Услышавши сіе, говорилъ на допросѣ у Шешковскаго Новиковъ, всѣ мы крайне были недовольны и сказали ему, что это совершенно противъ нашего желанія, что мы сихъ связей и союзовъ не искали и не хотѣли». Возможно, что официальные бумаги и не удовлетворили членовъ ложи «Гармонія», исключая, конечно, Татищева, который былъ вмѣстѣ со Шварцемъ сторонникомъ «строгаго наблюденія». О розенкрейцерскихъ же связяхъ Шварцъ могъ сказать лишь избраннымъ, и возможно, что и самъ Новиковъ отнесся къ новымъ теоріямъ съ большимъ интересомъ, чѣмъ этого можно было ожидать.

Съ возвращеніемъ Шварца надежда на возможное освобожденіе заставила московскихъ масоновъ энергично приняться за подготовку къ конгрессу. Интересно познакомиться съ тѣмъ отвѣтомъ, который былъ посланъ герцогу Брауншвейгскому на его запросъ о состояніи масонства въ Россіи. Въ своемъ донесеніи московскіе масоны писали ²⁾ (беремъ только болѣе характерныя мѣста): «Внѣшній образъ, различныя внѣшнія степени, учрежденія и подчиненность ложъ кажутся намъ совершенно условными... Надлежитъ перемѣнить ихъ, распола-

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, стр. 154 и слѣд.

²⁾ С. Ешевскій. Московскіе масоны восьмидесятихъ годовъ, стр. 212—217.

гаясь по образу мыслей каждого вѣка». По поводу происхожденія вольнаго каменщичество и первыхъ трехъ степеней въ донесеніи говорится: «сходствіе ихъ съ церемоніями и обрядами церкви наша столь совершенно и есть очевидно, что неотмѣнно заключить должно, что и тѣ и другія проистекаютъ изъ единого источника». Далѣе говорится, что «если бы масонамъ русскимъ доступны были раньше архивы монастырей и книгохранилищъ въ російскомъ государствѣ, то несомнѣнно они нашли бы уже сочиненія о разрушенномъ и разсѣянномъ камнѣ». Изъ этихъ выписокъ мы видимъ, что *московскіе масоны не въ обрядности видѣли сущность своей работы*; но еще важнѣе указаніе на то, что въ какомъ-либо архивѣ монастырскомъ можно найти «познаніе» о камнѣ, на коемъ зиждилось истинное масонство. Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи можно видѣть не только связь истиннаго масонства съ греко-римскою церковью, но и съ тѣмъ «истиннымъ христіанствомъ», къ которому стремился Новиковъ и близкіе ему по духу масоны. Этой же стороной вопроса интересовались и западные масоны розенкрейцеры. Кромѣ того, этимъ своимъ замѣчаніемъ московскіе масоны указывали на ту разнь, которая была между ними и государственной православной церковью.

Надо полагать, что отвѣтъ герцогу Брауншвейгскому былъ составленъ при участіи Новикова, не только потому, что онъ вообще принималъ участіе въ дѣлахъ масонскихъ, но вѣдь онъ былъ назначенъ, правда, безъ своего согласія, «главнымъ предстоятелемъ степени теоретическаго градуса соломоновыхъ наукъ» и ближайшимъ помощникомъ «верховнаго предстоятеля»—Шварца.

Московское масонство сознательно хлопотало о своемъ освобожденіи, ибо связь съ Западомъ и въ частности со шведами, о чемъ было помѣщено въ «Вѣдомостяхъ» даже объявленіе, грозила непріятными послѣдствіями. Императрицѣ донесли о подчиненіи русскихъ масоновъ шведскому королю, и она осталась этимъ очень недовольна, о чемъ доносили, между прочимъ, и герцогу Брауншвейгскому. Любезное письмо московскихъ масоновъ къ герцогу и просьба представительство отъ Россіи на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ оказали свое дѣйствіе. *Россія была признана совершенно свободной и самостоятельной 8-й провинціей масонскаго міра*¹⁾. Въ концѣ 1782 года было получено постановленіе конгресса и сразу же были произведены работы по организаціи капитула и директоріи.

Въ капитулѣ пріоромъ былъ назначенъ П. А. Татищевъ, канцлеромъ—И. Г. Шварцъ и казначеемъ—Н. И. Новиковъ. Въ директоріи президентомъ былъ назначенъ Н. И. Новиковъ. Отмѣтимъ, что въ капитулѣ должность Великаго Провинціальнаго Мастера оставалась свободной—ее берегли, какъ полагаютъ, для наслѣдника престола Павла Петровича.

---

¹⁾ *Лонгиновъ*. Новиковъ, стр. 173 и слѣд.

Такъ сконструировались отношенія свободныхъ русскихъ масоновъ въ Москвѣ и приняты были шаги къ привлеченію къ общей дѣятельности, стоявшихъ въ сторонѣ, подъ властью шведовъ, петербургскихъ масоновъ. Но все это была лишь внѣшняя сторона дѣла. Связь съ герцогомъ нужна была для освобожденія, а стремленія московскихъ масоновъ были направлены на другія цѣли. Увлеченный Вельнеромъ, Шварцъ сталъ пропагандировать въ Москвѣ идеи розенкрейцеровъ. Этому, надо полагать, сочувствовалъ и Новиковъ. На вопросъ Новикова о розенкрейцерахъ Шварцъ отвѣчалъ, что въ этомъ ордентѣ «предметомъ является познаніе Бога, натуры и себя... ордентъ въ своемъ ученіи идетъ по стопамъ христіанскаго ученія и требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они были лучшими христіанами, лучшими подданными, лучшими гражданами, отцами и проч., нежели какъ были до вступленія въ ордентъ». На вопросъ Новикова—нѣтъ ли чего противъ государей, Шварцъ отвѣчалъ—нѣтъ! и поклялся въ этомъ. Все сказанное Шварцемъ дѣйствительно соответствуетъ ученію розенкрейцеровъ.

Въ данномъ случаѣ надо сдѣлать оговорку. Разговоръ этотъ между Шварцемъ и Новиковымъ взятъ изъ отвѣтовъ Новикова на допросъ у Шешковского и потому долю «осторожности» при вступленіи въ новую организацію надо отнести къ тому впечатлѣнію, которое хотѣлъ составить о себѣ Новиковъ, давая объясненія своего отношенія къ масонству. Не надо забывать и того, что «отвѣты» Новиковъ давалъ лишь въ 1792 году, когда онъ зналъ уже розенкрейцество во всѣхъ его проявленіяхъ и относился скептически къ «нѣкоторымъ» работамъ ордена. Читая внимательно отвѣты Новикова Шешковскому, надо откровенно признать, что Новиковъ стремился освободить себя отъ подозрѣній и гдѣ возможно старался многое объяснить то «упамятованіемъ», то подчеркивалъ, гдѣ могъ, свое отдаленіе отъ масонскихъ работъ, а иногда просто опускалъ нѣкоторые факты. Поэтому изслѣдователи, пользуясь показаніями Новикова, должны *учитывать точность* этихъ данныхъ.

Надо полагать, что если Новиковъ вначалѣ и не раздѣлялъ многого въ масонствѣ и даже сторонился его, если позднѣе надъ многими онъ даже подсмѣивался какъ устно, такъ и печатно, то *въ періодъ начала 80-хъ годовъ Новиковъ близко подошелъ къ масонству* и, принявъ вѣру розенкрейцеровъ, долженъ былъ, до извѣстной степени, принять и ихъ обрядъ—какъ единую систему. Мы знаемъ, что Новиковъ несъ по ордену извѣстныя обязанности, и былъ такою префектомъ ложи «Латона», подъ властью которой находились и другія ложи.

Лекціи Шварца—проповѣдь мистицизма I. Беме.

Итакъ, Шварцъ привезъ въ Москву розенкрейцество и распространялъ новыя идеи, ожидая того времени, когда Вельнеръ приметъ его и близкихъ ему подъ свое начало.

Конец 1782 года и 1783 годъ проходили въ организаціонной работѣ московскихъ масоновъ. Но у Шварца и Новикова было еще много другихъ работъ. Съ притокомъ средствъ, полученныхъ «Дружескимъ обществомъ», росла издательская дѣятельность, которая и отнимала почти все время у Новикова. Шварцъ же отдается просвѣтительной дѣятельности. На ряду съ академическими лекціями онъ руководитъ кружкомъ университетскихъ питомцевъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекаетъ въ члены переводческой семинаріи. Не безъ участія Шварца организовалась и университетская ложа. Въ іюлѣ 1782 года было объявлено въ «Вѣдомостяхъ» объ открытіи переводческой семинаріи, куда и входили слушатели Шварца. Одновременно съ университетскими лекціями Шварцъ читалъ у себя на дому приватныя лекціи по философіи. 6 ноября 1782 г. было официально объявлено объ открытіи «Дружескаго общества». Для помѣщенія переводческой семинаріи (гдѣ содержались на средства Татищева шесть студентовъ, а позднѣе—30 человѣкъ) былъ купленъ на средства Общества, но на имя Шварца домъ, гдѣ жилъ и самъ Шварцъ.

Работы становилось все больше, просвѣтительная дѣятельность расширялась. Въ то же время 7 сентября 1782 года былъ изданъ указъ объ учрежденіи «Комиссіи народныхъ училищъ» и правительство шло навстрѣчу просвѣтительнымъ нуждамъ страны. Въ обществѣ стали особенно интересоваться вопросами просвѣщенія въ связи съ постановкой на театрѣ 24 сентября 1782 года «Недоросля» Фонъ-Визина.

Приводимые нами факты не только содѣйствовали задачамъ «Дружескаго общества», но и ободряли его начинанія.

Съ другой стороны, вся та, удивительная по своему размаху и значенію, просвѣтительная дѣятельность, руководителями которой были Шварцъ и Новиковъ, обращала на себя всеобщее вниманіе. Однако, помимо работы на пользу обществу, Шварцу приходилось улаживать еще и свои отношенія съ тѣми, кто стоялъ на его дорогѣ. Къ числу такихъ лицъ надо отнести, вернувшася изъ-за границы, куратора московскаго университета Мелиссино. Правда, Мелиссино прикидывался другомъ Шварца, но съ перваго же знакомства Мелиссино взялъ Шварца подъ подозрѣніе. Его возмущала та руководящая роль, которую игралъ Шварцъ не только въ университетѣ, но и въ обществѣ. Мелиссино тоже хотѣлъ имѣть вліяніе. Еще до официальнаго объявленія объ открытіи «Дружескаго общества» Мелиссино ставилъ нѣкоторыя препятствія Шварцу. Когда же Общество было открыто и имѣло всеобщій успѣхъ, Мелиссино предложилъ Шварцу слить Общество съ «Вольнымъ россійскимъ собраніемъ», гдѣ руководителемъ былъ онъ самъ ¹⁾. Шварцъ отказался. Тогда-то Мелиссино, путемъ формальныхъ придиорокъ вынудилъ Шварца въ концѣ 1782 года подать прошеніе объ отставкѣ.

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, стр. 193.

Уйдя из университета, Шварц все же не терял связи со своими слушателями. Имъ устроенъ былъ рядъ организацій, въ которыхъ принимали участіе студенты университета, кромѣ того, Шварцъ сталъ читать у себя на дому съ 17 августа 1782 года по 5 апрѣля 1783 года курсъ лекцій «О трехъ познаніяхъ»¹⁾. Съ оставленіемъ университета и полученіемъ большей свободы Шварцъ сталъ пріобрѣтать еще большее вліяніе какъ среди масоновъ, такъ и среди московскаго общества.

Что же проповѣдывалъ въ своихъ лекціяхъ Шварцъ? Обращаясь къ послѣднему, разсмотрѣнному нами, журналу «Московское Изданіе», вспомнимъ, что въ немъ уже мелькали масонскія идеи, близкія къ тѣмъ, которыя проповѣдовалъ Сень-Мартенъ и которыя исповѣдовалъ Шварцъ. Надо не забывать, что Шварцъ съ раннихъ лѣтъ занимался учеными вопросами. Онъ пріѣхалъ въ Россію изъ Германіи, гдѣ распространялись мистическіе идеалы. Въ это, именно, время нѣмецкіе мистики увлекались сочиненіями своего «учителя» Іакова Беме. Сень-Мартенъ, вращаясь въ кругу интересовъ западно-европейской мысли, былъ послѣдователемъ теоріи Іакова Беме. Шварцъ также, зная Беме по нѣмецкой литературѣ и, принявъ теорію розенкрейцеровъ, популяризировалъ въ своихъ лекціяхъ идеи нѣмецкаго мистика XVI вѣка.

Путь къ распространенію идей Іакова Беме уже былъ проложенъ Сень-Мартеномъ, послѣдователемъ Беме. Правда, Сень-Мартенъ искажилъ стройное ученіе Бема, а потому въ трактовкѣ Шварца эти идеи, какъ болѣе ясныя и увлекательныя, находили себѣ сторонниковъ въ средѣ русскихъ масоновъ.

Анализируя систему Сень-Мартена и останавливаясь надъ тѣми загадками, которыя онъ ставитъ читателю, Шварцъ выясняетъ всѣ эти «темныя» мѣста при помощи Беме. Сень-Мартенъ, желая слѣдовать физической очевидности, «непонятное» міра облекаетъ въ форму аллегоріи и предоставляетъ человѣку дойти разумомъ до разгадки этой аллегоріи. Беме откровенно признаетъ безсиліе разума проникнуть въ тайну «Misterium Magnum»²⁾—созданіе міра и человѣка, міра видимаго и невидимаго, тварей земныхъ и небесныхъ духовъ, царства животныхъ, растений и минераловъ. Беме категорически утверждаетъ необходи-

---

¹⁾ Рукопись, хранящаяся въ Императорской Публичной библіотекѣ, Q. III. 40. Отрывки изъ лекцій Шварца были напечатаны въ журналѣ «Другъ Юношества», 1813 г., кн. I. Интересны, какъ дополненіе къ лекціямъ Шварца—рукописи: «Разныя замѣчанія покойнаго Шварца», Имп. Публ. библ. Q. III. 112. «Изъ рѣчей Шварцовыхъ», Имп. Публ. библ. Q. III. 175 и рукопись, принадлежащая правнуку Шварца—А. Н. Шварцу, С.-Петербургъ—«О возрожденіи», сочиненіе И. Е. Шварца.

²⁾ «Misterium magnum» или изъясненія на первую книгу Моисееву объ откровеніи Божественнаго Слова черезъ три начала Божественнаго Существа и о происхожденіи міра и творенія... Списано въ 1623 г., печатано 1715 г. въ Маіѣ.

Рукопись (относится къ 1793 году) изъ библіотеки Кіевской Духовной Академіи. См. описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи проф. Н. И. Петрова, 1879 г., в. III. Прибавленіе—№ 635 (Т. 349). Въ изданной Лабзинымъ въ

мость «откровенія», нисходящаго на избранныхъ, носящихъ въ себѣ образъ констелляціи Божіей. Онъ призываетъ для познанія истины раскрыть Библию, это дарованное людямъ откровеніе, черезъ избраннаго Богомъ перваго мага—Моисея. Сень-Мартенъ опредѣляетъ Бога, какъ художника-творца. Беме понимаетъ Бога, какъ единую, абсолютную, разумную, неизслѣдимую Волю, которая для зрѣнія себя самой вошла въ «начало», и міръ есть одно изъ безконечныхъ желаній неизслѣдимой воли.

Неясное для Сень-Мартена единство духовнаго и матеріальнаго, корень котораго лежитъ въ «четверной прогрессіи», болѣе опредѣленнымъ является въ теоріи Беме. Неизслѣдимая воля — Духъ — коагулировала (смѣшалась) съ элементами матеріи и дала 4 стихіи, изъ которыхъ и состоитъ вселенная. Мало того, въ мірѣ все одухотворено, нѣтъ одного—матеріальнаго, нѣтъ даже мертваго. Въ каждой ничтожной частицѣ міра есть искра духа, даже въ смрадной (мертвенной) водѣ есть нѣчто отъ духовнаго—свирѣпость Меркурія. Все отъ духа. Гибнущаго нѣтъ—есть только противоположное... Жизнь и смерть, холодъ и тепло, добро и зло—это все проявленія единой воли—Духа. Смерть—это возвращеніе къ первоначалу — Духу. Зло—это одно изъ желаній воли неизслѣдимой для зрѣнія Добра, а потому и зло носить въ себѣ сѣмя Добра. Весь міръ—это стройное единство. Нѣтъ Духа и Тѣла, какъ отдѣльныхъ началъ—есть лишь Единая Воля—она начало всего. Человѣкъ тѣлесный, какъ одно изъ проявленій воли, носить въ себѣ начало духовное, онъ потенциально существовалъ вѣчно—въ человѣкѣ духовномъ. Въ него вошла доля неизслѣдимой свободной Воли. Но такъ какъ добро безъ существованія зла не могло реализоваться, то и въ человѣкѣ была погенція зла. Значить зло необходимо?—Нѣтъ! Видимый міръ—это одно изъ желаній неизслѣдимой воли. Видимый міръ—временный міръ. Человѣкъ, подверженный вліяніямъ тѣла, уклонился «въ самость» ко злу—и зло часто покоряло человѣка. Но будущее человѣка—это возвращеніе къ первоначалу, къ духовному человѣку. Первый человѣкъ Адамъ «уснулъ»—это смерть «духовному человѣку». Онъ уклонился отъ воли Бога, у которой главный мотивъ—Добро. Чтобы вернуться къ духовному человѣку надо познать «свое отклоненіе въ самость», познать себя «духовнаго» и вернуться къ Духу—волѣ Бога—Добру. Путь—это путь Христа; надо черезъ любовь къ ближнимъ—итти къ свѣту Добра.

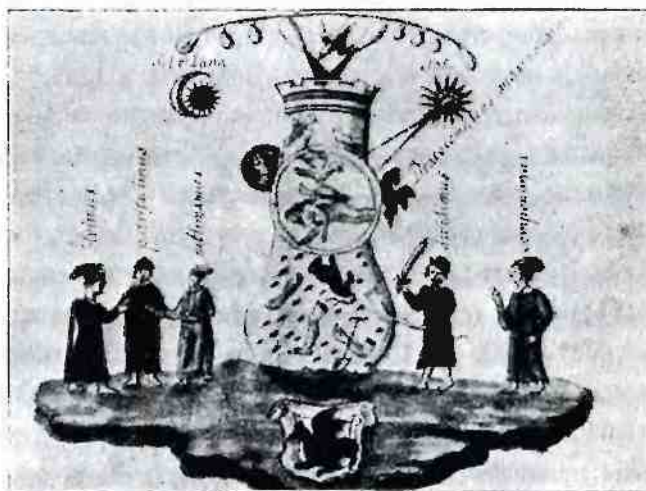
Сень-Мартенъ призывалъ вернуться къ Добру, но онъ не указывалъ пути. Беме же, призывая къ обрѣтенію себя «духовнаго», раскрывалъ передъ своими читателями и «стеzi» слѣдованія—путь Христа.

1815 году—«Christosophia»—Беме, приведена біографія І. Беме (1575—1624), а также указанъ перечень его сочиненій. «Misterium magnum» написано въ 1623 году, за годъ до смерти и включаетъ въ себѣ главныя основы его ученія. О переводахъ изъ Беме—см. статью въ «Библиографическихъ запискахъ» 1858 г., № 5, стр. 129.

Таковы главныя положенія теоріи Беме. И если мы начнемъ сравнивать лекціи и записки Шварца съ «Misterium Magnum» Беме—мы сможемъ провести полную аналогію между Шварцемъ и Беме—въ основныхъ мысляхъ, идеяхъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи. Шварцъ, будучи послѣдователемъ Беме, лишь дополнялъ великаго мистика XVI вѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ, пытаясь говорить о матеріальномъ мірѣ, противорѣчилъ даннымъ, добытымъ наукой XVIII вѣка.

Обращаясь къ сказанному ранѣе, мы видимъ, что русскіе «интеллигенты» какъ бы удовлетворились системой Сень-Мартена, что отчасти и отразилось на страницахъ «Московского Изданія». Съ лекціями Шварца снова передъ его слушателями встали тѣ же вопросы о духѣ и тѣлѣ, но уже въ другой постановкѣ. По теоріи Шварца (согласно Беме) — *разумъ долженъ былъ уступить мѣсто откровенію.*

Изъ розенкрейцеровскихъ рукописей (Рум. Муз. № 431).
Des manuscrits des Rose-Croix.

Но какъ же тогда должны рѣшаться вопросы о мірѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи? Кромѣ того, молодежь не переставала увлекаться философіей энциклопедистовъ, такъ легко объяснявшей міровые вопросы. Надо было этой молодежи указать путь «новаго міросозерцанія».

На всѣ эти вопросы Шварцъ и далъ отвѣты въ своихъ лекціяхъ и запискахъ, составленныхъ его слушателями, желая обратить въ христіанство «незрѣлые умы», увлекавшіеся модными философами.

Познаніе міра, говорилъ Шварцъ, однимъ разумомъ—возможно, но оно недостаточно. Разумъ познаетъ внѣшній міръ, но онъ безсиленъ проникнуть въ міръ духовный.

Существованіе духовнаго міра—несомнѣнно. Не только потому, что въ мірѣ есть много такого, что люди сами сознаютъ какъ непонятное, но и потому, что сознаніе своего я какъ личности—это и есть признаніе души въ человѣкѣ. Я—это душа. Шварцъ часто въ своихъ лекціяхъ подчеркиваетъ значеніе личности, обладающей свободной волей, стремящейся къ духовному.

Шварцъ признаетъ великое значеніе разума, помогающаго, благодаря наукѣ,

развивать наши умственные способности. Разумъ даетъ возможность человѣку познавать тѣлесный міръ и тѣмъ самымъ познать самого себя—тѣлеснаго. Разумъ и наука—это дары Бога, и потому они законны и необходимы, но... они играютъ служебную роль. Уклоняясь же въ сторону одного только разума и науки, человѣкъ тѣмъ самымъ, уклоняется въ сторону одной тѣлесной жизни, отходить отъ духовнаго, уклоняется отъ воли Бога. Полагаясь на одинъ разумъ, люди никогда не достигнутъ истины, ибо они будутъ проникать только въ одну изъ сущностей человѣческаго существа—тѣлесный міръ. Увлеченіе разумомъ ведетъ къ сомнѣнію (уклоненіе въ «самость»—Беме).

Много системъ познанія міра констатируетъ Шварцъ въ современномъ мыслящемъ обществѣ. Но всѣ они противорѣчатъ другъ другу. Если современная философія включаетъ и деизмъ Вольтера и матеріализмъ Дидро, детерминизмъ Дидро и индетерминизмъ Руссо; если Дидро заявляетъ, что Бога нѣтъ, а Руссо утверждаетъ, что онъ видитъ Бога въ каждомъ твореніи, если современные философы не столковались даже въ такомъ вопросѣ, какъ существованіе Бога—есть Богъ или его нѣтъ, а если нѣтъ, то можетъ быть его надо выдумать, какъ писалъ Вольтеръ,—то что же говорить объ ихъ системахъ объясненія вселенной!

И Шварцъ (вмѣстѣ съ Беме) призываетъ обратиться къ той системѣ, которая уже болѣе 3000 лѣтъ существуетъ и которая начертана въ Библии. Но чтобы понять откровеніе Библии, надо развивать разумъ, надо познать себя, какъ тѣлеснаго, такъ и духовнаго, надо обратиться къ духу, развитъ духовныя силы, чтобы привлечь къ себѣ ту магическую силу, которая приблизитъ человѣка къ пониманію духа—приблизитъ къ Богу.

Эта сила и направитъ человѣка къ вѣчному Добру.

Шварцъ подчеркиваетъ въ своихъ лекціяхъ *возможность мистическаго соединенія съ Богомъ*, созерцанія Бога и проникновенія въ тайны творенія. Человѣкъ можетъ достигнуть такого соединенія съ Богомъ, ибо въ каждомъ человѣкѣ есть не только тѣло и душа, но въ каждомъ есть еще и духъ. *Разумъ* развиваетъ познавательныя способности души, *душа* же приближаетъ человѣка къ духу. Душа—это низшія духовныя силы, въ нихъ заложены нравственныя склонности. Слѣдовательно, нравственное совершенствованіе—это только путь, но не цѣль. Этотъ путь и ведетъ къ развитію высшихъ, духовныхъ силъ—проявленію благодати св. Духа.

Человѣкъ послѣдняя, высшая стадія развитія существъ видимаго міра, но тѣ люди, въ которыхъ развиты высшія духовныя силы, они составляютъ первое, низшее состояніе міра духовъ—ангеловъ. Эти люди—исключительные люди, они имѣютъ особую внутреннюю силу и говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ и самые великіе ученые понятія не имѣютъ. Эти люди даже имѣютъ видъ «отмѣнной», они носятъ на себѣ печать св. Духа, они—духоносцы. «Таковымъ, заключаетъ Шварцъ одну изъ своихъ лекцій, и былъ Іаковъ Бемъ.»

Изъ теоріи Шварца-Беме ясно: люди могутъ обладать силой духа, доступной немногимъ. Эта сила выше тѣлесной, разумной стороны человѣка—она сверхчувственна, сверхчеловѣчна.

Какъ же достигнуть присутствія въ человѣкѣ этой силы, какъ жить, чтобы достигнуть царства духовъ? Шварцъ отвѣчаетъ: надо вернуться къ Богу, надо исправить уклонившуюся въ самость волю Адама, надо познать себя; нравственно совершенствуясь, надо слѣдовать Христу—въ Его любви къ ближнимъ. Надо *развивать разумъ наукой и просвѣщеніемъ* надо съ дѣтства *воспитывать* людей согласно съ ученіемъ Христа, ибо воспитаніе первое дѣло въ развитіи духовной стороны человѣка.

Журналъ «Вечерняя Заря»—отраженіе идей І. Беме.

Знакомясь съ основными идеалами Шварца мы видимъ опредѣленную систему міросозерцанія. Всѣ эти идеи, которыя лишь изрѣдка попадаютъ въ «Московскомъ Изданіи», съ полной ясностью, а не туманно, выступаютъ на страницахъ новаго изданія—«Вечерняя Заря»—1782 года. Въ это время Шварцъ уже сблизился съ Вельнеромъ и еще болѣе укрѣпился въ своихъ идеалахъ. Въ связи съ этимъ находится и стремленіе Шварца выйти за предѣлы кружка своихъ слушателей.

Съ помощью журнала Шварцъ рѣшилъ пропагандировать тѣ же идеи и въ обществѣ.

О чемъ же говорила «Вечерняя Заря»?

Объясняя названіе журнала—«*Вечерняя Заря*», издатели уже въ Предувѣдомленіи совершенно опредѣленно высказываютъ мысль «о первомъ Адамѣ, блиставшемъ полдневнымъ свѣтомъ мудрости...свѣтъ же нашего разума едва ли можно уподобить и *вечернему свѣту*... такъ слабъ нашъ разумъ, такъ удалился отъ того свѣта, который сіялъ надъ первымъ Адамомъ».

И далѣе читаемъ: «свѣтъ разума перваго человѣка сначала былъ такъ великъ, что не было такой глубокой тайны, которой бы онъ ни проникалъ... но симъ свѣтомъ не долго пользовался нашъ праотецъ, онъ его присвоилъ себѣ... и сдѣлался мрачнымъ... наступила тьма... непорочное сердце его исполнилось скотскихъ свойствъ и склонность къ пороку восторжествовала надъ онымъ. Зло приняло надъ человѣкомъ совершенную власть. Почему надо было сыну Божію снiti на землю и, воплотившись, спасти человѣческій родъ. Человѣческій разумъ помутился, но... онъ въ прежнее состояніе приведенъ быть можетъ... свѣтъ *Зари*—есть въ насъ...»

Уже въ этихъ немногихъ словахъ Предувѣдомленія нетрудно усмотрѣть главныя положенія теоріи Беме, которой неуклонно слѣдовалъ журналъ, руководимый Шварцемъ. Новиковъ слишкомъ былъ занятъ издательствомъ, и потому выборъ матеріала принадлежалъ большею частью Шварцу, да и пере-

водчиками были тѣ же питомцы Шварцевской семинаріи. Поэтому, правъ на «Вечернюю Зарю» гораздо болѣе имѣетъ Шварцъ, чѣмъ Новиковъ, съ именемъ котораго связывается обыкновенно этотъ журналъ.

Въ то время, какъ «Московское Изданіе» признавало *равноправіе между разумомъ и вѣрой*, на страницахъ «Вечерней Зари» эга точка зрѣнія измѣняется.

Уже въ первой статьѣ журнала «Разсужденіе о безсмертіи человѣческой души» читаемъ: «разумъ научаетъ насъ, но онъ *не можетъ* раскрыть истину бытія Божія и въ чемъ воля Божія. Одно лишь откровеніе можетъ ясно намъ показать истинный свѣтъ»¹⁾. Авторъ статьи порицаетъ тѣ системы, которыя отрицаютъ безсмертіе души и признаютъ, что человѣкъ созданъ для настоящей жизни. Это нелѣпости, утверждаетъ онъ, недостойныя и недопустимыя, будущая жизнь существуетъ, въ человѣкѣ живетъ безсмертный духъ. Это надо признать и стремиться къ духовному, побѣждая тѣлесное.

Но это не значитъ, чтобы журналъ признавалъ умерщвленіе плоти. Наоборотъ, «безъ тѣла душа въ семъ свѣтѣ почти мертва и не можетъ проявить своихъ свойствъ. Только надо, чтобы душа была первой цѣлью. Тѣло есть та ви́шняя форма, черезъ которую проявляется содержаніе, сущность души. Тѣло же, черезъ соединеніе съ душой, получаетъ такое превосходство, что можетъ быть не только орудіемъ, но и храмомъ Божиимъ».

Признавая тѣло, какъ форму и душу, какъ императивъ въ дѣйствіяхъ тѣла, въ статьѣ «Философическія разсужденія о Троицѣ въ человѣкѣ», авторъ доказываетъ на основаніи знаній, почерпнутыхъ изъ разума и откровенія, что человѣкъ состоитъ изъ *тѣла, души и духа*. Не только по содержанію, но и по методу выраженія, статья, очевидно, принадлежитъ перу самого Шварца. Въ ней защищается точка зрѣнія на человѣка, какъ носителя духа, «полипа»—міра духовъ.

Выяснивъ отношеніе тѣла и духа, журналъ ставитъ вопросъ о бытіи Божиѣмъ. Есть Богъ—или Бога нѣтъ?

И отвѣчаетъ: да, есть, ибо намъ говоритъ объ этомъ вся природа, красага и гармонія видимаго міра.

Кромѣ того, бытіе Божіе есть истина, основанная и на разумѣ и столько же несомнѣнная, какъ истина математическая.

Наконецъ, третьимъ доказательствомъ является откровеніе, нисшедшее на Моисея, возвѣстившаго міру истину о единствѣ Бога. «Слыши Израиль! восклицаетъ журналъ, Господь Богъ твой—есть единый Богъ и не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене!²⁾».

Итакъ, вопросы о Богѣ, тѣлѣ и духѣ—въ трактовкѣ журнала были выяснены. И теперь, ясно видя правду вѣры и жизни, вмѣсто прежней осторож-

¹⁾ «Вечерняя Заря», ч. I, стр. 4.

²⁾ Тамъ же, ч. IV—«Разсужденіе объ основаніяхъ и утвержденіе распространенной пророкомъ Моисеемъ чистой вѣры и истиннаго богослуженія».

въ жизнь? На это отвѣчала книга Іоанна Масона—*надо познать самого себя*. Такъ и озаглавлена была эта книга «О познаніи самого себя»¹⁾, изданная Новиковымъ уже въ 1783 году въ переводѣ И. П. Тургенева. До этого времени она обращалась не только въ оригиналахъ, но и въ рукописныхъ спискахъ. При чемъ, это—не античное *γνῶθι σεαυτόν*, написанное на дверяхъ дельфійскаго храма, это не познаніе себя—какъ части натуры, своихъ склонностей, желаній согласно законамъ разума. Нѣтъ, это—христіанское «испытаніе себя». «Надо испытать себя, говорилъ Іоаннъ Масонъ, надо собрать свои блудящія мысли и сравнить со своимъ «предписаніемъ»²⁾).

Цѣль испытанія самого себя—господство надъ собою и своими страстями». І. Масонъ требуетъ ежедневно, и не днемъ, когда душа занята дѣлами, а вечеромъ «пройти весь день» и познать себя «дѣлавшаго добро и зло».

Останавливаемся на этой книгѣ не только потому, что идеи Іоанна Масона мы встрѣчаемъ въ различныхъ печатныхъ матеріалахъ этого времени, не только отрывки изъ него распространялись по рукамъ, но и названный выше журналъ «Вечерняя Заря», въ своей программной статьѣ, «Предувѣдомленіи», ставитъ одной изъ своихъ задачъ «познаніе самсго себя» и тутъ же объясняетъ, что это не значитъ «познаніе происхожденія нашего, познанія души и тѣла или другого чего... а исправленіе своихъ нравственныхъ дѣйствій, въ духѣ христіанскаго покаянія».

Такъ складывалось міровоззрѣніе русскихъ масоновъ.

Философская сторона удовлетворялась мистикой по теоріи Беме. Человѣкъ-духоносецъ былъ тѣмъ идеаломъ, которому доступно проникновеніе въ тайну вселенной и бытія Божія.

Познаніе себя, самоусовершенствованіе, вѣра въ истиннаго Бога и покаяніе, вотъ тѣ практическіе пути, которыми должны были слѣдовать истинные масоны. И въ этомъ отношеніи для русскаго общества громадную роль сыгралъ все тотъ же Шварцъ. Въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ «Вечерней Зари» онъ давалъ теоретическое обоснованіе всего того, о чемъ выше мы говорили. Оставалось до послѣдняго времени неизвѣстнымъ отношеніе Шварца къ чисто практическому вопросу—тѣмъ идеаламъ христіанства, о которыхъ лишь вскользь говорилось въ его лекціяхъ. Правда, тамъ говорилось о Христѣ, но главнымъ образомъ въ связи съ уклоненіемъ Адама въ «самость». Въ настоящее время мы можемъ отвѣтить и на данный вопросъ. Въ нашемъ распоряженіи находится рукопись, принадлежащая правнуку И. Е. Шварца—Александру Николаевичу Шварцу—

---

¹⁾ Іоаннъ Масонъ. «Познаніе самого себя.» М. 1783 г., въ перев. И. П. Тургенева. Въ 1876 г. вышло второе изданіе книги.

²⁾ Тотъ же вопросъ обстоятельно разбирается и на страницахъ «Вечерней Зари», ч. VIII, стр. 241—251—«Разсужденіе о познаніи самого себя».

подъ названіемъ «О возрожденіи—сочиненіе И. Е. Шварца». Эта рукопись въ 101 страницу (въ 4^о) переписана черными и красными чернилами, при чемъ красными чернилами вписаны тексты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Страницы пестрятъ красными строками; ссылаясь на тексты, авторъ доказываетъ необходимость покаянія, необходимость обновленія молитвой. Но не въ этомъ одномъ «возрожденіе» человѣка. Надо любить ближняго, помогать ему, защищать его, просвѣщать и спасать человѣка (стр. 50-ая). Шварцъ отрицаетъ «спасеніе» человѣка путемъ формальнаго обряда. Нужна внутренняя живая вѣра, нужно слѣдованіе Христу. Мы лишены возможности болѣе подробно останавливаться на этой интересной рукописи, которая показываетъ, что Шварцъ былъ не только философомъ и богословомъ, но и проповѣдникомъ въ опредѣленномъ направленіи. И эти его взгляды вполне соотвѣтствуютъ книгамъ, которыя въ это же время издавались Новиковымъ. Теперь для насъ понятно, почему отъ имени Дружескаго Общества—и на его средства Новиковъ выпускалъ такъ много книгъ религіознаго содержанія. Приведемъ нѣсколько названій книгъ, выпущенныхъ въ 1782 г. Новиковымъ: «Бесѣды св. Василия Великаго», «Бесѣда преподобнаго Макарія о христіанскомъ совершенствованіи и о снисканіи онаго», «Душеспасительныя размышленія св. Іоанна Златоуста», «Разсужденіе объ истинномъ человѣческомъ благѣ», «Увѣщаніе къ христіанскому жизни препровожденію» и мн. др. Какъ видимъ, ни эти изданія, ни статьи въ «Вечерней Зарѣ» не носили характера того масонскаго типа сочиненій, который обычно связывается съ представленіемъ о мартинизмѣ. Они соотвѣтствуютъ духовнымъ запросамъ самого Новикова и многими изъ нихъ воспользовался Шварцъ при составленіи рукописи «О возрожденіи». Всѣ эти данныя подтверждаютъ искренность словъ не только Новикова и Шварца, но и Лопухина и многихъ другихъ о томъ, что они избѣгали иллюминатовъ и что главной задачей московскихъ масоновъ было религіозно-нравственное воспитаніе русскаго общества.

Эти идеи, проповѣдовавшіяся Шварцемъ и распространяемыя Новиковымъ, одухотворяли ту новую форму, которую приняли русскіе масоны, вступая въ орденъ розенкрейцеровъ.

Розенкрейцерство.

По своимъ идеаламъ розенкрейцеры ¹⁾ происходили отъ гностиковъ II и III вѣка, стремившихся проникнуть въ тайны Божества. «Мистическое единеніе

---

¹⁾ Encyclopédie der freimaurerei, т. III, стр. 130, 612, 615—616, 259, 330, 332. См. также Signatstern, Rebold, Coutl., «Русск. Стар.», 1894 г., т. 82, стр. 157—158 и работу А. Себеки—«Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Императрицы Екатерины II противъ масонства» «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.» 1902 г., кн. II.

съ Божествомъ» особенно развивалось въ средніе вѣка въ Германіи, когда безжизненная схоластика стремилась превратить религію въ науку. Книга «О подражаніи Христу» (1494 г.), приписываемая Томѣ Кемпійскому, явилась практическимъ примѣненіемъ идеаловъ мистицизма. Въ дальнѣйшемъ мистицизмъ распался на рядъ сектъ, изъ числа которыхъ уже въ XV вѣкѣ намѣчается секта иллюминатовъ, полагавшихъ, что безъ озаренія свыше нельзя уразумѣть Священного Писанія¹⁾. Позднѣе, идеи мистицизма, претворенныя Іаковомъ Беме, создали рядъ сектъ — братьевъ и сестеръ свободнаго духа, братьевъ *розоваго креста* и др. Вотъ эта-то послѣдняя секта и превратилась въ нѣмецкое розенкрейцерство.

Такимъ образомъ, система розенкрейцеровъ включала въ себѣ идеи Беме, идеи христіанства, и въ практической дѣятельности, если и сочувствовала просвѣщенію разума, то фактически въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходила къ увлеченію магіей, алхиміей, кабалистикой, какъ науками божественнаго происхожденія, доступными для немногихъ и допускавшихъ единеніе съ божествомъ. Почти годъ развивалъ и подготавливалъ Шварцъ своими лекціями и писаніями какъ молодежь, такъ и своихъ друзей-масоновъ къ воспріятію идеаловъ розенкрейцеровъ.

Временная связь русскаго масонства съ герцогомъ Брауншвейгскимъ лишь помогла Шварцу легче осуществить проведеніе въ жизнь розенкрейцерства.

Послѣ Вильгельмсбадскаго конгресса русскіе масоны были освобождены отъ чужой зависимости. Въ Москвѣ уже не было тѣхъ связующихъ формъ, которымъ поневолѣ должны были подчиняться русскіе масоны. Шотландская система существовала лишь по названію. И Шварцъ понималъ, что ею не смогутъ увлечься его друзья, ибо въ основѣ ея было «строгое наблюденіе». Съ другой стороны московскіе масоны, критически и даже скептически относившіеся къ обрядности, о чемъ они во всеуслышаніе заявляли въ своихъ донесеніяхъ герцогу, несомнѣнно пошли бы на тѣ формы, какія обѣщаль имъ «теоретическій градусъ». Этимъ-то и воспользовался Шварцъ—онъ еще ближе подошелъ къ Вельнеру, выписалъ Шредера, и довелъ дѣло до того, что уже весной 1783 года было получено отъ Вельнера увѣдомленіе, что всѣ московскіе масоны, выразившіе согласіе вступить въ орденъ розенкрейцеровъ, приняты. Въ то же время по примѣру берлинской ложи «Трехъ глобусовъ», руководимой Вельнеромъ, русскіе масоны отказались отъ «Брауншвейгской связи» и стали ближе придерживаться того, что они называли «связью Вельнеровою». Наступило слѣдующее положеніе. *Шотландская система* существовала лишь *официально*, *фактически* же распространялось *розенкрейцерство*.

¹⁾ Если и можно причислить русскихъ масоновъ-розенкрейцеровъ къ иллюминатамъ, то именно въ этомъ смыслѣ, а не къ тѣмъ иллюминатамъ, организація которыхъ создана Вейсгауптомъ.

Московскіе масоны пользовались уже свободой выбора и мы знаемъ, какъ оживились масонскія «работы». Даже Новиковъ принимаетъ ближайшее участіе въ масонствѣ. Самъ ведетъ переписку съ Петербургомъ, посылаетъ Вельнеру за границу деньги на благотворительныя дѣла, распространяетъ масонскія книжки. Такъ, стѣснявшая болѣе сознательныхъ масоновъ обрядность теперь уже не считается главнымъ. И мы имѣемъ важное этому доказательство. Видный розенкрейцеръ И. В. Лопухинъ, говорилъ объ этомъ—и не на допросѣ, и не въ Запискахъ, гдѣ онъ старался оправдать масонство,—а одному изъ своихъ ближайшихъ учениковъ:

«Въ это время обряды были необходимы, чтобы отдѣлить отъ себя слабыхъ людей, имени христіанства стыдящихся... Для того-то собранія раздѣлили на разныя степени, такъ что все важнѣйшее христіанское ученіе закрыли разными символами и іероглифами нравственности, пока наконецъ въ послѣднихъ степеняхъ мало-по-малу и совершенно откроютъ главную цѣль, состоящую ни въ чемъ другомъ, какъ въ истинномъ и внутреннемъ христіанствѣ, въ которомъ царствуетъ единъ Христовъ духъ». «Только истинные ученики распятаго Христа есть подлинныя крестовые братья»,—читаемъ въ рукописи одного изъ мистиковъ-розенкрейцеровъ ¹⁾.

Сравнивая катихизисъ стараго Елагинскаго масонства съ новымъ, Лопухинскимъ, мы узнаемъ о тѣхъ коренныхъ различіяхъ, которыя наступили съ этого момента въ масонствѣ ²⁾, когда измѣнилось не только опредѣленіе понятія, что такое масонъ, но даже пѣсни масонскія рѣзко измѣнили свой характеръ. Главное же въ томъ, что прежняя работа масоновъ—«дѣйствіе символической лопаткой, наугольникомъ, циркулемъ и чтеніе повѣсти адонирамовой» замѣнилась простымъ и яснымъ опредѣленіемъ розенкрейцеровъ—«слѣдовать Иисусу Христу» ³⁾.

Такъ, вольные каменщики стали розенкрейцерами, такъ «искатели таинственныхъ загадокъ» стали рыцарями креста!

Свобода выбора въ русскомъ масонствѣ, въ то же время, давала широкій просторъ развитію и толкованію отдѣльныхъ сторонъ ученія розенкрейцеровъ. Въ то время какъ одни—и главнымъ образомъ Новиковъ—стремились развивать нравственно-религіозную сторону, другіе, какъ Гамалѣя, проповѣдывали аскетическое слѣдованіе по «пути» Христа ⁴⁾; третьи развивали еще одну сторону также заключающуюся въ теоріи розенкрейцеровъ. Въ дошедшихъ до

¹⁾ «Посланіе Невзорова къ Поздѣеву». *Рукопись*, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, № 115, стр. 58—59.

²⁾ *Вл. Тукалевскій*. Исканія русскихъ масоновъ, стр. 48 (подробнѣе объ этомъ вопросѣ).

³⁾ *Лонгиновъ*. Новиковъ, стр. 56, вопр. 5.

⁴⁾ *Рукописи* Имп. Публ. библ. «О любви къ смерти». Q. III, стр. 162 (1782 г.), «О платѣ за работу». Q. III, 120 (1782 г.), «О должности». Q. III, 160 (1783 г.), «О послѣднемъ днѣ стараго года». Q. III. 142 (1782 г.).

нась Запискахъ Шварца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ откровеніи, читаемъ слѣдующее: «откровенная религія доступна лишь магамъ и кабалистамъ»¹⁾. Та же мысль, но въ другой формѣ, высказана была гораздо раньше самимъ Іаковомъ Беме (по вопросу объ испытаніи натуры). Дѣйствительно, признавая существованіе «избранныхъ» людей, надо было отмѣтить ихъ чѣмъ-либо—такихъ людей и называетъ Шварцъ магами и кабалистами.

«Магія, говоритъ онъ, и есть та божественная наука, съ помощью которой маги познають истинный натуральный свѣтъ и натуральный духъ. Магъ—это тотъ искатель истины, съ которымъ натура говоритъ во всѣхъ тваряхъ черезъ своего духа и показываетъ свою сигнатуру». Отсюда долженъ быть сдѣланъ прямой выводъ: для того, чтобы признать себя «избраннымъ», чтобы развить въ себѣ способность «проникновенія» въ тайны натуры—и надо упражняться въ этихъ наукахъ. Матеріаломъ для такого упражненія служили аллегорическія мѣста въ книгахъ Беме и Сень-Мартена. Условія соединенія элементовъ—меркурія, соли; взаимоотношеніе Шаимъ (огненной воды) и Ареца (мрачности) и много другихъ подобнаго же рода отношеній частей міра видимаго составляли матеріаль какъ для «работы» нѣкоторой части розенкрейцеровъ, такъ и для составленія той алхимической литературы, которая начинала получать распространеніе среди русскихъ масоновъ.

Такъ складывалась сфера идей, въ которыхъ вращались масоны-розенкрейцеры. Философія, религіозно-нравственные идеалы, слѣдованіе Христу, печать духа на «избранныхъ», стремленіе—путемъ проникновенія въ магическія тайны—получить возможность откровенія. Всѣ эти черты отличали болѣе активную часть масонства, но была еще масса рядовыхъ братьевъ, которые посѣщали ложи и лишь подготовлялись къ своему «просвѣщенію», чтобы потомъ итти по одному изъ путей, намѣчавшихся въ масонствѣ. Во всякомъ случаѣ при свободномъ положеніи русскаго масонства, розенкрейцерство съ его болѣшимъ тяготѣніемъ къ идейной, чѣмъ къ обрядной сторонѣ, открывало широкое поле для дѣятельности весьма разнообразно настроенныхъ масоновъ.

Мы не будемъ останавливаться на «работѣ» различныхъ направленій въ розенкрейцерствѣ. Обращая же вниманіе на работу Новикова и Шварца, мы должны признать, что ихъ «видимая» дѣятельность выражалась въ той просвѣтительной работѣ, которая съ такой силой развернулась въ первой половинѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка.

«Дружеское общество» оказывало помощь больнымъ, нуждающимся, давало средства на расширеніе издательства. Изданный 15 января 1783 года указъ о «вольныхъ типографіяхъ» далъ возможность Обществу завести еще двѣ типографіи (кромѣ университетской), открытыхъ на имя Новикова и Лопухина.

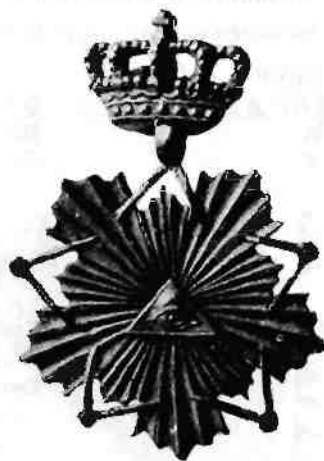
---

¹⁾ Рукопись Имп. Публ. Библ. Q. III, 112, стр. 15—17.

Напечатаны были уже и нѣкоторыя изъ книгъ, привезенныхъ Шварцемъ изъ-за границы, что видно по тому мистическому настроенію, которое соотвѣтствовало и настроенію Шварца и духу розенкрейцеровъ. Таковы: Единобесѣдованія души съ Богомъ, Путь къ познанію свойствъ Божіихъ и человѣческихъ, Ручная книжка о созерцаніи Христа, Руководство къ Богопознанію по лѣствицѣ сотворенныхъ вещей, наконецъ, въ этомъ же году было издано «Познаніе самого себя» Іоанна Масона и др. Мы указываемъ лишь отдѣльныя названія, но всѣ книги не заключаютъ въ себѣ ничего, что бы противорѣчило идеямъ «истиннаго христіанства». Наоборотъ, всѣ послѣднія изданія Новикова призываютъ, правда, внѣ церковности, къ новой христіанской жизни.

Однако книги эти могли удовлетворять лишь часть запросовъ русскаго розенкрейцерства. Но вѣдь были еще другіе запросы тѣхъ, кто хотѣлъ упражняться въ магіи—«божественной» наукѣ и алхиміи. И мы знаемъ цѣлый рядъ книгъ такого содержанія, напечатанныхъ въ это же время въ Москвѣ—таковы «Карманная книжка для вольныхъ каменщиковъ»,

Масонскій знакъ (Инст. Муз.)
Objet maçonnique.

«Хризомандеръ», «Духъ масонства» и нѣкоторыя другія. Но среди Новиковскихъ изданій этихъ книгъ мы не найдемъ. Изданія эти печатались въ особой, «тайной» типографіи изъ двухъ становъ, отдѣленной отъ Лопухинской типографіи и помѣщавшейся въ домѣ Шварца близъ Меньшиковой башни. Въ ней работали особые рабочіе—нѣмцы. Главное руководство этой типографіей принадлежало Лопухину, а переводчиками изданій, здѣсь печатавшихся, были: Гамалѣя, Тургеневъ, Н. Трубецкой, Кутузовъ, Багрянскій и др.

Нужно имѣть въ виду, что «гоненій» въ это время на масонсовъ еще не было, нѣкоторыя изъ книгъ алхимическаго содержанія открыто продавались въ лавкахъ Новикова. Основаніе же къ такому выдѣленію «особой» типографіи надо искать въ нежеланіи Новикова печатать у себя эту литературу. Онъ согласился отдѣлить два стана, предоставивъ «спеціалистамъ» вести и руководить дѣломъ изданія алхимическихъ книгъ. Тѣмъ болѣе, что позднѣе онъ самъ иронически относился къ поклонникамъ Хризомандера и искателямъ философскаго камня.

Какъ мы видѣли выше, въ 1873 году и началѣ слѣдующаго года въ Москвѣ широко развилась просвѣтительная, педагогическая, благотворительная, издательская дѣятельность, расширявшая вліяніе московскихъ масоновъ. Уже организовывалась будущая «Типографическая Компанія». И вотъ, въ разгаръ этой дѣятельности, Шварцъ умеръ...

17 февраля 1784 года—день его смерти. Не долго болѣлъ Иванъ Егоровичъ,

и скончался въ подмосковномъ имѣніи князя Н. И. Трубецкого, Очаковѣ, гдѣ его и похоронили.

Даже теперь, вспоминая то значеніе, которое имѣлъ Шварцъ въ кружкѣ русскихъ интеллигентовъ XVIII вѣка, можно представить себѣ то впечатлѣніе, ту скорбь и тѣ послѣдствія, которыя связаны были со смертью Шварца. Онъ направлялъ и одухотворялъ дѣятельность кружка, мало того онъ руководилъ вообще судьбами масонства въ Россіи... Мы знаемъ, какъ отнеслись къ его смерти друзья и близкіе.

.....
Мы наставника лишились,
Друга потеряли въ немъ,—
.....

такъ говорили въ одѣ «На кончину И. Е. Шварца» московскіе масоны.

Братъ нашъ въ вѣчность преселился.

.....
Онъ къ началу возвратился,
Возсіялъ въ немъ вѣчный свѣтъ.

.....
Онъ съ Творцомъ соединился,
Грѣхъ о немъ намъ слезы лить.
Не рыдать, страдать и рваться
Мы должны, друзья, о немъ,
Но начнемъ о томъ стараться,
Чтобъ идти его путемъ.

.....
Онъ желалъ, чтобъ сохраняли
Дружбу къ ближнимъ мы въ сердцахъ,
Бога чтили, прославляли.

.....
Все основано ученье
Было на любви его;
Къ Богу онъ имѣлъ влеченье,
Отправлялся отъ Него.

.....
Съ нимъ всегда мы будемъ вмѣстѣ,
Онъ хотя оставилъ насъ.

.....
Вѣрный братъ не умираетъ,
Всходитъ къ Богу въ небеса.
Пастырь нашъ, еще ты съ нами,
Съ нами другъ нашъ и по днесь,
Хоть не зримъ его очами,
Но въ сердцахъ нашъ пастырь весь...

Такъ пѣли братья-масоны въ своихъ ложахъ, высоко чтя память Шварца, не только какъ друга и брата, но и какъ пастыря. Его образъ такъ ярко горѣлъ... онъ былъ «отмѣченъ» Богомъ и ушелъ къ Богу, онъ не умеръ, такъ вѣрили московскіе розенкрейцеры, убѣжденные въ этой вѣрѣ самимъ Шварцемъ. При-

веденная выше ода интересна не только для характеристики Шварца, но и для того міросозерцанія, проповѣдникомъ котораго былъ Шварцъ.

Разслоеніе Московскаго масонства.

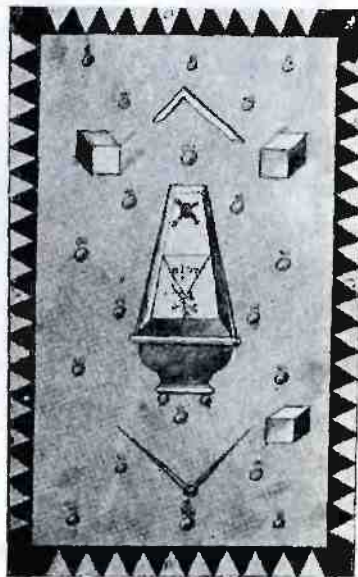
Дальнѣйшая исторія масонства показываетъ, какъ постепенно, со смертью Шварца, наступило разслоеніе розенкрейцерства. Конечно, не одна смерть Шварца была тому причиной: въ самомъ масонствѣ этого времени таились разлагающія начала.

Основныя положенія міросозерцанія розенкрейцеровъ сводились къ самоусовершенствованію, что вело къ индивидуализаціи личности; мистическое проникновеніе въ тайны бытія вызывало *разность въ степеняхъ*: одни ближе были къ міру духовъ, другіе дальше. Съ другой стороны, путь къ истинѣ былъ одинъ—христіанство. Но и Беме, и розенкрейцеры углубили *понятіе христіанства* и раскрывали два вѣчныхъ вопроса, таящихся въ идеѣ христіанства.

Если *царствіе Божіе внутри насъ* самихъ, то ясно, что надо строить жизнь согласно идеалу, выражающемуся въ любви къ людямъ, помощи ближнимъ и другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; и тогда тѣло и земная жизнь законны и необходимы.

Если же *царствіе Божіе на небѣ*, если земная жизнь лишь переходъ къ будущей, то надо всѣ свои силы и духовныя очи устремить къ небу и умирать «тѣлесной жизни». Для всѣхъ было ясно: надо «слѣдовать Христу». Но какъ? Слѣдовать ли Христу, помогающему и облегчающему, какъ проповѣдывалъ Арндтъ, или же слѣдовать Христу страдающему, къ чему звалъ Өома Кемпійскій.

Этотъ вопросъ былъ поднятъ среди русскихъ розенкрейцеровъ еще до смерти Шварца. Уже въ 1784 году была напечатана (а переводилась раньше!) книга Өомы Кемпійскаго «Таинство Креста»¹⁾. Въ дошедшихъ же до насъ рукописяхъ Шварца мы находимъ его переводы подъ заглавіемъ «Кое-что изъ Өомы Кемпійскаго». Возможно, что Шварцъ, своимъ проникновеннымъ умомъ и сердцемъ смогъ бы найти выходъ и точно указать путь. Но Шварцъ умеръ, и не оказалось никого, кто бы могъ взять на себя его роль. Изъ исторіи масонства въ Россіи

Масонскій коверъ. (Изъ изданія «Recueil précieux de la Maçonnerie». Филадельфія 1787 г.)
Tapis maçonnique.

¹⁾ Переводъ Кутузова и Багрянскаго. См. также Тихонравовъ—Лѣтописи, т. V, стр. 56.

мы знаемъ, какъ разошлись по разнымъ путямъ тѣ, кого называли мартинистами, а позднѣе розенкрейцерами и кто былъ объединенъ общей работой «Дружескаго общества». Масонство раскололось ¹⁾.

Новиковъ пошелъ по пути, который освѣщался идеалами *истиннаго христіанства*. Правда, долгая близость со Шварцемъ и его мистической душой заставляла Новикова внимательно относиться къ тому, что находилось въ книгахъ Ѳ. Кемпійскаго. Въ практической же своей дѣятельности Новиковъ шелъ туда, куда звалъ его Арндтъ.

Лопухинъ (главнымъ образомъ въ своихъ сочиненіяхъ), Колокольниковъ и Невзоровъ и др. приняли *крестъ*.

Кн. Н. Трубецкой, Кутузовъ, Петровъ и др., по зову разума, пытались проникнуть въ тайны мірозданія съ помощью магическихъ наукъ и ушли въ *алхімію*. Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за тѣмъ, какъ развивались эти три теченія, какъ практически осуществлялись они своими послѣдователями и какъ въ дальнѣйшемъ перешли въ масонство XIX вѣка.

Журналь «Покоющійся Трудолюбецъ» и дѣятельность Новикова послѣ смерти Шварца.

Посмотримъ, что дѣлалъ Новиковъ послѣ смерти своего ближайшаго сподвижника и друга Шварца, семью котораго онъ взялъ къ себѣ. На немъ одномъ лежала и издательская дѣятельность, и типографія, и всѣ тѣ просвѣтительныя учрежденія, которыя были устроены имъ вмѣстѣ со Шварцемъ. И въ масонствѣ, со смертью Шварца, руководящая роль должна была бы перейти къ Новикову. Но, мы знаемъ ²⁾, что въ это время въ московскихъ ложахъ былъ положенъ силанумъ. Въ масонствѣ вообще начинался рядъ реформъ, которыя затѣвалъ Вельнеръ. Позднѣе въ Москвѣ была учреждена директорія, состоящая изъ Новикова, П. Татищева и кн. Н. Трубецкого. Слѣдя за участіемъ Новикова въ масонствѣ, можно видѣть, какъ въ дальнѣйшемъ онъ отходилъ отъ непосредственнаго, ближайшаго участія въ «работахъ». Правда, Новиковъ былъ занятъ другимъ дѣломъ. Въ 1784 году была учреждена «Типографическая Компанія», произошло сліяніе вольныхъ типографій общества, и новая большая типографія была доведена до 20 становъ. Было выпущено значительно больше изданій, чѣмъ въ прежніе годы. Причемъ большинство ихъ, какъ и раньше, носило нравственно-религіозный характеръ. Въ этомъ же году вышло нѣсколько и масонскихъ изданій— «Крата репоа», Химическая псалтырь, Драгоцѣнный магическій камень, Новое

¹⁾ Подробнѣе см. *Тукалевскій*. Исканія русскихъ масоновъ, стр. 51—54.

²⁾ См. *Лонгиновъ* и *Ешевскій*. Московскіе масоны, стр. 218 и слѣд., гдѣ приведены документы, связанные со смертью Шварца и переписка по этому поводу съ Берлиномъ.

свѣтило химическое, Магиконъ и др. Но всѣ они были помѣчены «типографіей Лопухина». Въ томъ же году и въ той же типографіи Лопухина для просвѣщенія розенкрейцеровъ печатались масонскіе журналы: «Избранная библіотека для христіанскаго чтенія» и «Магазинъ свободно-каменьщической».

Первый журналъ ставилъ своей задачей проведеніе въ среду читателей идей Беме и Өомы Кемпійскаго; второй являлся сборникомъ рѣчей, произносившихся въ масонскихъ ложахъ. Укажемъ, однако, на одну статью въ «Магазинѣ»—«Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ вольнаго каменьщчества», выдѣляющейся среди другихъ матеріаловъ журнала по своему содержанію. Авторъ ея защищаетъ масоновъ отъ нападокъ. Тому же вопросу посвящена была и особая книга: «Апологія или защищеніе Вольнаго каменьщчества». Какъ видимъ, московскимъ масонамъ приходилось уже серьезно считаться съ тѣми, кто шелъ противъ нихъ.

Въ это время руководителемъ масоновъ въ Москвѣ былъ Шредеръ. Онъ привезъ изъ Берлина «Аллегорическую азбуку», градусы, статуты, онъ обратилъ вниманіе на «мистическія таблицы» и удѣлялъ особое вниманіе алхимическимъ работамъ розенкрейцеровъ.

Новиковъ предоставилъ свободу Шредеру и принялся за изданіе своего журнала. Журналу онъ далъ названіе «Покоющійся трудолюбецъ». По своему содержанію этотъ журналъ многимъ отличается и отъ «Утренняго Свѣта» и отъ «Вечерней Зари». Со смертью Шварца Новиковъ, какъ бы нѣсколько отошелъ отъ мистическихъ вліяній своего друга. Его душа, такъ ясно видѣвшая идеалы христіанства, сомнѣвалась все-таки въ силѣ мистическаго откровенія. И эти свои сомнѣнія Новиковъ передавалъ на страницахъ «Покоющагося трудолюбца». Онъ зналъ, что царствіе Божіе внутри насъ, о чемъ и писалъ позднѣе въ извѣстномъ письмѣ къ Карамзину, вѣрилъ во взаимоотношеніе души и тѣла, но все же онъ не зналъ, «какъ душа дѣйствуетъ во внутренности человѣка?», гдѣ «жилище души?» Эти и подобные имъ вопросы можно нерѣдко встрѣтить въ статьяхъ послѣдняго Новиковскаго журнала.

Масонскій знакъ. (Къ колл. Ист. Музея).
Objet maçonnique.

Кромѣ статей такого рода, въ «Трудолюбцѣ» мы находимъ статьи и по общественнымъ вопросамъ, которыхъ нѣтъ ни въ «Вечерней Зарѣ», ни въ «Московскомъ Изданіи». Новиковъ здѣсь снова началъ высказываться и по крестьянскому вопросу, писалъ статьи противъ рабства и войны; даже возродилась прежняя Новиковская сатира, осмѣивавшая казнокрадовъ, модниковъ и вольнодумцевъ. Въ «Трудолюбцѣ» же мы находимъ и статьи по масонству. Но въ этихъ статьяхъ Новиковъ выражаетъ порицаніе «великой алхимистской работѣ», указываетъ на «дурачества» искателей золота; самую же алхімію считаетъ «никуда годною наукою». На всеобщее же врачеваніе «распущеннымъ для питья золотомъ» онъ смотритъ, какъ на «химеру, приверженцы которой или сумасброды, не заключенные еще въ сумасшедшіе дома, или и обманщики»¹⁾. Правда въ этой статьѣ Новиковъ добавляетъ, «я напередъ вижу, какъ сильно на меня за сіе вооружатся», и все-таки онъ не могъ объ этомъ не сказать, хотя всѣми этими работами занимались его же братья-масоны, члены «Типографической Компаніи».

Масонскій крестъ. (Ист. Муз.).
Croix maçonnique.

Два года (1784 и 1785 гг.) издавалъ Новиковъ «Трудолюбца», но, кромѣ того, онъ еще выпускалъ «Добавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ». И въ этомъ изданіи Новиковъ помѣщалъ много статей, не имѣющихъ никакого отношенія къ мистикѣ. Здѣсь мы находимъ рядъ статей по вопросамъ воспитанія, написанныхъ въ духѣ истиннаго христіанства. При чемъ въ каждой почти статьѣ Новиковъ указывалъ, что и дома и въ школь *«учить вѣрѣ надо иначе»*.

Помимо статей по воспитанію, въ тѣхъ же «Прибавленіяхъ» печаталась «Исторія ордена іезуитовъ», гдѣ также трактовались, въ связи съ вопросомъ о «духовныхъ отцахъ» вопросы религіознаго характера. Такимъ образомъ, въ самомъ, распространенномъ изданіи, каковыми были «Московскія Вѣдомости» и Прибавленія къ нимъ, печатались статьи, въ которыхъ указывалось, что «вѣрѣ учать не такъ, какъ надо», приводились данныя, *почему* «не такъ» и говорилось о томъ, *какъ надо* учить живой внутренней вѣрѣ. Обо всемъ этомъ говорилось не вскользь, а въ рядѣ номеровъ—съ цѣлью выяснить обстоятельно вопросъ.

¹⁾ «Покоющійся трудолюбецъ», ч. II, стр. 89—92.

Этотъ фактъ не могъ не обратить вниманія не только общества, но и духовнаго вѣдомства, призваннаго охранять и направлять преподаваніе закона Божія въ школахъ. О такомъ «поступкѣ» Новикова было доложено императрицѣ. Съ этого-то времени и начинаютъ собираться грозныя тучи надъ всей религіозно-просвѣтительной дѣятельностью Новикова¹⁾.

Преслѣдованія и послѣдніе годы Новикова.

Въ августѣ 1784 года была прислана въ Москву изъ Петербурга первая бумага, въ которой требовалось допросить Новикова по поводу печатаемыхъ въ его типографіи книгъ. Съ этого времени почти не прекращались въ той или иной формѣ «подозрѣнія» правительства, обращенныя на издательскую и просвѣтительскую дѣятельность Новикова. Болѣе подробный обзоръ этого періода жизни и дѣятельности Новикова отнесенъ въ особую статью, предположенную къ помѣщенію во второмъ томѣ настоящаго изданія.

Теперь же укажемъ лишь на то, что Новикову приходилось попадать «подъ присмотръ» не столько за свою принадлежность къ масонству, сколько по про-искамъ іезуитовъ, нашедшихъ «покровительство» въ Россіи, по «наговору» духовнаго вѣдомства, боявшагося религіознаго броженія подъ вліяніемъ распространяемыхъ Новиковымъ книгъ въ духѣ «истиннаго христіанства»; не мало также перенесъ Новиковъ и по почину своихъ враговъ и тѣхъ представителей администраціи, которые на «доносахъ» императрицѣ дѣлали свою карьеру.

Всѣ эти подкопы подъ Новикова, несмотря на всю его самоотверженную дѣятельность, привели къ тому, что Новикову въ концѣ концовъ было запрещено печатать книги религіозно-нравственнаго содержанія. Множество книгъ было отобрано у Новикова изъ его книжныхъ лавокъ и сожжено. Главнымъ мотивомъ въ данномъ случаѣ было убѣжденіе правительства въ томъ, что въ изданіяхъ Новикова заключаются: «колобродство, нелѣпныя умствованія и расколь»;—такъ и было написано въ указѣ Императрицы.

Мало того, несмотря на заключенія митрополита Платона, который писалъ императрицѣ послѣ «испытанія въ вѣрѣ» Новикова:

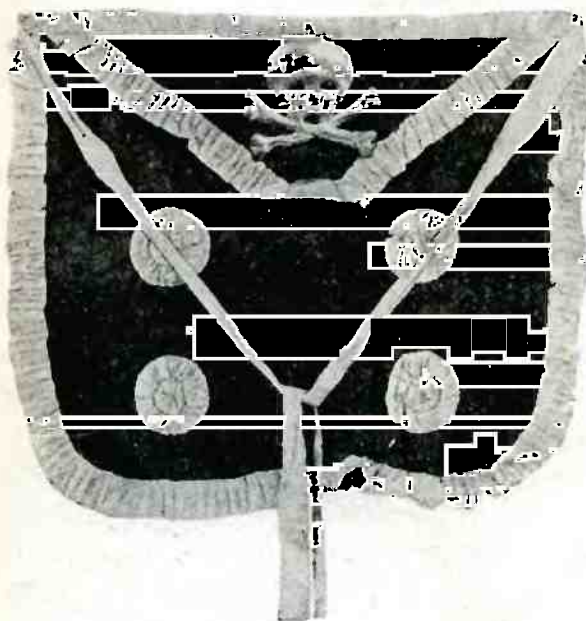
«Какъ передъ престоломъ Божьимъ, такъ и передъ престоломъ твоимъ все-милостивѣйшая государыня Императрица я одолжился по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедрого Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ

¹⁾ Интереснѣе матеріалы по этому вопросу мы найдемъ у Лонгинова въ приложеніяхъ, у Ешевскаго и у Попова «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», 1868 г., т. II и у Леккарскаго въ «Дополненіяхъ», гдѣ, между прочимъ, имѣются важныя свѣдѣнія въ главѣ XII «О московскихъ книгопродавцахъ, обвиненныхъ въ торговлѣ заграничными книгами». Тамъ же имѣется хронологическій указатель событій (правда, не совсѣмъ точный) изъ исторіи масонства, помогающій возстановить хронологію событій 80—90-хъ годовъ.

Богомъ и тобою всемилостивѣйшая Государыня мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мѣрѣ были христіане таковыя какъ Новиковъ».

Все-таки Новикова обвинили въ колобродствѣ и расколѣ. Послѣ того, какъ императрица донесли о томъ, что Новиковъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими масонами въ «уловленіи извѣстной особы» (наслѣдника Павла Петровича), Государыня положила въ своемъ указѣ отъ 1 августа 1792 года: «Подвергнуть Новикова нещадной казни... Но, слѣдуя сродному ей челоуколюбію... запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость...»

Такъ закончилась страница исторіи одного изъ блестящихъ моментовъ въ жизни русскаго общества XVIII вѣка. Екатерина понимала значеніе и силу

Масонскій запонъ. (Собр. Мельгунова).
Tablier maçonnique.

Новикова, его она боялась, его она хотѣла устранить какъ главнаго руководителя. И мы дѣйствительно знаемъ, что гоненіямъ подвергался главнымъ образомъ Новиковъ и наказанію былъ подверженъ именно Новиковъ, а всѣ другіе масоны, которые находились подъ слѣдствіемъ, остались почти безнаказанными.

Въ то время какъ на допросѣ «сообщники» Новикова «каjались» и «плакали», одинъ Новиковъ, когда ему было предложено отречься отъ своихъ убѣжденій и признать ихъ ложными—отказался.

И мы знаемъ, что «сообщниковъ» Новикова высылали въ родныя имѣнія, а его самого заключили въ каменный мѣшокъ, въ ту камеру, гдѣ ранѣе содержался «несчастный» принцъ Іоаннъ Антоновичъ.

Размышленія о самомъ себѣ и библія—вотъ все, что было предоставлено Новикову въ Шлиссельбургской крѣпости.

Прошло четыре года. 7 ноября 1796 года умерла Екатерина; на престолъ вступилъ Павелъ I, и въ тотъ же день указомъ на имя гр. А. Н. Самойлова повелѣлъ освободить Новикова, со слугою его ¹⁾.

¹⁾ «Сборникъ Русскаго Истор. Общества», 1868 г., т. II, стр. 144.

«Дряхль, старь, согбенъ», одѣтый въ разодранный тулупъ, вернулся Новиковъ въ свое родное Тихвинское—Авдотьино.

Въ декабрѣ того же года его потребовалъ въ Петербургъ императоръ. Долго бесѣдовалъ съ нимъ во время аудіенціи и отпустилъ, обѣщая милости Новикову и его «сообщникамъ». Говорили, что Павелъ хотѣлъ приблизить къ себѣ Новикова, можетъ быть, хотѣлъ назначить директоромъ Московскаго университета. Но, какъ сообщаетъ преданіе, Новиковъ во время бесѣды позволилъ себѣ дать рѣзкій отвѣтъ императору и тѣмъ самымъ разсѣялъ опасенія тѣхъ, кто боялся, чтобы Павелъ не «предался Новикову».

Снова вернулся Новиковъ въ Авдотьино, гдѣ и прожилъ до своей кончины. Мы имѣемъ цѣнные матеріалы о послѣднихъ годахъ жизни Новикова. Это письма Новикова къ его родственнику А. О. Лабзину¹⁾. Съ тяжелой грустью читаемъ мы строки, написанныя великимъ человекомъ XVIII вѣка.

Въ нуждѣ, отягощенный долгами, страдающій болѣзнями доживалъ свои послѣдніе годы Новиковъ.

Его письма исполнены вѣрой и надеждой на волю Божію. Примиреніе съ тяготой жизни и тѣми страданіями, которыя онъ перенесъ—вотъ главный мотивъ его писаній. Правда, временами вспыхивалъ въ немъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ раньше Новиковъ сѣялъ идеи «истиннаго христіанства», временами Новиковъ писалъ о масонствѣ, интересовался его судьбами, даже предостерегалъ отъ увлеченія Эккарстгаузеномъ, провозвѣстникомъ крайняго мистицизма и указывалъ, что въ его книгахъ «много страннаго и противурѣчащаго...» въ немъ нѣтъ той «силы ни убѣдительности, ни глубокости познанія натуры, коими столь преизобильно исполнены книги другой школы...»

Но чаще, гораздо чаще Новиковъ пишетъ своему племяннику Лабзину: «я одряхлѣлъ... плохо вижу... дрожать руки...» «У меня каждая копейка на счету...» я сдѣлался садовникомъ, «отъ чего надѣюсь имѣть помощь къ содержанію нашему...» Послѣ того, какъ садоводство мало оказывало помощи, Новиковъ устроилъ суконную фабрику, и обратился къ Лабзину съ просьбой, нельзя ли устроить въ Петербургѣ покупку Академіей Художествъ сукна его производства...

---

¹⁾ Опубликованы Б. Л. Модзалевскимъ «Русскій Библіофилъ»—1913 г., кн. III и IV. «Къ біографіи Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботаеву и др.». Тамъ же указана бібліографія опубликованныхъ писемъ Новикова: А. О. Бычковымъ—«Русскій Архивъ» 1871 г. (стр. 1013—1094); Д. П. Руничу; «Библіографическія записи», 1861 г. № 17, къ П. Бекетову; И. А. Шмейкинымъ. «Библіографъ» 1888, № 1, стр. 3—4—къ О. П. Ключареву. Есть еще письмо у Тихонравова—Лѣтописи, т. II, отд. III, стр. 107—108; Сборникъ студентовъ Спб. университета, вып. I, стр. 330—332, «Русская Старина» 1890 г., т. LXVII, стр. 457 и слѣд. къ кн. Н. И. Трубецкому, «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 649—650 къ А. И. Тургеневу.

«Знаете ли вы, дражайшій племянникъ, пишетъ Новиковъ, что вашъ дядя изъ книгопечателя учинился суконнымъ фабрикантомъ?»

Читая эти строки и вспоминая восьмидесятые годы XVIII вѣка, всю ту громадную работу и исключительную дѣятельность просвѣтительную, издательскую и благотворительную, все то вліяніе и значеніе, которое имѣлъ Новиковъ въ развитіи общественной мысли русскаго общества, съ какимъ трагизмомъ, должны звучать эти слова «книгопечателя», ставшаго суконнымъ фабрикантомъ!

Таковъ эпилогъ того великаго дѣйствія, передъ которымъ мы—при нашемъ состояніи культуры—стоимъ съ изумленіемъ. Какъ много было сдѣлано! Два человѣка—Новиковъ и Шварцъ своей просвѣтительной дѣятельностью способствовали тому, что въ XIX вѣкѣ создало русскую интеллигенцію.

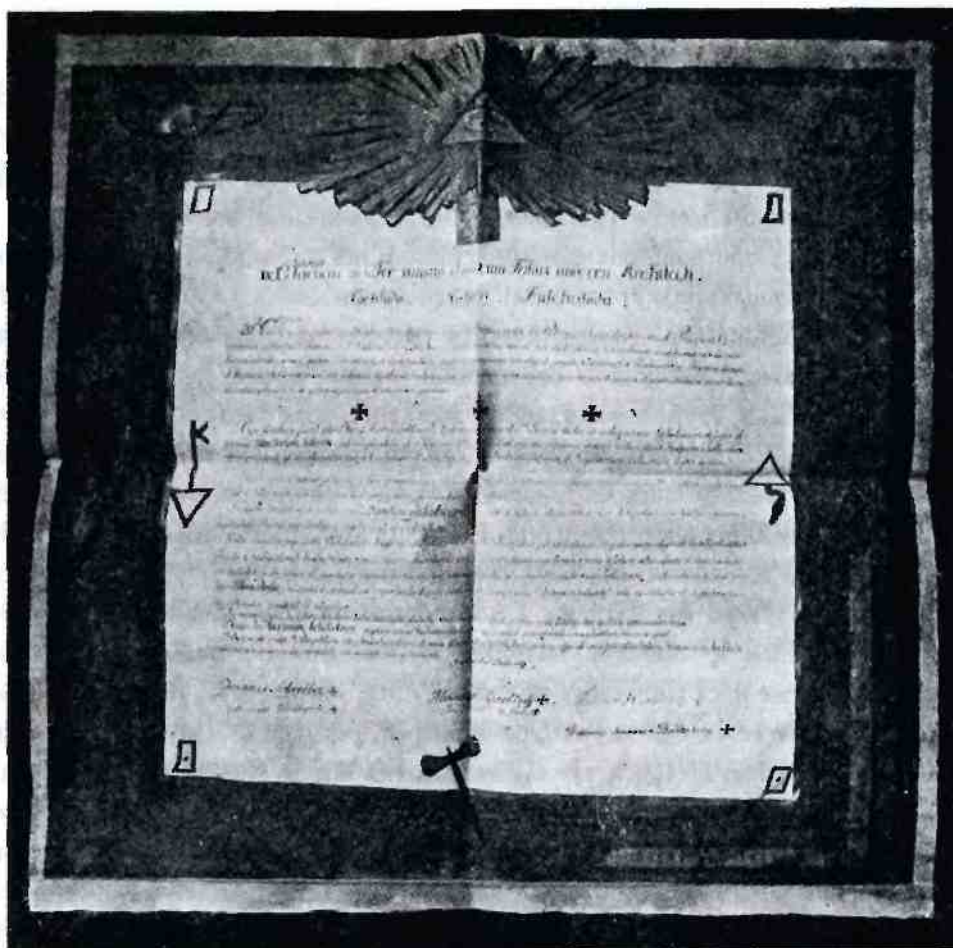
Шварцъ умеръ рано, но умеръ на своемъ посту. Новиковъ, лишенный возможности работать, истомленный въ казематахъ Шлиссельбурга за свой «расколъ»—доживалъ дни въ деревнѣ, вдали отъ людей и общественной дѣятельности, больной и нуждающійся въ копейкѣ...

Н. И. Новиковъ умеръ 31 іюля 1818 года.

Вл. Тукалевскій.

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей (Акад. Наукъ).
Des manuscripts des Rose-Croix.

Масонская грамота. Diplôme maçonnique.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

Въ 1860 году, приступая къ изданію бібліотеки русскихъ мемуаровъ, имѣвшей цѣлью раскрыть передъ читателемъ неправды и язвы старой русской жизни, А. И. Герценъ для перваго выпуска выбралъ «Записки И. В. Лопухина». Его вниманіе привлекали рассказы Лопухина о преслѣдованіяхъ масоновъ при Екатеринѣ, о жестокостяхъ стараго уголовного суда, о гоненіяхъ на духовоборовъ. Чуткій публицистъ съ живой симпатіей откликнулся на эти рассказы и въ «Колоколѣ» расхвалилъ Лопухина. Однако, при этомъ, не могъ скрыть большаго смущенія: «Странно видѣть, при столько хорошемъ развитіи и гуманномъ, за-

коснѣлое упорство Лопухина въ поддерживаніи помѣщичьей власти. Онъ не имѣлъ права на этотъ предразсудокъ въ началѣ царствованія Александра и тутъ онъ невольно противорѣчитъ самъ себѣ, и отъ этого впадаетъ въ фразы. Онъ пишетъ, напр., къ императору, что стыдится слова холопъ, что желалъ бы, чтобы всѣ Русскіе были свободны, и съ тѣмъ вмѣстѣ говорить, что вторженіе непріятели было бы менѣе губительно, чѣмъ ограниченіе помѣщичьей власти. Предразсудокъ... противорѣчіе самому себѣ... Какъ характерно это непониманіе Лопухина и кровныхъ его убѣжденій! Здѣсь ярко сказался столь типичный для историковъ-публицистовъ дуалистическій методъ мышленія, который знаетъ только двѣ категоріи историческихъ явленій—«свѣтлыхъ» и «темныхъ» и дѣлитъ ихъ только на двѣ группы—направо и налево. Герценъ отказывается понять въ Лопухинѣ соединеніе «гуманности» и крѣпостничества, и образъ знаменитаго масона двоится въ его глазахъ. А между тѣмъ у Лопухина было на рѣдкость цѣльное и законченное міросозерцаніе! Разгадку этой цѣльности другіе историки пытались найти въ нравственныхъ достоинствахъ Лопухина. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Герцена мы читаемъ у новѣйшаго издателя сочиненій Лопухина, что онъ «отличался чрезвычайно высокими душевными качествами» и что «слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ». Такъ, въ отмѣну публицистическаго дуализма, выдвигается панегирической монизмъ, рисующій Лопухина рыцаремъ безъ страха и упрека. Какъ ни самомнителенъ былъ Иванъ Владиміровичъ, но, конечно, и онъ отвергъ бы такую оцѣнку своей личности, знавшей рѣзкія противорѣчія взглядовъ и поступковъ, борьбу съ темными инстинктами, заблужденія и паденія. Въ Лопухинѣ, конечно, не было той странной раздвоенности которая озадачивала Герцена; но цѣлостность Лопухина—не въ его добродѣтели. Его культурно-психологическій образъ потому цѣлостенъ, что въ немъ гармонически сочетались авторитарныя формы мышленія съ авторитарными формами быта. И въ этой гармоніи мысли и быта—разгадка не только душевной цѣлостности, но и исторической характерности Лопухина.

Отъ отцовъ и отцовъ отцовъ Лопухинъ унаслѣдовалъ вѣру, корни коей уходятъ въ сѣдую старину христіанства, изъ окружавшей же его однородной и плотной соціальной среды воспринялъ и навсегда сохранилъ основныя воззрѣнія политическія и общественныя. Въ мѣру своихъ духовныхъ дарованій онъ участвовалъ въ выработкѣ доктрины и практики, которую можно назвать масонской только въ условномъ или расширительномъ толкованіи, такъ какъ нѣчто здѣсь принадлежитъ всей тогдашней русской общественности, нѣчто же и совсѣмъ переступаетъ границы исторіи, размѣренной на десятилѣтія и вѣка. Въ томъ-то и состоитъ трудность пониманія Лопухина и масонства, что далеко не все въ нихъ одинаково поддается ближайшему историческому учету. Историки вообще склонны объяснять явленія ближайшими причинами: *post hoc—ergo propter hoc*. Но въ современности на ряду съ новѣйшими факторами дѣйствуютъ и древ-

нія силы. Это особенно сильно чувствуется въ темной области религіозно-нравственныхъ движеній, въ частности въ русскомъ масонствѣ—и въ личномъ примѣрѣ Лопухина.

Онъ не былъ одаренъ способностью къ философскому обобщенію, да и не имѣлъ образовательной подготовки къ тому, какъ, напримѣръ, Шварцъ; его мысль постоянно срывалась съ высоты отвлеченности внизъ, къ житейскимъ вопросамъ, и быстро слабѣла въ попыткахъ логическихъ построеній. Не было у Лопухина и организаторскаго таланта и творческой инициативы въ общественныхъ начинаніяхъ, какъ у Новикова. Но только эгимъ двумъ вершинамъ екатерининскаго масонства и уступалъ Лопухинъ; другихъ онъ значительно превышалъ или дарованіями, или общественнымъ вліяніемъ. Можно даже категорически утверждать, что Лопухинъ болѣе показателенъ для русскаго масонства, чѣмъ Шварцъ и Новиковъ. Размахъ философскихъ и научныхъ исканій Шварца былъ не по плечу среднему русскому масону, а широкая общественная дѣятельность Новикова выходила за кругъ ближайшихъ интересовъ «братьевъ». Лопухинъ же, съ его жадной потребностью къ разсужденіямъ и писательству, былъ имъ ближе въ путяхъ своей искренней и наивной мысли; къ тому же судьба надолго сблизила его съ правящими, судебными и административными кругами (чего не было у Шварца и Новикова) и дала ему возможность опредѣлительнѣе высказаться о многихъ конкретныхъ политическихъ вопросахъ и общественныхъ явленіяхъ, тѣмъ самымъ раскрывая глубже типичный строй мыслей и настроеній масонства. Вотъ почему необходимо познакомиться съ нимъ какъ можно ближе.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ родился 24 февраля 1756 года. Его отецъ, Владиміръ Ивановичъ, былъ генераль—поручикомъ и кіевскимъ губернаторомъ, приходился племянникомъ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ и былъ близокъ къ придворной жизни отъ Петра Великаго и до Елизаветы Петровны. Это знатное происхожденіе и важное служебное положеніе отца предопредѣлили соціальную судьбу молодого Лопухина: въ теченіе всей дальнѣйшей жизни ему суждено было вращаться въ кругахъ высшей администраціи и знатнаго столичнаго барства. Съ дѣтства же его окружила и другая стихія—религіозная. Родители были очень набожны, особенно мать; обиліе монастырей и древнія кіевскія святыни питали въ дѣтской душѣ наслѣдственный мистицизмъ. О матери въ «Запискахъ» Лопухина читаемъ: «Она умерла отъ болѣзни, нѣсколько лѣтъ продолжавшейся. Я отмѣнно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя ребяческая молитва. Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобы Онъ лучше отнял у меня палець и даже всю руку, а только бы она не умерла». Вмѣстѣ съ религіозностью была унаслѣдована отъ матери и болѣзненность; «младенчество было самое болѣзненное», а когда Лопухинъ былъ записанъ въ гвардію и въ 1775 г. пожало-

ванъ въ прапорщики, то, «прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлался такъ боленъ, что цѣлыхъ три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни»... «Потомъ еще года три сряду въ каждый мучила меня лихорадка. Это время, самая бурная лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья и случившійся притомъ нѣкоторой припадокъ, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою». Лопухинъ и позднѣе часто страдалъ отъ болѣзней, и эта физическая неуравновѣшенность отзывалась и на психикѣ, тоже болѣзненной и неуравновѣшенной; для Лопухина характерны порывистыя увлеченія и за ними апатія, дикія вспышки гнѣва и острое раскаяніе, повышенная чувствительность и даже истеричность. «Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворенія военною, устремила склонность мою къ гражданской», пишетъ Лопухинъ въ «Запискахъ». Родовыя и сословныя связи легко этому помогли. Въ началѣ 1782 г. Лопухинъ былъ уволенъ изъ гвардіи въ отставку съ чиномъ полковника и уѣхалъ въ Москву, а въ концѣ того же года мы видимъ его совѣтникомъ, вскорѣ и предсѣдателемъ московской уголовной палаты. Съ этого времени и уже навсегда Лопухинъ закрѣпился въ Москвѣ; только изрѣдка и неохотно онъ покидалъ ее для Петербурга или провинціи, а съ 1785 года прожилъ въ Москвѣ «больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевалъ ни одной ночи». Лопухинъ былъ холостъ и короталъ свой вѣкъ съ престарѣлымъ слѣпымъ отцомъ, котораго горячо любилъ и лелѣялъ.

Съ 1782 года открывается новый періодъ въ жизни Лопухина. Это былъ знаменательный годъ: тогда возвратился изъ-за границы Шварцъ, торжественно открылись публичныя засѣданія «Дружескаго Общества», стала дѣйствовать «Переводческая семинарія», былъ изданъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, Новиковъ началъ изданіе «Вечерней Зари». Въ томъ же году на Вильгельмсбадскомъ масонскомъ конвентѣ Россія была признана независимою «провинціею», и въ Москвѣ были организованы «провинціальный капитулъ» и «директорія». Къ этому времени въ Москву собрались изъ Петербурга и другихъ мѣстъ: Новиковъ, кн. Н. Н. Трубецкой, М. Херасковъ, кн. Черкасскій, Ив. П. Тургеневъ, кн. Энгальчевъ, Кутузовъ, Чулковъ. При посредствѣ Шварца возникли связи съ нѣмецкими розенкрейцерами и скоро въ Москвѣ было положено основаніе «Ордену златорозоваго креста». Ближайшее десятилѣтіе стало эпохой московскаго розенкрейцерства и вмѣстѣ съ тѣмъ—временемъ расцвѣта дѣятельности Лопухина. Онъ вступилъ въ орденъ именно въ 1782 году и быстро выдвинулся среди товарищей, былъ мастеромъ стула ложи «Латона», съ 1784 г. сталъ управлять ложей «Блισταющей Звѣзды», въ томъ же году по предписанію берлинскихъ начальниковъ былъ назначенъ надзирателемъ для русскихъ братьевъ; потомъ подъ его управленіемъ находилось нѣсколько ложъ и въ другихъ городахъ. Больше всего Лопухина занимали внутренній распорядокъ въ орденѣ и выработка и

печатная пропаганда масонских воззрѣній. Общественная, просвѣтительная и благотворительная дѣятельность его интересовала значительно меньше. Но онъ, все же, былъ членомъ «Типографической компаніи», на его рукахъ была одна изъ типографій, и онъ «по склонности къ мистическимъ матеріямъ участвовалъ много въ томъ печатаніи и усердіемъ и вѣданіемъ», равно какъ не чужда была ему и масонская филантропія, больницы, аптеки, кормленіе голодающихъ. Матеріально Лопухинъ былъ прекрасно обезпеченъ (его ежегодные доходы поднимались до 60-ти тысячъ) и для дѣятельности въ масонскомъ кругу имѣлъ много досуга, такъ какъ его судейская служба продолжалась всего три года. Гуманные взгляды на задачи и средства уголовной репрессіи создавали ему много столкновеній въ уголовной палатѣ, обострившихся еще болѣе благодаря неровному, раздражительному его характеру; сюда же присоединились раздоры съ главнокомандующимъ Москвы, гр. Брюсомъ, вмѣшавшимся въ постановленія палаты и тѣснимымъ Лопухина за связи съ масонами. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ маѣ 1785 г. Иванъ Владиміровичъ вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника.

Масонскій коверъ.
Tapis maçonnique.

Придирки Брюса были только однимъ изъ проявленій общаго недовольства власти масонами. Заподозрѣванія и притѣсненія начались уже давно и потомъ все усиливались. 1789 годъ во Франціи, дома—эпизодъ 1790 г. съ Радищевымъ переполнили чашу, и скоро надъ московскими розенкрейцерами разразилась бѣда. Въ апрѣлѣ 1792 г. «рѣшилось, пишетъ Лопухинъ,—много разъ предпріемлемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова и дома его наполнили солдатами, а онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы». Допросу подверглись и «сообщники» Новикова, кн. Трубецкой, Тургеневъ и Лопухинъ. Лопухинъ при этомъ велъ себя твердо, съ достоинствомъ и находчиво. Какъ извѣстно, Новиковъ былъ отправленъ въ крѣпость, Трубецкой и Тургеневъ высланы въ деревни, а Лопухинъ оставленъ въ Москвѣ, во вниманіе къ его дряхлому девяностолѣтнему отцу.

Такимъ образомъ, для Лопухина обстоятельства сложились наиболѣе удачно, но и ему пришлось тяжело пережить общественную катастрофу. Конфискація книгъ Типографической компаніи нанесла ему «крайніе убытки» и положила начало хронической задолженности. Въ Москвѣ Лопухинъ былъ окруженъ «подсмотрами», такъ что и «въ собственномъ его домѣ были подкупленные». Въ такой напряженной обстановкѣ прожилъ Лопухинъ до 1796 года, «занимаясь попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ, любимымъ своимъ чтеніемъ, знакомствомъ съ малымъ числомъ друзей и прогулкою пѣшкомъ». Смерть императрицы Екатерины положила конецъ этому томительному положенію. Вступившій на престолъ Павелъ I-й немедленно приказалъ выпустить изъ крѣпости Новикова, освободилъ изъ-подъ надзора Лопухина, Трубецкого и Тургенева, вновь возвысилъ сочувствовавшихъ масонству князей Куракина и Репнина; близко къ новому императору всталъ давній другъ Лопухина, С. И. Плещеевъ. И нашъ опальный масонъ получаетъ приказаніе ѣхать въ Петербургъ и представиться императору. Павелъ милостиво принялъ Лопухина, сдѣлалъ его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и опредѣлилъ статсъ-секретаремъ при себѣ. Передъ Лопухинымъ раскрывались, такимъ образомъ, блестящія возможности придворныхъ успѣховъ и служебнаго возвышенія. Но трудно было удержаться въ постоянной милости у Павла, да и Лопухинъ вовсе не желалъ придворной карьеры. И въ сношеніяхъ съ императоромъ онъ проявлялъ свой твердый и упрямый характеръ; по поводу одного судебного приговора Лопухинъ рѣшилъ возражать императору, и отсюда началось охлажденіе. Только полтора мѣсяца пробылъ Лопухинъ при дворѣ; въ январѣ 1797 года онъ уже былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ пятый московскій департаментъ, гдѣ производились знакомыя Лопухину по прежней службѣ уголовныя дѣла. Безъ особаго огорченія отъѣзжая въ Москву, Лопухинъ увозилъ туда нелестное мнѣніе о дворѣ, закрѣпленное потомъ въ его «Запискахъ»: «Что же сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою перемѣною въ тѣняхъ. Корысть—идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчокъ ближнему верхъ его».

Съ возвращенія въ Москву въ 1796 году наступаетъ послѣдній и долгій, двадцатилѣтній, періодъ жизни Ивана Владиміровича. Въ своей дѣятельности въ Сенатѣ Лопухинъ вновь отстаивалъ обвиняемыхъ отъ строгихъ наказаній и боролся съ сенаторами, которые надѣялись угодить царю суровыми приговорами,—а Лопухинъ спорилъ и доказывалъ, что «оскорбительно думать, чтобъ государь, который желаетъ только правосудія, услаждался жестокостью». При Павлѣ Лопухинъ ревизовалъ губерніи Казанскую, Вятскую и Оренбургскую, а позже, при Александрѣ I-мъ—Слободско-Украинскую (Харьковскую) и Крымъ. На Украинѣ онъ горячо вступился за духовоборовъ, гонимыхъ харьковскими властями, и, несмотря на противодѣйствія съ разныхъ сторонъ, ему удалось защитить

преслѣдуемыхъ и способствовать благополучному переселенію ихъ на Молочныя Воды. Послѣдней вспышкой общественно-административной дѣятельности Лопухина было наблюденіе «за порядкомъ и внутреннею тишиною» въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской въ 1807 году, при организаціи временнаго земскаго войска. Исполняя это порученіе императора Александра, Лопухинъ смѣло доносилъ государю о разныхъ не порядкахъ, въ томъ числѣ и о тягостномъ бремені самой милиціи, чѣмъ возбудилъ даже неудовольствіе императора, который «не безъ удивленія нашелъ въ донесеніи разсужденія, совсѣмъ постороннія сдѣланному препорученію».

Послѣ Отечественной войны Лопухинъ уже не служилъ и мирно доживалъ свои дни въ Орловской губерніи въ родовомъ селѣ Воскресенскомъ, женившись въ старости на женщинѣ изъ простаго званія. Скончался онъ въ томъ же Воскресенскомъ, 22 іюня 1816 года, шестидесяти лѣтъ.

Въ предѣлы этихъ долгихъ шестидесяти лѣтъ вмѣстилась сложная духовная жизнь. Изъ трехъ источниковъ узнаемъ мы о личности Лопухина и его душевномъ дѣлѣ: изъ показаній современниковъ, изъ автобіографическихъ «Записокъ» и изъ сочиненій Лопухина. Трудно согласить отзывы современниковъ. Одни изъ нихъ, какъ Ѳ. П. Лубяновскій и М. И. Невзоровъ, были многимъ лично обязаны Лопухину, «своему благодѣтелю», и это настраивало ихъ на панегирическій тонъ; Невзоровъ еще при жизни Лопухина расхваливалъ его въ «Другѣ Юношества». Въ томъ же тонѣ похвальнаго слова говоритъ А. Ѳ. Воейковъ, недобрый, фальшивый человѣкъ, самъ, конечно, чуждый тѣхъ чувствъ, о которыхъ писалъ по поводу Лопухина: «Имя его произносится съ благословеніемъ, съ признательностью, съ слезами; онъ всему на свѣтѣ предпочиталъ добродѣтель; его жизнь—безпрерывная цѣпь благодѣланій». Зато другіе не щадили злыхъ словъ, чтобы очернить Лопухина; Д. Б. Мертваго указывалъ на «склонность сенатора къ пьянству и чванству»; гр. Ѳ. В. Растопчинъ увѣрялъ вел. кн. Екатерину Павловну, что Лопухинъ «человѣкъ самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ»; что однажды у Новикова за ужиномъ «30 человѣкъ бросали жребій, кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину, и что жребій палъ на Лопухина» (!), и т. д. Но есть еще свидѣтели—безпристрастные, каковы младшіе Тургеневы и Жуковскій. Лопухинъ имѣлъ сильное вліяніе на Ив. П. Тургенева; въ кругу масонскихъ занятій и размышленій онъ былъ его руководителемъ, часто посѣщалъ онъ въ Москвѣ семью Тургенева, и сыновья послѣдняго навсегда прониклись уваженіемъ къ нему. Андрей Тургеневъ въ 1800 году записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Иванъ Владиміровичъ одѣваетъ все въ шутку, въ похвалу и, кажется, все только шутить. Но кто такъ, какъ онъ производитъ во мнѣ соревнованіе къ добру и укрѣпляетъ меня въ добромъ?» Три года спустя Андрей Ивановичъ пишетъ отцу о своихъ встрѣчахъ съ Лопухинымъ: «Я, право, чувствую себя лучше и счастливѣе,

когда бываю съ нимъ». О томъ же многократно свидѣтельствуется и другой братъ, Александръ Ивановичъ. Любовь и уваженіе молодыхъ Тургеневыхъ самъ Лопухинъ подвергъ тяжкому испытанію: въ 1808 году онъ затѣялъ съ ними несправедливую тяжбу изъ-за денежныхъ счетовъ, обнаруживъ странную склонность къ сутяжничеству; но Тургеневы превозмогли обиду и сохранили къ старѣющему Лопухину прежнее уваженіе; въ разгаръ судебного спора Александръ Тургеневъ пишетъ Жуковскому: «Отъ Ивана Владиміровича я не получалъ ни одного письма. Сдѣлай милость, пришли мнѣ его «Записки»... Я не перестаю любить и душевно почитать его». А вотъ свидѣтельство и самого Жуковскаго. Въ 1813 году, въ неудачахъ своей любви къ М. А. Протасовой, поэтъ переживалъ тяжелый душевный кризисъ; онъ тогда «часто со страхомъ замѣчалъ какое-то отдаленіе отъ религіи»; «она казалась причиной всѣхъ утратъ жизни». Тревоги любви и вѣры онъ рѣшилъ открыть именно Лопухину, и былъ очень радъ, такъ какъ нашелъ въ немъ чуткій откликъ; потомъ Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Какъ былъ счастливъ для меня тотъ день, въ который рѣшился поговорить съ Иваномъ Владиміровичемъ, дабы узнать мнѣніе истиннаго христіанина и уважаемаго всѣми мужа».

Масонскій молотокъ.
Marteau maçonnique.

Все это свидѣтельствуется о духовной значительности и силѣ Лопухина, хотя, можетъ быть, есть преувеличеніе и въ этихъ признаніяхъ, преломившихся сквозь призму чувствительности и «сердечнаго воображенія». Во всякомъ случаѣ ихъ недостаточно, чтобы четко обрисовать внутренній обликъ Лопухина. Нѣкоторыми своими чертами онъ открывается въ «Запискахъ». Но и «Записки» мало удовлетворяютъ тѣхъ, кто искалъ бы въ нихъ интимныхъ признаній и исторіи душевной жизни. Склонность къ публицистикѣ ярко сказалась въ «Запискахъ», и авторъ въ нихъ больше полемизируетъ, чѣмъ повѣствуетъ. Онъ обличаетъ графа Брюса за личныя притѣсненія, князя Прозоровскаго за гоненія на масоновъ, своихъ коллегъ по уголовному суду за жестокость, придворныхъ и сенаторовъ за низкопоклонство; всюду онъ видитъ враговъ личныхъ или общественныхъ, замышляющихъ недоброе, на каждой страницѣ готовъ уличать невѣжественныхъ или недоброжелательныхъ людей, смѣшивающихъ благонамѣренныхъ масоновъ съ мартинистами и иллюминатами. Въ увлеченіи полемикой онъ забываетъ или не хочетъ сказать о многомъ, самомъ важномъ. Странно, но это такъ: Лопухинъ совсѣмъ не говоритъ о своихъ идейныхъ и личныхъ отно-

шеніяхъ къ Шварцу, Новикову и не даетъ ихъ характеристикъ. О душевномъ кризисѣ, пережитомъ имъ самимъ въ молодости, Лопухинъ рассказываетъ скупю, въ нѣсколькихъ строкахъ, чтобы потомъ уже ни разу не возвратиться къ росту своего міросозерцанія. Ровно ничего не говоритъ Лопухинъ о своемъ родномъ братѣ, Петрѣ Владиміровичѣ,—а между тѣмъ прожилъ съ нимъ много-много лѣтъ подъ одной кровлей, и человѣкъ это былъ весьма незаурядный; братья Тур-

Масонская сѣкира. Hache maçonnique.

геневаы отзываются о немъ съ восторгомъ. Съ другой стороны, непріятно дѣйствуетъ тонъ самодовольства, даже самохвальства, въ какомъ Лопухинъ рассказываетъ о подробностяхъ, даже мелочахъ своей дѣятельности. Свое нарочитое благородство и мужество онъ усердно вырисовываетъ въ столкновеніяхъ съ Брюсомъ, въ спорахъ съ сенаторами, въ своемъ поведеніи на допросахъ у Прозоровскаго, въ эпизодахъ съ императоромъ Павломъ. Но самъ же проговаривается, или изъ рассказываемыхъ фактовъ видно, что не всегда выдерживалъ эту позицію и бывалъ уклончивъ, льстивъ и угодливъ. Объ этой особенности «Записокъ» Александръ Тургеневъ высказался: «Иванъ Владиміровичъ позволяетъ себѣ иногда быть самолюбиву. Говоря правду государю и говоря ее часто очень чистосердечно и съ долгоруковскою твердостью, И. В. часто и безъ нужды золотить пилюлю». По несомнѣнной врожденной добросердечности Лопухинъ любилъ благотворить; о милостынѣ, творимой тайно, онъ охотно писалъ въ своихъ масонскихъ разсужденіяхъ; но какъ-то такъ случилось, что въ своихъ воспоминаніяхъ о Лопухинѣ современники слишкомъ подробно рассказываютъ объ этомъ, да и самъ Иванъ Владиміровичъ не скрылъ въ «Запискахъ», что въ Москвѣ много говорили—и спорили—о его благотворительности. Значить, не всегда тайно и скромно она совершалась. Непріятно въ «Запискахъ» и то жесткое раздраженіе, съ какимъ Лопухинъ говоритъ о своихъ недругахъ, даже давно умершихъ. Нервная раздражительность была, впрочемъ, связана съ болѣзненной физической организаціей. Въ «Запискахъ» это выступаетъ съ очевидностью. Однажды, Иванъ Владиміровичъ, говѣя въ великомъ посту и торопясь къ причастію, пришелъ въ свои комнаты одѣваться. «Я спѣшу,—рассказываетъ Лопухинъ,—а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ не приготовилъ. Разсердился

я до изступленія, ругаль его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія къ отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ, это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру. Можно себѣ представить, какая это была сцена. Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащался, и причастился подлинно». Та же повышенная возбудимость, пожалуй даже истеричность, проявилась и на допросахъ у Прозоровскаго въ 1792 г.; свои письменные отвѣты Лопухинъ заключилъ обращеніемъ къ самой императрицѣ Екатеринѣ, въ которомъ было много патетическихъ словъ; при этомъ, «писавъ его, онъ подлинно плакалъ—обливался, можно сказать слезами». Были и другія странности въ характерѣ и поступкахъ Лопухина. Благотворительность была его слабостью, страстью; не всегда располагая средствами, онъ прибѣгалъ къ оригинальному приему: чтобы раздать милостыню бѣднымъ—занималъ у богатыхъ и потомъ долга не платилъ, несмотря на всѣ настоянія. Притомъ онъ былъ плохой хозяинъ и неумѣло распоряжался своими крѣпостными доходами; крахъ Типографической компаніи еще больше увеличилъ долговое бремя, и порой Лопухинъ совершенно терялъ голову и не зналъ какъ выйти изъ затрудненія; просилъ у государя купить его деревни и заимообразно пожаловать денегъ, ссорился съ кредиторами и даже начиналъ тяжбы. Выше была вскользь упомянута странная его тяжба съ семьей близкаго друга, И. П. Тургенева; здѣсь онъ былъ кругомъ неправъ, но упрямо тянулъ дѣло, доведя его до сената и до государя. Этотъ безславный споръ былъ тягостенъ не только для молодыхъ Тургеневыхъ, но и для всѣхъ, знавшихъ Лопухина, въ томъ числѣ и М. М. Сперанскаго, имѣвшаго переписку съ нимъ по религіознымъ вопросамъ. Въ одномъ изъ сохранившихся до насъ писемъ Сперанскій далъ прямодушную оцѣнку поведенія Лопухина: «Споры ваши съ Тургеневыми и вообще долговья дѣла ваши извѣстны мнѣ были прежде, нежели вы о нихъ ко мнѣ писали: по привязанности моей къ вамъ, и даже по нѣкоторой ревности къ вашему имени, я долженъ былъ имѣть о нихъ познаніе. Быть богатымъ и употреблять богатство на предметы благотворенія, конечно, хорошо, но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было впрочемъ ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло непохвальное; а въ васъ оно и совсѣмъ непонятно. Оно опечалило друзей вашихъ, обрадовало завистниковъ и невѣжей, возродило старыя нареканія и, что всего горше, соблазнило слабыхъ».

Было бы несправедливо придавать такимъ изломамъ въ настроеніяхъ и дѣйствіяхъ Лопухина большое, рѣшающее значеніе въ общей характеристикѣ его моральной личности. Они съ избыткомъ покрываются тѣми достоинствами и

нравственными силами, о которых выше приводились убедительныя свидѣтельства. Въ разгарѣ тяжбы съ Лопухинымъ получивъ его «Записки» (въ одной изъ копій, которыя самъ авторъ распространялъ въ 1809 году) и обдумывая ихъ по прочтеніи, Александръ Ивановичъ Тургеневъ писалъ Жуковскому: «Желалъ бы я, чтобы сіи Записки не были пущены въ публику при жизни его, но тогда уже, когда зависть и злоба умолкнуть, и одни дѣла останутся... Иначе они представятъ Ивана Владиміровича совсѣмъ въ ложномъ свѣтѣ. Могутъ подумать, что Иванъ Владиміровичъ, будучи такъ часто собственнымъ своимъ панегиристомъ, уже ничего не упустилъ сказать въ свою пользу—и ошибутся. Жизнь Ивана Владиміровича въ частныхъ дѣлахъ его наставительнѣе и драгоцѣннѣе для друзей его, нежели его жизнь общественная. Сенаторскія поѣздки, милиція и голоса въ Сенатѣ, конечно, памятны для патріотовъ и для тѣхъ, коихъ облегчилъ онъ участь; но друзья его ищутъ еще чего-то другого. Если бы я по однѣмъ «Запискамъ» судилъ объ Иванѣ Владиміровичѣ, какъ бы я въ немъ ошибся».

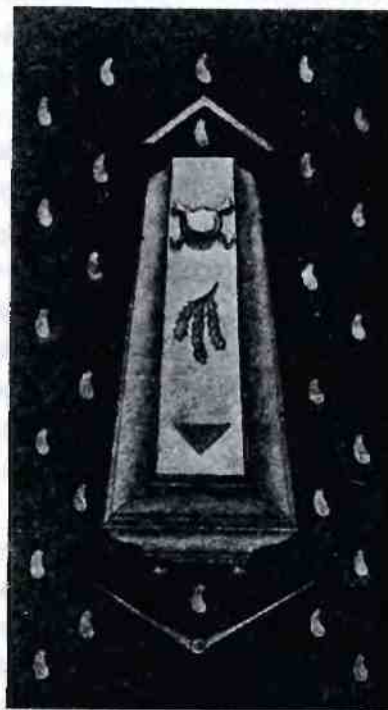
Мы никогда уже не узнаемъ Ивана Владиміровича такъ интимно, какъ его зналъ Тургеневъ, и, вѣроятно, не одна изящная черта его духовной личности погибла безвозвратно для историческаго познанія. Едва ли, однако, отъ этого пострадаетъ общее пониманіе Лопухина. Его историческое значеніе не въ богатствѣ и сложности тонкой и своеобразной индивидуальности, а въ крупныхъ типическихъ чертахъ, уполномачивающихъ его на представительство цѣлой культурной группы. А для такого пониманія даютъ весьма обильный матеріалъ какъ тѣ же «Записки», такъ еще болѣе сочиненія Лопухина.

Изъ его литературнаго наслѣдія отчетливо вырисовываются прежде всего общественные и политическіе взгляды. Лопухинъ охотно и много писалъ о верховной власти и возвращался къ этой темѣ въ разные періоды своей жизни и въ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Послѣ катастрофы 1792 года, подъ тяжкимъ испытующимъ вниманіемъ правительства и самой императрицы, онъ долго не могъ высказываться совершенно свободно; нѣчто писалось имъ тогда въ изъясненіе нарочитой благонамѣренности, и онъ впадалъ въ приторный тонъ. Такъ, въ «Изліяніи сердца, чтущаго благость единоначалія», написанномъ въ 1794 году, мы читаемъ: «Вселенная! внемли славѣ Екатерины Великія: великой образъ благости, царствованіемъ ея данной. Законодатели! чтите мудрость зеркала ея! Народы, сердца имѣющіе! Пойте хвалу и благодареніе самодержицѣ сердецъ російскихъ!» Разумѣется, это сказано *ad usum delphini*; про себя Лопухинъ думалъ объ императрицѣ Екатеринѣ не столь энтузіастически, хорошо помня по новиковскому процессу, что «въ тайныхъ ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія». Но замѣчательно, что въ «Запискахъ» своихъ, писанныхъ въ 1809 году, значить, свободныхъ отъ былого страха передъ недреманнымъ окомъ Прозоровскаго, Лопухинъ воздалъ Екатеринѣ великія хвалы, какъ

образцовой монархинѣ, «истинной благодѣтельницѣ», съ кротостью возлагавшей на подданныхъ «бремя-полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія» и умѣло поддерживавшей «недреманное бдѣніе нужной строгости полицейской», и т. д. Не менѣе опредѣлительно писалъ Лопухинъ о предѣлахъ и проявленіяхъ верховной власти и до 1792 года, напр, въ «Разсужденіи о злоупотребленіи разума» 1780 г., въ «Духовномъ Рыцарѣ» 1791 г. и другихъ сочиненіяхъ. Въ всякаго сомнѣнія, подлинныя политическіе взгляды Лопухина оставались неизмѣнными на всемъ протяженіи его долгой сознательной жизни—и они были строго монархическими. Безразлично поэтому, откуда мы будемъ брать цитаты для характеристики этихъ взглядовъ: во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Лопухинъ одинаковъ. Въ исторіи его политическихъ размышленій можно отмѣтить только одну хронологическую грань: 1789 годъ, годъ великой французской революціи. Политическое движеніе этого и послѣдующихъ годовъ произвело на Лопухина сильное впечатлѣніе. Не то, чтобы взгляды его существенно измѣнились: наоборотъ, они только укрѣпились; но теорія и практика французской революціи рѣзче опредѣлили основы «старого режима»—французскаго и русскаго, раскрыли всѣ опасности, грозящія ему, и подсказали средства защиты. Какъ увидимъ ниже, Лопухинъ давно, еще лѣтъ за десять передъ тѣмъ, заявилъ себя врагомъ французской освободительной философіи; теперь онъ обличалъ не только «буйныя мечты», но и попытки ихъ осуществленія, и полемика съ принципами французской революціи постоянно вплетается въ политическія разсужденія Лопухина. Весьма характерно, что на первой же страницѣ своего «Духовнаго Рыцаря» (1791) Лопухинъ вмѣняетъ масонамъ въ обязанность «сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности и равенства и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами». Впрочемъ, всесторонней критики принциповъ французскаго движенія мы у него не найдемъ, какъ нѣтъ въ его трактатахъ и положительной политической системы. Для этого нужны были бы и разнообразныя познанія, и логическая дисциплина ума, чего рѣшительно нѣтъ у Лопухина. Его начитанность была весьма односторонней—почти исключительно въ мистической литературѣ; рѣдко-рѣдко мелькаютъ въ его писаніяхъ имена государствовѣдовъ или философовъ. Къ длительному напряженію мысли Лопухинъ совсѣмъ не былъ способенъ; онъ мыслилъ только эпизодически, толчками, и его мысли всегда окрашивались субъективнымъ настроеніемъ. Это, однако, нисколько не уменьшало его убѣжденности и настойчивости въ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ.

Кажется, наиболѣе подробно высказался Лопухинъ о верховной власти въ «Отрывкахъ сочиненія одного стариннаго судьи» 1793 года и въ другомъ, упомянутомъ уже, сочиненіи 1794 года, носящемъ длинное заглавіе: «Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубныя плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ

изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій». Лопухинъ убѣждалъ здѣсь читателей, что «не можно на землѣ и во внѣшности устроить благоденствіе», что при всякомъ, даже наилучшемъ, правленіи неизбѣжны безпорядки, а потому частнымъ людямъ лучше совсѣмъ не мечтать о перемѣнѣ правленія. Лучшей формой послѣдняго является монархія, за которую говорятъ и «здравый разсудокъ, и свидѣтельство мудрѣйшихъ, и опытъ нашихъ вѣковъ»; она пригодна «наипаче для пространныхъ областей», какова Россія. Въ пользу «единовластія» Лопухинъ приводитъ много доводовъ: 1) на престолѣ самодержавія единое слово можетъ извлечь сладкія слезы радостнаго восхищенія изъ многихъ милліоновъ очей; 2) око управляющей мудрости быстро можетъ притекать къ источникамъ благоденствія общаго; 3) взоръ, стрегущій блаженство общее, безпристрастно можетъ взирать на все тѣло, изъ многихъ милліоновъ членовъ составленное; 4) десница правды можетъ поспѣшно искоренять всякое зло; 5) священная власть единодержавнаго государя можетъ укрощать нужную вообще строгость суда, и 6) спасительная власть можетъ миловать человѣчество. Мысль о единодержавномъ государѣ приводитъ въ умиленіе Лопухина: «коль красное, коль восхитительное добрый Монархъ являетъ зрѣлище! Изображая Существо вышнее, списуетъ онъ уставы его въ мудрому законоданію своемъ, зиждущемъ блаженство человѣчества, освященному его скипетру ввѣреннаго. Управляя бдительно вѣсы правосудія, орошаетъ ихъ священной слезою нѣжной любви къ человѣчеству». Съ такимъ же подъемомъ рисуетъ Лопухинъ, какъ поучительный контрастъ, поведеніе французовъ, пытающихся осуществить «мечты равенства и буйной свободы». «О страна несчастія! коль ужасное позорище превратовъ и бѣдствій ты являешь! Добродѣтель вмѣняется въ порокъ, и святыя законы чистоты ея почитаются вымысломъ суевѣрія, обыкомъ только и условіемъ.—Дерзость, безстыдство, лютость паче звѣрской, и жало сатанинскаго остроумія составляютъ качество сонмища мучителей, весь народъ мерзостью своею печатлѣющаго... Терзаютъ свою утробу — рѣками льютъ кровь свою, и ею упиваются... Возмущаясь доктриной политическаго равенства и свободы, Лопухинъ берется доказать, что равенство было бы невозможно, «даже если бы

Масонскій коверъ.
Tapis maçonnique.

на землѣ существовалъ золотой вѣкъ, воспѣтый стихотворцами»: «единый лучъ, единая капля больше — уже неравенство дѣлаетъ»... «Все вопіетъ намъ о естественности неравенства. Все намъ возвѣщаетъ необходимость, пользу подчиненія и власти, коихъ взаимное дѣйствіе есть душа порядка, связь міра и путь къ возможному совершенству... Вся натура живописуетъ намъ несущіе и невозможность равенства... Единъ свѣтъ во всѣхъ изливается звѣзды. Всѣ они пріемлютъ его; но всѣ въ различной мѣрѣ, въ различныхъ видахъ и степеняхъ сіянія—и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славу... Въ самыхъ горнихъ селеніяхъ духовныхъ царствуетъ божественно устроенное неравенство... И сіе преизящное неравенство, изъ бездны красотъ истекающее, составляетъ существо и стройность творенія, и въ дивномъ многообразіи возвѣщаетъ единство Всемогущаго Творца». И какъ въ природѣ явленія устроены въ строгую іерархію подчиненности, такъ должно быть и въ социальномъ мірѣ съ его іерархіей сословій. Цѣль усилій власти есть общественное благо, «въ которомъ послѣдній пастухъ, по мѣрѣ своего состоянія, долженъ пользоваться такимъ же участіемъ, какъ и первый вельможа по мѣрѣ своего». Это распредѣленіе благъ по сословнымъ степенямъ и есть единственное «возможное равенство въ благосостояніи гражданскомъ,—по пристойности чинамъ и степенямъ, нужнымъ въ экономіи государственной, а не то мечтательное равенство, котораго буйство столько бѣдствій въ Европѣ приключило».

Вотъ максимы социально-политическихъ воззрѣній Лопухина. Здѣсь нѣтъ ничего оригинальнаго; это были обычныя, рядовыя мысли того общественнаго круга, къ которому принадлежалъ нашъ публицистъ. Онѣ неизбежно подсказывались всѣмъ строемъ русской дворянской монархіи екатерининскаго времени и стремились служить укрѣпленію этого строя. Онѣ были рѣзко враждебны тому порядку мыслей, который извѣстенъ намъ изъ сочиненій Радищева. Очень возможно, что Лопухинъ совсѣмъ не читалъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» (въ письмахъ къ другу Радищева, А. М. Кутузову, въ годъ ссылки Радищева, Лопухинъ нѣсколько разъ заявлялъ, что какъ ни старался, не могъ достать этой книги); тѣмъ любопытнѣе, что въ своемъ сочиненіи «Замѣчаніе на извѣстную книгу Руссову: *Du contrat social*», Лопухинъ словно споритъ съ радищевской одой «Вольность». Не мало враждебенъ, однако, Лопухинъ и иному складу политическихъ взглядовъ—щербатовскому. Съ кн. М. М. Щербатовымъ у него, правда, были точки соприкосновенія—и въ самомъ существенномъ: въ презрѣніи къ «химерамъ равености», въ культѣ сословной исключительности. Но размахъ политической мысли Щербатова, воспитанной на обширной исторической и юридической литературѣ, былъ не по плечу Лопухину; основные государственные законы и особое учрежденіе, ихъ оберегающее, властная аристократія съ политическими правами, управленіе на началахъ законности и гласности, охрана гражданъ отъ административнаго произвола—всѣ эти тонкости щербатовской

политической программы были чужды, даже враждебны упрощенной схемѣ Лопухина. Въ русскомъ обществѣ екатерининскаго времени (а потомъ въ общественной русской исторіографіи) масоновъ, по ихъ предполагаемымъ связямъ съ иллюминатами, подозрѣвали въ политическихъ притязаніяхъ. Сочиненія Лопухина—убѣдительное свидѣтельство совершенной политической лойяльности и крайней умѣренности.

Но если Лопухинъ замѣтно отставалъ отъ Щербатова въ политическихъ максимахъ, то въ нѣкоторыхъ частностяхъ онъ несомнѣнно имѣлъ передъ нимъ преимущества. Въ суровую щербатовскую программу входили и смертная казнь, и преслѣдованія раскольниковъ, и другія репрессіи. Лопухинъ держался противоположныхъ взглядовъ. Здѣсь сказались и личный мягкій характеръ и еще болѣе весь строй масонскаго гуманизма и терпимости. Въ Уголовной палатѣ Лопухинъ имѣлъ тысячи случаевъ проявить свое мягкосердечіе и гуманность. Объ этомъ онъ много, къ сожалѣнію, не всегда съ достаточной скромностью, рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ». Почтенны его усилія на практикѣ смягчить ужасныя тѣлесныя наказанія, тогда практиковавшіяся. Но цѣнны также и его принципиальные взгляды. Его общимъ правиломъ было, чтобы «невинный не былъ осужденъ», а виновный понесъ наказаніе «сколько можно умѣренное». Вслѣдъ за «Наказомъ» Екатерины онъ разсуждалъ: «Можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, представлять правосудію Всевидящаго?» «Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія преступленій». И еще: «думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что, въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни». О смертной казни Лопухинъ говоритъ: «Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и бесполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія. Такія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ утрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь». Такія мысли въ тотъ суровый вѣкъ однѣ составляли нравственный подвигъ, а ихъ посильное

осуществленіе на дѣлѣ, конечно, большая гражданская заслуга. И слѣдуетъ въ полную мѣру оцѣнить одну коротенькую фразу въ «Запискахъ» Лопухина: «говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ». Но время и среда держали Лопухина въ своей власти. Онъ во-очію видѣлъ ужасы уголовного рабства, но говорить о нихъ спокойно; онъ дѣловито взвѣшиваетъ доводы за и противъ смертной казни; въ его рѣчахъ нѣтъ душевнаго смятенія, не чувствуется того заболѣванія совѣсти, которое было такъ знакомо Радищеву. Лопухинъ судить объ уголовныхъ наказаніяхъ, какъ мудрый хозяинъ жизни, осторожно и не торопясь исправляющій недостатки въ хозяйствѣ. «Соображая общественную пользу, читаемъ въ «Запискахъ», рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше двадцати рублей наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобы наказанные могли отдаваться въ рекруты». Въ уголовныхъ наказаніяхъ онъ видитъ нѣчто провиденціальное: для тѣхъ, которые «посвящаютъ себя гнусному идолу пороковъ», «святое правосудіе добродѣтели, къ ихъ же собственной пользѣ, алкая обращенія ихъ на спасительный путь ея, премудро устроило средства страха, наказанія, обузданія». Съ гнѣвнымъ укоромъ обращается Лопухинъ къ французамъ, разрушившимъ Бастилію: «Несчастные! буйствуя мнимую пріобрѣсти свободу, двинулись вы расторгнуть мечтательные предѣлы неволи—вы сокрушили стѣны единой изъ темницъ, по несчастію необходимыхъ при бѣдственномъ развращеніи рода человѣческаго»...

Во времена Лопухина, какъ и раньше, какъ и позже, раскольники и сектанты жестоко преслѣдовались или становились жертвою эксплуатаціи; наказанія кнутомъ, клейменіе, каторжные работы, даже смертная казнь примѣнялись судомъ въ дѣлахъ раскольниковъ. Лопухинъ «безъ сердечнаго состраданія» не могъ слышать о такихъ жестокостяхъ; въ 1796 году, когда въ московскомъ судѣ скопилось сразу три такихъ дѣла, Лопухинъ написалъ записку подъ заглавіемъ: «Вопль стариннаго судьи, котораго иные на смѣхъ называютъ филантропомъ, и который, однако, не шутя любитъ ближняго». Записку онъ представилъ императору Павлу и успѣлъ облегчить участь обвиненныхъ. Какъ общее положеніе, онъ выдвигалъ при этомъ мысль, что «болѣзнь расколовъ рождается тьмою суевѣрія и безразсудною ревностью. Просвѣщеніе одно для него лѣкарство. Казни же только ожесточаютъ раскольниковъ и всего больше питаютъ, воспаляютъ ложнымъ мученичествомъ». Ту же позицію гуманности и терпимости занялъ Лопухинъ въ 1801 году, когда узналъ о преслѣдованіяхъ харьковскихъ духовъ и горячо вступился за нихъ (о чемъ уже упоминалось выше). Въ этомъ заступничествѣ сказался масонъ, самъ терпѣвшій гоненія за свои религіозныя исканія.

Въ исторіи борьбы за вѣротерпимость имя Лопухина будетъ памятно. Но историки могутъ спросить, какъ далеко шелъ Лопухинъ въ проповѣди терпимости и допускалъ ли онъ полную свободу совѣсти и религіозной критики. Въ

1
условіяхъ тогдашней русской жизни Лопухину не пришлось столкнуться съ этимъ вопросомъ, и въ его сочиненіяхъ нѣтъ прямого отвѣта. Но весь складъ его мышленія, авторитарнаго до глубины корней, подсказываютъ намъ отвѣтъ отрицательный. Западное религиозное свободомысліе его пугало и оскорбляло, и онъ не находилъ словъ для его порицанія.

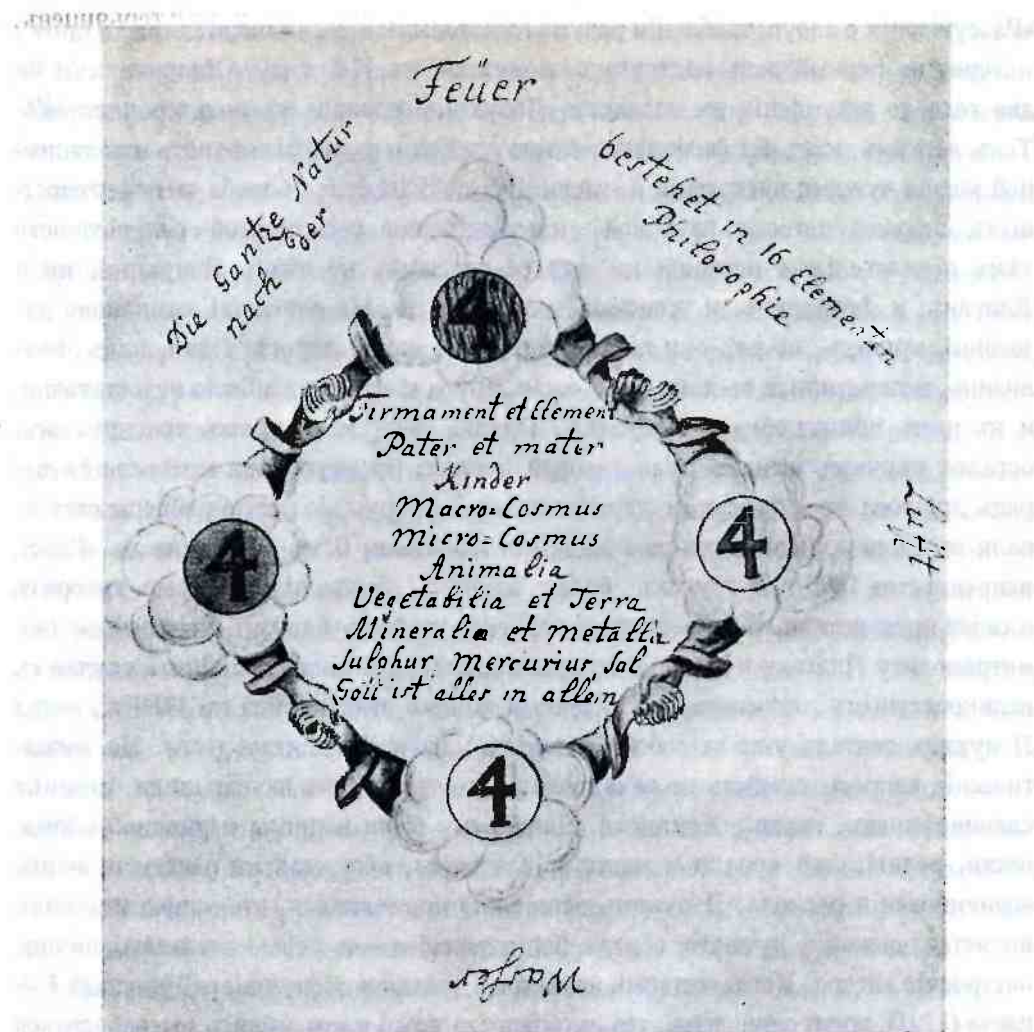
Та же непреходимая грань воздвигается въ мысляхъ Лопухина, когда отъ злоупотребленій администраціи въ дѣлахъ сектантскихъ онъ переходитъ къ злоупотребленіямъ помѣщиковъ въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Новѣйшій біографъ его готовъ утверждать, что Лопухинъ «являлся всегда защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, руководясь чувствами правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ». Однако, не прошло года со времени вмѣшательства Лопухина въ защиту духоборовъ, какъ судьба вновь захотѣла испытать его чувства правды и любви къ ближнимъ. Въ 1802 г. Лопухинъ былъ командированъ въ Крымъ, чтобы разобрать отношенія помѣщиковъ-дворянъ къ поселянамъ-татарамъ. Онъ рѣшительно всталъ на сторону помѣщиковъ, съ большимъ трудомъ, оспаривая вѣскія возраженія, добился въ Петербургѣ рѣшенія въ ихъ пользу и потомъ съ гордостью заявлялъ въ «Запискахъ»: «Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось». Своихъ товарищей въ Уголовной палатѣ и сенатѣ Лопухинъ обличалъ въ жестокости къ уголовнымъ преступникамъ; но бывало, что онъ рѣзко расходился съ ними совсѣмъ по другимъ мотивамъ. При разборѣ дѣлъ крестьянъ, «ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ», большинство сенаторовъ высказывалось въ пользу крестьянъ. А Лопухинъ принципиально считалъ несправедливымъ удовлетворять ихъ домогательствамъ, такъ какъ крестьяне, по его мнѣнію, не имѣютъ права искать вольности. Какъ ужасны бывали условія жизни крѣпостныхъ, Лопухинъ зналъ, конечно, отлично; о близкомъ своемъ родственникѣ, И. П. Лопухинѣ, «отмѣнно развратномъ», онъ рассказывалъ А. М. Кутузову: «рубилъ онъ людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною и самъ тѣмъ питался». И все-таки, подобные факты не колебали общихъ взглядовъ Лопухина. О крѣпостномъ правѣ онъ писалъ въ 1807 году: «Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самого нашествія непріятельскаго... Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдась даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ бы снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было». Еще опредѣлительнѣе онъ высказался въ 1809 году: «Народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе милиціи, какъ управленіе помѣщиковъ». Знакомыя слова и мысли! Они извѣстны намъ отъ Щербатова и

Карамзина, отъ Державина и кн. Дашковой, отъ масоновъ и вольтерьянцевъ, отъ абсолютистовъ и конституціоналистовъ, ото всѣхъ разнообразныхъ защитниковъ стараго авторитарнаго строя мысли и быта. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мысль Лопухина теряетъ свое масонское своеобразие и сливается съ общимъ сословнымъ міросозерцаніемъ; впрочемъ, отъ этого историко-соціологическое пониманіе масонства только углубляется.

Какъ теперь видимъ, Лопухинъ успѣлъ высказаться по многимъ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Систематическаго изложенія, правда, онъ не далъ, да едва ли это и нужно; за его афоризмами мы легко угадываемъ готовую, знакомую систему, которую самъ Лопухинъ воспринялъ глубоко, можно сказать—инстинктивно. Съ другой стороны, какъ ни дорожилъ онъ своими взглядами общественными,—не они составляли ядро его міровоззрѣнія. О какомъ бы вопросѣ Лопухинъ ни писалъ, онъ не уставалъ твердить, что единственнымъ полнымъ и окончательнымъ рѣшеніемъ его можетъ быть только рѣшеніе религіозное. Мы уже знаемъ, что весь соціально-политическій строй представлялся ему аналогіей божественному міропорядку; только нарушеніе «уставовъ всесотворшія Премудрости» и паденіе человѣка повело, по его ученію, къ возникновенію общества и власти. И теперь для человѣка единственный путь къ счастью—не «пагубная виѣшняя свобода и равенство», но «одна превыспренняя доблесть, духъ истиннаго христіанства». Такъ намѣчается религіозная проблема. Ей Лопухинъ посвятилъ много отдѣльныхъ страницъ и цѣлыхъ сочиненій. Однако, изложить ее нелегко,—не потому, чтобы она была у Лопухина слишкомъ сложной, своеобразной трудно понимаемой; наоборотъ: какъ и въ общественныхъ вопросахъ, Лопухинъ и здѣсь совсѣмъ не оригиналенъ, онъ хочетъ только усвоить и другимъ передать готовое міровоззрѣніе. Но въ это міровоззрѣніе входило столько элементовъ и пережитковъ сѣдой старины, что историку-біографу трудно здѣсь выдѣлить новое, современное, историческое въ узкомъ смыслѣ, принадлежащее если не самому Лопухину, то русскому розенкрейцерству или масонству вообще. Кто немного знакомъ съ богословской литературой, догматической, богослужебной и проповѣднической, тому отчетливо видно, какъ въ изложеніе Лопухина постоянно вплетаются заимствованія не только идейности, но и фразеологіи, и обрядности христіанской, въ частности—православной. Но, можетъ быть, именно въ этомъ традиціонализмѣ и кроется одна изъ существеннѣйшихъ чертъ религіозности Лопухина и всей его группы. И здѣсь Лопухинъ движется въ глубокомъ руслѣ авторитарной мысли, радостно отдаваясь ея руководительству.

Любопытенъ своеобразный параллелизмъ въ развитіи общественныхъ и религіозныхъ воззрѣній Лопухина. Тамъ созрѣванію мысли способствовала французская революція, здѣсь—ея идейный спутникъ, вольтерьянство. Былъ моментъ, когда видный теоретикъ и организаторъ русскаго масонства былъ вольтерьянцемъ. Объ этомъ Лопухинъ самъ рассказываетъ въ «Запискахъ»: «Никогда не былъ еще

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей (Акад. Наукъ). Des manuscrits des Rose-Croix.

я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай переѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу *Système de la Nature* (Гольбаха), съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ «Устава натуры» (*Code de la Nature*). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе: не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя

«Разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями» и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году». Значить, еще за два года до вступленія въ масонство Лопухинъ порвалъ съ вольтерьянствомъ. Такъ легкимъ, какъ бы фізіологическимъ, давленіемъ выбрасывались изъ душевной жизни чуждыя настроенія и мысли. Эта побѣдоносная борьба съ поверхностнымъ вольнодумствомъ глубокой, наслѣдственно воспринятой религіозности тѣмъ показательнѣе исторически, что ее пережили не одинъ Лопухинъ, но и Елагинъ, и Фонвизинъ, и, конечно, многіе другіе. Но переживъ одинаково душевный кризисъ, не всѣ они пошли потомъ по одной дорогѣ. Одни, какъ Фонвизинъ, возвратились въ лоно ортодоксіи, другимъ этого уже было недостаточно, и къ нимъ принадлежалъ Лопухинъ. Правда, онъ, какъ и весь его кружокъ, остался вѣрнымъ сыномъ православной церкви; преимущества православія передъ другими христіанскими вѣроисповѣданіями русскіе розенкрейцеры отстаивали въ своихъ сношеніяхъ съ западными масонами. Самъ Лопухинъ въ «Гласѣ искренности» 1806 г. и другихъ, болѣе раннихъ, сочиненіяхъ не разъ говоритъ о своей преданности греко-восточной церкви; онъ былъ близокъ къ московскому митрополиту Платону и другимъ іерархамъ; слѣдуетъ также вспомнить случай съ великопостнымъ говѣньемъ, рассказанный выше и относящійся къ 1789 г., когда Лопухинъ считалъ уже за собой семь лѣтъ масонской дѣятельности. Но догматическіе вопросы совсѣмъ не захватывали его такъ, какъ захватывали позднѣе славянофиловъ, напр., Хомякова. Ближе ему были вопросы церковной обрядности, религіозной морали и мистики. Однажды, обсуждая въ печати причины возникновенія раскола, Лопухинъ осторожно промолвился, что одною изъ нихъ является «исканіе лучшаго образа богослуженія»,—и здѣсь сказалось личное настроеніе автора. Когда читаешь извѣстный трактатъ Лопухина: «Духовный Рыцарь» (1791), живо ощущаешь, что авторъ и его друзья стремились высвободиться изъ-подъ дисциплины и регламентаціи господствующей церкви и создать свое церковное общеніе, независимое и съ большимъ просторомъ для религіознаго дѣйствованія. Въ одномъ письмѣ 1815 года дряхлѣющій Лопухинъ сообщаетъ о своемъ кружкѣ: «живучи въ глубокомъ уединеніи, утѣшаюсь только упражненіями своей маленькой домашней церкви, которая продолжаетъ заниматься сочиненіями и переводами» (въ масонскомъ духѣ, конечно). Сказавшаяся здѣсь любовь къ интимной церковности глубоко характерна для масоновъ; она-то и стягивала ихъ въ тайныя организаціи. Ниже мы скажемъ, въ какія формы она выливалась; здѣсь же слѣдуетъ оговориться, что были, конечно, и другіе мотивы къ обособленію. Культурное положеніе русскихъ масоновъ, близко придвинувшее ихъ къ общенію съ Западной Европой, склоняло ихъ питать свою религіозную настроенность изъ иныхъ книжныхъ источниковъ, чѣмъ то было обычно и доступно для рядовыхъ представителей господствующей церкви. «Первыя книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ,—пишетъ Лопухинъ,—были: извѣстная «О заблу-

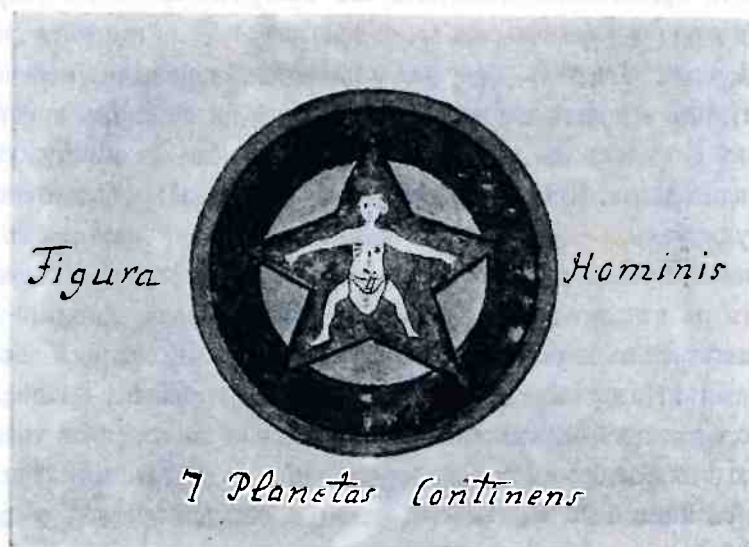
жденіяхъ и истинѣ» и Арндта «О истинномъ христіанствѣ». А за ними въ чтеніяхъ Лопухина потянулся длинный рядъ произведеній новѣйшей и старой западной мистической литературы. Однако, положительно можно сказать, что богатая мистика восточной церкви могла бы дать не меньше возбужденій для масонской религіозности; тому порукой позднѣйшее славянофильство. Съ другой стороны, въ масонство привходили увлеченія «герметическими науками», конечно, чуждыя официальной церковности. Но и здѣсь слѣдуетъ оговориться, что у русскихъ розенкрейцеровъ это увлеченіе было очень слабымъ. И нашъ Лопухинъ ему очень мало сочувствовалъ. Въ «Нѣкоторыхъ чертахъ о внутренней церкви», въ главѣ, носящей суровое заглавіе: «О церкви антихристовой», Лопухинъ говоритъ о «духовныхъ сластолюбцахъ», прилежащихъ къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему: въ число которыхъ должно полагать любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленныхъ къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продолжить грѣховную свою жизнь, къ упражненіямъ въ буквахъ Теософіи, Кабалы, Алхиміи, тайной медицины, и въ магнетизмѣ ономъ, который можетъ учиниться наилучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для дѣйствій темныхъ силъ». И если считать Лопухина типичнымъ представителемъ русскаго масонства, а онъ именно и былъ таковымъ, то слѣдуетъ признать, что масоновъ отдаляло отъ православія не догматическія разногласія, не мистика и не герметическія науки, а прежде и больше всего именно стремленіе къ созданію своей собственной «малой церкви». Черты масонской церковности отчетливо выступаютъ при чтеніи «Духовнаго Рыцаря». Эта книга—въ своемъ родѣ церковный уставъ; она написана Лопухинымъ, конечно, не безъ сильнаго вліянія другихъ подобныхъ книгъ, но съ несомнѣннымъ личнымъ дарованіемъ въ области обрядового творчества. Мощная власть традиціонныхъ формъ и образовъ сказалась прежде всего на масонскомъ ритуалѣ, какъ его излагаетъ Лопухинъ. Не вдаваясь въ подробности (такъ какъ масонской обрядности въ нашемъ изданіи посвящена особая статья), отмѣтимъ наиболѣе характерное. Масонскія облаченія, описываемыя Лопухинымъ, живо напоминаютъ церковныя ризы, напр., эта «мантія настоятельская бѣлая, златомъ или золотыми розами испещренная»; устройство капитула, съ «равно-стороннимъ столомъ», съ ковромъ передъ нимъ, «вызолоченнымъ семисвѣчникомъ»—напоминаетъ устройство алтаря; принятіе кандидата въ масоны совпадаетъ съ отдѣльными моментами священническаго рукоположенія (напр., тайная исповѣдь передъ братомъ Вводителемъ); при этомъ рѣчи настоятеля и другихъ участниковъ посвященія полны парафраза и буквальныхъ заимствованій изъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ; по обряду столоваго собранія на столѣ передъ «предсѣдающимъ» стоятъ: семисвѣчникъ, бѣлый хлѣбъ и красное вино. Любопытно, что на эти совпаденія масонскихъ обрядовъ съ православными обратила тревожное вниманіе слѣдственная власть въ 1792 году; шестой параграфъ «вопросныхъ

пунктовъ», предложенныхъ товарищамъ Новикова, гласить: «Въ соборищахъ вашихъ были епископы, епархіи, храмы, престолы, жертвенники и миропомазаніе: то объяснить вамъ, съ чьего позволенія такія священныя вещи вы ввели и употребленіе дѣлали, ибо таковыя священныя обряды инаково употреблены быть не должны какъ съ разрѣшенія правительства?» Въ своихъ отвѣтахъ кн. Трубецкой и Тургеневъ прямо признали наличность въ масонствѣ такой терминологіи и обрядовъ; Лопухинъ былъ болѣе уклончивъ, но и онъ не отрицалъ, что «престолами и жертвенниками столы предсѣданія давно называются во всемъ масонствѣ» и что «образъ миропомазанія дѣлается въ одной степени», которую самъ онъ имѣлъ. Такія совпаденія ставились слѣдственною властью въ вину русскимъ масонамъ, какъ неуваженіе къ православію; историку же, наоборотъ, здѣсь видится тѣсная связь съ традиціонною религіозностью. То обаяніе, тотъ пафосъ богослужебной символики, который русскіе масоны съ дѣтства переживали въ православныхъ храмахъ, они стремились перенести и въ свою малую церковь, и надо сказать—сумѣли достигнуть этого. Обряды «приуготовленія», «введенія», «пріема» новаго «брата»—масона, рѣчи и бесѣды, какими сопровождаются эти обряды, открытіе и закрытіе капитула и столовыя собранія, наконецъ, масонскія пѣсни, —когда вчитываешься въ ихъ описаніе въ «Духовномъ Рыцарѣ» Лопухина и у другихъ авторовъ и потомъ въ воображеніи возстаиваешь всю картину масонскихъ собраній, то живо чувствуешь, какъ увлекательна и привычна была эта символика для лицъ, воспитанныхъ въ церковной традиціи. Безъ усилія русскіе масоны могли возвращаться—и возвращались—къ православной обрядности; но ихъ влекло также къ созданію новыхъ формъ и символовъ. И здѣсь, въ объясненіе этой тяги къ обособленію, слѣдуетъ указать, кромѣ причинъ, названныхъ выше, еще одну. Насъ гипнотизируютъ эти широкія и неопредѣленныя выраженія: «русское масонство», «масонское движеніе», и за ними чудится намъ что-то большое, многолюдное, мощное. Рѣдко кто задается вопросомъ: да сколько же всего было масоновъ въ Россіи?—Приблизительный подсчетъ обнаруживаетъ, что ихъ вообще было мало, поразительно мало, не больше, чѣмъ декабристовъ. Въ частности, московскихъ масоновъ новиковскаго круга было всего около тридцати; близко же связанными постоянными отношеніями оказывается среди нихъ не болѣе десяти. Зато связи были крѣпкія—и не только идейныя или личныя, но и социальныя. Московскіе розенкрейцеры были люди одного круга—представители титулованной знати, стараго родовитаго дворянства, высокаго служебнаго положенія. Послѣ этого легко понять, что, привыкнувъ къ властвованію въ другихъ сферахъ, они не могли не тяготиться дисциплинарной властью господствующей церкви, іерархія которой часто бывала въ матеріальной или политической зависимости отъ русскаго дворянства. Такъ «малая церковь» масонская, по изслѣдованію, оказывается в ы с о к о й, т.-е. аристократической церковью.

Черты утонченной дворянской культуры, сказавшіяся въ екатерининской литературѣ «чувствительностью» и «сердечнымъ воображеніемъ», отзывались и на масонской религіозности склонностью къ вопросамъ морали и мистики. Высказавшись опредѣленно за вѣрность православной церкви, новиковскіе масоны—и ихъ литературный представитель Лопухинъ—тѣмъ самымъ освобождались отъ обсужденія догматическихъ тонкостей и мало ими интересовались. Созидая свою малую и высокую церковь, русскіе масоны дорожили больше всего «душевнымъ дѣломъ», тою сокровенною религіозностью, которая ведетъ человѣка къ непосредственному общенію съ Богомъ и возлагаетъ на вѣрующаго подвигъ нравственнаго

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей. Des manuscripts maçonniques.

совершенствованія. И если нуженъ особый терминъ для такой религіозности, то онъ предложенъ Лопухинымъ: «внутренняя церковь». Терминъ этотъ встрѣчаемъ въ заглавіи и изложеніи одного изъ самыхъ раннихъ и характерныхъ произведеній Лопухина: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели» (1789). Здѣсь, въ параграфѣ «о символахъ и обрядахъ религіи», самъ Лопухинъ опредѣляетъ соотношеніе обрядности, о которой шла рѣчь выше, и вѣры: «многіе уставы и формы религіи, наипаче греческой (т.-е. православной), которая болѣе сохранила почтенное установленіе свое, принося пользу наблюдающимъ ихъ, могутъ и должны готовить къ правильнѣйшему и дѣйствительнѣйшему устроенію духовныхъ упражненій внутренняго богослуженія». И такъ, церковно-обрядовое общеніе братьевъ-масоновъ есть только преддверіе къ личному религіозно-нравственному подвигу. Нравственное усовершенствованіе, «послѣдованіе Христу» и мистическое единеніе съ Божествомъ—вотъ элементы, слагающіе душевное дѣло масона. Здѣсь

вновь русское масонство попадает во власть обще-христианской этической доктрины с ее проповедью самоотречения, аскетизма. Лопухин хотел популяризировать масонское учение о нравственности, собрав отовсюду из масонских трактатов основные или характерные черты его в свой трактат о внутренней церкви. Перечитывая его, живо припоминаешь страницы православного катехизиса, изученного в школах. Лопухин дает читателям не только основы религиозной морали, но и казуистику нравственного поведения. В «кратком изображении качеств и должностей истинного христианина», «расположенном по вопросам и ответам», он ставит традиционные вопросы о том, как должен христианин поступать «в разсуждении своего государя», «в разсуждении властей управляющих», с врагами, и т. д., и ответы даются столь же традиционные. Подчас вопросы становятся наивными, мелочными, плоскими; Лопухин серьезно спрашивает, «может ли истинный христианин жениться», как он «должен поступать с своею женою», «какие чувства должен иметь к родителям». Блѣдно и скудно очерчен здесь круг житейских отношений, регулируемых моралью. Лопухин спокоен и ясен; он не видит всей сложности, путаницы и неправды нравственных отношений между людьми. Правда, он не отказывается поставить и тот вопрос, который заставлял Радищева метаться в пароксизм заболѣвшей совести, вопрос об отношении к крепостным. Но вот как он на этот вопрос отвечает: «Наиболѣе должно пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и учении Господнемъ; наблюдать между ими правду и уравниѣ, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небесахъ, у котораго нѣтъ лицепріятія». Вот и все. Многихъ вопросовъ общественно-морального порядка Лопухинъ вовсе не затрагиваетъ, просто не предвидитъ въ простотѣ своихъ традиціонныхъ взглядовъ. Только въ плотной и замкнутой социальной средѣ, какова была именно среда, воспитавшая Лопухина, возможна такая безмятежная доктрина вѣшняго поведения.

Однако, религиозно-нравственное учение Лопухина не исчерпывается дробными правилами житейской морали. Ему знакомы великія тревоги и трудности на «христовомъ пути къ божественной жизни» и «могущія на ономъ быть паденія и заблужденія». Его пугала своею огромностью проблема безконечнаго нравственного совершенствованія и подражанія Христу. Въ размышленіяхъ объ этомъ предметѣ Лопухинъ способенъ бывалъ высоко подниматься надъ пестрой суетой житейскаго быванія—къ вершинамъ бытія, и тогда мы читаемъ у него строки, напоминающія пафосъ «Исповѣди» Л. Н. Толстого. «Когда человѣкъ сколько-нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывшіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишитъ чело-

вѣка не можетъ. Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели. Въ школахъ и на кафедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; какъ-бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать». И далѣе излагается ученіе о возрожденіи грѣховнаго человѣка къ религіозной нравственности. «Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближ-

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей (Ак. Н.). Des manuscripts maçonniques.

няго... Сіе моральное перерожденіе, черезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая». Только цѣною великихъ усилій и страданій достигается это возрожденіе; только «черезъ внутреннюю на сердечномъ крестѣ смерть и черезъ гніеніе ветхаго человѣка можетъ совершиться въ маломъ мірѣ (микрокосмѣ-человѣкѣ) новое твореніе и просвѣтлѣніе, въ которомъ человѣкъ освободится отъ владычества плоти и тьмы». Самому Лопухину были близко знакомы эти радости духовнаго просвѣтлѣнія и муки новыхъ паденій и заблужденій; о нихъ онъ часто (хотя и сдержанно) говоритъ въ своихъ религіозныхъ трактатахъ. Они же единили его въ общихъ исканіяхъ и настроеніяхъ съ другими русскими масонами. Подъ бременемъ нравственнаго подвига масоны иногда склонялись къ отреченію отъ міра, къ уединенію, даже аскетизму. Объ этомъ нерѣдко

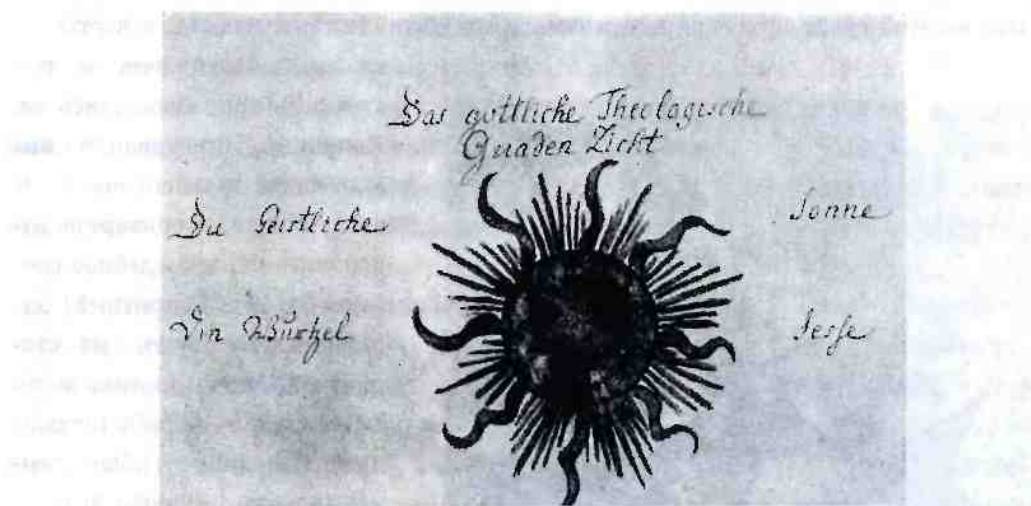

говорится въ перепискѣ А. М. Кутузова съ Лопухинымъ и другими масонами. Вотъ отрывокъ изъ одного замѣчательнаго письма А. И. Веревкина къ Кутузову отъ 31 декабря 1790 г.: «Со всѣхъ сторонъ тѣсно мнѣ, многоразличныя воли терзають меня, я мучусь въ адѣ! О, Боже, ниспошли мнѣ бѣдному помощь свою! Чистосердечно признаюсь тебѣ, дражайшій другъ, что плоть и кровь моя ужасается еще узкихъ вратъ и тѣснаго пути и доселѣ еще наносимое мнѣ отъ міра презрѣніе очень оскорбляетъ, еще причиняемая мнѣ имъ обиды съ великимъ страданіемъ ношу, еще гоненій его, предстоящихъ бѣдствій и напастей весьма страшусь, ибо не имѣю толико въ себѣ силы, чтобъ могъ отвергнуться самого себя, всей своей злой воли, проклятой самости (эгоизма)! Но при первомъ случаѣ, хотя немного важнѣе, падаю,—вспомня-жъ, по благодати Божіей, сказанное Спасителемъ: «Иже не носить креста своего и вслѣдъ Мене не грядеть, не можетъ Мой быть ученикъ», не желаю съ міромъ идти пространнымъ путемъ, вводящимъ въ погибель вѣчную, лучше пусть погибнетъ душа на узкомъ здѣсь».

Эти горячія признанія раскрываютъ передъ нами самыя интимныя глубины «духовныхъ упражненій внутренняго богослуженія» масоновъ. Въ ихъ душевномъ дѣлѣ былъ только еще одинъ актъ такой же высокой, или еще большей, напряженности и значительности—актъ мистическаго общенія съ Божествомъ. О мистическихъ настроеніяхъ нашъ Лопухинъ говоритъ спокойно и твердо, какъ явленіяхъ обычныхъ и читателямъ его хорошо знакомыхъ. Можно догадываться что онъ все-таки не пережилъ особеннаго обостренія мистицизма (какъ это случилось, напр., съ Чаадаевымъ); другимъ масонамъ (напр. Кутузову) доводилось испытывать это съ большимъ напряженіемъ. Но и ему былъ близокъ и радостенъ пафосъ молитвеннаго единенія съ Богомъ. О молитвѣ Лопухинъ говоритъ многократно, особенно въ «Отрывкахъ для чтенія вѣрующимъ», и готовъ давать читателямъ практическіе совѣты о средствахъ создавать молитвенное настроеніе («самое положеніе тѣла можетъ способствовать подвигу въ молитвѣ, содѣйствуя къ усмиренію чувствъ»). Послѣ тягостной и часто безплодной борьбы съ грѣховностью, молитва наполняла радостью и гармоніей душу мистика. Новымъ свѣтомъ она озаряла для него весь міръ и раскрывала въ его явленіяхъ все проникающее божественное начало. Съ глубокимъ чувствомъ говоритъ Лопухинъ о «святомъ навыкѣ вездѣприсутствія Божія», который слѣдуетъ всемірно воспитывать въ людяхъ и какимъ самъ онъ, конечно, владѣлъ въ большой степени. Въ молитвенномъ восторгѣ онъ слагаетъ гимны божественному міропорядку: «Непостижимы многоразличные пути Премудрости Господней: но всѣ спасительны, всѣ дивны, всѣ таинственны, всѣ пресвѣтлы! Неисчетны лучи неприступнаго Солнца правды: но каждый изъ нихъ море свѣта и истины». Мистическое единеніе съ Богомъ и міромъ давало масону высшій духовный подъемъ, всю жизнь оно возсоздавало передъ нимъ въ прекрасной гармоніи и синтезѣ и съ избыткомъ покрывало всѣ изъяны личной и соціальной жизни. Для людей иной, скажемъ—радищевской

настроенности непонятно, даже враждебно это примиренное пріятіе міра, каковъ онъ есть, со всѣми его неправдами. Для Лопухина же это было аксіомой, не требующей доказательствъ. И ему знакомы заботы и тревоги о судьбахъ своей родины, о народномъ благѣ. Въ «Замѣчаніяхъ на извѣстную книгу Руссову» (1805) онъ пишетъ: «Пламенная любовь къ народамъ должна быть первымъ свойствомъ законодателей и правительствъ. Желаніе общаго блаженства и стремленіе всѣми возможными способами устраивать оное должны естественно проистекать изъ чувства любви—истинно патріотической». «Но что прямо составляетъ блаженство народовъ? Довольство и покой. Безъ нихъ не можетъ быть счастья; при нихъ

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей (Ак. Н.). Des manuscrits maçonniques.

несчастья быть не можетъ». Какъ же разрѣшить эту проблему социальнаго покоя? Ее можно разрѣшить только въ духѣ религіозномъ, христіанскомъ. «Одинъ сей духъ есть духъ истиннаго счастья, которое потому и можетъ быть только удѣломъ общества христіанскаго». Древней восточной мудростью вѣсть отъ этихъ словъ, и только въ нѣдрахъ глубоко авторитарнаго міровоззрѣнія и быта могло родиться такое пониманіе вещей. Естественно и понятно, что такъ разсуждалъ представитель русскаго барства, всецѣло удовлетвореннаго своимъ социальнымъ положеніемъ; но, скажемъ здѣсь мимоходомъ, было бы ошибкою думать, что отказъ отъ социальной борьбы во имя религіознаго покоя былъ близокъ только аристократическому укладу мыслей и чувствъ. Не только полное социальное удовлетвореніе, но и полная социальная безнадежность влекли людей къ одному исходу: религіозному успокоенію. Когда въ концѣ XVIII вѣка образовалась секта «духоносцевъ», то на собраніяхъ ея читалось сочиненіе Лопухина «О внутренней церкви»; подъ вліяніемъ нашего масона написано сочиненіе одного изъ главарей этой секты, Котельникова: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему

влеченію духа Христова». Такъ склонились своими вершинами другъ къ другу двѣ церкви—высокая масонская и широкая простонародная.

Здѣсь пора окончить рассказъ о Лопухинѣ и его душевномъ дѣлѣ.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ не принадлежитъ къ тѣмъ мощнымъ мыслителямъ и дѣятелямъ, которые рѣзко порываютъ съ окружающей средой и далеко опережаютъ свой вѣкъ. Наоборотъ, культурно-психологическій образъ Лопухина тѣмъ и цѣненъ, что онъ типиченъ для цѣлой общественной группы. Лопухинъ родился и воспитался въ средѣ русскаго знатнаго и служилаго барства; въ этой средѣ протекла потомъ и вся его жизнь и дѣятельность, и черты со-

словныхъ взглядовъ и настроеній ярко сказались въ Лопухинѣ. Врожденная мистическая религіозность и воспринятое авторитарное міровоззрѣніе, враждебное свободной и смѣлой критикѣ, заставили его встать на сторону масонства противъ вольтерьянства въ борьбѣ тогдашнихъ направленій общественной мысли, и скоро литературное дарованіе и отзывчивый темпераментъ выдвинули Лопухина какъ теоретика и публициста русскаго масонства. Изложенные имъ политическіе, соціальные и религіозные взгляды характерны не только для масоновъ, но для большинства дворянскаго общества екатерининской эпо-

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей (Ак. Н.)
Des manuscrits maçonniques.

хи, консервативнаго въ политикѣ, крѣпостническаго и преданнаго религіозной старинѣ. Въ общественныхъ вопросахъ масонскій филантропизмъ и терпимость Лопухина сказались въ протестахъ противъ смертной казни и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и въ защитѣ духовоборь отъ преслѣдованій. Въ сужденіяхъ же о верховной власти и управленіи, о сословномъ строѣ и крѣпостномъ правѣ Лопухинъ былъ выразителемъ традиціонныхъ охранительныхъ воззрѣній. Традиціонализмъ сказанъ и въ религіозномъ ученіи Лопухина. Теоретикъ и устроитель русскаго масон-

ства весьма близокъ къ православному вѣроученію, обрядности и морали. Въ сторону отъ господствующей церкви его уклоняли отчасти западная мистическая литература (едва ли, впрочемъ, рѣзко разнившаяся отъ восточной) и еще больше розенкрейцеровское увлеченіе герметическими науками (которое, однако, тоже не было слишкомъ сильнымъ). Но, признавая догму и дисциплину православія, Лопухинъ и его друзья стремились обезпечить уютъ и независимость своей назрѣвшей интимной религіозности, чему содѣйствовало и высокое социальное положеніе немногочисленнаго и замкнутаго кружка. Такъ возникла своеобразная высокая, т.-е. господская церковь русскихъ масоновъ, и Лопухинъ сталъ виднымъ ея организаторомъ и обрядоначальникомъ. Въ братскомъ общеніи и въ личномъ душевномъ дѣлѣ члены этой малой церкви стремились разрѣшить проблемы нравственнаго возрожденія и мистическаго общенія съ Богомъ. Но и здѣсь Лопухинъ и розенкрейцеры вовлекались въ русло древней религіозности, владѣвшей сознаниемъ и сердцами многихъ поколѣній многихъ вѣковъ. Случилось даже такъ, что въ поискахъ религіознаго покоя сошлись вмѣстѣ группы, социально враждебныя другъ другу: аристократическіе масоны и простонародные духовосцы.

На разстояніи вѣка, истекающаго со дня смерти Лопухина, черты его личнаго характера теряютъ свою четкость. Несомнѣнно, въ нихъ была привлекательность, и Ключевскій не слишкомъ преувеличилъ въ своей изящной характеристикѣ Лопухина: «Съ умомъ прямымъ, немного жесткимъ и даже строптивымъ, но мягко-сердечный и человѣколюбивый, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, отвѣчавшимъ мягкому и тонкому складу его продолговатаго лица, вѣчно сосредоточенный въ работѣ надъ самимъ собой, онъ упорнымъ упражненіемъ умѣлъ лучшія и рѣдкія движенія души человѣческой переработать въ простыя привычки или ежедневныя потребности своего сердца». Моралистическія оцѣнки всегда соблазнительны для историковъ, и въ отношеніи къ Лопухину, мы знаемъ, одни впадали въ панегирическій, приторный тонъ, другіе не прочь были отъ обличеній. Но если изслѣдователь, во-время сдержавшись, откажется отъ нравственнаго суда надъ Лопухинымъ и попытается оцѣнить его въ широкихъ перспективахъ историческихъ, то замѣтитъ въ немъ не столько черты индивидуальныя, сколько видовыя и родовыя. Лопухинъ зналъ тревоги и заблужденія личной жизни, но быстро находилъ равновѣсіе; душевная устойчивость и цѣлостность его замѣчательны и объяснимы только тѣмъ, что онъ былъ въ непрерывномъ единеніи съ родственной ему средой и тѣмъ цѣлостнымъ міросозерцаніемъ, которое эта среда восприняла издавна и переработала примѣнительно къ своимъ запросамъ.

Н. Пиксановъ.

01.01.90

0.00

МАСОНСТВО

репринтное воспроизведение издания
1914 года

Том I

Редактор С. Смоляницкий

Художник Ю. Цветаев

Технический редактор Н. Тимофеева

Подписано к печати 26.12.90 г. Формат 70×100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

17,5 печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 556. Цена 25 руб.

Совместное советско-финское предприятие
«ИКПА»

103009. Москва, Калашный пер., 10.

Текстовые диапозитивы изготовлены во 2-ой
типографии издательства «Наука».

Отпечатано с диапозитивов на Тверском ордена
Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы
им. 50-летия СССР

Министерства печати и массовой информации
РСФСР.

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

